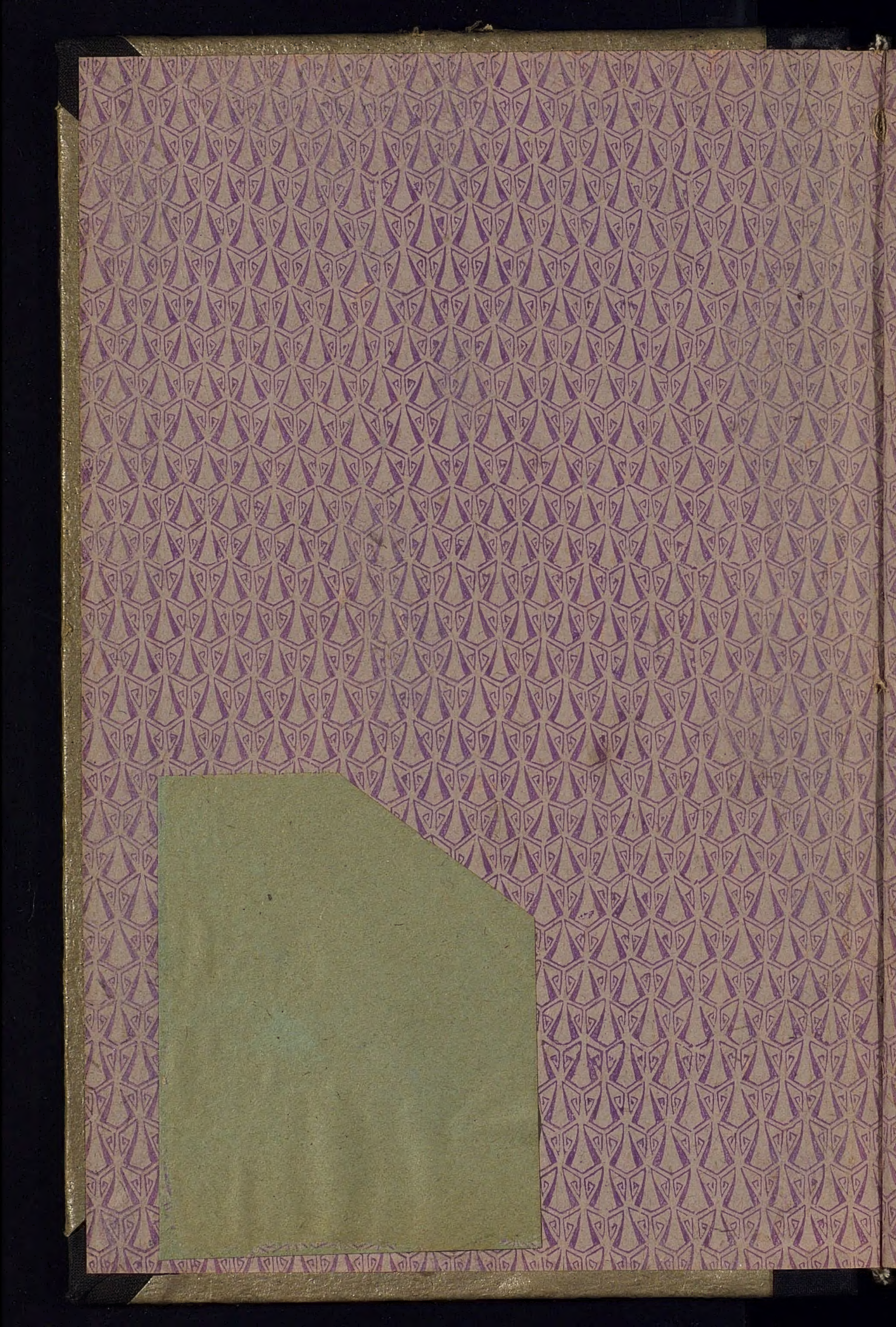
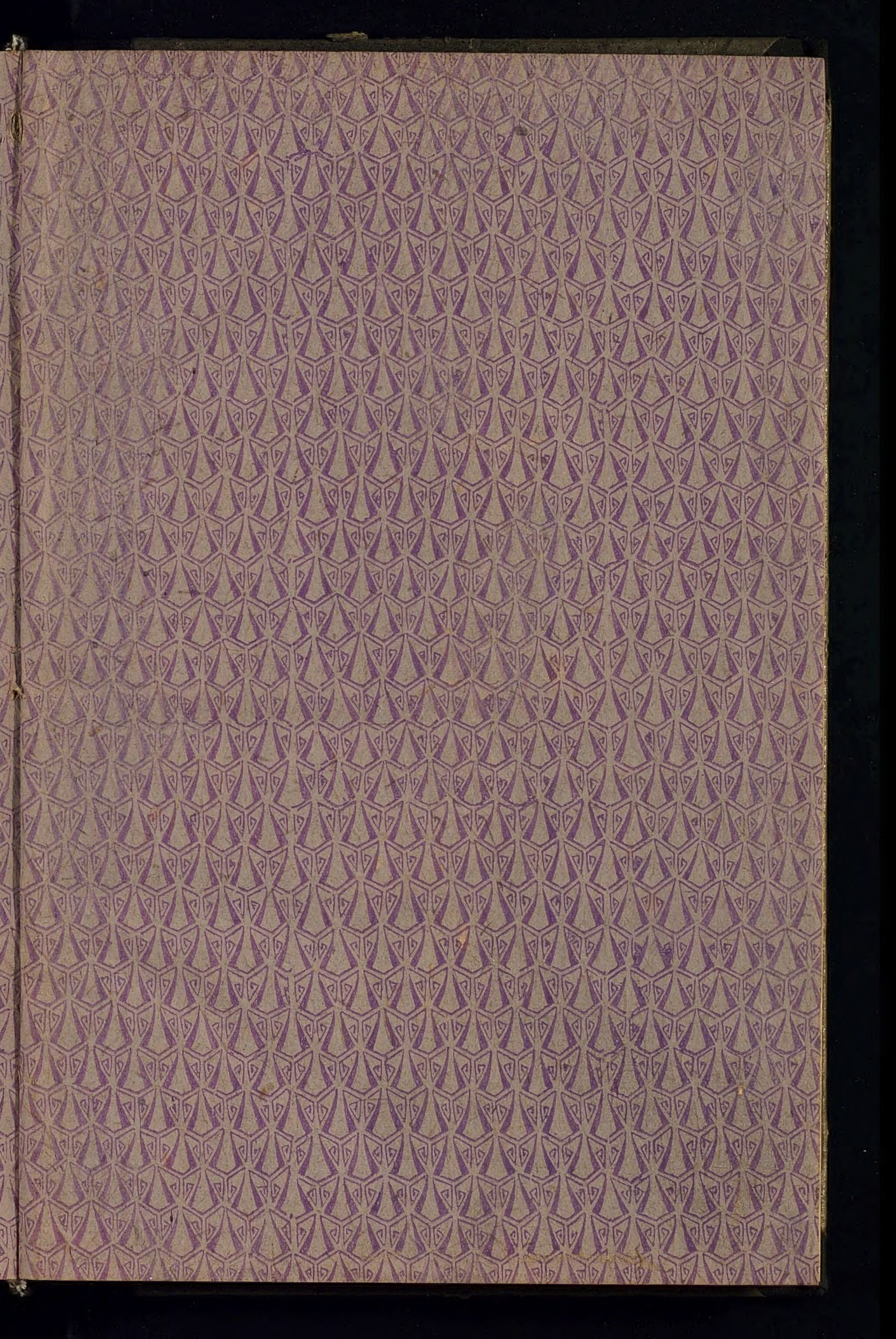
Журнал
Мин. Народ Прсв.
ч. LXIX.
1917 г.
Июнь.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LXIX.

1917.

ІЮНЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1917.

СОДЕРЖАНІЕ.

Распоряженія Временнаго Правительства.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ по народному образованію.

(См. на 3-й стр. обл.).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ LXIX.

1917.

ІЮНЬ.

ПЕТРОГРАДЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1917.

Отъ редакціи.

Въ виду недостатка рабочихъ рукъ въ типографіи, при крайней ихъ дороговизнѣ, слѣдующая книга *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* выйдетъ въ августѣ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

I. УКАЗЫ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

правительствующему сенату:

Геологъ геологическаго комитета, горный инженеръ Павелъ Ивановичъ *Преображенскій* назначается товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ геологомъ названнаго комитета.

Подписалъ: министръ-предсѣдатель *князь Львовъ.*

Скрѣпилъ: министръ народнаго просвѣщенія *А. Мануиловъ.*

7-го апрѣля 1917 г.

Назначается, съ согласія временнаго комитета государственной думы, коммиссаръ членъ государственной думы *М. М. Ичасъ* коммиссаромъ временнаго правительства по министерству народнаго просвѣщенія на правахъ товарища министра по управленію вновь переданными въ министерство учрежденіями б. императорскаго человѣколюбиваго общества, главнымъ Алексѣевскимъ комитетомъ, Александровскимъ лицеемъ и, совмѣстно съ коммиссаромъ Е. П. Ковалевскимъ, учрежденіями б. вѣдомства императрицы Маріи, съ 4-го марта 1917 года.

Подписалъ: министръ-предсѣдатель *князь Львовъ.*

Скрѣпилъ: министръ народнаго просвѣщенія *А. Мануиловъ.*

16-го апрѣля 1917 г.

Директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія *Даевъ* увольняется отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни.

Подписалъ: министръ-предсѣдатель *князь Львовъ.*

Скрѣпилъ: министръ народнаго просвѣщенія *А. Мануиловъ.*

21-го апрѣля 1917 г.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія *Пфаффіусъ-фонъ-Бернгардтъ*—увольняется отъ службы, согласно прошенію.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, причисленный къ министерству внутреннихъ дѣлъ *Тройницкій*—увольняется отъ службы, согласно прошенію.

Подписалъ: министръ-предсѣдатель *князь Львовъ.*

Скрѣпилъ: министръ народнаго просвѣщенія *А. Мануиловъ.*

22-го апрѣля 1917 г.

II. ПРИКАЗЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(7-го апрѣля 1917 г., № 10).

Назначается преподаватель Харьковскаго технологическаго института, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета, магистръ физики *Речинскій*—адъюнктъ-профессоромъ названнаго института по физикѣ, съ 1-го января сего года.

Увольняется отъ службы окружный инспекторъ Харьковскаго учебнаго округа Дмитрій *Архангельскій,* согласно прошенію, съ мундиромъ, занимаемой должности присвоеннымъ.

Умершій исключается изъ списковъ, заслуженный ординарный, внѣ штата, профессоръ Московскаго университета, докторъ медицины *Зерновъ,* съ 13-го марта сего года.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

(14-го апрѣля 1917 г., № 15).

Опредѣляется на службу изъ отставныхъ *В. П. Науменко* — помощникомъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

Подписалъ: министръ народнаго просвѣщенія *А. Мануиловъ.*

(14-го апрѣля 1917 г., № 16).

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, кандидатъ богословія *Я. П. Лѣпилинъ*—директоромъ Воронцово-Николаевской и Большедербетовской гимназіи, съ 1-го іюля 1916 г.

Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ, директоры реальныхъ училищъ: Томскаго перваго, *Федоровъ* и Н. А. Петрова въ гор. Петроградѣ, *Петровъ.*

(14-го апрѣля 1917 г., № 17).

Назначаются: директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи *Запольскій* и *И. Н. Волковъ*: первый—директоромъ Винницкаго учительскаго института и второй—почетнымъ попечителемъ Ново-Николаевской учительской семинаріи, на три года, съ 1-го января сего года.

Утверждается, согласно избранію, *П. Н. Горшковъ*—вновь почетнымъ попечителемъ Осинскаго реальнаго училища, на три года, съ 30-го апрѣля 1916 года.

Увольняется отъ службы экстраординарный профессоръ Юрьевскаго университета, магистръ политической экономіи *Сириновъ*, согласно прошенію.

(14-го апрѣля 1917 г., № 18).

Назначаются: преподаватели: Виленскаго средняго химико-техническаго училища, инженеръ-технологъ *Барщевскій* и Томскаго технологическаго института, инженеръ-механикъ *Шутковъ*—директорами: первый—того же училища, второй—Барнаульскаго средняго механико-техническаго училища; *Б. Я. Кузнецовъ*—почетнымъ попечителемъ Вѣрненской учительской семинаріи, на три года.

Утверждается, согласно избранію, *Н. Н. Тучковъ*—почетнымъ попечителемъ Угличскаго реальнаго училища, на три года, съ 30-го сентября 1916 года.

(14-го апрѣля 1917 г., № 19).

Утверждаются, согласно избранію: *П. Н. Смецкой, Н. М. Солтузъ, А. В. Ненароковъ, П. А. Мацко, А. П. Гирчичъ, А. Я. Крымъ, А. Д. Голубевъ* и *В. В. Елизаровъ*—почетными попечителями гимназій: Смецкой—Варнавинской, съ 3-го марта 1916 г., Солтузъ—вновь Сорокской, съ 1-го іюля 1916 г., Ненароковъ—вновь Покровской, съ 25-го сентября 1916 г., Мацко—Остерской (Черниговской губ.), съ 14-го октября 1916 г., Гирчичъ—Старобѣльской Александровской, съ 15-го октября 1916 г., Крымъ—вновь Ѳеодосійскаго учительскаго института, съ 18-го февраля сего года, Голубевъ—четырехклассной прогимназіи С. Г. Лѣсюка въ гор. Муромѣ, съ 28-го октября 1916 г. и Елизаровъ—вновь низшаго техническаго училища имени Базанова въ гор. Вязникахъ, съ 5-го ноября 1915 г., всѣ на три года.

(14-го апрѣля 1917 г., № 20).

Опредѣляется на службу окончившій курсъ наукъ въ Петроград-

скомъ университетѣ *Горчинскій*—съ причисленіемъ къ министерству, съ 14-го декабря 1916 г.

Назначаются дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія VI класса *Георгіевскій* и VII класса *Клечетовъ*—дѣлопроизводителями того же департамента: первый—V класса и второй—VI класса, оба съ 8-го апрѣля 1916 г.

Увольняется, согласно прошенію, дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія, приватъ-доцентъ Петроградскаго университета *Козьминыхъ*—отъ означенной должности дѣлопроизводителя, съ 8-го апрѣля 1917 г.

(14-го апрѣля 1917 г., № 21).

Опредѣляется на службу бывшій ординарный профессоръ Новороссійскаго университета *Занчевскій*, съ причисленіемъ къ министерству, съ 21-го марта 1917 г.

Назначаются: Е. В. Уманскій—старшимъ сотрудникомъ бюро печати при министерствѣ и *Н. О. Биндеманъ*—младшимъ сотрудникомъ того же бюро,—оба съ 1-го апрѣля 1917 г.

Причисляется къ министерству преподаватель женской гимназіи Павловой въ гор. Петергофѣ *Павловъ*, съ оставленіемъ въ занимаемой должности, съ 5-го апрѣля 1917 г.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

(18-го апрѣля 1917 г., № 22).

Назначается инспекторъ народныхъ училищъ Вологодской губерніи *Брагинъ*—директоромъ Никольскаго, Вологодской губерніи, реальнаго училища.

Увольняются отъ службы: помощникъ попечителя Петроградскаго учебнаго округа Гурій *Марковъ*, согласно прошенію, съ мундиромъ, занимаемой должности присвоеннымъ; директоръ Никольскаго, Вологодской губерніи, реальнаго училища *Клюевъ*.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

(19-го апрѣля 1917 г., № 24).

Утверждаются, согласно избранію: *П. А. Кафрица* и *Л. В. Половцовъ*—почетными попечителями: первый—Кагульской гимназіи, съ 30-го марта сего года, и второй—Боровичской учительской семинаріи, съ 17-го января сего года, оба на три года.

Увольняется отъ службы директоръ Старооскольскаго реальнаго училища *Курбатовъ*, по болѣзни, на основаніи ст. 573 уст. служб. прав., изд. 1896 г., съ мундиромъ, занимаемой должности присвоеннымъ.

(21-го апрѣля 1917 г., № 27).

Увольняются отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни: вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ—*Станкевичъ* и дѣлопроизводитель V кл. того же департамента—*Моисеенко.*

(22-го апрѣля 1917 г., № 28).

Назначается дѣлопроизводитель V класса департамента общихъ дѣлъ *Оленевъ*—вице-директоромъ того же департамента.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

(20-го апрѣля 1917 г., № 25).

Опредѣляются на службу: магистръ технологіи *Харичковъ* и изъ отставныхъ, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Сошественскій* съ утвержденіемъ экстраординарными профессорами: первый — варшавскаго университета, по каѳедрѣ технической химіи, съ 17-го февраля сего года, и второй — Казанскаго ветеринарнаго института, по каѳедрѣ фармакологіи съ рецептурою и общей терапіей, съ 1-го января сего года, оба согласно избранію.

Утверждаются, согласно избранію: экстраординарные профессора ветеринарныхъ институтовъ, магистры ветеринарныхъ наукъ: Харьковскаго — *Дедюлинъ* и *Петропавловскій*, Варшавскаго — *Раевскій, Баллъ* и *Автократовъ*—ординарными профессорами ветеринарныхъ институтовъ: Дедюлинъ и Петропавловскій—Харьковскаго, первый—по каѳедрѣ бактеріологіи и второй—по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи домашнихъ животныхъ и птицъ и діагностики съ терапевтическою клиникою, Раевскій, Баллъ и Автократовъ — Варшавскаго, первый — по каѳедрѣ фармакологіи съ рецептурою и общей терапіей, второй—по каѳедрѣ патологической анатоміи, судебной ветеринаріи и мясовѣдѣнія, и третій—по каѳедрѣ анатоміи домашнихъ животныхъ и птицъ, всѣ пятеро съ 1-го января сего года; сверхштатный экстраординарный профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Коневъ* — сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ того же института по каѳедрѣ бактеріологіи, съ 1-го января сего года; приватъ-доценты универси-

тетовъ, доктора медицины: Московскаго—*Вырубовъ* и св. Владиміра, ассистентъ при акушерско-гинекологической клиникѣ того же университета *Брюно*—экстраординарными профессорами университетовъ: первый—Казанскаго, по каѳедрѣ систематическаго и клиническаго ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, съ 1-го января сего года, и второй—университета св. Владиміра, по каѳедрѣ акушерства и женскихъ болѣзней съ клиникою; доценты Харьковскаго ветеринарнаго института, магистры ветеринарныхъ наукъ: *Самодѣлькинъ* и старшій ассистентъ Харьковскаго университета *Красовскій*—экстраординарными профессорами названнаго института, первый—по каѳедрѣ хирургической патологіи, глазныхъ болѣзней и акушерства съ хирургической клиникой и второй—по каѳедрѣ фармакогнозіи и фармаціи съ аптекою, съ 1-го января сего года; сверхштатный ассистентъ и приватъ-доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института, магистръ ветеринарныхъ наукъ *Лисицкій*—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ того же института, по каѳедрѣ гистологіи съ эмбріологіей, съ 1-го января сего года.

Переводятся на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: профессоръ Московскаго сельско-хозяйственнаго института, докторъ географіи *Бергъ*—съ утвержденіемъ ординарнымъ профессоромъ Петроградскаго университета, по каѳедрѣ географіи и этнографіи, съ 15-го января сего года, и прозекторъ и приватъ-доцентъ военно-медицинской академіи, докторъ медицины *Крыловъ*—съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Новороссійскаго университета, по каѳедрѣ судебной медицины, оба согласно избранію.

(20-го апрѣля 1917 г., № 26).

Опредѣляется на службу, изъ отставныхъ, магистръ римскаго права *Пергаментъ* съ утвержденіемъ исправляющимъ должность ординарнаго профессора Петроградскаго университета по каѳедрѣ гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства, согласно избранію, съ 20-го марта сего года.

Утверждаются, согласно избранію: ординарный профессоръ Петроградскаго университета по каѳедрѣ уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства, докторъ уголовнаго права *Розинъ* вновь въ занимаемой должности по названной каѳедрѣ, съ 20-го марта сего года; ординарные профессора: Петроградскаго политехническаго института Петра Великаго, докторъ политической экономіи *Туганъ-Барановскій*, Юрьевскаго университета и Александровскаго лицея, докторъ госу-

дарственнаго права *Тарановскій,* Харьковскаго университета, докторъ гражданскаго права *Гордонъ* и профессоръ Московскаго коммерческаго института, докторъ римскаго права *Покровскій* ординарными профессорами Петроградскаго университета по каѳедрамъ: первый—политической экономіи и статистики, второй—исторіи русскаго права, третій—торговаго права и торговаго судопроизводства и четвертый—римскаго права, всѣ четверо съ 20-го марта сего года, изъ нихъ Туганъ-Барановскій и Покровскій съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ и Тарановскій съ оставленіемъ ординарнымъ профессоромъ Александровскаго лицея; экстраординарные профессора Александровскаго лицея, магистръ гражданскаго права баронъ Александръ *Нольде* и Петроградскаго политехническаго института, магистръ международнаго права баронъ Борисъ *Нольде*—исправляющими должности экстраординарныхъ профессоровъ Петроградскаго университета по каѳедрамъ: первый — римскаго права, и второй — международнаго права, оба съ 20-го марта сего года и съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ.

Увольняются, согласно прошеніямъ: ординарные профессора Петроградскаго университета, доктора: финансоваго права, *Мигулинъ*, государственнаго права, *Грибовскій*, международнаго права, *Пиленко*, гражданскаго права, *Никоновъ*, полицейскаго права, *Чистяковъ*, римскаго права, фонъ-*Зелеръ*, международнаго права, *Ященко* и государственнаго права, *Жилинъ* и экстраординарный профессоръ того же университета, докторъ гражданскаго права *Трепицынъ* отъ означенныхъ должностей, всѣ девятеро съ 20-го марта сего года.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *О. Герасимовъ*.

I.

(22-го апрѣля 1917 года, № 29).

Назначается П. Н. *Эверстовъ*—почетнымъ попечителемъ Якутскаго реальнаго училища, на три года.

Утверждается, согласно избранію, А. Д. *Ляминъ*—почетнымъ попечителемъ гимназіи, содержимой обществомъ устройства средняго учебнаго заведенія въ селѣ Всѣхсвятскомъ, Московской губерніи, на три года, съ 22-го марта 1916 г.

Увольняется почетный попечитель Покровской гимназіи *Ненароковъ* отъ означенной должности, согласно прошенію.

Предоставляется уволенному отъ службы, согласно прошенію,

приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ 12-го апрѣля сего года, за № 13, главному инспектору училищъ Восточной Сибири *Василенко* носить въ отставкѣ мундиръ, означенной должности присвоенный.

II.

(22-го апрѣля 1917 года, № 30).

Увольняется членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, сверхъ штата, членъ попечительнаго комитета клиническаго института великой княгини Елены Павловны отъ министерства народнаго просвѣщенія Сергѣй *Анцыферовъ* отъ второй изъ означенныхъ должностей, согласно прошенію.

III.

(24-го апрѣля 1917 года, № 31).

Назначается директоръ гимназіи Н. А. Виноградова въ гор. Вильнѣ *Правосудовичъ* — директоромъ Виленскаго еврейскаго учительскаго института (временно въ Новомосковскѣ).

Утверждается, согласно избранію, приватъ-доцентъ Петроградскаго университета, докторъ прикладной математики *Зейлигеръ*—ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета, по каѳедрѣ чистой математики.

Умершій исключается изъ списковъ:—профессоръ, внѣ штата, Юрьевскаго университета, магистръ богословія, протоіерей *Царевскій*, съ 7-го апрѣля сего года.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

I.

(27-го апрѣля 1917 года, № 32).

Утверждаются: профессора Московскаго университета, доктора медицины: заслуженный ординарный по каѳедрѣ факультетской терапевтической клиники *Голубовъ* и ординарный, *Березовскій*—сверхштатными профессорами того же университета: первый—ординарнымъ по каѳедрѣ частной патологіи и терапіи и второй—экстраординарнымъ по каѳедрѣ хирургической патологіи съ десмургіей и съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, оба согласно прошеніямъ, съ 11-го апрѣля сего года.

Утверждаются, согласно избранію: бывшіе ординарные профессора

Московскаго университета: докторъ всеобщей исторіи *Петрушевскій*, попечитель Московскаго учебнаго округа, директоръ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, ординарный профессоръ Московскаго коммерческаго института, докторъ прикладной математики *Чаплыгинъ*, доктора: химіи, *Зелинскій*, римскаго права, В. М. *Хвостовъ*, медицины: *Минаковъ* и Ф. А. *Рейнъ*—вновь ординарными профессорами того же университета по каѳедрамъ: Петрушевскій—всеобщей исторіи, Чаплыгинъ—механики теоретической и практической, Зелинскій—химіи, Хвостовъ—гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства, Минаковъ—судебной медицины и Рейнъ—оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и съ упражненіями въ операціяхъ на трупахъ, изъ нихъ Чаплыгинъ съ оставленіемъ въ занимаемыхъ должностяхъ; бывшіе приватъ-доценты Московскаго университета, доктора: русской исторіи, *Кизеветтеръ* и государственнаго права, *Новгородцевъ*—ординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—русской исторіи и второй—энциклопедіи права и исторіи философіи права; бывшій ординарный профессоръ Московскаго университета, докторъ государственнаго права князь Е. П. *Трубецкой*—сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ того же университета по каѳедрѣ энциклопедіи права и исторіи философіи права; бывшіе экстраординарные профессора Московскаго университета: докторъ медицины *Алексинскій*, ординарный профессоръ Московскаго института инженеровъ путей сообщенія, докторъ физики *Эйхенвальдъ*—вновь экстраординарными профессорами того же университета, по каѳедрамъ: первый—хирургической патологіи съ десмургіей и съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ и второй — физики, изъ нихъ Эйхенвальдъ съ оставленіемъ въ занимаемой должности; всѣ одиннадцать съ 21-го марта сего года.

Увольняются, согласно прошеніямъ: профессоры Московскаго университета: заслуженные ординарные, доктора: физики, *Станкевичъ* и медицины *Вагнеръ*, ординарные, доктора: всеобщей исторіи, Иванъ *Ивановъ*, русской исторіи, *Богословскій*, химіи, *Плотниковъ*, международнаго права, *Бойковъ*, финансоваго права, *Гензель*, медицины: *Савельевъ* и *Головинъ*, экстраординарные, доктора медицины: *Статкевичъ*, *Рыбаковъ*, *Райскій* и *Карповъ*, сверхштатные экстраординарные, доктора медицины, *Корниловъ*, *Дзирне*, *Буйневичъ*, *Членовъ*, *Поляковъ* и *Струевъ*—отъ означенныхъ должностей; сверхштатные экстраординарные профессора Московскаго университета, доктора медицины: директоръ Московскаго института имени Морозовыхъ для изученія

способовъ лѣченія раковыхъ заболѣваній *Зыковъ*, директоръ клиники болѣзней уха, горла и носа имени Ю. И. Базановой при названномъ университетѣ Александръ *Ивановъ* и прозекторъ того же университета *Старковъ*—отъ первыхъ изъ означенныхъ должностей, исправляющіе должности профессоровъ Московскаго университета: ординарнаго, магистръ римскаго права *Митюковъ*, экстраординарныхъ: магистры: химіи *Челинцевъ*, физической географіи, *Сперанскій*—отъ исправляемыхъ должностей, всѣ двадцать пять съ 21-го марта сего года.

II.

(27-го апрѣля 1917 года, № 33).

Бывшіе ординарные профессора, внѣ штата, университетовъ: Петроградскаго, докторъ сравнительнаго языковѣдѣнія, *Бодуэнъ-де-Куртене* и Московскаго: доктора: чистой математики, *Млодзѣевскій*, зоологіи, *Мензбиръ* и ботаники, *Тимирязевъ* возстановляются въ правахъ, кои предоставляются профессорамъ, внѣ штата, университетовъ, на основаніи ст. 505 св. зак. т. XI, ч. 1 уст. учебн. зав., изд. 1893 г. съ измѣненіями, указанными въ п. 4 отд. II закона 3-го іюля 1916 г. о временномъ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ россійскихъ университетовъ.

(29-го апрѣля 1917 года, № 35).

Увольняется отъ службы ординарный профессоръ Московскаго университета, докторъ финансоваго права И. Х. *Озеровъ*, согласно прошенію, съ 24-го апрѣля сего года.

Подписалъ: За министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

III. ЦИРКУЛЯРЫ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8. (14-го апрѣля 1917 года, № 2494). *Объ отсрочкахъ призыва.*

Увѣдомляю васъ, для свѣдѣнія и исполненія, что, по соглашенію министерствъ военнаго, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сдѣлано распоряженіе о предоставленіи военно-обязаннымъ всѣхъ категорій, независимо отъ возраста, отсрочекъ призыва на военную службу для держанія государственныхъ (выпускныхъ) экзаменовъ при государственныхъ университетахъ и при другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ университетскаго типа вѣдомства министерства народнаго

просвѣщенія, а именно: Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ въ Ярославлѣ, лицеѣ въ Москвѣ, Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ въ Москвѣ, государственномъ историко-филологическомъ институтѣ въ Петроградѣ, историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ и Восточномъ институтѣ во Владивостокѣ: 1) получившимъ выпускныя (зачетныя) свидѣтельства отъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній въ теченіе осенняго семестра 1916 г.—до 1-го іюня 1917 г. и 2) получившимъ таковыя свидѣтельства въ теченіе весенняго семестра 1917 года—до 15-го октября 1917 года.

Соотвѣтствующее распоряженіе по военному вѣдомству сдѣлано.

Подписалъ: За министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *Д. Гриммъ.*

9. (14-го апрѣля 1917 года, № 2528). *Объ отсрочкахъ призыва.*

Почто-телеграммой главнаго управленія генеральнаго штаба на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 16-го марта сего года, за № 16207, военное министерство выразило согласіе на предоставленіе отсрочекъ преподавателямъ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ категорій военнообязанныхъ.

Въ виду сего, департаментъ народнаго просвѣщенія проситъ васъ во всѣхъ случаяхъ необходимости предоставленія отсрочекъ преподавателю той или иной школы входить попрежнему въ министерство съ подробно мотивированнымъ ходатайствомъ и сообщеніемъ всѣхъ свѣдѣній, указанныхъ въ циркулярѣ отъ 20-го декабря 1916 года, за № 8960, и по полученіи разрѣшительнаго увѣдомленія министерства сдѣлать распоряженіе о выдачѣ заинтересованному лицу удостовѣренія по прилагаемой при семъ формѣ, при чемъ выдача такихъ удостовѣреній возлагается по правительственнымъ и пользующимся всѣми правами правительственныхъ учебнымъ заведеніямъ на:

по высшимъ—ректора или директора,

по среднимъ—начальника учебнаго заведенія (директора),

по низшимъ — соотвѣтственнаго инспектора народныхъ училищъ или лицо, или учрежденіе, его замѣняющее,

по частнымъ полноправнымъ или безправнымъ—на попечителя округа.

Ходатайства, возбужденныя до сего времени, будутъ удовлетворяться краткимъ разрѣшеніемъ на выдачу удостовѣренія.

Подписалъ: директоръ *П. Суринъ.*

(*Форма*).

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе (такому-то: имя, отчество и фамилія) въ томъ, что онъ состоитъ преподавателемъ (такого-то учебнаго заведенія) и пользуется, согласно почто-телеграммѣ главнаго управленія генеральнаго штаба на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 16-го марта 1917 г. за № 16207, правомъ на отсрочку призыва на военную службу.

(М. П.) (подпись).

10. (15-го апрѣля 1917 года, № 2584). *Объ отсрочкахъ призыва.*

Почто-телеграммой главнаго управленія генеральнаго штаба на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 7-го сего апрѣля, за № 19951, военное министерство выразило согласіе на предоставленіе отсрочекъ призыва независимо отъ возраста: а) оставленнымъ при университетахъ для подготовки къ профессорскому званію, б) держащимъ магистерскіе или докторскіе экзамены и готовящимъ ученыя диссертаціи, в) приватъ-доцентамъ, неимѣющимъ ученой степени, читающимъ необязательный курсъ, г) лекторамъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, д) ассистентамъ, е) ординаторамъ клиникъ при медицинскихъ факультетахъ и институтахъ и ж) прозекторамъ.

Въ виду сего департаментъ народнаго просвѣщенія проситъ васъ во всѣхъ случаяхъ необходимости предоставленія отсрочки лицу той или иной изъ перечисленныхъ категорій входить попрежнему въ министерство съ подробно мотивированнымъ ходатайствомъ и сообщеніемъ всѣхъ свѣдѣній, указанныхъ въ циркулярѣ отъ 20-го декабря 1916 г., за № 8960, и по полученіи разрѣшительнаго увѣдомленія министерства, сдѣлать распоряженіе о выдачѣ заинтересованному лицу удостовѣренія по прилагаемой формѣ, при чемъ выдача такихъ удостовѣреній возлагается по правительственнымъ, или пользующимся всѣми правами правительственныхъ, высшимъ учебнымъ заведеніямъ—на ректора или директора, а по частнымъ, съ правами для учащихся и безправнымъ—на попечителя округа.

Ходатайства, возбужденныя до сего времени, будутъ удовлетворяться краткимъ разрѣшеніемъ на выдачу удостовѣренія.

Подписалъ: директоръ *П. Суринъ.*

(*Форма*).

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Дано сіе (такому-то: имя, отчество и фамилія) въ томъ, что онъ а) оставленъ при такомъ-то университетѣ для подготовки къ профессорскому званію,

или б) держитъ магистерскіе или докторскіе экзамены и готовитъ ученую диссертацію, или в) приватъ-доцентъ такого-то университета (неимѣющій ученой степени, читающій необязательный курсъ) или г) лекторъ такого-то высшаго учебнаго заведенія, или д) ассистентъ при такой-то каѳедрѣ такого-то учебнаго заведенія, или е) ординаторъ клиники, или ж) прозекторъ— такого-то учебнаго заведенія и пользуется, согласно почто-телеграммѣ главнаго управленія генеральнаго штаба на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 7-го апрѣля 1917 г., за № 19951, правомъ на отсрочку призыва на военную службу.

(М. П.) (Подпись).

11. (15-го апрѣля 1917 года). *О порядкѣ замѣщенія профессорскихъ каѳедръ.*

При дѣйствіи въ полномъ объемѣ ст. 500 т. XI, ч. I св. зак., изд. 1893 г., относящейся къ университетамъ, управляемымъ по общему уставу, и аналогичныхъ ей статей, касающихся Юрьевскаго и Варшавскаго университетовъ, при открывшейся вакансіи профессора, министръ народнаго просвѣщенія или замѣщалъ таковую по собственному усмотрѣнію или предоставлялъ университету избрать кандидата на вакантную должность и представить его на утвержденіе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ о каждой открывшейся вакансіи университетъ доносилъ министерству, испрашивая указаній на способъ ихъ замѣщенія.

Съ изданіемъ 3-го іюля 1916 г. закона о временномъ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей дѣйствующихъ уставовъ университетовъ, замѣщеніе вакантныхъ должностей предоставлено совѣтамъ университетовъ, съ соблюденіемъ порядка, разъясненнаго въ ст. 1 инструкціи для примѣненія названнаго закона.

Между тѣмъ и послѣ изданія этого закона въ министерство продолжаютъ поступать представленія университетовъ съ испрошеніемъ разрѣшенія на тотъ или иной способъ избранія кандидатовъ на открывшіяся вакансіи. Принимая во вниманіе, что такой порядокъ излишне затягиваетъ производство по замѣщенію каѳедръ и не вытекаетъ изъ смысла новаго закона, а также исходя изъ того, что ближайшая забота о полнотѣ и правильности преподаванія лежитъ на факультетахъ, я считаю нужнымъ пояснить, что распоряженія о принятіи мѣръ какъ къ временному обезпеченію преподаванія по каѳедрѣ, сдѣлавшейся вакантною, такъ и къ замѣщенію ея, должны исходить непосредственно отъ факультетовъ безъ испрошенія на при-

нятіе тѣхъ или иныхъ мѣръ предварительнаго разрѣшенія министерства, при чемъ факультетамъ предоставляется самостоятельно устанавливать тотъ или иной способъ замѣщенія вакантной должности, т. е. путемъ конкурса или рекомендаціи, съ допущеніемъ въ обоихъ случаяхъ въ число кандидатовъ на вакантныя должности лицъ, обладающихъ степенью магистра по соотвѣтствующему разряду наукъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что законъ 3-го іюля 1916 г. возлагаетъ и на министра народнаго просвѣщенія заботу о замѣщеніи вакантныхъ должностей какъ въ случаѣ двукратнаго неутвержденія выборовъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, если два раза выборы не состоялись, а осуществленіе этой заботы возможно лишь при освѣдомленности министра о ходѣ выборовъ, я прошу о всѣхъ мѣрахъ, принимаемыхъ къ обезпеченію преподаванія по вакантной каѳедрѣ, доводить до свѣдѣнія министерства, а именно: 1) о мѣрахъ, принятыхъ къ временному обезпеченію преподаванія до замѣщенія вакантной должности, 2) о способѣ избранія и срокѣ выборовъ, 3) о результатахъ выборовъ и 4) о способѣ и срокѣ новыхъ выборовъ въ случаѣ, если первые не состоялись.

Министръ народнаго просвѣщенія (подп.) *А. Мануиловъ.*

12. (21-го апрѣля 1917 года, № 578). *О георгіевскихъ стипендіяхъ.*

Препровождая при семъ для руководства „нормальное положеніе о георгіевскихъ стипендіяхъ", вмѣстѣ съ слѣдующимъ къ сему положенію (ст. 4) наказомъ, увѣдомляю васъ, что, согласно прим. 1 къ ст. 398 уст. уч. учр. и уч. зав., георгіевскія стипендіи могутъ быть учреждаемы вашею властью.

Подписалъ: за министра народнаго просвѣщенія, товарищъ министра *О. Герасимовъ.*

Нормальное положеніе о георгіевскихъ стипендіяхъ.

1. На проценты съ капитала „ " рублей, пожертвованнаго на учрежденіе стипендіи для дѣтей и сиротъ георгіевскихъ кавалеровъ разными лицами (или такимъ-то лицомъ), учреждается (ются) одна стипендія (или столько-то стипендій) при (наименованіе учебнаго заведенія). Этой стипендіи присвоивается наименованіе „Георгіевская стипендія".

2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ проц. бумагахъ, всего по номинальной стоимости „ " рублей, хранится, по указанію педагогическаго совѣта (наименованіе учебнаго заведенія), въ государственномъ банкѣ или его отдѣленіяхъ или въ государственныхъ сберегательныхъ кассахъ и, составляя не-

отъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, остается навсегда неприкосновеннымъ.

3. Педагогическому совѣту предоставляется право измѣнять видъ процентныхъ бумагъ стипендіальнаго капитала, наблюдая, чтобы эти измѣненія не влекли за собой его уменьшенія.

4. Проценты съ означеннаго капитала употребляются, по назначенію педагогическаго совѣта, на уплату за право ученія учащихся изъ числа дѣтей и сиротъ лицъ, награжденныхъ за вторую отечественную войну орденомъ св. Георгія Побѣдоносца и сопричисленныхъ къ нему Георгіевскимъ крестомъ, Георгіевскимъ оружіемъ и Георгіевскою медалью, на все время пребыванія учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ.

Преимущества въ предоставленіи стипендіи отдаются согласно прилагаемому при семъ наказу. Педагогическій совѣтъ учебнаго заведенія можетъ лишить стипендіата предоставленной ему стипендіи, въ случаѣ обнаруженнаго имъ крайняго нерадѣнія въ ученіи и неодобрительнаго поведенія, съ передачей стипендіи слѣдующему по очереди кандидату.

5. За неимѣніемъ кандидатовъ изъ числа дѣтей и сиротъ георгіевскихъ кавалеровъ, „георгіевская (ія) стипендія (іи)“ можетъ (гутъ) быть назначаема (ы) по выбору педагогическаго совѣта и прочимъ учащимся изъ числа бѣднѣйшихъ и наиболѣе успѣвающихъ въ наукахъ, но не болѣе какъ на одно учебное полугодіе.

Примѣчаніе. Если проц. со стипендіальнаго капитала превышаютъ по размѣру своему плату за ученіе, то остатокъ обращается на приращеніе стипендіальнаго капитала по опредѣленію педагогическаго совѣта, согласно ст. 2 сего положенія.

6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

Наказъ по замѣщенію георгіевскихъ стипендій.

При опредѣленіи сиротъ и дѣтей георгіевскихъ кавалеровъ на георгіевскія стипендіи надлежитъ руководствоваться семейнымъ и матеріальнымъ ихъ положеніемъ въ соотвѣтствіи съ нижепоказанными разрядами преимуществъ, дающихъ право на эти стипендіи, въ порядкѣ слѣдующей постепенности:

I разрядъ. Преимуществомъ I разряда пользуются сироты георгіевскихъ кавалеровъ, *убитыхъ* на войнѣ, при наличности *круглаго сиротства.*

II разрядъ. Преимуществомъ II разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ, *изувѣченныхъ* на войнѣ, при наличіи въ живыхъ одного родителя, отца *(полусирота).*

III разрядъ. Преимуществомъ III разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ, *убитыхъ* на войнѣ, при наличіи въ живыхъ матери (*полусирота*).

IV разрядъ. Преимуществомъ IV разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ, *изувѣченныхъ* на войнѣ, но оставшихся въ живыхъ, *при наличіи отца и матери.*

V разрядъ. Преимуществомъ V разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ *раненыхъ, контуженыхъ и пострадавшихъ* на войнѣ, при наличіи въ живыхъ одного отца (*полусирота*).

VI разрядъ. Преимуществомъ VI разряда пользуются дѣти *раненыхъ, контуженыхъ и пострадавшихъ* на войнѣ георгіевскихъ кавалеровъ *при наличіи въ живыхъ отца и матери.*

VII разрядъ. Преимуществомъ VII разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ, *не пострадавшихъ* на войнѣ, при наличіи *круглаго сиротства.*

VIII разрядъ. Преимуществомъ VIII разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ, *не пострадавшихъ* на войнѣ, при наличіи въ живыхъ одного изъ родителей *(полусирота).*

IX разрядъ. Преимуществомъ IX разряда пользуются дѣти георгіевскихъ кавалеровъ, *не пострадавшихъ* на войнѣ, *при наличіи въ живыхъ обоихъ родителей.*

Во всѣхъ поименованныхъ отдѣльныхъ случаяхъ дѣтямъ и сиротамъ георгіевскихъ кавалеровъ отдается предпочтеніе матеріально менѣе обезпеченнымъ.

Въ случаѣ одинаковаго удовлетворенія преимуществомъ разрядовъ и равенства матеріальнаго положенія, предпочтеніе отдается дѣтямъ и сиротамъ, родители коихъ имѣютъ большее количество георгіевскихъ знаковъ отличія.

IV. ОТЪ УПРАВЛЕНІЯ ПЕНСІОННОЙ КАССЫ НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

На 1-ое мая 1917 года по § 13 ст. I спеціальныхъ средствъ министерства народнаго просвѣщенія (капиталъ пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ) состояло на лицо суммъ, поступившихъ по квитанціямъ главнаго казначейства:

Наличными деньгами	120.949	р.	99	к.
Процентными бумагами	74.684.292	„	—	„
Итого	74.805.241	р.	99	к.

Опись процентныхъ бумагъ:

$3^1/_2$%	зак. лист. госуд. дворянскаго зем. банка . .		58.100	р.	—	к.
3, 8%	конверсіонныхъ облигацій		127.800	„	—	„
4%	свидѣт. государственной ренты.		438.700	„	—	„
„	конс. облиг. Россійскихъ жел. дор.		49.875	„	—	„
„	непрерывно-доходные билеты.		106.854	„	—	„
$4^1/_2$%	облиг.	Московскаго город. кред. общества .	173.600	„	—	„
„	„	Петроградскаго город. кред. общества .	4.517.300	„	—	„
„	„	стараго займа гор. Москвы	107.100	„	—	„
„	„	займа гор. Москвы вып. 1910 г. . . .	9.183.000	„	—	„
„	„	займа гор. Петрограда вып. 1891 г. .	47.500	„	—	„
„	„	кассы гор. и зем. мелк. кред.	535.000	„	—	„
„	„	общ. Юго-Вост. ж. д. вып. 1912 г. . .	1.603.000	„	—	„
„	„	Троицкой ж. д.	131.733	„	—	„
„	„	з. общ. подъѣздн. пут. въ Россіи . . .	298.687	„	50	„

„ „ займа гор. Петрограда 1913 г.	2.999.997	р.	— к.
„ „ Черноморско-Куб. ж. д.	264.033	„	— „
„ закл. лист. Бессар.-Таврическаго зем. банка	1.059.700	„	— „
„ „ „ Яросл.-Костромского зем. „	1.511.200	„	— „
„ „ „ Полтавскаго земельнаго банка	2.532.400	„	— „
„ „ „ Нижег.-Самарск. зем. б.	1.993.000	„	— „
„ „ „ Московскаго зем. бан.	644.000	„	— „
„ „ „ Петроградско-Тульск. зем. банка	700.500	„	— „
„ „ „ Кіевскаго зем. банка	975.300	„	— „
„ „ „ Донского земел. „	2.251.400	„	— „
„ „ „ Виленскаго зем. „	1.434.500	„	— „
„ „ „ Харьковскаго земельнаго банка	3.310.600	„	— „
„ „ „ земскаго банка Херсонской губ.	1.481.300	„	— „
„ свидѣт. государ. двор. зем. банка	2.542.900	„	— „
„ „ крест. поземел. банка	2.634.550	„	— „
5% „ „ „ „	677.250	„	— „
„ закл. лист. Тифлисскаго двор. зем. банка	127.600	„	— „
„ „ „ госуд. двор. зем. банка	1.180.100	„	— „
„ облиг. госуд. займа 1905 года I выпуска	199.400	„	— „
„ „ „ „ „ II „	229.200	„	— „
„ „ „ „ 1908 года III „	150.000	„	— „
„ „ Россійск. государств. займа 1906 г.	98.062	„	50 „
„ облигаціи внутренняго займа 1914 г.	6.324.100	„	— „
„ „ „ „ 1915 г.	2.074.450	„	— „
5½ „ военнаго „ 1915 г.	8.021.350	„	— „
„ „ краткосроч. воен. займа 1916 г.	2.187.150	„	— „
„ „ „ „ „ II вып. 1916 г.	9.662.000	„	— „
6% бил. государ. ком. погаш. долговъ	40.000	„	— „
Итого	74.684.292	руб.	— к.

ОТЪ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ ПРЕМІЙ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

учрежденныхъ

ПРИ МИНИСТЕРСТВѢ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

I.

Для соисканія въ 1917 году премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, *по разряду книгъ для народнаго чтенія* была назначена тема: „Сельское хозяй-

ство средней полосы Россіи“ (продолженіе конкурса 1916 г. на оставшіяся не выданными большую — въ 2.000 р. — и малую — въ 500 р.—преміи). Къ опредѣленному положеніемъ о преміяхъ сроку были представлены 2 сочиненія на правахъ рукописей. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ проф. В. В. Половцова, въ составъ которой вошли: члены ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія П. А. Земятченскій и В. Н. Любименко, проф. С. П. Кравковъ и члены ученаго комитета министерства земледѣлія Е. Ф. Лискунъ и А. Д. Педашенко.

Комиссія, обсудивъ, на основаніи рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ея разсмотрѣніе сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Другъ земли. Свѣдѣнія по сельскому хозяйству для земледѣльцевъ средней (нечерноземной) полосы Россіи“, представленное подъ девизомъ: „Земля не обижаетъ того, кто несетъ ей свой трудъ, озаренный яркимъ свѣтомъ знанія“—*признать заслуживающимъ малой (въ 500 р.) преміи императора Петра Великаго,* каковую сумму и выдать автору по представленіи сочиненія въ исправленномъ и напечатанномъ видѣ. По вскрытіи въ засѣданіи ученаго комитета запечатаннаго конверта съ тѣмъ же девизомъ, авторомъ удостоеннаго преміи сочиненія оказался *Авраамъ Симонъ Зусманъ,* агрономъ перваго разряда;

2) другое представленное на конкурсъ сочиненіе *признать не заслуживающимъ преміи;*

3) предсѣдателю и членамъ комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій В. В. Половцову, П. А. Земятченскому, В. Н. Любименко, С. П. Кравкову, Е. Ф. Лискуну и А. Д. Педашенко выдать, въ вознагражденіе трудовъ ихъ, установленныя (ст. 17 Положенія о преміяхъ Петра Великаго) на сей предметъ золотыя медали.

Таковое опредѣленіе ученаго комитета утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія.

II.

Разборъ сочиненія, удостоеннаго въ 1917 году малой преміи имени Петра Великаго.

Книга неизвѣстнаго автора подъ названіемъ „Другъ Земли“ до-

вольно полно охватываетъ всѣ отрасли сельскаго хозяйства кромѣ лѣсоводства. Предварительно изложенія отдѣльныхъ вопросовъ въ разсматриваемомъ трудѣ даются необходимыя основанія для пониманія сельскохозяйственныхъ явленій, хотя слѣдуетъ замѣтить, что эти основныя понятія относятся по преимуществу къ области растеніеводства, тогда какъ въ отношеніи жизни и развитія животныхъ организмовъ подобнаго рода свѣдѣнія даются въ весьма небольшомъ объемѣ. Стремясь къ тому, чтобы предпринятый трудъ могъ быть практически полезнымъ для земледѣльцевъ средней нечерноземной полосы Россіи, авторъ обратилъ вниманіе на главнѣйшіе вопросы, назрѣвшіе въ этомъ раіонѣ, а именно: переходъ къ травосѣянію, введеніе въ сѣвообороты корнеплодныхъ растеній и картофеля, улучшеніе естественныхъ луговъ, примѣненіе навознаго удобренія и искусственныхъ туковъ и развитіе животноводства въ направленіи усиленнаго производства молочныхъ продуктовъ. Въ отношеніи техническихъ пріемовъ, какъ напр., глубины вспашки, времени пахоты, глубины задѣлки навоза и т. п. вопросовъ, авторъ совершенно справедливо удержался отъ указаній рецептурнаго характера, ограничиваясь лишь общимъ освѣщеніемъ условій, при которыхъ нужно было бы примѣнить тотъ или иной техническій пріемъ. Такимъ образомъ, по общему характеру представленная книга отвѣчаетъ своему назначенію помочь въ разрѣшеніи наиболѣе назрѣвшихъ вопросовъ хозяйства средней нечерноземной полосы Россіи. Изложеніе ведется достаточно связно, при чемъ въ подтвержденіе выставляемыхъ положеній авторъ нерѣдко приводитъ примѣры изъ русской сельскохозяйственной дѣйствительности. Наличіе такого фактическаго матеріала мѣстами достигаетъ такой степени полноты, что затрудняетъ чтеніе книги и усвоеніе основной мысли. Связность изложенія и обиліе хорошихъ рисунковъ, однако, не мѣшаютъ книгѣ быть довольно сухой и скучноватой. Она скорѣе напоминаетъ собой учебникъ, написанный по опредѣленной программѣ, чѣмъ книгу для занимательнаго чтенія. Въ качествѣ хрестоматіи по сельскому хозяйству „Другъ Земли“ можетъ занять въ русской сельскохозяйственной литературѣ лишь второстепенное мѣсто.

Стремясь отвѣтить на всѣ сельскохозяйственные запросы, авторъ не могъ сдѣлать это съ одинаковымъ успѣхомъ во всѣхъ отрасляхъ, почему въ книгѣ наблюдается иногда невыдержанность какъ въ формахъ изложенія, такъ и въ характерѣ приводимаго фактическаго матеріала, и въ объемѣ свѣдѣній по отдѣльнымъ вопросамъ.

Точно также трудно было автору избѣжать цѣлаго ряда тѣхъ или иныхъ погрѣшностей. Такъ напр. на стр. 1-й, гдѣ говорится о составѣ воздуха, пропущены водяные пары, хотя о нихъ ниже ведется рѣчь. На стр. 2-й авторъ увѣряетъ, что азотъ вреденъ для дыханія. На стр. 3-й не слѣдовало бы говорить, что при соединеніи углекислаго газа съ известью образуется мѣлъ. На четвертой страницѣ, говоря объ образованіи углекислаго газа, авторъ пишетъ: „тоже бываетъ", т. е. образуется углекислый газъ, „и при гніеніи животныхъ веществъ, шерсти, перьевъ". Лучше бы сказать веществъ животнаго происхожденія, кромѣ того, непонятно, почему авторъ думаетъ, что углекислый газъ образуется только при гніеніи шерсти и перьевъ. Лучше бы въ качествѣ примѣра указать на какія нибудь другія вещества. На стр. 4 и 5 имѣются отожествленія углерода съ углемъ. Не совсѣмъ правильно сообщено количество перегноя въ почвахъ подзолистаго типа. На стр. 10 авторъ говоритъ, что въ названныхъ почвахъ количество перегноя не болѣе 1—2 золотниковъ въ 10 фунт. почвы, что составляетъ всего около 0,2%, на самомъ же дѣлѣ почвы подзолистаго типа содержатъ большею частью отъ одного до трехъ и даже болѣе процентовъ. На стр. 11 слѣдуетъ отмѣтить неудачное выраженіе, что „почва безъ бактерій, безъ этихъ ничтожныхъ живыхъ существъ, какъ вы скоро узнаете,— мертвое тѣло, въ которомъ нѣтъ жизненныхъ соковъ для корней растеній". Описаніе почвъ и ихъ свойствъ нуждается въ бо̀льшихъ подробностяхъ. На стр. 13 авторъ, объясняя строеніе листа, смѣшиваетъ пигментъ, хлорофилъ и пластиды или хлорофильныя зерна. На той же страницѣ, говоря о химической связи углерода и кислорода, авторъ даетъ основаніе думать, что химическая связь всегда отличается особенной крѣпостью. На стр. 14 утверждается, что изъ углерода въ крупинкахъ листозелени образуется жиръ, чѣмъ игнорируются другіе элементы, входящіе въ составъ жира. Точно также неудачно выраженіе „теплый солнечный свѣтъ", который самъ по себѣ не бываетъ ни теплымъ ни холоднымъ. На той же 14 страницѣ имѣется рискованное обобщеніе, что изъ-за недостатка зеленыхъ крупинокъ травы, выросшія въ тѣни, доставляютъ мало питательное сѣно. На стр. 18 читаемъ: „селитра лучшая азотистая почва для корней растеній". На стр. 19 имѣется такое выраженіе: „гдѣ водятся посѣвы клевера, тамъ найдено дешевое средство для снабженія почвы азотомъ". Неудачны также выраженія: „наши растенія часто голодаютъ азотомъ и фосфоромъ" или же: „Ваша почва голодаетъ не

только азотомъ, но еще какимъ либо веществомъ, фосфоромъ или каліемъ"...

Въ главѣ „кормъ и его составъ" на стр. 95 читаемъ: „бѣлки, крахмалъ, сахаръ и отчасти жиръ вотъ тѣ главныя вещества, которыя нашъ скотъ получаетъ въ своемъ кормѣ". Далѣе указывается, что въ жмыхахъ особенно много бѣлковъ. Слѣдовало бы указать на жиръ въ жмыхахъ и не говорить о жирѣ, что онъ „отчасти" составляетъ питательное вещество. На той же страницѣ говорится о древесинѣ, которая отожествляется съ клѣтчаткой. Здѣсь же берется примѣръ коровы, вѣсящей 80 пудовъ; такое исключительно большое животное для крестьянина едва ли будетъ удачнымъ примѣромъ. На стр. 98 читаемъ о приготовленіи самопрѣлаго корма, но совершенно не говорится о томъ, что къ приготовленію самопрѣлаго корма прибѣгаютъ вовсе не всегда, а лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Точно также мало выяснены на стр. 101 условія, при которыхъ слѣдуетъ прибѣгать къ силосованію кормовъ. Въ дозировкѣ кормовъ авторъ пользуется устарѣлыми данными, указывая напр., что кормовой свеклы даютъ 25—30 ф. въ день на голову, а брюквы 15—20 ф., о турнепсѣ же сказано, что онъ сходенъ съ брюквой, слѣдовательно, и его тоже можно давать 15—20 ф. Въ главѣ, „каждому животному свой кормъ", стр. 105, не вполнѣ вѣрно изложены общія физіологическія основанія. Кромѣ того имѣются и неудачныя выраженія, напр., „кормъ измельчается зубами, а затѣмъ смѣшивается различными соками", а далѣе „всѣ эти питательные соки химически измѣняютъ, (а вы должны помнить, что значитъ химически измѣняютъ) кормъ, и, въ концѣ концовъ, добываютъ изъ него питательный сокъ для коровы". Питательная сила кормовъ (стр. 107 и 108) измѣряется авторомъ датскими кормовыми единицами. Авторъ въ своей книгѣ приводитъ достаточно матеріала чтобы обосновать кормленіе болѣе основательно. Въ самихъ датскихъ единицахъ имѣются ошибки и нигдѣ не говорится ничего о бѣлковомъ отношеніи, безъ выясненія котораго датскіе кормы не могутъ, принести никакой пользы. Въ главѣ о кормленіи молочной коровы приводятся выписки изъ повременныхъ изданій, въ которыхъ говорится объ опытахъ. Это далеко не матеріалъ для занимательнаго чтенія, тутъ нужно разбираться въ массѣ цифровыхъ выкладокъ и критически разбираться въ нихъ. Слѣдовало бы, кромѣ того, самому автору нѣсколько разобраться въ этихъ опытахъ, такъ какъ они не всегда убѣдительны. Нѣсколько болѣе живо и интересно изложена

глава о молочныхъ товариществахъ, она принесетъ весьма значительную пользу читателямъ.

Указанныя погрѣшности свободно могутъ быть исправлены тщательнымъ редактированіемъ книги, почему они не обезцѣниваютъ въ общемъ солиднаго, хотя и тяжеловѣснаго труда автора.

III.

Тема для сочиненій на премін Императора Петра Великаго.

По разряду книгъ для народнаго чтенія: на премін 1918 года: „Исторія западно-славянскихъ народовъ съ этнографическимъ очеркомъ славянства"; условія, коимъ должно удовлетворять конкурсное сочиненіе, объявлены въ іюньской книгѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1915 годъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября, и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора (или авторовъ), подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожительство.

О конкурсѣ на соисканіе въ 1917 году премій изъ суммъ ученаго комитета.

(Означенныя преміи, согласно съ утвержденнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 9 апрѣля 1915 г. опредѣленіемъ ученаго комитета, по размѣру и всѣмъ прочимъ условіямъ соотвѣтствуютъ преміямъ Императора Петра Великаго).

I.

Для соисканія въ 1917 году премій изъ суммъ ученаго комитета была назначена слѣдующая тема:

„Учебникъ по методикѣ естествовѣдѣнія для VIII (педагогическаго) класса женскихъ гимназій, для учительскихъ институтовъ и семинарій".

Къ опредѣленному ученымъ комитетомъ сроку (1-го ноября 1916 г). были представлены 3 рукописныхъ сочиненія. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при ученомъ комитетѣ была образована

ссобая комиссія, подъ предсѣдательствомъ члена комитета В. М. Шимкевича, въ составъ коей вошли члены комитета П. А. Земятченскій и В. Н. Любименко, приглашенный къ участію въ трудахъ ученаго комитета В. В. Половцовъ, проф. Петроградскаго женскаго педагогическаго института Ѳ. Е. Туръ и преподаватель одногодичныхъ педагогическихъ курсовъ при управленіи Петроградскаго учебнаго округа Б. Е. Райковъ.

Комиссія обсудивъ, на основаніи рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ на ся разсмотрѣніе сочиненій, представила свое заключеніе о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этого заключенія, такъ и отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлилъ:

1) сочиненіе *И. И. Полянскаго*, представленное первоначально въ рукописномъ, а впослѣдствіи и въ отпечатанномъ видѣ, подъ заглавіемъ: „Методика начальнаго естествовѣдѣнія“ (изд. А. С. Панафидиной. М. 1917. Стр. 11+200. Ц. 1 р. 50 к.) *признать заслуживающимъ большой преміи (2.000 р.)* изъ суммъ ученаго комитета, каковую премію и выдать автору сего сочиненія, *Ивану Ивановичу Полянскому*;

2) рукописное сочиненіе *В. Ю. Ульянинскаго*: „Учебникъ методики элементарнаго естествовѣдѣнія“ *признать заслуживающимъ малой преміи (500 р.)* изъ суммъ ученаго комитета, каковую выдать автору, *Владиміру Юрьевичу Ульянинскому*, по представленіи названнаго сочиненія въ исправленномъ и напечатанномъ видѣ;

3) третье представленное на конкурсъ сочиненіе признать не заслуживающимъ преміи;

4) предсѣдателю и членамъ комиссіи по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій—В. М. Шимкевичу. П. А. Замятченскому, В. Н. Любименко, В. В. Половцову, Ѳ. Е. Туру и Б. Е. Райкову—выдать вознагражденіе за ихъ трудъ въ размѣрѣ стоимости медалей, установленныхъ положеніемъ о преміяхъ Императора Петра Великаго, т. е. по 80 р. каждому.

II.

Разборъ сочиненій, удостоенныхъ въ 1917 году премій изъ суммъ ученаго комитета.

I. *Полянскій, И. И.* Методика начальнаго естествовѣдѣнія. Изд. А. С. Панафидиной. М. 1917. Стр. 11+200. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненіе г. Полянскаго начинается введеніемъ, гдѣ авторъ вы-

ясняетъ различіе между научными дисциплинами и учебными предметами, и доказываетъ необходимость существованія методики, понимая подъ нею совокупность свѣдѣній о методахъ построенія и преподаванія курса естественныхъ наукъ. Затѣмъ слѣдуетъ обширный историко-критическій очеркъ основныхъ моментовъ методики начальнаго естествовѣдѣнія. Здѣсь дается общая схема развитія педагогическихъ идей—отъ временъ классической древности до нашего времени. Болѣе подробно авторъ останавливается на Амосѣ Коменскомъ, Руссо, Песталлоци, Любенѣ, Россмеслерѣ и Юнге. Параллельно указывается значеніе и тѣхъ ученыхъ-натуралистовъ, труды которыхъ такъ или иначе вліяли на школьное естествознаніе (Линней, Дарвинъ). Очеркъ заканчивается краткой исторіей школьнаго естествознанія въ Россіи.

Глава эта вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли, хотя слишкомъ разрослась по объему и въ отдѣлѣ западно-европейской педагогики могла бы безъ ущерба быть сокращена. Напротивъ того, исторія естествознанія въ русской школѣ изложена слишкомъ кратко, что впрочемъ легко объясняется слабой разработанностью этого вопроса въ нашей методической литературѣ.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію значенія естествознанія, какъ общеобразовательнаго предмета. Онъ различаетъ матеріальную и формальную цѣнности естествознанія, какъ учебнаго предмета, указывая, съ одной стороны, на значеніе естествознанія для жизни человѣка и общества, а съ другой стороны—на важную роль его для развитія познавательныхъ силъ и способностей человѣка и воспитанія его этическихъ и эстетическихъ чувствованій. Матеріалъ изложенъ весьма удачно: кратко, отчетливо и ясно; умѣло использована существующая литература русская и иностранная.

Дальнѣйшій матеріалъ книги сгруппированъ въ два отдѣльныхъ очерка, соотвѣтствующихъ двумъ ступенямъ изученія природы въ школѣ. Справедливо различается первоначальная ступень естествовѣдѣнія, примѣнительно къ курсу начальной школы, и элементарный систематическій курсъ естествовѣдѣнія, который является второй ступенью и падаетъ на младшіе и средніе классы средней школы и высшихъ начальныхъ училищъ.

Въ очеркѣ, посвященномъ начальной школѣ, авторъ, слѣдуя взглядамъ американскихъ педагоговъ, требуетъ по преимуществу эпизодическаго предметнаго изученія тѣхъ предметовъ и явленій окружающаго міра, съ которыми тѣснѣе соприкасается ребенокъ, не

преслѣдуя обязательной логической связности и послѣдовательности въ изложеніи матеріала; эта послѣдовательность является, по мнѣнію г. Полянскаго, обязательной лишь на второй ступени обученія, въ курсѣ систематическомъ.

Изученію дѣтей, по совершенно справедливому взгляду автора, на первыхъ порахъ болѣе доступны предметы, чѣмъ явленія. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ предметовъ и ихъ частей, сравненіе нѣсколькихъ предметовъ и постепенный переходъ къ знакомству съ явленіями и выясненію ихъ причинной связи—такова послѣдовательность, намѣчаемая авторомъ. Въ области начальнаго обученія г. Полянскій является, до извѣстной степени, сторонникомъ знаменитыхъ положеній Любена, поскольку они сохранили свою свѣжесть до настоящаго времени. При изученіи животныхъ и растеній въ начальной школѣ, по мысли автора, важно ознакомить дѣтей съ домашними животными и культурными растеніями. Распредѣленіе, въ которомъ предлагается знакомство съ живою природой (огородъ, садъ, выгонъ, поле, лѣсъ, лугъ и т. д.), до нѣкоторой степени напоминаетъ планировку матеріала по общежитіямъ, но авторъ оговаривается, что это сходство лишь внѣшнее, т. к. сущность всѣхъ тѣхъ отношеній, которыми опредѣляется общежитіе, не доступна изученію въ начальной школѣ. Въ области изученія физіологическихъ процессовъ и біологическихъ отношеній въ начальной школѣ, потребна, по мнѣнію г. Полянскаго, большая осторожность, чтобы не перегрузить пониманія дѣтей.

Авторъ заканчиваетъ очеркъ естествовѣдѣнія въ начальной школѣ указаніемъ на необходимость сближать пріобрѣтаемыя свѣдѣнія съ жизнью, не впадая, однако, въ излишнія увлеченія въ духѣ утилитаризма и профессіонализма, и даетъ подробный обзоръ того фактическаго матеріала, который могъ бы быть разсмотрѣнъ въ данныхъ условіяхъ обученія. Матеріалъ, въ общихъ чертахъ, намѣченъ вполнѣ подходящій. Нѣкоторыя возраженія возникаютъ развѣ по поводу свѣдѣній о солнцѣ и небесныхъ тѣлахъ. Здѣсь затрагиваются вопросы трудные для пониманія учащихся даннаго возраста. Едва ли кто либо изъ учениковъ начальной школы отвѣтитъ, напр., на задаваемый авторомъ вопросъ (стр. 81): „Отчего далекіе предметы кажутся такими маленькими?“

Слѣдующій очеркъ посвященъ второй ступени обученія—систематическому курсу естествовѣдѣнія. Здѣсь авторъ прежде всего останавливается на принципахъ распредѣленія матеріала. Разсматрива-

ются принципы планировки курса по общежитіямъ природы, по сезоннымъ явленіямъ и выясняется ихъ односторонность и неудовлетворительность. Довольно много мѣста удѣлено „динамологическому принципу" Ремуса, на которомъ едва ли стоило останавливаться столь подробно, такъ какъ онъ для русской школы никакого значенія не имѣлъ. Въ результатѣ критической оцѣнки различныхъ планировокъ г. Полянскій приходитъ къ общепринятому распредѣленію: неживая природа—ботаника—зоологія, и дальнѣйшій матеріалъ своего изложенія опредѣляетъ, именно, этимъ порядкомъ. Разсматривается сперва доступный школьному изученію матеріалъ „неживой природы", какъ нѣкотораго конгломерата изъ ряда отдѣльныхъ наукъ (физики, химіи, минералогіи, геологіи, метеорологіи и проч.), а затѣмъ и „живая природа" (ботаника и зоологія).

Руководящая, обобщающая идея, которую г. Полянскій кладетъ въ основу свѣдѣній о неживой природѣ, это — идея *состава* изучаемыхъ тѣлъ. По справедливому убѣжденію автора, понятія о соединеніи тѣлъ между собою, о простыхъ и сложныхъ тѣлахъ и т. под. могутъ быть въ элементарной формѣ усвоены въ младшихъ классахъ средней школы, если къ нимъ подойти методически правильно. Авторъ думаетъ даже, что возможно выяснить и нѣкоторыя другія понятія: о химическомъ сродствѣ, о такихъ типахъ химическихъ соединеній, какъ разложеніе и замѣщеніе, и т. под. Полученный кругъ химическихъ свѣдѣній авторъ считаетъ полезнымъ примѣнить въ минералогической части курса, разсматривая минералы, какъ вещества, въ большинствѣ случаевъ, сложныя, состоящія обыкновенно изъ металловъ съ неметаллами. Важно, указываетъ авторъ, чтобы учащіеся видѣли въ минералахъ вещество извѣстнаго состава, а не нѣчто красненькое, бѣленькое, желтенькое и т. д., имѣющее лишь внѣшніе болѣе или менѣе случайные признаки.

Не отрицая правильности основной мысли г. Полянскаго, что нѣкоторыя элементарныя свѣдѣнія о составѣ тѣлъ могутъ быть даны даже въ младшихъ классахъ, слѣдуетъ, однако, предостеречь преподавателей отъ излишняго увлеченія химической стороной курса неживой природы. На данной ступени обученія вопросы этого рода представляютъ большія трудности. Едва ли удачна, напримѣръ, попытка автора объяснить дѣтямъ (стр. 100), почему при химическомъ соединеніи вещества теряютъ свои свойства.

Другая идея обобщающаго значенія, которую г. Полянскій считаетъ очень важной для курса неживой природы—представленіе о

геологической жизни земли, какъ цѣлаго. Курсъ этотъ долженъ, по мысли автора, заканчиваться геологической главой, вытекающей изъ разсмотрѣннаго ранѣе въ курсѣ матеріала. Авторъ предвидитъ упрекъ въ недостаточной конкретности предлагаемаго имъ матеріала, который нельзя во всѣхъ случаяхъ сдѣлать доступнымъ непосредственному опыту и наблюденію дѣтей. Нельзя вдаваться въ этомъ отношеніи въ крайность, говоритъ онъ: „если бы мысль человѣка вращалась исключительно въ сферѣ доступнаго его личному наблюденію, получилась бы крайняя узость, односторонность міровоззрѣнія и развитія. Въ виду этого уже и на первоначальной ступени природовѣдѣнія приходится до нѣкоторой степени переступать предѣлы доступнаго наблюденію, а тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно курса систематическаго“ (стр. 108).

Отдѣлъ о живой природѣ даетъ автору случай подробно остановиться на т. наз. біологическомъ методѣ изученія природы. Соображенія автора о способахъ проведенія этого метода на практикѣ преподаванія—весьма цѣнны. Нельзя не указать, однако, что примѣненіе біологическаго метода въ школѣ встрѣчаетъ и рядъ препятствій и затрудненій, такъ какъ въ научной литературѣ отсутствуетъ сводка точно провѣренныхъ біологическихъ положеній, которыми можно было бы воспользоваться въ цѣляхъ школьной педагогики, безъ опасенія впасть въ конфликтъ съ научной истиной. Идя навстрѣчу требованіямъ біологическаго метода и не имѣя подъ руками подобной сводки, педагоги частью воспользовались односторонними гипотезами и догадками, а частью попытались сами восполнить недостатокъ матеріала подобными же гипотезами и догадками. Въ результатѣ получилась та школьная біологія, ко многимъ положеніямъ которой надо отнестись очень осторожно, такъ какъ они часто не выдерживаютъ даже снисходительной научной критики.

Возьмемъ для иллюстраціи одно изъ самыхъ обычныхъ положеній, неизмѣнно фигурирующихъ въ школьной біологіи въ качествѣ біологическаго закона: положеніе о зависимости величины пластинки листа отъ силы освѣщенія. „Какова должна быть листовая пластинка у растеній, выросшихъ въ лѣсу?“—такъ ставитъ вопросъ учитель ученикамъ (ср. стр. 187 книги г. Полянскаго). Присяжный ботаникъ-спеціалистъ на подобный вопросъ не отвѣтитъ; но школьникъ отвѣтитъ и весьма опредѣленно: листовая пластинка у растеній, выросшихъ въ лѣсу, должна быть большая. По крайней мѣрѣ, учитель долженъ стремиться къ подобному отвѣту, согласно правиламъ школь-

ной біологіи, такъ какъ въ лѣсу предполагается болѣе слабое освѣщеніе по сравненію съ открытыми мѣстами.

Съ научной точки зрѣнія такой отвѣтъ неправиленъ. Изъ нѣсколькихъ и, правду сказать, немногихъ точныхъ изслѣдованій извѣстно только, что развитіе пластинки листа варьируетъ вмѣстѣ съ напряженностью освѣщенія, а именно: максимальной величины пластинка достигаетъ при нѣкоторой опредѣленной, но различной для разныхъ растеній, силѣ свѣта, а затѣмъ размѣры пластинки уменьшаются, какъ при увеличеніи, такъ и при уменьшеніи напряженности освѣщенія.

Отсюда ясно, что у растеній, выросшихъ въ лѣсу, могутъ быть листовыя пластинки всякой величины, во-первыхъ въ зависимости отъ природы растенія и его требовательности къ свѣту, а во-вторыхъ въ зависимости отъ той дѣйствительной напряженности свѣта, которая въ лѣсу можетъ весьма сильно варьировать. Если мы сравнимъ листья типичнаго лѣсного растенія, напр., черники съ листьями лопуха, который растетъ на открытыхъ мѣстахъ, то мы вынуждены будемъ сдѣлать правильный выводъ, что величина пластинки листа опредѣляется прежде всего природою растенія, независимо отъ его мѣстообитанія и условій освѣщенія. Затѣмъ на величину пластинки вліяетъ еще степень влажности и плодородіе почвы. Наконецъ, нельзя упускать изъ вида, что условія освѣщенія въ лѣсу измѣнчивы не только для разныхъ мѣстъ, но они также измѣнчивы во времени для одного и того же мѣста. Словомъ, нуженъ основательный анализъ всей обстановки, недоступный для школьной біологіи. Нельзя не пожелать, чтобы въ сочиненіяхъ методическаго характера авторы съ особой осторожностью выбирали наглядные примѣры для примѣненія этого метода. Методика г. Полянскаго значительно менѣе другихъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи, что можетъ быть поставлено ей въ серьезную заслугу.

Довольно много мѣста удѣляетъ г. Полянскій вопросу о каузальной и телеологической связи между явленіями (по поводу фактовъ приспособленности организмовъ къ средѣ). Этотъ трудный вопросъ изложенъ очень ясно и доступно для малоподготовленныхъ. Не совсѣмъ понятно только, почему авторъ предпочитаетъ руссифицированный латинскій терминъ — „каузальный“ — русскому — „причинный“.

Очень осторожно относится авторъ къ вопросу объ эволюціонномъ ученіи и введеніи его въ школьный обиходъ. Онъ считаетъ

умѣстнымъ ознакомить учащихся съ явленіями измѣнчивости организмовъ и отдѣльными, относящимися сюда фактами, но построеніе курса на эволюціонной основѣ считаетъ заблужденіемъ. Отмѣтимъ далѣе попытку, впервые встрѣчающуюся въ нашей методической литературѣ, указать на возможность согласованія нѣкоторыхъ положеній современной естественно-исторической науки съ библейскимъ повѣствованіемъ о шестидневномъ твореніи міра. Авторъ доказываетъ (стр. 120), что „говорить объ эволюціи въ томъ объемѣ, въ какомъ поощряетъ методика, не запрещаетъ и библія". Едва ли была необходимость касаться вопросовъ этого рода въ методическомъ сочиненіи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи разсматриваются нѣкоторые частные вопросы методики естествознанія: методъ типовъ въ преподаваніи ботаники, порядокъ расположенія матеріала въ курсѣ зоологіи (авторъ склоняется къ нисходящему порядку) и т. под. Большого интереса заслуживаетъ данная въ этой главѣ общая схема изученія строенія животныхъ организмовъ, исходя изъ ихъ основныхъ физіологическихъ отправленій.

Послѣднія главы книги содержатъ краткую, но очень умѣло выполненную сводку данныхъ по вопросамъ организаціи практическихъ занятій, экскурсій, и по вопросу о дидактическихъ требованіяхъ къ учителю относительно построенія урока. Въ главѣ объ экскурсіяхъ авторъ, видимо, воспользовался указаніями своего богатаго личнаго опыта и далъ рядъ полезныхъ для школы общедоступныхъ экскурсіонныхъ темъ.

Въ общемъ, руководство г. Полянскаго отлично вводитъ читателя въ кругъ основныхъ вопросовъ современной методики естествознанія. Оно не вполнѣ отвѣчаетъ прямому заданію ученаго комитета, такъ какъ написано нѣсколько шире и предназначено для болѣе широкаго употребленія, чѣмъ предполагалъ комитетъ. Но это обстоятельство не можетъ быть поставлено автору въ вину и не имѣетъ существеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что авторомъ введено два шрифта.

Въ числѣ общихъ недостатковъ разсматриваемаго курса отмѣтимъ слѣдующіе. Историческій очеркъ по объему не соотвѣтствуетъ характеру всей книги и его полезно было бы сократить, а для Россіи онъ, напротивъ, весьма неполонъ. Объемъ химическихъ свѣдѣній, какой предлагаетъ авторъ для курса природовѣдѣнія, не безъ основанія можно оспаривать, если даже вполнѣ согласиться съ

авторомъ, что учащіеся должны получить первоначальныя свѣдѣнія о соединеніи и разложеніи, о составѣ воды и воздуха и т. под.

Свѣдѣнія о біологическомъ методѣ и способахъ его приложенія, въ виду важности этого вопроса, не слѣдовало бы включать, какъ часть, въ главу о построеніи второй ступени обученія; цѣлесообразнѣе было бы выдѣлить этотъ вопросъ въ отдѣльную главу, какъ выдѣлены практическія занятія и экскурсіи. Вообще, благодаря тому, что учебникъ г. Полянскаго преимущественное мѣсто отводитъ вопросамъ о построеніи и планировкѣ курса по ступенямъ обученія, онъ менѣе подробно касается методовъ преподаванія и нѣсколько распыляетъ вопросы методики преподаванія, какъ таковые.

Изъ отдѣльныхъ недочетовъ частнаго характера назовемъ слѣдующіе.

Едва ли правильно называть старый описательный методъ обученія, котораго придерживались, напр., Симашко и Шиховскій,— „дедуктивно - описательнымъ" (стр. 46): въ переходѣ отъ общихъ систематическихъ подраздѣленій къ болѣе частнымъ нѣтъ еще никакой истинной дедукціи, а простая послѣдовательность характеристикъ.

На стр. 62 аксіомы названы положеніями, „доказательство которыхъ настолько очевидно, что они называются самоочевидными". Это не вполнѣ правильно, ибо аксіомы потому и аксіомы, что онѣ совсѣмъ не доказуемы.

На стр. 55 неправильно построена фраза: „Общеобразовательная школа должна сообщить учащимся извѣстный кругъ знаній,... содѣйствующихъ сознательно воспринимать окружающее" и т. д.

На стр. 59 имѣется выраженіе: „активнымъ познавательнымъ актомъ".

На стр. 60 тоже требуетъ улучшенія фраза: „Сначала нужно дать возможность видѣть предметы, осязать, быть можетъ, слышать, обонять" и т. д. Слово „быть можетъ" здѣсь не на мѣстѣ.

На стр. 157 фраза: „Экскурсіи даютъ новые, чрезвычайно плодотворные и обильные моменты для развитія наблюдательности"...

На стр. 112 находимъ слѣдующія строки: „форма ствола (приспособлена) къ тому, чтобы служить опорой для листовой кроны и посредникомъ между корнями и листьями, съ одной стороны, листьями и нижележащими частями—съ другой, проводя къ листьямъ воду съ минеральными веществами, а изъ листьевъ внизъ—органи-

ческія вещества". Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить неудачный терминъ „листовая крона", являющійся переводнымъ съ нѣмецкаго „Laubkrone"; въ русской терминологіи примѣняютъ терминъ „листовой пологъ", оставляя за терминомъ „крона" понятіе о совокупности вѣтвей, идущихъ отъ главнаго ствола дерева. Далѣе, неясно между какими нижележащими частями и листьями служитъ посредникомъ стволъ, разъ онъ вообще служитъ посредникомъ между корнями и листьями; по смыслу фразы можно подумать, что кромѣ листьевъ, корней и ствола съ его вѣтвями на деревѣ есть еще какія-то части, лежащія ниже листьевъ, для которыхъ стволъ служитъ посредникомъ.

На той же 112-й стр. въ фразѣ: „Подъ средою разумѣются какъ неживая природа—климатъ, почва и проч., такъ и живая" etc., климатъ, очевидно, попалъ въ неживую природу по недоразумѣнію.

На стр. 114, говоря о „законѣ соотношенія органовъ", авторъ пишетъ: „Въ зависимости отъ того, куда стекаетъ падающая на крону дождевая влага (къ стволу или по периферіи кроны), туда направляются и молодыя развѣтвленія корня, представляющія всасывательный аппаратъ". Положеніе это, выраженное въ такой общей формѣ, неправильно, такъ какъ развитіе корневой системы обусловливается не только присутствіемъ влаги, но цѣлымъ рядомъ другихъ факторовъ.

На стр. 168 авторъ полагаетъ, что у ксерофитовъ уменьшеніе поверхности испаренія листа достигается разсѣченіемъ пластинки на мелкія доли; это явное недоразумѣніе, такъ какъ разсѣченіе, очевидно, можетъ только увеличивать поверхность, а никакъ не уменьшать ее.

Неудачно редактирована фраза: „эти же приспособленія служатъ защитою и противъ избытка свѣта при яркомъ солнцѣ; для послѣдней цѣли наблюдается и то, что листья нѣкоторыхъ растеній поворачиваются"...

На 169 стр. авторъ пишетъ: „Имѣя въ своемъ распоряженіи очень мало воды, ксерофильныя растенія часто сильно древеснѣютъ, въ толщѣ листьевъ и стеблей появляются пучки твердыхъ волоконъ, предохраняющихъ ихъ отъ сморщиванія во время засухи" — etc. Что пучки какихъ-то твердыхъ волоконъ предохраняютъ ксерофитовъ отъ сморщиванія во время засухи — это, конечно, неудачное предположеніе. На самомъ дѣлѣ извѣстно только, что элементы древе-

сины и механической ткани, какъ и вообще оболочки клѣтокъ, лучше развиваются въ условіяхъ яркаго освѣщенія и извѣстной сухости воздуха; но какое біологическое значеніе имѣетъ это явленіе, сказать пока невозможно.

Перечисленные недочеты являются, однако, легко исправимыми и несущественными по сравненію съ основными достоинствами сочиненія.

Къ положительнымъ сторонамъ работы надо прежде всего отнести справедливость основныхъ мыслей, въ ней проводимыхъ, указывающихъ на опытность и знанія ея составителя въ сложномъ и трудномъ дѣлѣ преподаванія естествознанія въ школѣ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе умѣнье упростить и доступно передать неподготовленному читателю сложные и часто спорные вопросы, связанные со школьнымъ естествознаніемъ. При всемъ томъ авторъ нигдѣ не сбивается на догму, на катехизисъ: онъ всюду аргументируетъ, доказываетъ свои положенія. Это стремленіе къ углубленному изложенію, не въ смыслѣ полемики, но въ смыслѣ желанія представить доводы за и противъ, весьма существенно въ подобномъ руководствѣ, ибо отвѣчаетъ духу и характеру самого предмета.

Заслуживаетъ также быть отмѣченной осторожность, съ которой авторъ подходитъ къ вопросамъ методики. Памятуя, что методика допускаетъ по одному и тому же вопросу нѣсколько правильныхъ рѣшеній, онъ предлагаетъ, за малыми исключеніями, смотрѣть на свои указанія, какъ на примѣрныя, и воздерживается отъ категорическихъ сужденій, особенно въ вопросахъ спорныхъ.

Существенно также, что книга не ограничивается общими вопросами естественно-исторической методики, но углубляется также и въ частные отдѣлы курса, вплотную подходя къ школьнымъ нуждамъ преподавателя. При всемъ томъ книга не велика по объему, написана правильнымъ и простымъ языкомъ и можетъ быть безъ труда проработана при одномъ годовомъ часѣ въ недѣлю.

II. *Ульянинскій В. Ю.* Учебникъ методики элементарнаго естествовѣдѣнія. Для 8-хъ классовъ женскихъ гимназій, учительскихъ институтовъ, семинарій и педагогическихъ курсовъ (Рукопись. Стр. V + 269 + 16 ненумер.).

Представленный въ рукописи трудъ г. Ульянинскаго въ общемъ производитъ впечатлѣніе не вполнѣ отредактированнаго и законченнаго обработкой произведенія: съ одной стороны, удручающая масса описокъ иногда даетъ поводъ даже сомнѣваться, — всегда ли это описки, не имѣемъ ли мы дѣло съ плохимъ изложеніемъ, съ неискусной рѣчью

съ другой, многія главы и ихъ подраздѣленія изложены не съ той отчетливостью, ясностью и краткостью, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ учебника, предназначеннаго для лицъ съ подготовкой сравнительно не высокой. Въ то же время, однако, слѣдуетъ отмѣтить, что какъ матеріалъ, сообщаемый въ рукописи, такъ и обработка его авторомъ, обнаруживаютъ въ послѣднемъ и знакомство съ предметомъ и умѣнье отнестись къ нему критически; повидимому, вышеуказанные недочеты объясняются недостаткомъ времени и спѣшкой передъ представленіемъ къ сроку рукописи на конкурсъ.

Переходя къ содержанію учебника, прежде всего приходится отмѣтить слѣдующее: хотя учебникъ предназначенъ для 8-ыхъ классовъ женск. гимназій, учительскихъ институтовъ и т. под., т. е. для лицъ съ довольно элементарнымъ естетвенно-научнымъ образованіемъ, и къ тому же для лицъ готовящихся къ преподаванію въ начальной школѣ или въ высшихъ начальныхъ училищахъ, тѣмъ не менѣе содержаніе и языкъ учебника таковы, какъ будто авторъ имѣетъ въ виду лицъ, окончившихъ университетъ и готовящихся къ учительству въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ первой же главѣ (стр. 9) онъ приводитъ цитату изъ статьи Кершенштейнера: „всякій образованный человѣкъ помнитъ слова Э. Дюбуа Реймона: ignoramus et ignorabimus.......“ Эти извѣстныя слова требуютъ поясненія, т. к. сейчасъ, конечно, даже многіе студенты ничего не знаютъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ они были сказаны и какое историческое значеніе они имѣютъ; между тѣмъ этихъ поясненій авторъ не даетъ и потому цитата не достигаетъ цѣли. Далѣе, въ курсѣ посвященномъ начальному естествознанію едва ли слѣдуетъ распространяться о томъ, что естествознаніе необходимо для „изученія психологіи, которая неминуемо должна войти въ учебный планъ средней школы“ (стр. 9), или что естествознаніе содѣйствуетъ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія и міропониманія, что съ оговорками можно было бы отнести развѣ къ полному курсу средней школы. Разбирая значеніе естествознанія въ ряду другихъ общеобразовательныхъ предметовъ, авторъ насчитываетъ цѣлыхъ 10 областей воздѣйствія естествознанія на душевный и физическій обликъ учащихся, поневолѣ останавливаясь на этихъ пунктахъ довольно поверхностно; лучше бы было остановиться на 4—5 пунктахъ, но разобрать ихъ обстоятельнѣе и попроще; въ томъ же видѣ, какъ эта глава написана авторомъ, она и трудновата и не убѣдительна. Также мало понятны будутъ для лицъ, не прошедшихъ университетскаго курса, и соображенія автора

о научности учебныхъ предметовъ и примѣненіи гипотезъ (стр. 14—15);—эти вопросы у автора совсѣмъ скомканы.

Примѣровъ такихъ трудностей и несоотвѣтствія содержанія книги ея заглавію можно было бы привести еще очень много, и въ дальнѣйшемъ мы ихъ еще отмѣтимъ.

Послѣ общихъ соображеній о значеніи естествовѣдѣнія въ ряду другихъ общеобразовательныхъ предметовъ школы и о различіи понятій—наука и учебный предметъ, изложенныхъ не оригинально и не всегда достаточно отчетливо и ярко, авторъ переходитъ къ выясненію значенія *біологическаго принципа*, въ преподаваніи наукъ о живой природѣ и *динамическаго*—въ изученіи неорганической природы; послѣднее сдѣлано слишкомъ кратко, вѣроятно потому, что авторъ къ этому вопросу возвращается въ слѣдующей главѣ—планъ элементарныхъ курсовъ естествовѣдѣнія. Здѣсь мы встрѣчаемъ уже гораздо больше самостоятельной мысли и творчества автора, чѣмъ до сихъ поръ: онъ обстоятельно разбираетъ значеніе и содержаніе курса неживой природы, пріурочивая терминъ природовѣдѣніе только къ этому послѣднему. По его мнѣнію, слѣдуетъ начинать этотъ курсъ съ общихъ свойствъ тѣлъ, затѣмъ переходить къ воздуху, водѣ и, наконецъ, землѣ. Въ основу изученія онъ кладетъ химизмъ, при чемъ считаетъ возможнымъ не только ознакомить дѣтей съ полученіемъ кислотъ, щелочей и солей, но даже считаетъ необходимымъ устанавливать опытомъ составъ нѣкоторыхъ минераловъ (известняка, гипса, малахита), послѣднее, однако, дѣлается настолько не строго, что возникаютъ большія сомнѣнія въ полезности указаній автора: не пріучитъ ли это дѣтей къ поспѣшнымъ и неглубокимъ заключеніямъ. Изъ области физическихъ явленій авторъ считаетъ нужнымъ коснуться вопросовъ о сцѣпленіи, упругости, скрытой теплотѣ, ввести основныя свѣдѣнія изъ акустики и оптики, ввести элементарное понятіе рычага и еще многое другое; въ результатѣ создается возможность болѣе обстоятельно и серьезно ознакомиться съ процессами измѣненій, совершающихся въ земной корѣ. Количество затронутыхъ въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ вопросовъ тоже очень велико.

Вдумываясь въ намѣченный планъ такого „начальнаго курса" (это вѣдь младшій классъ), возникаетъ опасеніе, не имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ неимовѣрнымъ перегруженіемъ матеріала,—можно ли все то, что рекомендуется авторомъ, дѣйствительно усвоить и понять по существу, а не совершенно поверхностно и внѣшне. Намъ

приходилось наблюдать, какъ правильные, повидимому, отвѣты учениковъ о скрытой теплотѣ, напр., обнаруживали полное непониманіе дѣла по существу, какъ только вопросы ставились нѣсколько на иной ладъ, несмотря на то, что явленіе изучалось экспериментально. То же можно предвидѣть и относительно анализа гипса и малахита, да и многихъ другихъ вопросовъ. Не надо забывать, что природовѣдѣніе начинается въ младшемъ изъ классовъ, изучающихъ естествовѣдѣніе, а между тѣмъ на него возлагается самый трудный курсъ. Задача методистовъ должна заключаться въ томъ, чтобы очистить и облегчить программы, создавъ программу-minimum, а не загромождать ихъ, давая такой maximum, который стоитъ уже на границѣ возможнаго. Это особенно опасно по отношенію къ начинающимъ преподавателямъ, которые всегда склонны къ перегруженію дѣтей свѣдѣніями, а именно для этихъ-то преподавателей и назначенъ разбираемый учебникъ.

Содержаніе біологическаго курса, посвященнаго растеніямъ, человѣку и животнымъ, тоже скорѣе представляется максимальнымъ, чѣмъ нормальнымъ, при чемъ трудность курса все убываетъ по мѣрѣ перехода отъ младшаго класса къ старшему, что, конечно, является методической ошибкой.

Изъ сказаннаго видно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ планомъ очень серьезнаго курса естествовѣдѣнія, пріуроченнаго къ хорошо обставленному среднему учебному заведенію. Къ сожалѣнію, авторъ ничего не говоритъ о постановкѣ естествовѣдѣнія въ начальной школѣ. Данный имъ матеріалъ ни по содержанію, ни по методу обработки, конечно, совершенно непригоденъ для начальной школы; а между тѣмъ спросъ на элементарное естествовѣдѣніе въ этой школѣ все растетъ и большинству изъ питомцевъ семинарій и институтовъ придется работать именно въ ней.

Въ главѣ III обстоятельно излагается методика веденія классныхъ уроковъ, практическихъ занятій и экскурсій; здѣсь дается много цѣнныхъ указаній и виденъ большой личный опытъ автора. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что въ отдѣлѣ, трактующемъ эвристическій методъ, онъ понимается уже, чѣмъ это теперь принято въ естественно-научной методикѣ (см. Armstrong, Dannemann и др.) и по временамъ какъ бы отожествляется съ вопросоотвѣтной формой веденія урока; такъ по крайней мѣрѣ легко можетъ преломиться изложеніе автора въ умахъ малоопытныхъ учителей новичковъ. А это было бы, конечно, очень жаль, т. к. вопросоотвѣтная форма, очень

сейчасъ распространенная и имѣющая свои слабыя стороны, сама по себѣ ничего общаго съ эвристическимъ методомъ не имѣетъ.

Чрезвычайно обстоятельно изложенъ отдѣлъ о практическихъ занятіяхъ, при чемъ авторъ является сторонникомъ воззрѣній Б. Е. Райкова. Быть можетъ, однако, въ курсѣ методики не стоило бы такъ много мѣста отводить вопросу о многочисленныхъ варіантахъ конструкціи столовъ, отославъ къ соотвѣтствующей литературѣ.

Въ отдѣлѣ „веденіе классныхъ уроковъ" авторъ слѣдуетъ схемѣ Лая, т. е. въ урокѣ онъ различаетъ три ступени: наблюденіе, переработку и воспроизведеніе. Однако разрабатываетъ дальше эту схему авторъ самостоятельно, давая хорошіе и цѣнные примѣры, а также общія указанія, обнаруживающія опытнаго преподавателя. Нельзя не остановиться нѣсколько на вопросѣ, который всегда возникаетъ при пользованіи біологическимъ принципомъ, и который неоднократно подымается и авторомъ, а именно, можно ли ставить вопросы: для чего? зачѣмъ? при изученіи живыхъ организмовъ. Изъ опасенія впасть „въ телеологическую опасность", авторъ считаетъ, что нельзя, напр., поставить вопросъ: для чего цвѣты имѣютъ яркую окраску? а надо спросить: почему цвѣты, опыляемые насѣкомыми, имѣютъ яркую окраску вѣнчика? Ожидается правильный съ точки зрѣнія автора отвѣтъ: потому, что по яркой окраскѣ вѣнчика насѣкомыя узнаютъ тѣ цвѣты, на которыхъ они добываютъ нектаръ. По нашему мнѣнію, вторая постановка вопроса еще хуже первой, т. к. съ одной стороны, въ отвѣтѣ все равно, несмотря на его внѣшнюю форму, ясно скрыто представленіе о цѣлесообразности строенія цвѣтка, а съ другой, что̀ серьёзнѣе, отвѣты, подобные приведенному, пріучаютъ якобы констатировать каузальныя отношенія тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ мы ихъ установить вовсе не умѣемъ: легкость узнаванія насѣкомыми цвѣтовъ никакъ не можетъ служить причиной тѣхъ физіологическихъ процессовъ, которые привели къ выработкѣ тѣхъ или иныхъ пигментовъ въ частяхъ цвѣтка. Поэтому какъ вопросы: для чего и зачѣмъ? такъ и вопросъ: почему? должны ставиться съ большой осторожностью, при чемъ послѣдній вопросъ можетъ повести къ гораздо болѣе серьёзнымъ въ педагогическомъ отношеніи опасностямъ, чѣмъ первые два, такъ какъ причинныя отношенія въ біологическихъ вопросахъ вообще устанавливаются довольно-таки трудно. Въ частности, въ разсматриваемомъ примѣрѣ можно было бы удовлетвориться слѣдующей постановкой вопроса: какое значеніе для растеній, опыляемыхъ насѣкомыми, имѣетъ яркая

окраска ихъ цвѣтовъ? Здѣсь мы не касаемся ни причинныхъ, ни телеологическихъ отношеній, а просто констатируемъ фактъ, какъ онъ намъ сейчасъ представляется.

Въ качествѣ иллюстраціи къ теоретическимъ указаніямъ, какъ надо вести урокъ, авторъ приводитъ нѣсколько очень подробно разработанныхъ уроковъ. По ихъ поводу замѣтимъ только, что, съ одной стороны, въ нихъ замѣтно злоупотребленіе вопросоотвѣтной системой (на нѣсколько вопросовъ разбивается то, что не совсѣмъ безнадежные ученики могли бы понять съ двухъ словъ), а съ другой, если весь курсъ, намѣченный авторомъ, разрабатывать съ такой подробностью, какъ это указано въ его примѣрныхъ урокахъ, то на начальное естествовѣдѣніе по его же плану, данному во 2-ой главѣ, потребуется не три, а по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ. Мы бы думали, опять-таки, что сократить нужно содержаніе программъ, предложенныхъ авторомъ, иначе многіе вопросы въ нихъ окажутся разсмотрѣнными поверхностно.

Вопросъ объ экскурсіяхъ разработанъ авторомъ довольно обстоятельно и отчетливо, хотя и не является особенно оригинальнымъ, что, быть можетъ, и трудно сейчасъ требовать, т. к. вопросъ этотъ съ теоретической стороны разработанъ у насъ въ Россіи довольно полно.

Глава IV посвящена внѣкласснымъ занятіямъ; въ ней приведено много темъ для внѣклассныхъ работъ учащихся, что, конечно, будетъ очень полезно для начинающаго преподавателя.

Глава V трактуетъ объ организаціи класса для преподаванія естествознанія и объ учебныхъ пособіяхъ. Пожеланія автора разсчитаны на очень большія средства и являются идеаломъ, для подавляющаго числа нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній недостижимымъ. Такъ авторъ находитъ нормальнымъ имѣть помѣщеніе, состоящее изъ класса-аудиторіи, класса-лабораторіи, комнаты музея и кабинета преподавателя; обстановка этихъ помѣщеній соотвѣтствуетъ ихъ числу и обойдется во много тысячъ рублей. Послѣднее еще возможно для среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ этими помѣщеніями будутъ пользоваться не только младшіе классы, но и старшіе,—но для высшихъ начальныхъ училищъ это совершенно недоступно. То же слѣдуетъ сказать и о рекомендуемыхъ учебныхъ пособіяхъ: ихъ предложено такое количество, что бѣдный начинающій учитель какого нибудь высшаго начальнаго училища долженъ будетъ придти въ полное отчаяніе: никогда ему не удастся пріобрѣсти и четверти того,

что рекомендуется. А между тѣмъ рекомендуется къ пріобрѣтенію много лишняго: къ чему, напр., нужны модели плѣсени, хвоща, грибовъ, да и большинства цвѣтовъ? Онѣ очень дороги, а даютъ очень мало по сравненію съ естественными объектами или рисунками. Или зачѣмъ для начальнаго естествовѣдѣнія понадобились автору таблицы по физіологіи растеній Эррера и Лорана или біологическія таблицы Доделя? Конечно, послѣднія великолѣпны, но онѣ дороги и заключаютъ въ себѣ много лишняго для начальнаго естествознанія. Казалось бы, что въ методикѣ начальнаго естествознанія слѣдовало построить эту главу совершенно иначе: слѣдовало бы указать, какъ и гдѣ добыть наиболѣе дешевымъ способомъ наиболѣе необходимыя пособія, какъ мѣстными силами восполнить имѣющіеся пробѣлы, какъ привлечь къ созданію наиболѣе неотложныхъ пособій учениковъ; только по выясненіи неизбѣжнаго minimum'а можно перейти къ возможнымъ пополненіямъ и обогащенію кабинета. Впрочемъ, причина изложенія этой главы тѣмъ способомъ, какъ это сдѣлалъ авторъ, лежитъ опять-таки въ томъ же несоотвѣтствіи содержанія съ заглавіемъ, которое мы указывали неоднократно: мы имѣемъ дѣло съ методикой квалифицированнаго курса естествовѣдѣнія первой ступени богато обставленнаго средняго учебнаго заведенія. Это обстоятельство, конечно, значительно понижаетъ цѣнность учебника для пользованія имъ тѣми лицами, которымъ работать придется въ совершенно иныхъ условіяхъ и обстановкѣ.

Послѣдняя глава посвящена „историко-критическому обзору главнѣйшихъ методологическихъ направленій въ связи съ развитіемъ научнаго естествознанія". Къ сожалѣнію, и въ заглавіи сдѣлана та же ошибка, которая не разъ встрѣчается въ текстѣ,—смѣшиваются термины методика и методологія; быть можетъ, впрочемъ, это надо отнести къ числу безчисленныхъ описокъ рукописи?

Отнесеніе этой главы на самый конецъ книги нельзя считать удачнымъ. Авторъ мотивируетъ это тѣмъ, что „пониманіе развитія главнѣйшихъ теченій методической мысли въ области преподаванія естествовѣдѣнія должно базироваться на основательномъ знакомствѣ съ основными началами этого предмета". Получается впечатлѣніе, что исторія методики есть нѣчто самодовлѣющее, требующее для своего пониманія спеціальной методической подготовки. Между тѣмъ, казалось бы, значеніе историческаго обзора въ курсѣ начальнаго естествовѣдѣнія только въ томъ и состоитъ, чтобы освѣтить и осмыслить тѣ пріемы преподаванія, которые будутъ затѣмъ изложены

въ самомъ учебникѣ. Съ этой точки зрѣнія, конечно, и изложеніе этого отдѣла должно быть инымъ: слѣдовало бы выбрать нѣсколько крупныхъ творцовъ, опредѣлившихъ содержаніе и направленіе методической работы и оставившихъ глубокій слѣдъ въ этой области. Ученые древности, такъ же какъ и средневѣковые, безъ всякаго ущерба для дѣла могли бы быть опущены. Также излишне почти голое перечисленіе ряда именъ ученыхъ 17 и 18 столѣтія, конечно, неизвѣстныхъ тому контингенту лицъ, для которыхъ учебникъ предназначенъ (Шейхцеръ, Кирхеръ, Гукъ, Рей и т. под.). Съ другой стороны, при изложеній идей Любена, Юнге и нѣкотор. другихъ методистовъ желательно было бы болѣе глубокое вниканіе въ ихъ идеи и цитированіе ихъ не по Голикову или Половцову, а по подлиннымъ ихъ сочиненіямъ. Тогда бы значеніе идей этихъ крупныхъ творцовъ было выдвинуто ярче и оцѣнка ихъ была бы болѣе оригинальна.

Отдѣлъ, посвященный исторіи методическихъ воззрѣній въ Россіи, изложенъ довольно пространно, но, быть можетъ, лучше бы было и здѣсь меньше останавливаться на моментахъ, не оказавшихъ прямого вліянія на развитіе нашего школьнаго естествознанія, а съ другой стороны, ярче (но не пространнѣе) очертить воззрѣнія и моменты, оказавшіе рѣшительное воздѣйствіе на основныя направленія, которыя пережила наша школа въ своихъ отношеніяхъ къ постановкѣ естествознанія.

О ВЛ. С. СОЛОВЬЕВѢ ВЪ ЕГО МОЛОДЫЕ ГОДЫ.

Матеріалы къ біографіи.

XV. *)

Ходъ дѣла объ избраніи Соловьева на должность доцента при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ философіи, изображенный въ предшествующей главѣ на основаніи архивныхъ документовъ, опредѣлялся съ формальной стороны, конечно, дѣйствовавшимъ тогда университетскимъ уставомъ 1863 г., а именно ближайшимъ образомъ параграфами 68-ымъ, 69-ымъ и 70-ымъ, входящими въ составъ главы VII-ой — „о преподавателяхъ и лицахъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета.“ Въ виду ссылокъ, сдѣланныхъ раньше, [988]) намъ приходится теперь только пояснить, что требованіе § 69-го о прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій къ Соловьеву примѣнено не было—очевидно, вслѣдствіе того, что историко-филологическій факультетъ призналъ возможнымъ причислить его и безъ такого испытанія къ лицамъ, извѣстнымъ факультету своими преподавательскими способностями. Слѣдуетъ думать, что факультетъ руководствовался въ данномъ случаѣ хорошими воспоминаніями о кандидатскомъ экзаменѣ Соловьева и добрыми вѣстями объ его недавнихъ успѣхахъ въ Петербургѣ на экзаменѣ магистерскомъ и на магистерскомъ диспутѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, такое особливое довѣріе было также и нѣкоторымъ знакомъ любезнаго вниманія по адресу С. М. Соловьева.

Лишь весьма немногими данными можемъ мы пополнить содержаніе главы четырнадцатой и при помощи печатныхъ матеріаловъ, лежащихъ

*) *Продолженіе.* См. мартовскую-апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1917 г.

[988]) Ср. выше, въ главѣ одиннадцатой, прим. 736-ое и въ главѣ четырнадцатой, прим. 910-ое и 913-ое.

за предѣлами собранія узаконеній. Въ автобіографическихъ замѣткахъ самого Соловьева и въ университетскомъ біографическомъ словарѣ содержатся по занимающему насъ вопросу указанія совершенно краткія. [989]) В. Л. Величко, разсказавши про магистерскій диспутъ Соловьева, продолжаетъ затѣмъ такъ:—„Вскорѣ по одержаніи упомянутой духовной побѣды, юный магистръ беретъ продолжительный отпускъ и ѣдетъ за-границу..... Вернувшись изъ заграничнаго путешествія, Владиміръ Соловьевъ продолжалъ въ Москвѣ готовиться къ докторской диссертаціи и приватъ-доцентствовать.“ [990]) Сообщеніе это должно быть названо, по меньшей мѣрѣ, крайне неточнымъ. Э. Л. Радловъ передаетъ, что „19-го декабря [1874 г.] Соловьевъ былъ избранъ и утвержденъ доцентомъ въ Московскій университетъ по каѳедрѣ философіи.“ [991]) Слова эти могутъ быть приняты безъ возраженія, если только самый фактъ утвержденія не пріурочивать буквально къ 19-му декабря, что̀, впрочемъ, понятно само собою. [992]) Дальнѣйшія слова того-же автора: — „О переводѣ въ Москву хлопоталъ въ то время М. М. Троицкій, бывшій тогда доцентомъ въ Варшавѣ, но попечитель округа нашелъ совмѣстное преподаваніе двухъ лицъ, столь различныхъ по направленію, неудобнымъ, и Троицкій попалъ въ Москву гораздо позднѣе“ [993])—нуждаются, однако, уже въ нѣкоторыхъ менѣе формальныхъ оговоркахъ, какъ это усматривается изъ содержанія предшествующей главы и еще будетъ разъяснено ниже. Въ университетскомъ отчетѣ за 1874 г., пріуроченномъ, по обыкновенію, къ Татьянину дню, т. е. въ данномъ случаѣ къ 12-му января 1875 г., мы находимъ указаніе какъ на „оставленіе“ кандидата Соловьева при Московскомъ университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, такъ и на „опредѣленіе“ магистра Соловьева, по избранію совѣта, доцентомъ по каѳедрѣ философіи. Послѣдній фактъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, относится, впрочемъ, не къ 1874 г., а къ первымъ числамъ января мѣсяца 1875 г. [994])—Изъ только-что названнаго отчета приведемъ кстати еще слѣдующія данныя, представляющія нѣкоторый интересъ для біографіи Соловьева. Въ 1874 г. въ

---

[989]) *П.*, II, 185, 337.—*Біографическій Словарь* и т. д. (прим. 141), т. II, стр. 207.

[990]) В. Л. Величко (прим. 10), стр. 27, 32.

[991]) Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 13.

[992]) Какъ будетъ показано ниже, „утвержденіе“ послѣдовало собственно 5-го января 1875 г., но—„со дня избранія“, т. е. съ 19-го декабря 1874 г.

[993]) Э. Л. Радловъ (см. прим. 991).

[994]) *Отчетъ и рѣчь* и т. д. (прим. 267), стр. 10, 7.—Ср. выше, прим. 992-ое.

почетные члены Московскаго университета избранъ былъ, между прочимъ, римско-католическій епископъ Іосифъ Юрій Штроссмайеръ, „покровитель Юго-словянской академіи наукъ и художествъ, основатель Хорватскаго университета“. [995]) Это тотъ самый церковно-политическій дѣятель, съ которымъ впослѣдствіи Вл. С. Соловьевъ былъ очень близокъ и которому принадлежитъ извѣстная общая характеристика нашего философа: „Soloviev anima candida, pia ac vere sancta est“... [996]) Въ томъ-же 1874 г. утвержденъ въ степени магистра финансоваго права кандидатъ И. И. Янжулъ и опредѣленъ, по избранію совѣта, доцентомъ по соотвѣтствующей каѳедрѣ. [997]) Въ слѣдующемъ 1875 г. Соловьевъ и И. И. Янжулъ встрѣтились за-границей, въ Лондонѣ, въ качествѣ молодыхъ ученыхъ (хотя и не однолѣтковъ), ищущихъ расширенія своихъ познаній въ стѣнахъ Британскаго музея.

Прослѣдимъ теперь дальнѣйшій ходъ дѣла о замѣщеніи каѳедры философіи въ Московскомъ университетѣ ближайшими преемниками П. Д. Юркевича, придерживаясь опять-таки, по возможности, архивныхъ данныхъ.

Меньше чѣмъ черезъ недѣлю послѣ совѣтскаго засѣданія 19-го декабря 1874 г., а именно 24-го декабря, наканунѣ рождества, отъ совѣта Московскаго университета пошло на имя управляющаго Московскимъ учебнымъ округомъ представленіе за № 1685 нижеслѣдующаго содержанія:—„Вслѣдствіе ходатайства историко-филологическаго факультета объ опредѣленіи на должность доцента по каѳедрѣ философіи магистра философіи *Соловьева*, члены университетскаго Совѣта приступили къ баллотированію его на означенную должность, по окончаніи коего оказалось, что онъ получилъ избирательныхъ шаровъ 35 и неизбирательныхъ 11. — Представляя объ этомъ, Совѣтъ университета имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство объ утвержденіи магистра философіи *Соловьева* въ должности доцента по каѳедрѣ философіи со дня избранія его, съ 19-го сего декабря.“ [998])

Объ избраніи на каѳедру философіи М. М. Троицкаго въ этомъ представленіи не упоминается. Но зато въ тотъ-же день, т. е. 24-го декабря 1874 г., ректоръ Московскаго университета особымъ отно-

[995]) *L. c.*, стр. 5.
[996]) *П.*, I, 191.
[997]) *Отчетъ и рѣчь* и т. д. (прим. 267), стр. 7.
[998]) „Дѣло“ за № 300 (см. выше, прим. 73 и 904).

шеніемъ просилъ ректора Варшавскаго университета объ увѣдомленіи, „не имѣется-ли препятствій къ перемѣщенію г. Троицкаго въ здѣшній университетъ, и если не имѣется, то не оставить доставленіемъ формулярнаго о службѣ его списка.“ Благопріятный отвѣтъ съ приложеніемъ просимаго формулярнаго списка послѣдовалъ изъ Варшавы 30-го декабря, послѣ чего оказалось возможнымъ двинуть дальше и дѣло М. М. Троицкаго. [999])

Раздѣльное направленіе двухъ сходныхъ дѣлъ объ обезпеченіи одной и той-же каѳедры преподавателями находитъ себѣ совершенно законное оправданіе въ § 72-омъ университетскаго устава 1863 г. Согласно этому параграфу, профессора, по избранію совѣта, утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія, а доценты и лекторы— попечителемъ учебнаго округа. [1000]) Подчеркиваемъ это поясненіе, ибо въ дальнѣйшемъ съ дѣломъ М. М. Троицкаго—какъ-бы изъ-за неупоминанія его имени въ самомъ началѣ—произошла небольшая заминка, которую, при желаніи быть придирчивымъ, можно было бы поставить въ вину начальству Московскаго университета. Ссылка на § 72-ой предупреждаетъ всякіе кривотолки.

На ходатайство по дѣлу Соловьева начальство Московскаго учебнаго округа отозвалось очень скоро. Соединивши въ своемъ отвѣтномъ предложеніи нѣсколько вопросовъ, Московскій попечитель кн. Н. П. Мещерскій пишетъ 5-го января 1875 г. за № 37 совѣту Московскаго университета такъ:—„Вслѣдствіе представленій Совѣта Московскаго университета отъ 23-го и 24-го декабря 1874 г. за №№ 1675, 1680, 1681, 1682, 1684 и 1685, я утверждаю, согласно избранію университетскаго Совѣта, магистровъ графа *Комаровскаго* и *Соловьева* въ званіи доцентовъ: перваго—по каѳедрѣ международ-

---

[999]) *Ibidem.*

[1000]) Полностью § 72-ой читается такъ: — „Профессоры, по избранію совѣта, утверждаются министромъ, а доценты и лекторы—попечителемъ учебнаго округа. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вакантная въ университетѣ каѳедра не будетъ замѣщена въ теченіе года избраннымъ отъ университетскаго совѣта кандидатомъ, министръ можетъ назначать въ профессоры по своему избранію лица, удовлетворяющія требуемымъ отъ профессора условіямъ. Сверхъ сего, отъ министра зависитъ назначать во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ, отличныхъ ученостію, даромъ преподаванія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ, требуемымъ отъ профессора, испрашивая каждый разъ порядкомъ, установленнымъ въ Высочайше утвержденныхъ 22-го мая 1862 г. правилахъ о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ, разрѣшеніе на производство необходимаго для такого сверхштатнаго профессора содержанія.“ *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1058, 1059.

наго права, а второго—по каѳедрѣ философіи, а также лѣкаря Константина *Никитина* въ должности штатнаго ординатора..... лѣкаря Егора *Крылова* въ должности штатнаго ординатора..... и лѣкарей Ѳеодора *Флерова* и Ивана *Пущина* въ должности сверхштатныхъ ординаторовъ..... всѣхъ шести упомянутыхъ лицъ со дня избранія Совѣтомъ университета, съ 19-го декабря 1874 г., и изъ нихъ ординаторовъ на три года.“ Наверху на предложеніи попечителя имѣется помѣтка: „7 января“, что соотвѣтствуетъ, повидимому, сроку полученія бумаги. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ тотъ-же день объ утвержденіи въ должности доцента узналъ и Вл. С. Соловьевъ, проживавшій, по-прежнему, вмѣстѣ съ родителями.[1001])

На другой день, 8-го января, Соловьевъ пишетъ изъ Москвы кн. Д. Н. Цертелеву:—„Что вы не пишете, многоуважаемый Дмитрій Николаевичъ, о томъ, что видѣли вы въ Лондонѣ? Неужели ничего не видали? Или, напротивъ, такъ много видѣли и такія вещи, что въ письмѣ и передать нельзя? Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю свиданія съ вами, — между прочимъ, и для того, чтобы окончить нашъ философскій споръ, къ чему посылаемая книжка можетъ дать поводъ. — Я занялъ каѳедру покойнаго Памфила Даниловича [Юркевича] и на-дняхъ начну читать лекціи въ его духѣ и направленіи, не смотря на совершенное различіе нашихъ характеровъ. Лѣтомъ ѣду въ Лондонъ на годъ или полтора, предоставляя каѳедру своему вновь избранному коллегѣ Троицкому, о которомъ вы, кажется, имѣете понятіе. Теперь буду читать историческое введеніе въ метафизику, а по возвращеніи изъ Лондона предполагаю—исторію древней философіи и метафизику. Я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ важности и даже необходимости спиритическихъ явленій для установленія настоящей метафизики, но пока не намѣренъ высказывать этого открыто, потому-что дѣлу это пользы не принесетъ, а мнѣ доставитъ плохую репутацію; къ тому-же теперь я еще не имѣю никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ достовѣрности этихъ явленій, хотя вѣроятность въ пользу ихъ большая. Когда увидите А. Н. Аксакова, передайте ему мой поклонъ и благодарность за присылку *Psychische Studien*.[1002])

1001) См. post-scriptum въ нижеприводимомъ письмѣ отъ 8-го января 1875 г. на имя кн. Д. Н. Цертелева.

1002) *Psychische Studien*—ежемѣсячный журналъ, издававшійся А. Н. Аксаковымъ съ 1874 г. въ Лейпцигѣ и посвященный разслѣдованію мало извѣстныхъ явленій душевной жизни. Преемникомъ этого изданія во второй половинѣ 80-ыхъ годовъ явился журналъ: *Sphinx*, поставившій себѣ задачею историческое и экспери-

Нужно бы было ему написать, такъ-же какъ и Лапшину, но лѣнь у меня на письма страшная.—Надѣюсь, что во всякомъ случаѣ будете до лѣта въ Москвѣ, и потому до свиданія.—PS. Если еще не скоро будете, то, пожалуйста, пишите. Моя улица есть Денежный переулокъ, близъ Пречистенки.“ [1003])

Это самое раннее письмо Соловьева за 1875 г. Начало письма показываетъ, что отъ заграничной поѣздки кн. Д. Н. Цертелева—не въ Парижъ только, но и въ Лондонъ—Соловьевъ ожидалъ какихъ-то особенныхъ результатовъ,—повидимому, именно въ отношеніи спиритизма, живо интересовавшаго въ ту пору обоихъ пріятелей. Къ сожалѣнію, остается пока подъ вопросомъ, состоялась-ли тогда самая поѣздка кн. Д. Н. Цертелева въ Лондонъ. По справкамъ, наведеннымъ нами у княг. Е. Ѳ. Цертелевой, оказалось, что свѣдѣній объ этой поѣздкѣ въ письмахъ самого кн. Д. Н. Цертелева къ его матери не сохранилось, и что 25-го декабря 1874 г. онъ былъ еще въ Парижѣ. Въ виду этого предположеніе, высказанное нами въ главѣ одиннадцатой, о томъ, что кн. Д. Н. Цертелевъ гостилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ (разумѣется, въ концѣ 1874 г. или въ началѣ 1875 г.), опирается, по-прежнему, лишь на только-что воспроизведенное письмо Соловьева отъ 8-го января 1875 г. Во всякомъ случаѣ, если кн. Д. Н. Цертелевъ и былъ въ Лондонѣ въ началѣ 1875 г., то лишь весьма короткое время. Книга, о посылкѣ которой упоминается здѣсь-же, есть, безъ сомнѣнія, магистерская диссертація Соловьева, о доставленіи которой онъ писалъ еще 13-го сентября 1874 г. [1004]) Мы знаемъ, что уже 19-го іюня 1874 г. Соловьевъ полемизировалъ съ кн. Д. Н. Цертелевымъ по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ въ этой диссертаціи. [1005]) Далѣе, въ приведенномъ выше письмѣ достойно отмѣтки указаніе на то, что Соловьевъ будетъ читать свои лекціи въ духѣ и направленіи П. Д. Юркевича, какъ бы ни было велико различіе ихъ характеровъ. Къ сожалѣнію, Соловьевъ ближе не поясняетъ, въ чемъ онъ видитъ это различіе характеровъ. Бѣглое указаніе его на предполагаемую поѣздку за-границу заслуживаетъ вниманія главнымъ образомъ потому, что тутъ уже совершенно опредѣленно называется

ментальное обоснованіе сверхчувственнаго міровоззрѣнія на монистической почвѣ. Ибервегъ-Гейнце (прим. 377), стр. 433.

[1003]) *П.*, II, 225.

[1004]) *П.*, II, 224.

[1005]) *П.*, II, 221—223.—Ср. выше, въ главѣ одиннадцатой (прим. 729).

Лондонъ. Цѣль путешествія въ точности не обозначается, а продолжительность намѣчается приблизительно—„годъ или полтора". Желательно было бы знать, на основаніи какихъ соображеній вознамѣрился Соловьевъ ѣхать именно въ Лондонъ. Возможны разныя предположенія, но объ этомъ послѣ. Въ слова, посвященныя М. М. Троицкому, „своему вновь избранному коллегѣ", Соловьевъ—можетъ-быть, безсознательно для самого себя—вноситъ легкій оттѣнокъ пренебреженія. Каѳедру П. Д. Юркевича „занялъ" онъ, Соловьевъ; эту каѳедру онъ „предоставляетъ" М. М. Троицкому; распространяться объ этомъ лицѣ онъ, впрочемъ, не видитъ надобности, ибо „вы, кажется, имѣете понятіе" о немъ... [1006]) Почти наканунѣ приступа къ чтенію лекцій задача ближайшаго курса опредѣляется въ письмѣ какъ историческое введеніе въ метафизику. Во вступительной лекціи, прочитанной 27-го января 1875 г., заявляется, однако, какъ объ этомъ будетъ еще сказано ниже, что предметомъ курса будетъ „изслѣдованіе новѣйшей германской метафизики", [1007]) а въ позднѣйшей автобіографіи, написанной въ 1890 г., Соловьевъ называетъ свой курсъ 1875 г. въ Московскомъ университетѣ курсомъ по исторіи новѣйшей философіи. [1008]) Судя по всему, тѣ немногія лекціи, которыя Соловьевъ успѣлъ прочесть во второе полугодіе 18⁷⁴/₇₅-го учебнаго года, едва-ли представляли собою что-нибудь существенно-новое и вѣское—какъ по преподавательской неопытности Соловьева, такъ и по краткости времени, бывшаго въ его распоряженіи. Всего правдоподобнѣе, что содержаніе для лекцій почерпалось имъ главнымъ образомъ изъ магистерской диссертаціи, приспособленной къ уровню пониманія студентовъ или даже не приспособленной... [1009]) Очень любопытно затѣмъ указаніе на значеніе спиритизма для построенія метафизики. По соображеніямъ оппортунистическаго свойства Соловьевъ предпочитаетъ, впрочемъ, не выражать своего взгляда на значеніе спиритизма открыто, тѣмъ болѣе, что у него еще нѣтъ „никакихъ несомнѣнныхъ доказательствъ достовѣрности этихъ явленій,

---

[1006]) Укажемъ мимоходомъ, что въ 1875 г. М. М. Троицкому было уже около 40 лѣтъ.

[1007]) *Соч.*, I, 194.

[1008]) *П.*, I, 337.

[1009]) Впослѣдствіи мы приведемъ слова одного изъ болѣе позднихъ слушателей Соловьева по Московскому университету, показывающія, что лекціи молодого преподавателя, читавшаго тогда логику, не отличались ясностью и не соотвѣтствовали степени подготовленности аудиторіи.

хотя вѣроятность въ пользу ихъ большая.“ Мы снова встрѣчаемся такимъ образомъ съ обнаруженіемъ критической выдержки, съ требованіемъ убѣдительныхъ фактовъ. Соловьевъ, подобно многимъ другимъ, жаждалъ тогда подтвержденія своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и философскимъ чаяніямъ со стороны спиритизма, искалъ подтвержденія самому спиритизму; но онъ не рѣшался удовлетвориться тѣми „доказательствами“, которыми удовлетворялись многіе другіе... [1010]) Просьба передать поклонъ А. Н. Аксакову заставляетъ насъ думать, что въ эту пору кн. Д. Н. Цертелевъ находился въ Петербургѣ, гдѣ проживалъ и А. Н. Аксаковъ. Со словъ княг. Е. Ѳ. Цертелевой мы можемъ къ этому прибавить, что, дѣйствительно, послѣ возвращенія изъ-за границы въ началѣ 1875 г., кн. Д. Н. Цертелевъ оставался недолго въ Петербургѣ, гдѣ находилась тогда и его мать; они пріискивали себѣ здѣсь даже постоянную квартиру, но потомъ все-таки направились въ Липяги. По естественной ассоціаціи—въ виду спиритической темы и проч.—вспоминается Соловьеву и про И. О. Лапшина, съ которымъ онъ, надо думать, видѣлся не разъ въ Петербургѣ, когда гостилъ тамъ изъ-за своего магистерства.

Благодаря любезности С. Д. Лапшиной, мы располагаемъ еще кое-какимъ матеріаломъ, относящимся къ первымъ мѣсяцамъ 1875 г.

[1010]) Достаточное понятіе о тогдашнемъ положеніи спиритическихъ дѣлъ даетъ статья А. Н. Аксакова, относящаяся къ 1876 г. и отмѣченная уже нами въ прим. 398-омъ (см. выше, въ главѣ седьмой). — Изъ литературы того времени отмѣтимъ еще Вильяма Карпентера: *Месмеризмъ, одилизмъ, столоверченіе и спиритизмъ* (лекціи, читанныя, въ декабрѣ 1876 г., въ Лондонскомъ Институтѣ); С.-Петербургъ, 1878 г. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, и различныя историческія данныя, относящіяся до спиритизма и аналогичныхъ ученій. В. Карпентеръ указывалъ уже въ 1871 г. на „охватившую насъ въ послѣднее время нездоровую жажду «знаменій», которыя свидѣтельствовали бы о дѣйствительности существованія безтѣлесныхъ духовъ, и на пропорціональное этому равнодушіе къ законному вліянію благородныхъ жизней и чреватыхъ поучительностью изреченій великихъ и добродѣтельныхъ людей, покинувшихъ ранѣе насъ этотъ свѣтъ.“ *L. c.*, стр. 215.—См. также Э. Литтре, *Медицина и медики*; С.-Петербургъ, 1873 г.; стр. 105—134, очеркъ: *Говорящіе столы. Стучащіе духи.*—Жертвами крайнихъ увлеченій спиритизмомъ были тогда не только свѣтскіе люди и разные дилетанты, но и ученые спеціалисты. Особенно поучителенъ примѣръ извѣстнаго астронома С. F. Zöllner'а, совмѣщавшаго обширныя научныя познанія съ незаурядными философскими дарованіями. Въ началѣ 70-ыхъ годовъ вышло въ свѣтъ его знаменитое сочиненіе: *Ueber die Natur der Kometen*, а во второй половинѣ того-же десятилѣтія имъ опубликованы обширныя *Wissenschaftliche Abhandlungen*, посвященныя спиритизму... О высокой научно-философской цѣнности сочиненія С. F. Zöllner'а о природѣ кометъ см., между прочимъ, у Г. Струве, *Введеніе въ философію*; Варшава, 1890 г.; стр. 127.

Вотъ что̀ писалъ ей 9-го марта 1875 г. изъ Москвы А. Г. Орфано: [1011])—„Je n'ai que de tristes nouvelles à vous donner, chère Сусанна Денисовна, sur la maladie de M-lle Dubois; elle est bién malade et bien faible..... Malgré sa maladie nous ne faisons que parler du spiritisme avec elle, et mes visites lui font, je crois, beaucoup de plaisir, vu que je suis, actuellement, le seul spirite de sa connaissance qu'elle voit.—Maintenant revenons à vous, chère amie, votre dernière lettre me tranquilise fort peu et je suis toujours très inquiet de votre santé, c'est pourquoi je vous prie de me donner des détails plus complets sur votre état; n'oubliez pas que vous m'êtes chère non seulement comme amie, mais encore comme *médium*.—Je dois vous donner, maintenant, quelques détails sur Soloviev et ses occupations spirites, mais de grace ne parlez à personne de cela. Il faut vous dire que son séjour à Pétersbourg [1012]) lui a fait beaucoup de bien sous ce rapport, et il est revenu ici avec beaucoup moins de préventions contre le spiritisme. Mais voilà, qu'un mois de cela [значитъ, приблизительно въ началѣ февраля, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ письма Соловьева на имя кн. Д. Н. Цертелева отъ 8-го января], il me fait dire de passer chez lui; comme je le vois assez souvent, j'ai cru qu'il avait reçu une lettre de son frère et qu'il avait à me donner quelques nouvelles de vous. Mais figurez-vous mon étonnement quand il me dit que 2 jours de cela, étant revenu d'une soirée où on avait fait une séance, il a voulu vérifier par lui-même les mouvements et les coups, qu'il y avait vu et entendu, et, qu'à sa grande surprise, après quelques instants, qu'il s'était mis à sa table de nuit, cette dernière commence à tourner, faire des soubresauts et répondre à ses questions par des coups frappés par le pied. L'Esprit [слово это было написано, повидимому, сначала черезъ малую букву, а потомъ малая буква исправлена на большую] qui se manifestait, se disait être *Юркевичъ*. Depuis lors il continue à s'occuper de spiritisme, et s'il n'est pas encore tout-à-fait convaincu, il est bien près à l'être. Vous devez bien penser quel changement ces faits doivent porter à ses convictions,—

[1011]) Относительно А. Г. Орфано см. выше, въ главѣ восьмой, прим. 505-ое.

[1012]) Подразумѣвается, очевидно, пребываніе Соловьева въ Петербургѣ ради магистерства. Припомнимъ, что въ письмѣ отъ 13-го сентября 1874 г. на имя кн. Д. Н. Цертелева Соловьевъ выражалъ намѣреніе увидѣть въ Петербургѣ „знаменитаго медіума Вильямса". См. выше, въ главѣ одиннадцатой, прим. 741-ое и 754-ое. Но, и помимо Вильямса, въ Петербургѣ можно было найти тогда немало диковинокъ по части спиритизма.

cette croyance qu'il trouvait absurde devient une vérité objective!....." Послѣднія слова въ оригиналѣ подчеркнуты, какъ и фамилія: Юркевичъ.

Письмо А. Г. Орфано подаетъ поводъ къ нѣсколькимъ интереснымъ замѣчаніямъ. Мы видимъ, во-первыхъ, что въ глазахъ правовѣрныхъ спиритовъ Соловьевъ былъ въ началѣ 1875 г. скорѣе противникомъ, чѣмъ приверженцемъ спиритизма. [1013]) Получается, слѣдовательно, новое подтвержденіе нашимъ указаніямъ относительно далеко не слѣпой преданности Соловьева спиритизму даже въ эти ранніе годы. Лица, приписывающія ему эту преданность безъ всякихъ оговорокъ, такъ-же погрѣшаютъ противъ дѣйствительной правды, какъ и тѣ, которые слишкомъ прямолинейно причисляютъ его въ началѣ его общественной дѣятельности къ ортодоксальнымъ славянофиламъ. Бросается, далѣе, въ глаза, что, даже получивши нѣсколько „доказательствъ" въ пользу спиритизма путемъ личнаго опыта, причемъ ночной столикъ говоритъ ни больше ни меньше какъ отъ имени самого П. Д. Юркевича, Соловьевъ все-же не торопится признать себя окончательно убѣжденнымъ спиритомъ. И хотя въ письмѣ А. Г. Орфано высказывается предположеніе, что онъ весьма близокъ къ состоянію полной убѣжденности, тѣмъ не менѣе погрузиться съ головой и безъ остатка въ мутныя волны спиритизма Соловьеву такъ-таки и не пришлось. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что положительный личный опытъ по спиритической части долженъ былъ усилить вниманіе его къ спиритизму какъ разъ передъ самой заграничной поѣздкой, что, само собою разумѣется, не осталось безъ вліянія на направленіе его ближайшихъ теоретическихъ интересовъ. Наконецъ, любопытны слова письма о томъ, что пребываніе въ Петербургѣ было полезно для Соловьева въ смыслѣ нѣкотораго освобожденія его отъ предубѣжденій противъ спиритизма. Повидимому, тутъ имѣется въ виду главнымъ образомъ общеніе его съ А. Н. Аксаковымъ и семействомъ Лапшиныхъ. Возможно, однако, что нѣкоторую роль сыгралъ въ этомъ случаѣ и братъ Всеволодъ, отличавшійся точно также явственнымъ тяготѣніемъ къ міру таинственныхъ явленій. По словамъ К. Медвѣдскаго, „для Соловьева [Вс. С.] спиритизмъ не являлся единственнымъ окошкомъ, пропускаю-

[1013]) Въ главѣ восьмой мы уже упоминали, со ссылкой на воспоминанія С. Д. Лапшиной, о томъ, что всего больше удѣлялъ Соловьевъ вниманія спиритизму въ 1872 и 1873 гг., и что позднѣе онъ проявлялъ даже холодность къ соотвѣтствующей доктринѣ. См. выше, прим. 504-ое.

щимъ свѣтъ. Онъ вѣрилъ въ бытіе сверхчувственнаго міра и населяющихъ его существъ. Какія это существа — кончившія земное поприще или только готовящіяся вступить на него? Однажды Вс. С. охарактеризовалъ таинственныхъ посѣтителей спиритическихъ сеансовъ—матеріализовавшихся духовъ—словомъ «нежить», и это опредѣленіе мнѣ [К. Медвѣдскому] очень понравилось. Въ самомъ дѣлѣ, отчего не быть какой-то «нежити»?“ Вслѣдъ затѣмъ К. Медвѣдскій выражается такъ:—„я не могу судить, какими собственно познаніями обладалъ Вс. С. въ области спиритизма, но знаю, что въ его распоряженіи находился обильный матеріалъ, и что на собираніе и изученіе этого матеріала покойный писатель потратилъ немало времени. Знаю, наконецъ, слѣдующее: менѣе всего Соловьевъ [Вс. С.] принадлежалъ къ числу людей легковѣрныхъ.... У Соловьева [Вс. С.] былъ умъ и темпераментъ чрезвычайно тонкаго, осмотрительнаго и хладнокровнаго изслѣдователя. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ его книга: *Современная жрица Изиды* [С.-Петербургъ, 1893 г.; ср. также въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1892 г.]—разоблаченіе знаменитой въ своемъ родѣ Блаватской..... Да, Соловьевъ [рѣчь все время идетъ о Вс. С.] безспорно былъ мистикомъ, но это нисколько не мѣшало ему мыслить въ высшей степени трезво и положительно.“ [1014]) Значитъ,—приба-

[1014]) К. Медвѣдскій, *Памяти Вс. С. Соловьева*; *Историческій Вѣстникъ*, 1903 г., декабрь, стр. 998—1006;—стр. 1003, 1004.—Въ автобіографической запискѣ, составленной для К. П. Петрова, Вс. С. Соловьевъ выражается про себя такъ: —„Въ началѣ моей литературной дѣятельности я поставилъ себѣ три задачи: во-первыхъ,—познакомить по возможности самый широкій кругъ читателей съ разными интересными эпохами прошлой русской жизни, изображая ихъ такъ, какъ онѣ представлялись мнѣ при свободномъ, безпристрастномъ изученіи историческихъ матеріаловъ. Во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось изслѣдовать ходъ и развитіе мистицизма въ западно-европейскомъ и русскомъ обществѣ и написать большой романъ, гдѣ изображались бы результаты этого мистицизма, особенно характерные въ концѣ XVIII-го вѣка и въ началѣ XIX-го. Въ-третьихъ, я разсчитывалъ, приблизившись къ современной эпохѣ не только самымъ ходомъ моихъ литературныхъ работъ, но и результатами личнаго жизненнаго опыта, заняться главнѣйшимъ образомъ дѣйствительностью текущихъ дней.“ К. Петровъ, *Современные литературные дѣятели. Вс. С. Соловьевъ*; *Историческій Вѣстникъ*, 1901 г., май, стр. 698—710;—стр. 699.— А. Измайловъ сообщаетъ:—„Отъ покойнаго Всеволода Соловьева пишущему эти строки доводилось слышать немало разсказовъ о необыкновенныхъ сеансахъ, какіе поразительно удавались въ присутствіи его младшаго брата [Владиміра], о случаяхъ какъ-бы его ясновидѣнія, о свѣчахъ, гаснувшихъ и зажигавшихся въ темнотѣ.—По словамъ Всеволода Соловьева, который тоже былъ крайнимъ мистикомъ, съ излишнимъ подъ-часъ довѣріемъ къ своимъ чувствамъ и чужому разсказу, однажды въ его умѣ сложилось ночью стройное восьмистишіе. Утромъ пришелъ Владиміръ и

вимъ отъ себя,—и предъ лицомъ „сверхчувственнаго міра“ Вс. С. Соловьевъ не измѣнялъ своему обычному житейскому благоразумію.

Вернемся, однако, къ обозрѣнію собранныхъ нами оффиціальныхъ матеріаловъ.

Какъ только былъ полученъ упомянутый выше отзывъ изъ Варшавы по дѣлу М. М. Троицкаго, совѣтъ Московскаго университета безотлагательно обращается къ попечителю учебнаго округа съ нижеслѣдующимъ представленіемъ, помѣченнымъ 9-ымъ января 1875 г. и № 26:—„Совѣтъ университета имѣетъ честь покорнѣйше просить ходатайства Вашего Сіятельства о перемѣщеніи ординарнаго профессора Варшавскаго университета, статскаго совѣтника Троицкаго въ Московскій университетъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ философіи; при этомъ Совѣтъ считаетъ долгомъ присовокупить, что на запросъ Совѣта о томъ, нѣтъ-ли препятствія къ перемѣщенію г. Троицкаго въ Московскій университетъ, ректоръ Варшавскаго университета отвѣтилъ, отъ 30-го декабря прошлаго 1874 г., что къ перемѣщенію г. Троицкаго на службу въ Московскій университетъ препятствій не встрѣчается.“ [1015])

Если принять, согласно вышесказанному, что предложеніе попечителя съ благопріятнымъ отвѣтомъ по дѣлу Соловьева было получено университетомъ 7-го января 1875 г., то оказывается, что обращеніе къ попечителю по дѣлу М. М. Троицкаго послѣдовало не позднѣе какъ черезъ день послѣ того. Легко понять, что обращеніе

разсказалъ о странности: ему ночью приснилось стихотвореніе.—«Когда мы сличили наши восьмистишія,»—разсказывалъ Соловьевъ,—«мы были поражены ихъ почти безусловнымъ сходствомъ.»—Всеволодъ Соловьевъ, разсказывая это, былъ уже сѣдѣющимъ старикомъ, а мистификаторскихъ наклонностей у него никогда не было.“ А. Измайловъ, *Владиміръ Соловьевъ въ перепискѣ*; *Биржевыя Вѣдомости*, 1909 г., 11-го сентября, № 11306. На статью А. Измайлова обратилъ наше вниманіе Н. П. Вишняковъ.—„Разоблаченіе“ Блаватской, предпринятое Вс. С. Соловьевымъ, причинило нѣкоторую досаду его брату, Вл. С. Отголоскомъ этой досады является одно изъ примѣчаній къ предисловію къ *Тремъ разговорамъ*. Здѣсь мы читаемъ:—„.....Мнѣ продолжаютъ приписывать враждебно-обличительныя сочиненія противъ основательницы нео-буддизма, покойной Е. П. Блаватской. Въ виду этого считаю нужнымъ заявить, что я съ нею никогда не встрѣчался, никакими изслѣдованіями и обличеніями ея личности и производившихся ею явленій не занимался и ничего объ этомъ никогда не печаталъ (что касается до «теософскаго общества» и его ученія, см. мою замѣтку въ *Словарѣ* Венгерова и рецензію на книгу Блаван[=тс]кой *Key of the secret doctrine*, въ *Русскомъ Обозрѣніи*).“ *Соч.*, VIII, 460. Названныя въ скобкахъ статьи см. въ *Соч.*, VI, 261—266, 359—363.

[1015]) „Дѣло“ за № 300 (см. выше, прим. 73 и 904).

это могло вызвать нѣкоторое недоумѣніе въ учебно-окружномъ начальствѣ, которое, какъ кажется, ничего не знало ранѣе о томъ, что на каѳедру философіи намѣчены два преподавателя. Возможно и то, что до канцеляріи попечителя стали тутъ-же доходить какіе-нибудь пересуды о препирательствахъ, имѣвшихъ мѣсто въ засѣданіи совѣта 19-го декабря. Какъ бы то ни было, 14-го января 1875 г. за № 171 кн. Н. П. Мещерскій пишетъ:—„Совѣту Императорскаго Московскаго университета.—Получивъ представленіе Совѣта Московскаго университета отъ 9-го сего января за № 26, объ исходатайствованіи перемѣщенія въ сей университетъ на каѳедру философіи ординарнаго профессора Варшавскаго университета, статскаго совѣтника *Троицкаго*, и имѣя въ виду, что на означенную каѳедру, по ходатайству Совѣта университета, утвержденъ мною, 5-го сего января за № 37, въ званіи доцента магистръ *Соловьевъ*,—я нужнымъ считаю, для разъясненія сего дѣла, покорнѣйше просить о сообщеніи мнѣ тѣхъ доводовъ и соображеній, которыми руководствовался Совѣтъ при распредѣленіи преподаванія философіи между двумя преподавателями.“ [1016]) Судя по помѣткѣ наверху бумаги, предложеніе это было получено въ университетѣ 16-го января. Конечно, его надлежало прочесть въ ближайшемъ засѣданіи университетскаго совѣта, которое и состоялось 25-го января 1875 г.

Пока завязывалась эта канцелярская переписка, Вл. С. Соловьевъ, которому, припомнимъ попутно, 16-го января 1875 г. минуло 22 года, готовился къ своей вступительной лекціи, къ открытію перваго ряда своихъ доцентскихъ чтеній. Какъ разъ наканунѣ полученія попечительской бумаги съ извѣстнымъ намъ запросомъ о распредѣленіи преподаванія философіи между двумя преподавателями, ректоръ университета извѣщалъ 15-го января за № 42 попечителя Московскаго учебнаго округа о томъ, что „20-го сего января, въ понедѣльникъ, въ 1 часъ дня доцентъ Соловьевъ будетъ читать вступительную лекцію по предмету философіи, въ новомъ зданіи университета.“ На другой день, 16-го января, онъ-же доноситъ за № 48 кн. Н. П. Мещерскому, что Соловьевъ будетъ читать свою вступительную лекцію не въ 1 часъ, какъ ошибочно было означено въ упомянутомъ раньше извѣщеніи, а въ 12 часовъ дня. [1017]) Казалось бы, на основаніи этихъ данныхъ начало преподаватель-

---

[1016]) *Ibidem.*
[1017]) *Ibidem.*

ской дѣятельности Соловьева надо пріурочить совершенно точно къ 20-му января 1875 г. Но, знакомясь съ текстомъ вступительной лекціи, опубликованной первоначально во второй книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія* за 1875 г., мы встрѣчаемся здѣсь съ подзаглавнымъ замѣчаніемъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что лекція была „сказана" въ Московскомъ университетѣ 27-го января 1875 г., т. е. недѣлей позднѣе противъ возвѣщеннаго срока. [1018]) Предполагать тутъ опечатку едва-ли возможно. [1019]) Скорѣе слѣдуетъ допустить, что лекція была, дѣйствительно, перенесена на другой срокъ, хотя и не ясно, почему не сохранилось въ „дѣлѣ" слѣда о новомъ извѣщеніи попечителя. Впрочемъ, мыслимо, что о перенесеніи лекціи на другое число ему было доложено изустно.

Что-же, однако, вызвало эту перемѣну? Допустима догадка, что, въ виду запроса со стороны попечительской власти, полученнаго 16-го числа, возникло сомнѣніе, удобно-ли для Соловьева открывать свой курсъ прежде, чѣмъ будутъ заслушаны въ совѣтѣ университета попечительскія предложенія отъ 5-го и 14-го января, относящіяся до Соловьева и М. М. Троицкаго. А такъ-какъ засѣданіе совѣта предназначалось на 25-ое января, то и приходилось перенести вступительную лекцію на 27-ое число,—другими словами, отступить на недѣлю отъ срока, возвѣщеннаго 15-го числа.

Въ журналѣ засѣданія совѣта отъ 25-го января 1875 г. мы находимъ два пункта, касающіеся дѣла по замѣщенію каѳедры философіи. Въ ст. 6-ой этого журнала воспроизведенъ текстъ предложенія отъ 5-го января за № 37 и засимъ говорится:—„При чемъ помощникъ секретаря доложилъ, что копія съ сего предложенія передана въ правленіе университета 9-го сего января.—Опредѣлено: составить формулярные списки означенныхъ лицъ" [т. е. гр. Комаровскаго, Вл. С. Соловьева, К. Никитина, Е. Крылова, Ѳ. Флерова и И. Пущина]. Далѣе, въ ст. 9-ой идетъ рѣчь о предложеніи отъ 14-го января за № 171. Какъ усматривается изъ этой статьи, „Совѣтъ университета [заслушавъ означенное предложеніе], согласно заявленію проф. Усова, опредѣлилъ донести г. Попечителю слѣдующее:—Въ § 13-омъ Высочайше утвержденнаго устава университетовъ на историко-филологическомъ факультетѣ полагается 12 профессоровъ

[1018]) *Православное Обозрѣніе*, 1875 г., февраль, стр. 197—206. Дата: 27-го января 1875 г. повторена и въ обоихъ изданіяхъ собранія сочиненій Соловьева.

[1019]) Э. Л. Радловъ указываетъ тоже на 27-ое января 1875 г. Э. Л. Радловъ (прим. 13), стр. 13.

и 7 доцентовъ, т. е. 19 преподавательскихъ штатныхъ мѣстъ, которыя распредѣляются по 11 каѳедрамъ. [1020]) Если, кромѣ каѳедръ сравнительной грамматики, исторіи всеобщей литературы, церковной исторіи и теоріи искусствъ, гдѣ достаточно и по одному преподавателю, всѣ остальныя каѳедры будутъ имѣть по 2 преподавателя, и то будетъ занято всего 18 штатныхъ преподавательскихъ мѣстъ и университетъ будетъ имѣть право, не выходя изъ установленной Высочайше утвержденнымъ уставомъ нормы, прибавить еще одного преподавателя по какой-либо каѳедрѣ. Имѣя это въ виду, историко-филологическій факультетъ, на основаніи § 23-го лит. А пункта 1-го и лит. Б пунктовъ 2-го и 3-го устава университета, [1021]) единогласно рѣшилъ имѣть двухъ представителей по каѳедрѣ философіи, что необходимо по громадности предмета, преподаваемаго и на общихъ, и на спеціальныхъ курсахъ, раздѣленнаго и Высочайше утвержденнымъ уставомъ на три рубрики, [1022]) и что имѣло мѣсто въ университетахъ С.-Петербургскомъ и Варшавскомъ. [1023]) Вслѣдствіе чего историко-филологическій факультетъ и представилъ двухъ кандидатовъ, баллотированныхъ по § 70-му университетскаго устава. Совѣтъ Московскаго университета, на основаніи § 42-го лит. А пункта 1-го и § 46-го пункта 4-го, [1024]) баллотировалъ вопросъ о количествѣ пре-

---

[1020]) См. выше, въ главѣ пятой, прим. 304-ое.

[1021]) „§ 23. Предметы занятій факультетскихъ собраній суть:—А. *Предоставляемые утвержденію собственною властію:*—1) Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ.—2) ..... Б. *Предоставляемые на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта:*—1) .....—2) Принятіе мѣръ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по факультету профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій.—3) Распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія.—4) .....“ *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1046.

[1022]) Подъ „рубриками“ здѣсь подразумѣваются логика, психологія и исторія философіи, отнесенныя къ каѳедрѣ философіи. Ср. выше, въ главѣ пятой, прим. 304-ое.

[1023]) Въ главѣ тринадцатой мы уже указывали, что въ С.-Петербургскомъ университетѣ философія преподавалась одно время М. И. Владиславлевымъ и Ѳ. Ѳ. Сидонскимъ. Что касается Варшавскаго университета, тамъ совмѣстно съ М. М. Троицкимъ профессорствовалъ Г. Ю. Струве.

[1024]) „§ 42. Предметы занятій Совѣта суть:—А. *Предоставляемые утвержденію Совѣта:*—1) Распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія во всѣхъ факультетахъ. — 2) .....“ — „§ 46. Баллотированіе, или закрытая подача голосовъ, употребляется: 1) ..... 4) при всѣхъ вопросахъ, рѣшенія которыхъ баллотировкою потребуютъ, по крайней мѣрѣ, десять членовъ Совѣта.“ *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1050, 1052.—Ссылка на п. 4-ый § 46-го объясняетъ, почему въ журналѣ совѣтскаго засѣданія отъ 19-го декабря 1874 г. мы находимъ въ ст. 25-ой, между прочимъ, такія слова: — „ ..... г. ректоръ, по требованію членовъ Совѣта,

подавательскихъ мѣстъ, на которыя должны баллотироваться представленные факультетомъ кандидаты, а потомъ, на основаніи § 70-го и § 46-го пункта 1-го устава, [1025]) подвергъ баллотированію и самыя лица и оба кандидата были избраны. Послѣ чего избранный въ доценты г. Соловьевъ, на основаніи § 72-го, былъ представленъ г. Попечителю на утвержденіе, а избранный въ ординарные профессоры г. Троицкій, на основаніи § 42-го лит. В пункта 1-го и § 72-го, [1026]) былъ представленъ Попечителю-же, черезъ коего это представленіе должно идти на утвержденіе г. Министра народнаго просвѣщенія. Предварительное сношеніе съ Варшавскимъ университетомъ о томъ, не имѣется-ли препятствія для перемѣщенія г. Троицкаго, обусловило то, что одновременно избранные гг. Троицкій и Соловьевъ не могли быть одновременно представлены, и что г. Троицкій былъ представленъ нѣсколько позже г. Соловьева, т. е. по полученіи отвѣта отъ Варшавскаго университета." [1027])

Постановивши дать попечителю отвѣтъ, согласный съ заявленіемъ проф. С. А. Усова, [1028]) совѣтъ университета могъ полагать, что

предложилъ рѣшить закрытою баллотировкою вопросъ: баллотировать-ли предложенныхъ факультетомъ кандидатовъ на каѳедру философіи на два мѣста или на одно....." См. выше, въ главѣ четырнадцатой.—Относительно § 70-го см. въ главѣ четырнадцатой, прим. 913-ое.—Напомнимъ, со ссылкою на ту-же главу четырнадцатую, что хотя въ засѣданіи совѣта 14-го декабря 1874 г. и было рѣшено приступить въ слѣдующемъ засѣданіи къ баллотированію М. М. Троицкаго и Соловьева, тѣмъ не менѣе въ этомъ слѣдующемъ засѣданіи 19-го декабря, вслѣдствіе происшедшаго обмѣна мнѣній, оказалось необходимымъ, „по требованію членовъ совѣта", рѣшить предварительно закрытою баллотировкою вопросъ: баллотировать-ли предложенныхъ факультетомъ кандидатовъ на два мѣста или на одно?

[1025]) П. 1-ый § 46-го предписываетъ баллотированіе „при избраніи всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ выборъ предоставленъ Совѣту." *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1052.—О § 70-омъ только-что упоминалось въ предшествующемъ прим. 1024-омъ.

[1026]) „§ 42. Предметы засѣданій Совѣта суть:—А. ..... — Б. ..... — В. *Представляемые, чрезъ Попечителя, на утвержденіе Министра.* — 1) Избраніе ректора, декановъ, проректора или инспектора и профессоровъ. — 2) ....." *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1050, 1052. — Относительно § 72-го см. выше, прим. 1000-ое.

[1027]) „Дѣло" за № 300 (прим. 73 и 904).

[1028]) Проф. Усовъ, о которомъ идетъ рѣчь въ журналѣ совѣта отъ 25-го января 1875 г., есть, безъ сомнѣнія, проф. Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ, занимавшій въ Московскомъ университетѣ каѳедру зоологіи. Родился онъ въ 1827 г., а скончался въ 1886 г. Степень магистра получена имъ въ 1865, степень доктора—въ 1867 г. „Усовъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей и инціаторовъ основанія общества акли-

дальше уже не встрѣтится никакихъ помѣхъ для благополучнаго разрѣшенія вопроса о замѣщеніи каѳедры философіи, тѣмъ болѣе, что сама ст. 6-ая прошла совершенно гладко, не вызвавши какихъ-либо ретроспективныхъ недоразумѣній. Сообразно съ этимъ, не оказывалось сколько-нибудь уважительныхъ поводовъ и для Соловьева еще дальше медлить съ открытіемъ своего курса; онъ и приступилъ къ чтенію лекцій въ понедѣльникъ, 27-го января 1875 г. А между-тѣмъ дѣло М. М. Троицкаго все-таки затянулось. Видно, ужъ такова была судьба этой съ самаго начала пререкаемой кандидатуры.

Вступительная лекція Соловьева появилась въ печати подъ спеціальнымъ заглавіемъ: *Метафизика и положительная наука.* [1029])— „Во всѣхъ кругахъ своей дѣятельности“, говоритъ здѣсь Соловьевъ, „человѣкъ прежде всего стремится къ свободѣ..... въ особенности-же это стремленіе свойственно ему въ идеальной сферѣ познанія. Всѣ практическія и теоретическія попытки такъ или иначе стѣснить дѣятельность человѣческой мысли, положить ей безусловныя непреложныя границы, оказывались безуспѣшными и имѣли только минутное значеніе.“ Съ точки зрѣнія этого основного положенія, представляется заранѣе осужденнымъ на неудачу то „чисто-отрицательное“ воззрѣніе, которое „развѣ только въ ироническомъ смыслѣ можно называть положительною философіей.“ Противорѣча стремленію познавательной дѣятельности къ безусловной свободѣ и ополчаясь, во имя положительной науки, противъ прирожденной метафизической потребности человѣчества, позитивизмъ проявляетъ свою несостоя-

матизаціи и зоологическаго сада въ Москвѣ, а послѣ смерти Рулье редакторомъ *Вѣстника естественныхъ наукъ*, издававшагося обществомъ испытателей природы. Въ университетской жизни извѣстенъ, какъ энергичный защитникъ устава 1863 г.“ Помимо своей спеціальности, С. А. Усовъ много занимался археологіей и опубликовалъ нѣсколько сообщеній въ изданіяхъ археологическаго общества. *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. XXXV, С.-Петербургъ, 1902 г.; стр. 12.— О проф. С. А. Усовѣ мы упоминали въ главѣ пятой, перечисляя преподавателей физико-математическаго факультета Московскаго университета въ годы студенчества Вл. С. Соловьева.—Изображая московскій профессорскій кружокъ во дни своей молодости, И. И. Янжулъ вспоминаетъ съ большимъ сочувствіемъ и семью С. А. Усова, „одного изъ замѣчательныхъ людей 40-ыхъ годовъ, большого пріятеля, если не товарища, Писемскаго и Юрьева, съ которыми онъ, кажется, былъ даже на «ты». Сергѣй Алексѣевичъ Усовъ былъ умный, очень разносторонне образованный, чрезвычайно живой и веселый русскій колоссъ, который, при огромномъ ростѣ, отличался большой подвижностью, веселостью, юморомъ и остроуміемъ.“ И. И. Янжулъ (прим. 822), вып. I, стр. 138.

[1029]) *Соч.*, I, 187—194.— Ср. выше, прим. 1018-ое.

тельность еще и въ томъ, что онъ препятствуетъ разрѣшенію теоретическихъ задачъ самой положительной науки. — Указанное отрицательное воззрѣніе отстаиваетъ ту мысль, что подъ законами явленій, изученіемъ каковыхъ законовъ и занимается положительная наука, напр., въ лицѣ физики, слѣдуетъ разумѣть только тѣ или другія внѣшнія отношенія сосуществованія, послѣдовательности и подобія наблюдаемыхъ явленій. Но это не такъ. „Наука..... ищетъ истину внѣшняго явленія [т. е. отвѣта на вопросъ, что̀ есть то, что намъ дается черезъ внѣшнія чувства] не въ немъ самомъ какъ данномъ, а за нимъ въ чемъ-то другомъ." Въ отличіе отъ позитивистическаго воззрѣнія, признающаго реальный міръ не сущимъ, а только кажущимся, и утверждающаго въ то-же время безусловную невозможность для познанія выйти за предѣлы этой завѣдомо не истинной дѣйствительности, физическая наука, напротивъ того, и допускаетъ эту возможность, и на самомъ дѣлѣ выходитъ за предѣлы всякой данной дѣйствительности. [1030])—Сообразно съ сказаннымъ,

---

[1030]) Невольно приходятъ здѣсь на мысль прекрасныя разсужденія психофизика Г. Т. Фехнера, которыми онъ начинаетъ свое извѣстное сочиненіе: *Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht*; Leipzig, 1879:—„Eines Morgens sass ich im Leipziger Rosenthal auf einer Bank..... und blickte durch eine Lücke, welche das Gebüsch liess, auf die davor ausgebreitete schöne grosse Wiese.....—Seltsame Täuschung, sagte ich mir. Im Grunde ist doch Alles vor mir und um mich Nacht und Stille; die Sonne, die mir so glänzend scheint, dass ich mich scheue, ihr mein Auge zuzuwenden, in Wahrheit nur ein finstrer, im Finstern seinen Weg suchender, Ball. Die Blumen, Schmetterlinge lügen ihre Farben, die Geigen, Flöten ihren Ton. In dieser allgemeinen Finsterniss, Oede und Stille, welche Himmele und Erde umfängt, schweben nur einzelne, innerlich helle, farbige und klingende, Wesen, wohl gar nur Puncte, tauchen aus der Nacht auf, versinken wieder darein, ohne von ihrem Licht und Klange etwas zu hinterlassen, sehen einander, ohne dass etwas zwischen ihnen leuchtet, sprechen mit einander, ohne dass etwas zwischen ihnen tönt. So heute und so war es von Anbeginn und wird es sein in Ewigkeit. Was sage ich: vielmehr Milliarden von Jahren war es nicht kalt genug, und wie lange wird es dauern, so wird es zu kalt für den Bestand von solchen Wesen sein. Dann wird Alles wieder ganz finster und stille sein wie vordem.....—Zwar der natürliche Mensch wehrt sich gegen diese Weisheit..... Aber er lässt sich von der Wissenschaft belehren, und glaubt nun um so klüger zu sein, dass er eine Illusion weniger hat. Die Illusion zwar bleibt und spottet seines Wissens wie dieses seiner Illusion spottet. Was von Beidem hat endlich Recht? Gewiss ist, dass die Illusion nie weichen wird; steht das Wissen, dass es eine Illusion ist, wohl eben so fest, und ist es nicht vielmehr selbst eine Illusion?.....—In der That ist mein Glaube, dass, so sicher als auf die Nacht der Tag, auf jene Nachtansicht der Welt dereinst eine Tagesansicht folgen wird, die, statt sich in Widerspruch mit

„міръ непосредственнаго воззрѣнія“ и „міръ науки“ — „два совершенно различные міра“. Достаточно сослаться ради иллюстраціи этого положенія хотя-бы на свѣтовыя явленія,—какъ они представляются непосредственному воззрѣнію, и какъ они изображаются наукой. То-же справедливо и въ отношеніи другихъ частей міра внѣшнихъ явленій. „Подобнымъ образомъ, разлагая всю конкретную видимость чувственнаго міра, наука приходитъ къ внѣ-чувственной дѣйствительности однородныхъ атомовъ..... Но сами атомы.... не даны ни въ какомъ опытѣ: они найдены разсудкомъ..... это не данныя опыта, а продукты мышленія.“—Выходитъ, слѣдовательно, что „міръ чувствъ для науки есть обманъ чувствъ, а истина, объективная истина остается исключительно за результатами самой науки“, продуктомъ разсудочнаго мышленія. „За внѣшнюю, независимую отъ субъекта реальность“ наука признаетъ то, что „имѣетъ..... субъективное происхожденіе“, что „есть непосредственно только моя субъективная мысль“.—Можно-ли, однако, считать такой образъ дѣйствій правильнымъ? на какомъ основаніи буду я приписывать объективную истинность тому, что есть лишь моя субъективная мысль? Сама атомистика, какъ таковая, не выдерживаетъ всесторонней критики. Вывести данную дѣйствительность изъ системы атомовъ тоже нельзя, „потому-что совершенно невозможно изъ механической суммы однородныхъ атомовъ объяснить все закономѣрное и идеальное многообразіе дѣйствительнаго міра явленій.“ Въ связи съ этимъ указаніемъ на „безсиліе и безотвѣтность атомистическаго воззрѣнія и, слѣдовательно, реализма въ тѣсномъ смыслѣ“ Соловьевъ приводитъ „глубокомысленное замѣчаніе“ П. Д. Юркевича, выраженное такъ:— „Какую..... ломку въ нашихъ головахъ и опытахъ слѣдуетъ предпринять, чтобы необозримое множество существъ одушевленныхъ и прекрасныхъ и чтобы всѣ отношенія міра, поражающія насъ присутствіемъ порядка, замысловатости и непосредственной жизненности,

---

der natürlichen Ansicht der Dinge zu stellen, vielmehr damit unterbauen und darin den Grund zu einer neuen Entwicklung finden wird.....—Damit das Licht über uns hinaus in aller Welt gesehen, der Schall gehört werde, muss es ein sehendes und hörendes Wesen dazu geben. Und hat man nicht schon sonst von einem Gott gehört, der in der Welt allgegenwärtig und allwissend waltet.... Für die Tagesansicht ist die Welt von seinem Sehen durchleuchtet, von seinem Hören durchtönt; was wir selber von der Welt sehen und hören, ist nur die letzte Abzweigung seines Sehens und Hörens; und über Allem, was er mehr als wir von der Welt sieht und hört, baut sich in ihm auch Höheres als in uns.“ *L. c.*, pp. 3—5. — По времени своего появленія слова Г. Т. Фехнера близки къ словамъ Соловьева.

пригнать къ простому и бѣдному бытію безразличныхъ атомовъ. То, что по убѣжденію разума особенно достойно бытія, должно оказаться призракомъ; напротивъ то, что составляетъ лишь безразличное условіе для всякаго міра, должно быть признано истинно сущимъ....." [1031])— Итакъ, физическая наука или естествознаніе въ широкомъ смыслѣ сводитъ явленія къ началамъ не-эмпирическимъ, а начала эти, устанавливаемыя наукой, оказываются лишенными достовѣрности. Надо, значитъ, искать дальнѣйшаго обоснованія этихъ началъ, т. е. сведенія ихъ къ такому началу, которое, заключая въ себѣ самомъ свою истину и достовѣрность, было бы безусловно необходимымъ или абсолютнымъ. Физическая наука, какъ наука частная или относительная, такого начала содержать въ себѣ не можетъ: познаніе объ этомъ абсолютномъ началѣ она должна получать отъ другой науки— науки о подлинно сущемъ или безусловномъ, т. е. метафизики.— „Если такимъ образомъ познаніе міра *физическаго* въ тѣсномъ смыслѣ предполагаетъ метафизику какъ свое послѣднее основаніе, то точно также предполагаетъ ее и познаніе міра *человѣческаго*." Науки, изучающія явленія человѣческой жизни, суть какъ-бы части одной науки — общей исторіи человѣчества, стремящейся понять смыслъ жизни человѣчества. „Признаніе смысла въ исторіи равняется признанію ея какъ нѣкотораго цѣльнаго развитія. Понятіе же развитія предполагаетъ извѣстное начало и извѣстную цѣль. Между-тѣмъ фактическая исторія есть отрывокъ безъ начала и конца, неопредѣленный сегментъ неизвѣстной дуги, нѣчто само по себѣ лишенное смысла." Свои высшія начала историческая наука должна получать отъ другой науки—всеобщей и цѣльной, т. е. опять-таки отъ метафизики.—Конечно, отдѣльныя науки—какъ относящіяся къ области естествознанія, такъ и относящіяся къ области исторіи въ широкомъ смыслѣ — могутъ обходиться въ своихъ частныхъ областяхъ безъ разрѣшенія основныхъ вопросовъ познанія. Но это есть „эгоистиче-

[1031]) Довольно обширную цитату изъ П. Д. Юркевича мы приводимъ здѣсь съ пропусками. Соловьевъ не поясняетъ, откуда именно заимствуетъ онъ сужденія своего бывшаго учителя и предмѣстника по каѳедрѣ. Соотвѣтствующія справки показали, что цитата берется имъ изъ рѣчи П. Д. Юркевича: *Разумъ по ученію Платона и опытъ по ученію Канта* (см. выше, въ главѣ седьмой); *Московскія Университетскія Извѣстія*, 1865 г., № 5; Москва, 1866 г.; стр. 321—392;—стр. 346. Цитируя П. Д. Юркевича, Соловьевъ допускаетъ, впрочемъ, кое-какія мелкія отступленія отъ оригинала, не измѣняющія существеннаго смысла содержанія. Въ воспроизводимой нами части цитаты слово: „лишь" передъ словами: „безразличное условіе" прибавлено Соловьевымъ.

ское существованіе частныхъ наукъ"—„разложеніе", „гніеніе человѣческаго познанія". По этому случаю Соловьевъ снова цитируетъ слова П. Д. Юркевича, уподобляющаго спеціальную науку, замыкающуюся въ самой себѣ, тому „натуральному человѣку", которому чуждо „благо общаго или цѣлаго". [1032])—„Кажется, мм. гг.," продолжаетъ Соловьевъ, „наступаетъ пора для науки выйти изъ этого печальнаго состоянія." Въ подтвержденіе этой догадки онъ ссылается на Льюиса, котораго онъ называетъ „извѣстнымъ физіологомъ и позитивнымъ философомъ". Льюисъ предвозвѣщаетъ „появленіе на свѣтъ чего-то новаго и могучаго": „мы видимъ", говоритъ онъ, между прочимъ, „что не только физика находится наканунѣ преобразованія, но замѣчаемъ и въ метафизикѣ странное движеніе и несомнѣнные признаки пробуждающейся жизни. Послѣ длиннаго періода забвенія и пренебреженія вопросы ея снова заявляютъ свои права." [1033]) — Новая метафизика не будетъ, впрочемъ, безъ связи съ прошлымъ: „она можетъ явиться только какъ необходимый плодъ всего предъидущаго философскаго развитія." Въ развитіи „философской метафизики" Соловьевъ различаетъ „три самобытные фазиса". Одинъ изъ нихъ пріурочивается къ Индіи, другой—къ Греціи, тре-

---

[1032]) Отрывокъ, на который здѣсь ссылается Соловьевъ безъ подстрочнаго примѣчанія, мы находимъ точно также въ извѣстной рѣчи П. Д. Юркевича о разумѣ по Платону и опытѣ по Канту (см. предшествующее прим. 1031). *L. c.*, стр. 389, 390. Сказанное раньше относительно мелкихъ отступленій отъ оригинала примѣнимо и къ настоящему случаю.

[1033]) Соловьевъ, какъ и раньше, не указываетъ, откуда именно заимствуетъ онъ цитируемыя слова. Принимая, однако, во вниманіе, что русской переводной новинкой было въ то время сочиненіе названнаго автора, Дж. Г. Льюиса, подъ заглавіемъ: *Вопросы о жизни и духѣ*, всего естественнѣе было бы искать источника цитаты именно въ этомъ трудѣ. И дѣйствительно, въ началѣ т. I-го (на стр. 2, 3, 5 и 6) мы находимъ какъ разъ интересующія насъ разсужденія. Цитируетъ Соловьевъ съ пропусками противъ оригинала, не оговаривая этихъ пропусковъ, но въ общемъ смыслъ дѣла имъ, конечно, не измѣняется. См. Дж. Г. Льюиса, *Вопросы о жизни и духѣ*; т. I, С.-Петербургъ, 1875 г.; т. II, С.-Петербургъ, 1876 г.—Ссылку на Дж. Г. Льюиса слѣдуетъ признать чрезвычайно удачной: раньше авторъ этотъ держался вѣдь иныхъ взглядовъ на метафизику, и тутъ онъ является какъ-бы раскаявшимся позитивистомъ. „Типическимъ защитникомъ метафизики,"—говоритъ Г. Струве,—„какъ «науки о наиболѣе общихъ началахъ»—противъ Конта съ точки зрѣнія новѣйшей науки, является Дж. Г. Льюисъ, въ своихъ *Вопросахъ о жизни и духѣ (Problems of life and mind)*..... Это тотъ-же самый позитивистъ Льюисъ, который въ первомъ изданіи своей *Исторіи философіи* (1846, русскій переводъ 1865) подъ вліяніемъ Конта отвергалъ всякую метафизику и въ философіи до Конта видѣлъ только однѣ безуспѣшныя попытки уразумѣть міръ." Г. Струве (прим. 1010), стр. 34.

тій—къ Германіи. „Изслѣдованіе новѣйшей германской метафизики“ и должно составить предметъ курса, открываемаго нашимъ молодымъ доцентомъ. „Сравнивая необходимые логически результаты этой новѣйшей метафизики съ результатами философіи индійской и греческой, мы увидимъ,“ говоритъ въ заключеніе Соловьевъ, „что умъ человѣческій постоянно вырабатывалъ и развивалъ одно и то-же истинное воззрѣніе, и что это истинное воззрѣніе есть не то, которое суживаетъ и сковываетъ познаніе и жизнь человѣка, а то, которое ихъ безконечно расширяетъ и освобождаетъ.“

Небольшая вступительная лекція, только-что вкратцѣ воспроизведенная нами, и начинается, и заканчивается заявленіями, объединяющими въ идеалѣ свободы интересы знанія и жизни. Принимая во вниманіе тогдашнее настроеніе университетской молодежи, можно съ положительностью утверждать, что такія заявленія должны были произвести благопріятное впечатлѣніе на аудиторію, и что трудно было бы даже нарочно придумать наиболѣе удачный способъ для того, чтобы на мѣсто позитивизма выдвинуть, безъ риска неудачи въ самомъ-же началѣ, метафизику. Соловьевъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ въ полномъ согласіи съ самимъ собою, ибо, какъ мы знаемъ, съ одной стороны, онъ признавалъ совершенно неестественнымъ оторванное отъ жизни философствованіе, а съ другой—онъ былъ увѣренъ, что разумъ человѣческій, вырвавшійся на волю изъ средневѣковыхъ монастырей, призванъ ввести въ разумную безусловно форму не что другое, какъ вѣчное содержаніе христіанства.[1034]) Но едва-ли въ этомъ именно смыслѣ понимали студенты своего молодого преподавателя—тутъ-же, на первыхъ порахъ; скорѣе можно допустить, что за словами объ истинномъ воззрѣніи, безконечно расширяющемъ и освобождающемъ познаніе и жизнь человѣка, имъ мерещилось не совсѣмъ то, или даже совсѣмъ не то, о чемъ помышлялъ Соловьевъ. Возможно, значитъ, что благопріятное для лектора настроеніе аудиторіи пріобрѣталось цѣною нѣкотораго недоразумѣнія... Любопытно, далѣе, какимъ образомъ подходитъ Соловьевъ къ тому, чтобы сдѣлать удобопріемлемымъ понятіе о безусловномъ. Онъ утверждаетъ, что наука ищетъ истину явленія не въ немъ самомъ, а за нимъ, въ чемъ-то другомъ, и что открываемыя такимъ путемъ не-эмпирическія начала получаютъ свое обоснованіе за предѣлами той или другой частной науки, отъ нѣко-

[1034]) Ср. выше, въ главѣ восьмой, переписку Соловьева съ Е. В. Романовой (Селевиной). *П.*, III, 85, 87—90.

торой всеобщей и цѣльной науки, т. е. метафизики. Такое разсужденіе, само собою разумѣется, можетъ казаться достаточнымъ лишь въ качествѣ пропедевтическаго, ибо многое оставляется имъ совершенно въ тѣни. Вѣрно, что наука не довольствуется непосредственными показаніями органовъ чувствъ и старается углубить свой анализъ за соотвѣтствующую наивную эмпирію; но вѣдь тѣ не-эмпирическія начала, до которыхъ добирается наука, не суть все-таки начала метэмпирическія, которыя устанавливаются или которыя должна установить метафизика, какъ всеобщая и цѣльная наука о подлинно-сущемъ или безусловномъ. Въ отличіе отъ тѣхъ эмпирическихъ началъ, на которыхъ покоится обычное міросозерцаніе, высшія научныя начала могутъ быть названы началами не-эмпирическими; точно также и начала философскія, метафизическія могутъ быть названы началами не-эмпирическими, въ качествѣ началъ метэмпирическихъ, отличныхъ отъ началъ вообще эмпирическихъ. Но вѣдь ясно, что выраженію: „начала не-эмпирическія" усваивается въ обоихъ этихъ случаяхъ различный смыслъ. И если слушателямъ Соловьева легко было допустить, что мы не можемъ обойтись безъ началъ не-эмпирическихъ въ первомъ смыслѣ, то ужъ не такъ-то легко могли бы они согласиться на принятіе не-эмпирическихъ началъ во второмъ смыслѣ. Очевидно, и тутъ намѣчалась возможность расхолаживающаго недоразумѣнія — по крайней мѣрѣ, въ будущемъ... Остановимся еще на трехъ самобытныхъ фазисахъ, различаемыхъ Соловьевымъ въ развитіи философской метафизики. Ограждая метафизику, на которую сыпались тогда удары со всѣхъ сторонъ, почетнымъ титуломъ: „философская", онъ желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ показать, что дѣло метафизики есть дѣло великое и сложное, захватывающее цѣлые вѣка человѣческой исторіи и главные очаги человѣческой цивилизаціи. Пріуроченіе перваго изъ этихъ самобытныхъ фазисовъ къ Индіи напоминаетъ воззрѣнія Шопенгауэра, отъ котораго Соловьевъ ведетъ начало новѣйшаго кризиса въ западной философіи, [1035]) а также и Э. ф. Гартманна, философія котораго послужила ближайшимъ поводомъ къ написанію *Кризиса западной философіи.* Мы полагаемъ, однако, что „индійская философія" является во вступительной лекціи не столько синонимомъ буддизма или подобныхъ ему ученій, сколько вообще представительницей того „Востока", „великимъ теологическимъ ученіямъ" котораго Соловьевъ придавалъ такое большое

[1035]) *Соч.,* I, 71.

значеніе. [1036]) А такъ-какъ среди этихъ теологическихъ ученій первенствуетъ, конечно, христіанство, то вотъ и еще тема, грозящая— при данныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени — точно также немалыми осложненіями... Приходится такимъ образомъ сознаться, что хотя, „сказывая" свою вступительную лекцію, Соловьевъ, можетъ-быть, и держалъ въ памяти свои-же слова изъ письма къ кн. Д. Н. Цертелеву отъ 8-го января 1875 г. о пользѣ не слишкомъ открытаго выраженія непопулярныхъ взглядовъ, [1037]) тѣмъ не менѣе онъ уже въ первомъ обращеніи своемъ къ студентамъ выдвинулъ нѣсколько такихъ тезисовъ, которые могли весьма скоро сдѣлаться предметомъ невыгодныхъ для него истолкованій.

Курсъ, открытый Соловьевымъ 27-го января 1875 г., продолжался недолго—всего лишь нѣсколько недѣль. Въ февралѣ должна была отпасть недѣля масляницы, съ 16-го числа по 23-е, а 6-го апрѣля начиналась страстная недѣля, ибо Пасха приходилась въ 1875 г. на 13-ое апрѣля. Какіе учебные часы были предоставлены въ распоряженіе Соловьева въ разумѣемомъ здѣсь учебномъ полугодіи, [1038]) и какія давались ему служебныя порученія со стороны историко-филологическаго факультета, мы не знаемъ, ибо, по словамъ С. И. Соболевскаго, протоколы за 1875 и 1876 гг. не сохранились. [1039]) Несомнѣнно, впрочемъ, что уже въ мартѣ 1875 г. совѣтъ Московскаго университета имѣлъ сужденіе по вопросу о командированіи Соловьева за-границу съ 1-го іюня того-же года. Объ этомъ будемъ говорить особо, а пока отмѣтимъ лишь, что, значитъ, уже очень скоро выяснилась возможность довольно продолжительнаго перерыва въ только-что начавшейся преподавательской дѣятельности нашего

[1036]) *Соч.*, I, 143.

[1037]) См. выше, въ этой-же главѣ.

[1038]) „§ 83 [университетскаго устава 1863 г.]. Штатные преподаватели должны употреблять на изложеніе своего предмета столько часовъ въ недѣлю, сколько, на основаніи представленныхъ ими соображеній и по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, назначитъ имъ факультетъ, съ утвержденія Совѣта." *Сборникъ постановленій* и т. д. (прим. 137), стр. 1061.

[1039]) Частныя сообщенія отъ 21-го декабря 1914 г. и 3-го мая 1915 г. — По „росписанію времени преподаванія учебныхъ предметовъ", которое намъ удалось получить и за 18⁷⁴/₇₅-ый учебный годъ, судить о лекціонныхъ часахъ Соловьева тоже нельзя, ибо въ „росписаніи", относящемся до перваго полугодія, значится, въ качествѣ преподавателя философіи, еще П. Д. Юркевичъ, а „росписаніе", относящееся до второго полугодія, составлялось, очевидно, тогда, когда Соловьевъ еще не былъ утвержденъ въ должности доцента, такъ-что преподавателя философіи здѣсь вовсе не оказывается.

доцента, — въ соотвѣтствіи съ предположеніями, выраженными имъ въ извѣстномъ намъ письмѣ его на имя кн. Д. Н. Цертелева отъ 8-го января 1875 г.

Трудно судить также и о томъ, насколько великъ или малъ былъ успѣхъ Соловьева передъ его слушателями въ эту самую раннюю пору его преподавательства. А. Н. Шварцъ, державшій свой магистерскій экзаменъ осенью 1873 г. и защищавшій магистерскую диссертацію (въ возрастѣ 27 лѣтъ) въ мартѣ 1875 г., а въ апрѣлѣ того-же года избранный доцентомъ на каѳедру греческаго языка и словесности при Московскомъ университетѣ, [1040]) разсказывалъ намъ, что особенно громкой славы о лекціяхъ Соловьева въ то время не ходило. Лекціями его, безспорно, интересовались, но, какъ кажется, по-преимуществу въ виду его молодости и въ виду того, что отецъ его былъ знаменитымъ ученымъ и ректоромъ университета. Съ болѣе общей точки зрѣнія о тогдашнемъ положеніи Соловьева высказывается кн. Д. Н. Цертелевъ такъ: — „Выступленіе..... молодого философа съ диссертаціей, направленной противъ позитивизма, являлось не только неожиданностью, но и неслыханной дерзостью, и когда вслѣдъ затѣмъ Владиміръ Соловьевъ получилъ каѳедру П. Д. Юркевича, онъ сразу сталъ въ Москвѣ знаменитостью. Редакціи искали его сотрудничества, дамы наразрывъ приглашали его на чашку чая, а литературные противники старались облить помоями. На самого Соловьева это исключительное положеніе, завоеванное имъ въ двадцать два года, не могло не имѣть вліянія не всегда благотворнаго. Вынужденный по самымъ разнороднымъ вопросамъ выступать въ роли учителя, онъ тѣмъ самымъ связывалъ себя на будущее время, такъ-какъ позднѣе не могъ уже говорить иначе, чѣмъ говорилъ въ первой молодости, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою.—Вѣроятно, именно отъ этой ранней привычки къ каѳедрѣ у Соловьева осталась нѣкоторая нелюбовь къ спорамъ, къ подробному обсужденію мнѣній людей противоположнаго направленія, и стремленіе къ систематизаціи еще не доказанныхъ гипотезъ. Во время своего увлеченія славянофильскими теоріями, Соловьевъ часто вспоминалъ изреченіе: — Два Рима пало, третій стоитъ, четвертому не бывать, — разумѣя подъ третьимъ Римомъ Москву. Позднѣе, когда стремленіе къ церковному единству заставляло его тяготѣть къ пер-

---

[1040]) С. Соболевскій, *Александръ Николаевичъ Шварцъ*; *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1916 г., январь, стр. 15—55, февраль, стр. 97—140, мартъ, стр. 38—70;—январь, стр. 30, 33, 39.

вому, хотя и павшему Риму, оно явилось причиною, можетъ-быть, не совсѣмъ справедливаго отношенія къ московскому періоду русской исторіи." [1041]) Намъ думается, что соображенія кн. Д. Н. Цертелева относительно невыгодныхъ для Соловьева послѣдствій его слишкомъ ранняго университетскаго преподавательства не лишены извѣстной доли правды...

А какъ-же складывалось тѣмъ временемъ дѣло „вновь избраннаго коллеги" Соловьева—проф. М. М. Троицкаго?

Того-же 27-го января 1875 г., когда Соловьевъ читалъ свою вступительную лекцію, отъ совѣта университета за № 164 сообщалось управляющему Московскимъ учебнымъ округомъ о послѣдовавшемъ „согласно заявленію проф. Усова" постановленіи, воспроизведенномъ нами выше. [1042]) Но учебный округъ такимъ отвѣтомъ на свой запросъ не удовлетворился. 15-го февраля 1875 г. за № 1009 канцелярія попечителя Московскаго учебнаго округа, „по приказанію Его Сіятельства г. Попечителя", просила канцелярію совѣта Московскаго университета „о доставленіи, въ дополненіе къ донесенію Совѣта университета отъ 27-го минувшаго января за № 164,—копіи съ протокола засѣданія Совѣта объ избраніи магистра *Соловьева* въ доценты университета и о переводѣ ординарнаго профессора Варшавскаго университета, статскаго совѣтника *Троицкаго* на службу въ здѣшній университетъ на каѳедру философіи." Соотвѣтствующая записка, изложенная на оффиціальномъ бланкѣ, ничьей подписью не скрѣплена. Наверху записки имѣется помѣтка: „18 февраля 1875 г." Сбоку, на полѣ, обозначено — карандашомъ: „Подложить къ дѣлу", и чернилами: „Дѣло Совѣта университета 1874 г. № 300 получилъ. Правитель Канцеляріи....." [подпись неразборчива]. [1043]) Значитъ, представителемъ попечительской канцеляріи взято было для просмотра просто-напросто все „дѣло" — т. е. всѣ тѣ матеріалы, которыми пользуемся теперь и мы въ настоящей главѣ, и которые были использованы нами раньше, въ главѣ предшествующей.

Плодомъ всей этой осложнившейся переписки было то, что окончательное рѣшеніе по дѣлу М. М. Троицкаго состоялось лишь въ самомъ концѣ учебнаго года, да и то послѣ подтвержденія совѣтомъ университета своего ходатайства о переводѣ М. М. Троицкаго

[1041]) Кн. Д. Н. Цертелевъ (прим. 193). Ср. также выше, въ главѣ пятой, прим. 268-ое и 269-ое.

[1042]) „Дѣло" за № 300 (прим. 73 и 904).

[1043]) *Ibidem*.

въ связи съ вопросомъ о заграничной командировкѣ Соловьева. 3-го іюня 1875 г. за № 3161 попечитель Московскаго учебнаго округа писалъ въ совѣтъ Московскаго университета такъ:—„Г. Министръ народнаго просвѣщенія, отъ 24-го истекшаго мая за № 5469, вслѣдствіе избранія Совѣта Московскаго университета, изъявилъ согласіе на перемѣщеніе ординарнаго профессора Варшавскаго университета *Троицкаго* ординарнымъ-же профессоромъ, по каѳедрѣ философіи, въ Московскій университетъ, о чемъ и будетъ внесено въ приказъ по Министерству народнаго просвѣщенія.....“ Наверху бумаги помѣтка: „5-го іюня“. А 20-го іюня 1875 г. канцелярія совѣта университета увѣдомляла правленіе университета—„для зависящихъ распоряженій о производствѣ г. Троицкому содержанія“ — о томъ, что „приказомъ г. Министра народнаго просвѣщенія отъ 10-го сего іюня ординарный профессоръ Варшавскаго университета *Троицкій* перемѣщенъ на ту-же должность въ здѣшній университетъ.“ Около того-же времени, именно 23-го іюня 1875 г., ректоръ Московскаго университета обращался въ правленіе Варшавскаго университета съ просьбою о доставленіи увѣдомленія: по какое время удовлетворенъ г. Троицкій жалованіемъ? Наконецъ, вся эта длинная исторія завершается постановленіемъ совѣта Московскаго университета, выраженнымъ въ ст. 2-ой журнала засѣданія отъ 25-го августа 1875 г.: по заслушаніи относящихся къ дѣлу сообщеній, опредѣлено — „о перемѣщеніи профессора Троицкаго въ здѣшній университетъ отмѣтить по формулярному его списку.“ Сбоку приписано: „Отмѣчено.“ [1044])— Все это происходило уже тогда, когда Соловьевъ былъ за-границей. Очевидно, въ $18^{74}/_{75}$-омъ учебномъ году преподавательствовать въ Московскомъ университетѣ М. М. Троицкому такъ и не удалось.

Въ пополненіе сказаннаго раньше и въ цѣляхъ большей ясности дальнѣйшаго изложенія необходимо привести въ настоящей-же главѣ нѣкоторыя біографическія данныя о М. М. Троицкомъ, начавшемъ свое жизненное поприще за 18 лѣтъ до Соловьева, но закончившемъ его весьма незадолго до смерти своего младшаго „коллеги“.—Вотъ, прежде всего, кое-какія свѣдѣнія, извлеченныя изъ формулярнаго списка, составленнаго въ Варшавѣ въ декабрѣ 1874 г. и тогда-же отосланнаго въ Московскій университетъ. Было М. М. Троицкому въ ту пору 39 лѣтъ; слѣдовательно, родился онъ въ 1835 г. Ро-

---

[1044]) *Ibidem.*

домъ онъ былъ изъ Калужской губерніи, сынъ діакона. [1045]) По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи, съ причисленіемъ къ первому разряду воспитанниковъ оной, опредѣленъ 6-го ноября 1857 г. учителемъ [sic!] въ означенную академію по классу философскихъ наукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ академическое правленіе поручило ему преподаваніе греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи академіи. 24-го декабря 1858 г. удостоенъ Кіевскою духовною академіей степени магистра богословія, а 15-го іюня 1859 г. переименованъ баккалавромъ академіи. Въ августѣ этого года утвержденъ въ должности баккалавра греческаго языка при той-же академіи. Въ половинѣ декабря 1861 г. М. М. Троицкій былъ назначенъ старшимъ помощникомъ столоначальника во второй департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, а въ началѣ февраля 1862 г.—въ томъ-же департаментѣ исправляющимъ должность столоначальника. 18-го іюня того-же года переведенъ на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ этому министерству. Вскорѣ, а именно 23-го числа, Высочайшимъ приказомъ по названному министерству командированъ за-границу, съ ученою цѣлью, срокомъ на два года. При этомъ М. М. Троицкій обязался прослужить по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, въ столицахъ или губерніяхъ, гдѣ министерство пожелаетъ, по разсчету двухъ лѣтъ за каждый годъ пребыванія за-границею. Во время командировки заграничной онъ долженъ былъ приготовить себя къ преподаванію философскихъ наукъ, въ виду чего ему и было назначено содержаніе по 1.600 р. въ годъ изъ суммъ министерства. [1046]) Позднѣе срокъ командировки былъ продолженъ по 1-ое октября 1864 г.; тѣмъ не менѣе, изъ-за границы М. М. Троицкій вернулся уже въ іюлѣ 1864 г. „На продолженіе занятій по защищенію диссертаціи на степень доктора, по приготовленію себя къ профессорской каѳедрѣ и на покрытіе расходовъ по напечатанію диссертаціи на степень доктора, выдано ему, въ разное время, въ продолженіе 1865, 1866 и 1867 гг. 1.650 р. изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія“ [разумѣется, сверхъ постояннаго содержанія, указаннаго выше]. 31-го мая 1867 г., по публичномъ защищеніи диссертаціи, подъ заглавіемъ: *Нѣмецкая пси-*

[1045]) Уроженцемъ Калужской губерніи былъ и Н. С. Тихонравовъ, энергично поддерживавшій кандидатуру М. М. Троицкаго. Родился Н. С. Тихонравовъ въ 1832 г. Отецъ его былъ фельдшеромъ.

[1046]) См. выше, въ главѣ тринадцатой, прим. 842-ое.

хологія въ текущемъ столѣтіи, утвержденъ совѣтомъ С.-Петербургскаго университета въ степени доктора философіи. Осенью того-же года, приказомъ отъ 18-го октября, утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета, съ отчисленіемъ отъ министерства, съ 1-го сентября. Къ лѣту 1868 г. возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Черезъ годъ съ небольшимъ, 22-го октября 1869 г., перемѣщенъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ философіи въ Варшавскій университетъ. Съ 1-го іюня по 20-ое ноября 1874 г. состоялъ въ ученой заграничной командировкѣ. — Въ половинѣ октября того-же 1874 г. началось, какъ мы знаемъ, дѣло о перемѣщеніи М. М. Троицкаго въ Московскій университетъ. Состоя на службѣ въ этомъ университетѣ, онъ и окончилъ свои дни въ 1899 г., 22-го марта, будучи деканомъ историко-филологическаго факультета и заслуженнымъ профессоромъ, въ возрастѣ около 64 лѣтъ.[1047]) Женатъ былъ М. М. Троицкій на дочери профессора Московскаго университета А. И. Полунина, дѣвицѣ Маріи. Ни дѣтей, ни „имѣнія" у супруговъ не было.[1048])

1047) „Дѣло" за № 300 (прим. 73 и 904).—См. также краткій некрологъ М. М. Троицкаго въ *Историческомъ Вѣстникѣ,* 1899 г., май, стр. 792.

1048) Н. Н. Страховъ писалъ гр. Л. Н. Толстому изъ Петербурга 12-го сентября 1876 г. такъ:—„Въ Москвѣ я прожилъ цѣлую недѣлю; я видѣлъ Аксакова, Каткова, Воскобойникова, Антропова, Боборыкина, Чаева, Писемскихъ, Соловьева Владиміра [уже послѣ возвращенія изъ-за границы], Троицкаго (философа) и пр. Много было разговоровъ объ васъ, т. е. не я говорилъ, а мнѣ говорили; я только иногда спрашивалъ. Психологъ Троицкій говорилъ, что онъ по вашему роману [имѣется въ виду *Анна Каренина*] повѣряетъ психологическіе законы, но одного онъ совсѣмъ не понималъ, страсти Вронскаго и Карениной; онъ не находилъ для этой страсти психологическихъ основаній. Я сказалъ ему, что это дѣло таинственное, и сталъ разсматривать его жену, дочь Полунина..... [тутъ слѣдуетъ въ печатномъ текстѣ письма около $3^1/_2$ строкъ точекъ] она перевела мужа въ Московскій университетъ — и онъ очень доволенъ. Хвалился, что студенты его очень любятъ." *Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ* и т. д. (прим. 157), стр. 85.—Алексѣй Ивановичъ Полунинъ родился въ 1820 г., умеръ въ 1888 г. Выпущенъ лекаремъ изъ Московскаго университета въ 1842 г. Тогда-же посланъ за-границу на $4^1/_2$ года. Съ 1849 г. занималъ въ Московскомъ университетѣ каѳедру патологической анатоміи и физіологіи. Въ 50-ыхъ годахъ издавалъ *Московскій Врачебный Журналъ.* Опубликовалъ нѣсколько трудовъ о холерѣ. Ср. *Энциклопедическій Словарь* Брокгауза и Ефрона, т. XXIV, С.-Петербургъ, 1898 г., стр. 386.—О „Полунинской исторіи" мы упоминали выше, въ главѣ шестой. — Въ 1874 г. А. И. Полунинъ былъ оставленъ на службѣ при университетѣ на пять лѣтъ. Онъ состоялъ деканомъ медицинскаго факультета. „Дѣло" за № 300 (прим. 73 и 904). *Отчетъ и рѣчь* и т. д. (прим. 267), стр. 8.—Судя по разсказамъ А. Н.

О философскихъ трудахъ М. М. Троицкаго С. А. Алексѣевъ высказывается такъ.—„Въ литературѣ и преподаваніи Троицкій проводилъ и разрабатывалъ философскія и психологическія теоріи англійскаго эмпиризма..... Начало дѣятельности Троицкаго относится къ той эпохѣ, когда, послѣ тринадцатилѣтняго (1850—1863) изгнанія философіи изъ университетскаго преподаванія, философское образованіе въ Россіи находилось на крайне низкой ступени..... Новое направленіе, на которое указывалъ Троицкій, вполнѣ совпадало съ господствовавшимъ тогда реалистическимъ настроеніемъ и отрицаніемъ метафизики; этимъ объясняется та роль, которую сыгралъ Троицкій въ исторіи русской философіи, и тотъ интересъ, который возбудила его дѣятельность среди читающей и слушающей публики. Важнѣйшее сочиненіе Троицкаго—его докторская диссертація: *Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи* (1867)..... По справедливому замѣчанію большинства критиковъ, изложеніе англійскаго эмпиризма представляетъ лучшую и самую цѣнную часть всей книги..... Разсматривая..... психологическія теоріи различныхъ школъ въ Германіи, Троицкій приходитъ къ рѣшительному выводу, что во всей нѣмецкой философіи, начиная съ Канта, не существовало никакихъ логическихъ методовъ изслѣдованія духа, что ею не сдѣлано ни одного замѣтнаго шага впередъ сравнительно со школою Бэкона и Локка и раціонализмомъ Декарта и Лейбница, и что основныя ея идеи были прогрессивнымъ извращеніемъ идей, пущенныхъ въ оборотъ школами Декарта и Локка..... Собственныя философскія воззрѣнія Троицкаго, систематически изложенныя въ его *Наукѣ о духѣ*, [1049]) остаются вѣрными традиціямъ англійскаго эмпиризма и не вносятъ въ это направленіе ничего существенно новаго. Наука о духѣ, по Троицкому, есть ученіе объ общихъ свойствахъ и законахъ человѣческаго духа. Такими общими свойствами являются *относительность*, *соотносительность* и *рефлексивность*. Понятіе относительности опредѣляется по противоположности съ понятіемъ абсолютности и по содержанію состоитъ изъ двухъ свойствъ: условности и ограниченности. Условность..... состоитъ въ томъ, что всѣ классы психическихъ фактовъ образуются одни изъ другихъ и, кромѣ того, опредѣляются въ своемъ развитіи и существованіи нѣкоторыми внѣш-

Шварца, въ семейной жизни на долю М. М. Троицкаго выпали нѣкоторыя испытанія; онъ относился къ нимъ, впрочемъ, съ замѣчательнымъ благодушіемъ.

[1049]) М. М. Троицкій, *Наука о духѣ; общія свойства и законы человѣческаго духа*; 2 тома, Москва, 1882 г.

ними данными (общественность, культура)..... Существованіе предѣловъ психическаго развитія, непреодолимыхъ для человѣка по самой его природѣ, обнаруживаетъ другую сторону человѣческой относительности — ограниченность. Относительность человѣческаго знанія дѣлаетъ невозможнымъ познаніе сущности какъ матеріи, такъ и духа..... Но наши знанія о явленіяхъ духа и матеріи представляютъ нѣкоторую разницу..... наше знаніе духа реальнѣе знанія матеріи: въ фактахъ духа мы встрѣчаемся съ условною дѣйствительностью, которая закрыта отъ насъ въ фактахъ природы матеріальной. Въ приведенныхъ положеніяхъ о познаваемости духа и матеріи [т. е. явленій той и другой категорій] позитивизмъ Троицкаго получаетъ наклонъ къ спиритуализму, замѣтный, впрочемъ, и въ другихъ пунктахъ его воззрѣній..... не входя въ составъ науки въ строгомъ смыслѣ слова, метафизическія теоріи могутъ имѣть значеніе для изысканія метода мыслимости сверхопытныхъ вещей. Онѣ являются соединительными звеньями между религіей и наукою. Имѣя своимъ предметомъ религіозныя идеи, не входящія въ содержаніе наукъ, метафизика можетъ примѣнять при ихъ выведеніи и разъясненіи научный методъ и такимъ образомъ пріобрѣтать научный характеръ. Второе общее свойство психическихъ фактовъ — соотносительность или коррелятивность—состоитъ въ обратной зависимости предыдущихъ членовъ отъ послѣдующихъ. Относительность и соотносительность являются основаніемъ третьяго общаго свойства — рефлексивности, т. е. способности однихъ психическихъ фактовъ отражаться въ другихъ, напр., ощущеній въ идеяхъ, а этихъ послѣднихъ—въ продуктахъ творчества. Мышленіе является самымъ нагляднымъ и широкимъ обнаруженіемъ рефлексивности..... Мышленіе человѣка имѣетъ три основныя и непроизвольныя направленія: *историческое, логическое* и *трансцендентное*. Историческое направленіе состоитъ въ стремленіи къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности во всей ея индивидуальности; логическое — имѣетъ цѣлью воспроизводить ту-же дѣйствительность во всей ея общности; трансцендентное — стремится къ рефлексіи фактовъ феноменальной дѣйствительности въ идеяхъ нефеноменальной дѣйствительности. Всѣ законы человѣческаго мышленія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ, извѣстнымъ подъ именемъ законовъ ассоціаціи, а именно закона смежности и закона сходства..... Послѣдній значительный трудъ Троицкаго: *Учебникъ логики* проводитъ тотъ-же эмпиризмъ въ изслѣдованіи началъ и методовъ человѣческаго мышле-

нія..... [1050]) Къ важнѣйшимъ особенностямъ логики Троицкаго относится замѣна обычнаго ученія о понятіяхъ и сужденіяхъ ученіемъ о терминахъ и предложеніяхъ, а также превращеніе индуктивной логики въ логику началъ. Въ основаніи этой послѣдней особенности лежитъ та мысль, что всѣ реальныя истины, служащія посылками для дедуктивныхъ выводовъ, получаются путемъ индукціи..... Прямолинейность, съ которою Троицкій проводилъ избранное имъ разъ на-всегда философское направленіе, вызывала въ свое время сильные нападки, но въ широкомъ кругу читателей и слушателей философія Троицкаго пользовалась большою популярностью..... Весьма важною заслугою Троицкаго передъ русскою философіею было основаніе имъ въ 1885 г. психологическаго общества въ Москвѣ (первымъ предсѣдателемъ котораго былъ Троицкій), давшаго, въ свою очередь, начало пока единственному въ Россіи философскому журналу: *Вопросы философіи и психологіи.* Изъ учениковъ Троицкаго многіе занимаютъ каѳедры философіи въ университетахъ (А. И. Смирновъ, Ѳ. А. Зеленогорскій, А. Н. Гиляровъ, А. П. Казанскій, А. С. Бѣлкинъ). [1051]) — О болѣе второстепенныхъ трудахъ М. М. Троицкаго распространяться не будемъ. [1052])

[1050]) М. М. Троицкій, *Учебникъ логики съ подробными указаніями на исторію и современное состояніе этой науки въ Россіи и въ другихъ странахъ;* 3 книги; Москва, 1885—1888 гг.—Имѣется также руководство для среднихъ учебныхъ заведеній: *Элементы логики;* Москва, 1887 г.

[1051]) Статья о М. М. Троицкомъ С. А. Алексѣева въ *Энциклопедическомъ Словарѣ* Брокгауза и Ефрона, т. XXXIII, С.-Петербургъ, 1901 г., стр. 879—881.— Ср. также у Ибервега-Гейнце (прим. 377), стр. 558, 559, и Э. Л. Радлова, *Очеркъ исторіи* и т. д. (прим. 377), стр. 244, 245.—Я. Н. Колубовскій, разсказывая о томъ, какъ въ концѣ 1890 г. онъ совершенно неожиданно получилъ отъ редактора журнала: *Вопросы философіи и психологіи* Н. Я. Грота приглашеніе взять мѣсто секретаря редакціи и переѣхать изъ Петербурга въ Москву, останавливается въ живомъ очеркѣ на личности и дѣятельности М. М. Троицкаго и высказывается о немъ такъ:—„*Вопросы философіи* [*и психологіи*] явились результатомъ оживленія, которое внесъ Н. Я. Гротъ въ [Московское] психологическое общество, основанное при университетѣ главою русскихъ катедеръ-позитивистовъ М. М. Троицкимъ. Задуманное на слишкомъ узкихъ и одностороннихъ основаніяхъ, оно у него не пошло. Быть-можетъ, неуспѣхъ кроется также и въ душевномъ складѣ самого основателя общества.—Выйдя изъ духовной среды и окончивъ духовную школу, Троицкій былъ въ числѣ тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые въ министерство Головнина были командированы за-границу для подготовки къ профессурѣ. Онъ уже былъ магистромъ, и ему оставалось представить лишь докторскую диссертацію. Въ 1867 г. онъ выступилъ съ..... трудомъ: *Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи.* Для своего времени защита этой диссертаціи была цѣлымъ событіемъ. Подъ прикры-

Весьма яркую характеристику М. М. Троицкаго даетъ Соловьевъ въ поминальной рѣчи, посвященной М. М. Троицкому, Н. Я. Гроту

тіемъ англійской психологіи была объявлена война нѣмецкой философіи, хотя и потерявшей кредитъ у себя на родинѣ, но все еще вліявшей на умы. Написанный живо, литературно и, что̀ бываетъ рѣдко въ философскихъ книгахъ, легко, трудъ Троицкаго далеко не устарѣлъ и теперь.—Впослѣдствіи Троицкій издалъ *Науку о духѣ* и *Логику.* Оба эти труда написаны крайне сухо..... Вотъ почему *Наука о духѣ* имѣетъ мало читателей даже среди философовъ. Съ внѣшней стороны, эти труды отдѣланы съ чрезвычайной тщательностью. Этимъ Троицкій очень гордился..... Человѣкъ ума холоднаго, кабинетный ученый, Троицкій, очевидно, не обладалъ тѣми особыми качествами, которыя необходимы для объединенія людей разныхъ теченій и направленій и которыя съ избыткомъ были у Грота. Умѣнье подойти къ человѣку, живость, терпимость, организаторскій талантъ—всѣмъ этимъ обладалъ Гротъ, и не удивительно, что подъ его руководствомъ общество зажило новой жизнью. Какъ передавалъ мнѣ Николай Яковлевичъ, Троицкій самъ просилъ его стать во главѣ общества. Сдавъ, однако, общество новому предсѣдателю, Троицкій окончательно отошелъ отъ своего дѣтища и не посѣщалъ его даже въ дни самыхъ интересныхъ засѣданій. Былъ-ли онъ недоволенъ новымъ направленіемъ общества, или же червь зависти давалъ себя знать,—трудно сказать.“ Я. Н. Колубовскій, *Изъ литературныхъ воспоминаній*; *Историческій Вѣстникъ*, 1914 г., апрѣль, стр. 134—149; — стр. 135, 136. — О близости Соловьева къ Московскому психологическому обществу и къ журналу: *Вопросы философіи и психологіи* біографамъ Соловьева приходится упоминать довольно часто.—Неудача М. М. Троицкаго при баллотированіи его въ историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета 12-го декабря 1874 г. (см. въ предшествующей главѣ) представляется какъ-бы повтореніемъ неудачи, постигшей его въ томъ-же факультетѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ, подъ 5-ымъ мая 1867 г., отмѣчаетъ:—„Провелъ у себя вечеръ въ бесѣдѣ съ Троицкимъ, авторомъ книги: *О нѣмецкой философіи* [sic!] *въ текущемъ столѣтіи.* Книгу эту онъ представлялъ въ Московскій университетъ, какъ диссертацію для полученія докторской степени. Тамъ Юркевичъ возсталъ противъ начала автора, и тотъ принужденъ былъ перенести свою диссертацію въ здѣшній университетъ. Я теперь читаю книгу Троицкаго, и мнѣ становится ясно, почему ея не принялъ Московскій университетъ. Дѣло въ томъ, что авторъ держится исключительно такъ назыв. индуктивнаго метода въ изслѣдованіи духа,—метода, принятаго всѣми англійскими философами. Противъ нѣмецкихъ философовъ Троицкій сильно возстаетъ, страшно порицаетъ Канта, а Кондильяка и сенсуалистовъ превозноситъ.....“ А. В. Никитенко (прим. 114), т. II, стр. 333, 334; см. также стр. 335.

[1052]) Въ небольшой статьѣ: *Г. Троицкій о Тренделенбургѣ* Н. Н. Страховъ отмѣтилъ положительныя качества М. М. Троицкаго еще въ 1864 г., давая отзывъ объ извѣстной части его отчета о заграничной командировкѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, между прочимъ, такія строки: — „Трудно..... не видѣть, что г. Троицкій совершенно правъ, давая волю своимъ критическимъ способностямъ. Его примѣръ какъ нельзя лучше показываетъ, что бываетъ множество случаевъ, когда русскій молодой ученый не только можетъ, но и необходимо долженъ поставить себя въ по-

и П. Д. Юркевичу. [1053]) Считаемъ полезнымъ остановиться на замѣчаніяхъ Соловьева подольше, такъ-какъ, очерчивая философскую дѣятельность своего сотоварища по каѳедрѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ касается и своего личнаго съ нимъ знакомства.

По словамъ Соловьева, первое крупное сочиненіе М. М. Троицкаго: *Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи* научило русскихъ людей „если не многому, то необходимому—безъ чего нельзя было бы идти дальше." Сочиненіе это „можно бы назвать—*опытомъ разрушенія нѣмецкой философіи и пересажденія къ намъ англійской психологіи.*" Опытъ этотъ былъ предпринятъ во имя „отважной рѣшимости отказаться отъ всего философскаго наслѣдія ради новой твердой почвы для мысли", и „эта сила безповоротнаго, безоглядочнаго увлеченія, замѣтная въ первомъ трудѣ Троицкаго, увлекла Кавелина и Страхова и побудила ихъ къ высокой оцѣнкѣ начинающаго автора." [1054]) Къ сожалѣнію, „актъ всецѣлой отдачи себя англійской психологіи, какъ единственной и окончательной философіи, исчерпалъ весь духовный капиталъ Троицкаго." Не удивительно, что К. Д. Кавелинъ и Н. Н. Страховъ впослѣдствіи разочаровались въ немъ. *Наука о духѣ* не возвысила общее мнѣніе о М. М. Троицкомъ, а скорѣе принизила. „Тотъ самый Страховъ, который горячо восхищался первою книгою Троицкаго, изъ этихъ новыхъ двухъ томовъ могъ прочесть только пятнадцать страницъ и, узнавъ, что я [т. е. Соловьевъ] прочелъ сто восемьдесятъ, сказалъ: — «Ну, теперь я вижу, что вы въ самомъ дѣлѣ аскетъ. А впрочемъ,» — прибавилъ онъ лукаво, — «я тоже усердно рекомендовалъ эту книгу двумъ молодымъ людямъ, интересующимся философіей: пусть и они къ умерщвленію плоти пріучаются.»" [1055])—Сдѣлавъ свое открытіе, т. е. от-

---

ложеніе судьи въ отношеніи къ иностраннымъ знаменитостямъ. Смѣшно воздерживаться отъ сужденія, когда для него есть надлежащая сила и основа. Не всякій-же нѣмецкій профессоръ полонъ недосягаемой мудрости." Н. Н. Страховъ, *Изъ исторіи литературнаго нигилизма 1861—1865*; С.-Петербургъ, 1890 г.; стр. 465—469;—стр. 467, 468.

[1053]) Вл. С. Соловьевъ, *Три характеристики. М. М. Троицкій. — Н. Я. Гротъ. — П. Д. Юркевичъ. Соч.*, VIII, 414—430. Ссылки на эту статью дѣлались нами уже въ главѣ седьмой.

[1054]) См. въ предшествующей главѣ записку Н. И. Стороженко.

[1055]) Въ письмѣ на имя В. П. Ѳедорова отъ 7-го октября 1883 г. Соловьевъ про сочиненіе М. М. Троицкаго: *Наука о духѣ* выражается такъ:—„Хотя эта книга называется: *Наука о духѣ*, но, на мой взглядъ, ничего научнаго и ничего духовнаго въ ней нѣтъ." *П.*, III, 1.

крывъ для русскихъ читателей англійскую эмпирическую психологію, М. М. Троицкій успокоился. „Это окончательное успокоеніе выражалось и въ неизмѣнно ровномъ тонѣ его разговора, и въ блаженной улыбкѣ, никогда не сходившей съ его устъ. Достаточно было взглянуть на эту улыбку, чтобы понять, что для этого человѣка все уже рѣшено и подписано, что это уже не φιλόσοφος—«любитель» или «искатель мудрости», а настоящій σοφός—мудрецъ, въ родѣ тѣхъ древнихъ «гномическихъ» мудрецовъ, которые успокаивались на безсмертныхъ изреченіяхъ: «ничего черезчуръ», или: «поручишься—близка бѣда.»“ Соловьевъ вспоминаетъ, что познакомился онъ съ М. М. Троицкимъ тогда, когда „онъ [М. М. Троицкій] уже окончательно уподобился безмятежнымъ богамъ Эпикура, или, если угодно, стоячей водѣ. Возбудить въ немъ какой-нибудь умственный вопросъ, или живое участіе къ какому-нибудь теоретическому интересу было такъ-же невозможно, какъ произвести бурное волненіе въ закрытомъ акваріумѣ.“ Соловьевъ думаетъ, что „такая духовная насыщенность“ М. М. Троицкаго должна была неотразимо дѣйствовать на голодные и жаждущіе молодые умы, ищущіе и ждущіе находокъ. И дѣйствительно, профессорская популярность М. М. Троицкаго была велика,—„особенно между студентами перваго курса.“ Свои чтенія по психологіи М. М. Троицкій открывалъ обыкновенно довольно своеобразнымъ разсужденіемъ. „Передавъ въ чертахъ болѣе краткихъ и ясныхъ, чѣмъ вѣрныхъ, главныя идеи Канта, Фихте и Гегеля, Троицкій дѣлалъ остановку и затѣмъ, смотря на аудиторію съ своею обычною блаженною улыбкой, произносилъ:—«Вотъ вы сами, господа, видите. Ну, что-же это такое? Что это такое?—Дрова, дрова! Ну, мы ихъ и отправимъ въ печку.—А теперь я перейду къ изложенію основъ нашей науки.» [1056]) И онъ начиналъ ясную и толковую передачу психологическихъ взглядовъ англійской эмпирической школы.“—Дѣйствительную заслугу М. М. Троицкаго Соловьевъ видитъ „не въ его успокоеніи на англійской психологіи, а въ его первоначальномъ увлеченіи ею. Эта психо-

---

1056) Въ главѣ седьмой, въ прим. 411-омъ, у насъ оказалась допущенной одна неловкость выраженія, могущая подать поводъ къ недоразумѣнію. Въ письмѣ на имя С. Н. Сыромятникова, въ декабрѣ 1899 г., Соловьевъ проситъ объ исправленіи неточностей, вкравшихся „въ изложеніе“ его рѣчи о трехъ философахъ, а не въ самую рѣчь, какъ можно было бы заключить по редакціи нашего примѣчанія. Въ названномъ письмѣ Соловьевъ, между прочимъ, подтверждаетъ: „Сумасшествіемъ называлъ нѣмецкую послѣ-Кантовскую философію не Троицкій, а Юркевичъ, Троицкій же называлъ ее «дровами».“ *П.*, II, 220.

логія, въ самомъ дѣлѣ, заключаетъ въ себѣ такую точку зрѣнія, которая не только имѣетъ обще-философское значеніе, но безъ которой даже невозможна никакая (теоретическая) философія.“ Здѣсь имѣется въ виду, что „душа теоретической философіи есть отчетливый и послѣдовательный скептицизмъ—отказъ принимать на вѣру что̀ бы то ни было.“ Такое коренное сомнѣніе выступало въ новой философіи дважды: въ методологическомъ скептицизмѣ Декарта и въ критицизмѣ Канта. Въ обоихъ случаяхъ удары скептицизма направлялись, однако, только на внѣшній міръ, тогда-какъ безусловная дѣйствительность мыслящаго субъекта оставалась неприкосновенной въ качествѣ чего-то самоочевиднаго. Философское значеніе англійской психологіи и заключается именно въ отрицаніи „этой мнимой самоочевидности субъекта, или *я*, въ смыслѣ какой-то безусловно-самостоятельной реальности, обозначимъ-ли мы ее съ Декартомъ, какъ мыслящую субстанцію, или съ Фихте [преемникомъ Канта]—какъ самополагающееся дѣяніе (die sich selbst setzende Thathandlung).“ Соловьевъ признаетъ, что „въ этомъ основномъ пунктѣ и методологическій скептицизмъ Декарта, и критицизмъ нѣмецкаго философа разрѣшаются въ чистѣйшій *догматизмъ*, отъ котораго философская мысль дѣйствительно свободна лишь у лучшихъ представителей англійской психологіи.“ Тѣмъ не менѣе онъ „не сторонникъ этой психологіи какъ системы“. Цѣнитъ онъ ее за то, что „она *начинается* съ того, съ чего слѣдуетъ начинать—съ безспорныхъ данныхъ сознанія, а между ними нѣтъ ни «мыслящей субстанціи», ни безусловнаго самополагающагося или самоначинающагося дѣянія.“—„*Наличныя состоянія сознанія, какъ такія*—вотъ что̀, дѣйствительно, самоочевидно, и что̀ даетъ настоящее начало умозрительной философіи.“ [1057]) Однако, „само собою разумѣется, что взглядъ, по которому все для насъ существующее сводится къ рядамъ субъективныхъ состояній сознанія, соединенныхъ по законамъ ассоціаціи, и затѣмъ къ рефлексіи надъ ними, приводящей ихъ въ тотъ или другой порядокъ, но не расширяющей и не углубляющей ихъ по существу,—такой взглядъ, принятый не за исходную точку только, но и за послѣднее слово знанія, могъ имѣть лишь отвлеченно теоретическое значеніе, безо всякаго отношенія къ жизни и ея требованіямъ.

[1057]) О томъ, что „область чистаго сознанія или психической наличности“, „представляющая *самодостовѣрныя* данныя, должна быть исходною точкою философіи“, ср. разсужденія Соловьева въ его статьѣ: *Первое начало теоретической философіи*; *Соч.*, VIII, 148—187;—187.—С. М. Лукьяновъ (прим. 701).

Троицкій, какъ и другіе, видѣлъ здѣсь единственно научную теорію психологіи, нисколько, впрочемъ, не исключавшую практической увѣренности въ житейской подлинности разныхъ субъектовъ и объектовъ."—Къ этому общему замѣчанію Соловьевъ присоединяетъ шутливое разсужденіе о томъ, что М. М. Троицкій „нисколько не сомнѣвался въ практической, такъ сказать, субстанціальности ректора, попечителя, министра, и даже, я думаю, университетскаго казначея", и что, „держась такой практической вѣры въ бытіе ближайшаго, земного начальства", онъ послѣдовательно распространялъ ее и дальше — въ духѣ „искренней религіозности". Своеобразныя злоключенія, присущія—въ особенности у насъ—философской карьерѣ, не миновали, впрочемъ, и такого осторожнаго мыслителя: „произошло одно характерное недоразумѣніе, сильно смутившее Троицкаго и на мгновеніе нарушившее неподвижность и прозрачность его душевнаго акваріума." Дальше Соловьевъ разсказываетъ такъ: — „Въ 80-ыхъ годахъ, въ томъ вѣдомствѣ, куда онъ [т. е. М. М. Троицкій] принадлежалъ, начались разныя мѣры пресѣченія и предупрежденія противъ разныхъ людей, опасныхъ своими мыслями. Въ ихъ число, неожиданно для самого себя и для всѣхъ его знавшихъ, попалъ и Троицкій. Тогдашнее начальство подлежащаго вѣдомства, хотя само безвинно состоявшее подъ анаѳемой халкедонскаго собора, не умудрилось столь близкимъ примѣромъ авторитетной погрѣшимости и заподозрило правовѣріе Матвѣя Михайловича. [1058])—Этотъ странный фактъ можетъ быть понятъ лишь исторически. Дѣло въ томъ, что въ извѣстныхъ русскихъ сферахъ, на-счетъ философскихъ системъ и направленій, умы въ другихъ отношеніяхъ острые пребываютъ въ томъ-же состояніи невинности, въ которомъ наши до-петровскіе предки находились по части разныхъ западныхъ исповѣданій. Въ одномъ историческомъ документѣ XVII-го вѣка встрѣчается..... такая приблизительно фраза: «а въ жены онъ проклятый воръ Гришка взялъ изъ латынъ поганую дѣвку-басурманку папежскаго костела, ихъ люторской и кальвинской безбожной вѣры.» Несомнѣнно, что для большинства русскаго общества въ 80-ыхъ годахъ

[1058]) Намекъ на гр. И. Д. Делянова.—Какъ извѣстно, армянская церковь отвергаетъ Халкедонскій вселенскій соборъ и всѣ послѣдовавшіе за нимъ вселенскіе соборы. Сообразно съ этимъ, армянская церковь есть церковь до извѣстной степени чуждая православію, еретическая. Впрочемъ, уже издавна даетъ себя чувствовать стремленіе армянской церкви къ возсоединенію съ церковью греческой, resp. православной.

XIX-го вѣка различіе между англійскою психологіей и нѣмецкимъ матеріализмомъ было такъ-же неясно, какъ для нашихъ предковъ различіе между католичествомъ и протестантствомъ. «Эмпирическая психологія»,—«позитивизмъ»,—«матеріализмъ»,—«безбожіе»,—«нигилизмъ»—все это соединялось вмѣстѣ, и какъ зловѣщій итогъ получалось слово: *отставка.*" Конечно, помириться съ такимъ печальнымъ итогомъ М. М. Троицкій не могъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ и постарался оправдаться. „Въ Москвѣ", говоритъ Соловьевъ, „многіе осуждали его за эту поѣздку, по-моему—напрасно: страдать за тѣ убѣжденія, которыхъ не имѣешь, не есть обязанность разумнаго человѣка. Я думаю, что объясненія Матвѣя Михайловича были такъ-же чистосердечно даны, какъ и приняты." — Свою памятку о М. М. Троицкомъ Соловьевъ заканчиваетъ засвидѣтельствованіемъ „несомнѣнной значительности того, что сдѣлано Троицкимъ; онъ сдѣлалъ и другимъ въ Россіи помогъ сдѣлать — первый шагъ къ серьезному философствованію..."

Въ разсматриваемой рѣчи, на-ряду съ М. М. Троицкимъ, поминаются, какъ мы знаемъ, Н. Я. Гротъ и П. Д. Юркевичъ. Изложивши всѣ свои соображенія объ этихъ трехъ лицахъ, Соловьевъ въ концѣ всей рѣчи дѣлаетъ нѣчто въ родѣ сводного сопоставленія. Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ:—„Въ очень краткихъ чертахъ представлены мною три различные образа людей, наиболѣе послужившихъ, за послѣднія сорокъ лѣтъ, философскому образованію въ Россіи..... Вотъ Матвѣй Михайловичъ Троицкій плотно усѣлся на добытомъ изъ-за моря сокровищѣ и не сходитъ съ мѣста. [1059]) Но вѣдь имъ, въ са-

---

[1059]) Объ односторонности М. М. Троицкаго Н. Н. Страховъ, въ письмѣ на имя В. В. Розанова отъ 9-го ноября 1888 г., высказывается такъ:—„Думалъ я: какъ не хорошо, что Троицкій такъ односторопенъ. Вотъ для его слушателя [разумѣется бывшій слушатель, В. В. Розановъ] закрыта главная струя, самая обширная и важная сторона философскаго движенія; этотъ слушатель самъ открываетъ то, что давно открыто, и вовсе не знакомъ съ ученіями, къ которымъ ему слѣдуетъ примкнуть.— Знаю я эту странную манеру Троицкаго выдавать свое направленіе за общепринятое, господствующее, не подавать и виду, что оно вообще считается ересью, а въ ходу совсѣмъ другія ученія. На его мѣстѣ я бы постоянно полемизировалъ, постоянно выставлялъ свою особенность, а онъ—все сглаживаетъ и замазываетъ." Къ этимъ словамъ Н. Н. Страхова В. В. Розановъ дѣлаетъ отъ себя нѣсколько пространныхъ примѣчаній. Приведемъ одно изъ нихъ, относящееся до М. М. Троицкаго:—„Профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ, коего и я слушалъ, и который вообще всякую философію считалъ «глупостью» (кромѣ позитивистовъ). Я, дѣйствительно, въ университетѣ ничего не слышалъ о бытіи «германскаго идеализма»." В. В. Розановъ, *Литературные изгнанники*; т. I, С.-Петербургъ, 1913 г.; стр. 135—138.

момъ дѣлѣ, добыто сокровище—необходимое условіе серьезнаго философскаго мышленія: свобода сознанія отъ безотчетной предвзятости, какъ матеріалистической, такъ равно и спиритуалистической,—отъ всякихъ вещественныхъ и душевныхъ субстанцій, отъ протяженныхъ и мыслящихъ вещей, отъ мнимо-реальныхъ единицъ матеріи такъ-же, какъ и отъ мнимо-реальныхъ единицъ сознанія—и ото всего прочаго догматическаго кошмара. Прогнать этотъ кошмаръ есть первое условіе настоящей философіи,—первое условіе для нея, но еще не сама философія. Она невозможна при умственной неподвижности, ее нельзя создать, сидя на одномъ мѣстѣ, подобно Лао-цзе или Троицкому. Для нея нужно еще другое условіе—благородная тревога и жажда души, неустанно ищущей истины.....“ Требуется также ясное сознаніе предстоящаго великаго пути, ведущаго къ высшей цѣли. Въ М. М. Троицкомъ были положительные задатки здраваго философствованія, состоящіе въ крѣпости основныхъ сомнѣній и отрицаній, но ему не хватало другихъ не менѣе важныхъ задатковъ—энергіи философскаго исканія истины и созерцательной высоты окончательныхъ задачъ и цѣлей. [1060])

На основаніи данныхъ, сопоставленныхъ въ настоящей главѣ, слѣдуетъ полагать, что личное знакомство съ М. М. Троицкимъ Соловьевъ свелъ не въ 1875 г., а позднѣе, уже по возвращеніи своемъ изъ-за границы. Во второй семестръ 18⁷⁴/₇₅-го учебнаго года, пока М. М. Троицкій заканчивалъ свой курсъ въ Варшавѣ, Соловьевъ былъ единственнымъ представителемъ каѳедры философіи въ Московскомъ университетѣ. Впрочемъ, въ эту-же пору выступилъ онъ въ роли преподавателя философіи и на Московскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Сюда онъ былъ привлеченъ тѣмъ-же самымъ В. И. Герье, который „предложилъ“ его историко-филологическому факультету Московскаго университета... [1061])

С. М. Лукьяновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

[1060]) Ср. выше, въ главѣ седьмой, соотвѣтственно прим. 413-му.

[1061]) При составленіи главы пятнадцатой мы пользовались, помимо указанныхъ выше печатныхъ источниковъ, частными сообщеніями и матеріалами, доставленными намъ В. Т. Шевяковымъ, С. П. Соболевскимъ, С. Д. Лапшиной, княг. Е. Ѳ. Цертелевой, А. Н. Шварцемъ и Н. П. Вишняковымъ.

О ЖУРНАЛѢ, ПРИПИСЫВАЕМОМЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ.

Журналъ отряда генерала Галафеева, при которомъ одно время состоялъ Лермонтовъ, былъ изданъ впервые въ 1891 г. [1]).

Обратилъ же вниманіе на этотъ документъ А. С. Уваровъ, который утверждалъ, что съ 10-го апрѣля по 13-е октября 1840 года журналъ велся Лермонтовымъ. Уваровъ видимо просматривалъ дѣло, прежде чѣмъ высказать свое предположеніе, внесшее путаницу относительно этого документа и повліявшее на сужденія слѣдующихъ историковъ. Авторъ статьи „М. Ю. Лермонтовъ въ битвахъ съ черкессами въ 1840 г.“, издавая журналъ, не ручается за вѣрность гипотезы Уварова: на это „ничто въ дѣлѣ не указываетъ“. Слѣдующій же историкъ (военный, Д. В. Раковичъ) [2]) смотритъ на дѣло иначе, и мнѣніе Уварова начинаетъ торжествовать. На стр. 40 т. 5 Собранія сочиненій М. Ю. Лермонтова подъ редакціей проф. Д. И. Абрамовича читаемъ:... „черновой журналъ военныхъ дѣйствій отряда генерала Галафѣева на 204 лист., изъ которыхъ многіе писаны, несомнѣнно, рукою Лермонтова“. Это указаніе обосновано ссылкой на книгу Д. В. Раковича.

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ заключенія о новомъ произведеніи Лермонтова, слѣдуетъ указать, что и Уваровъ и Раковичъ имѣютъ въ виду одну и ту же рукопись, именно ту, которая хранилась въ штабѣ округа Кавказской арміи и которой интересовалась академія наукъ, дѣлая о ней запросъ въ архивъ военно-историческаго отдѣла.

Можетъ быть, даже навѣрно, Лермонтовъ дѣлалъ свои замѣтки,

---

[1]) Русская Старина, т. 71, стр. 355.

[2]) Тенгинскій полкъ на Кавказѣ, прим. на стр. 243.

будучи въ дѣлѣ, но гдѣ—неизвѣстно; мы же имѣемъ въ виду только извѣстную рукопись. Раковичъ полагаетъ, что Лермонтовымъ изложенъ именно бой при Валерикѣ; „по крайней мѣрѣ почеркъ, какимъ составленъ черновикъ, говорится въ этомъ примѣчаніи, напоминаетъ почеркъ поэта. Наконецъ самый слогъ несмотря на нѣкоторыя шероховатости отличается крайней образностью и силой. Дѣло это нынѣ хранится въ „военно-историческомъ отдѣлѣ". Замѣчаніе въ академическомъ изданіи, что журналъ у Д. В. Раковича во Владикавказѣ, представляется намъ требующимъ провѣрки, ибо мы просматривали этотъ журналъ въ архивѣ, указанномъ Раковичемъ, въ настоящее время изъ Владикавказа переведенномъ въ Тифлисъ.

Предположеніе Раковича, что бой изложенъ Лермонтовымъ, не представляется обоснованнымъ, ибо сила и образность описанія можетъ быть явленіемъ случайнымъ и до Лермонтова не относящимся. Таковы наиболѣе сильныя мѣста этого журнала.

— „Войска слѣдовали къ гехинскому лѣсу... арьергардъ началъ выходить изъ лѣсу на поляну; чеченцы съ иступленіемъ выскочили было на него, но встрѣченные картечью изъ орудій, заранѣе для сего приготовленныхъ, они скрылись снова въ лѣсъ... Рѣчка Валерикъ, протекая по самой опушкѣ въ глубокихъ совершенно отвѣсныхъ берегахъ, пересѣкала дорогу, дѣлая входящій уголъ въ сторонѣ Ачхой... Чеченцы со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь... (Солдаты) сошлись съ чеченцами лицомъ къ лицу; огонь умолкъ на время; губительное холодное оружіе заступило его. Бой продолжался недолго; кинжалъ и шашка уступили штыку. Фанатическое иступленіе отчаянныхъ мюридовъ не устояло противъ хладнокровной храбрости русскаго солдата... и чеченцы выбѣжали на поляну на лѣвомъ берегу рѣки Валерика, откуда картечь орудій вогнала ихъ въ лѣсъ... Въ лѣсу снова начали раздаваться весьма частые ружейные выстрѣлы; но это не былъ уже бой, а походило болѣе на травлю дикихъ звѣрей. Избѣгая смерти съ одной стороны и пробираясь между кустами, чеченецъ встрѣчалъ ее неожиданно съ другой стороны. ...узналъ отъ взятой въ плѣнъ женщины, что чеченцы имѣли полную надежду воспрепятствовать переходу отряда черезъ рѣчку Валерикъ".

Какъ бы сильно ни казалось изложеніе боя, въ которомъ участвовалъ поэтъ, категорическое заключеніе можно дѣлать лишь на основаніи почерка рукописи. Почеркъ же рукописи не принадлежитъ Лермонтову. Журналъ ведется безграмотной писарской рукой, про-

должающей его въ то время, когди Лермонтова въ отрядѣ уже не могло быть. Вотъ образецъ „шероховатости" слога:

„Непріятель ни гдѣ не сопротивлялся и даже не показывался, авангардъ безпрепятственно вступилъ въ чехинскій лѣсъ, нѣсколько выстрѣловъ съ лѣвой стороны цѣпи, заставили меня подозрѣвать присутствіе тамъ непріятеля, но брошенныя гранаты заставили" и т. д. Поэтъ писалъ своеобразно; можетъ быть, не слишкомъ вѣрно въ грамматическомъ отношеніи и для своего времени, но подобныя шероховатости не обличаютъ его письма. Языкъ настоящаго журнала не есть языкъ Лермонтова. Настоящая замѣтка вызвана увѣренностью, что для біографіи поэта и офиціальный матеріалъ представляетъ громадный интересъ, несмотря на свою сбивчивость, случайность и малозначительность, при непремѣнномъ условіи „весьма критическаго" къ нему отношенія. Несомнѣнно и редакторъ образцоваго изданія сочиненій Лермонтова проф. Абрамовичъ былъ близкаго взгляда на счетъ полевого журнала, т. к. онъ хотя и приводитъ мнѣніе Раковича, но самый журналъ въ число произведеній Лермонтова не включаетъ.

В. Поповъ.

МИСТИЦИЗМЪ И ЛИРИКА.

(Изъ области мистической поэзіи среднихъ вѣковъ).

I.

Генезисъ мистической лирики.

То, что переживаетъ душа въ состояніи мистическаго подъема, не поддается пересказу; такъ говорятъ намъ всѣ великіе мистики. Потрясенная до самой глубины, охваченная волнами превозмогающей благодати, душа теряется въ морѣ торжествующей Жизни. Языкъ нѣмѣетъ, воображеніе и разсудокъ безсильны, всѣ чувства смолкаютъ и исчезаютъ въ одномъ всеохватывающемъ, всепобѣждающемъ, все существо пронизывающемъ огнѣ любви. Все остальное забыто, все отброшено—царитъ одна Любовь, та великая, единая Любовь, которая все содержитъ. „Отдать все для любви—весьма сладостная мѣна", говоритъ Гертруда Муръ, англійская созерцательница XVII-го вѣка [1]). „Сойди сегодня внизъ, ибо сегодня надлежитъ мнѣ быть въ твоемъ домѣ", такъ говоритъ непостижимая Любовь Закхею—душѣ. „Это быстрое нисхожденіе, котораго хочетъ Богъ отъ души, это есть погруженіе любовью и томленіемъ въ бездну Божества, которую разумъ постичь не можетъ. Здѣсь, гдѣ разумъ долженъ остаться во внѣ, любовь и томленье проникаютъ во внутрь" [2]). „И во встрѣчѣ Бога свѣтъ и жаръ такъ велики и такъ непомѣрны, что всѣ духи изнемогаютъ въ своихъ дѣятельностяхъ, и растворяются и исчезаютъ въ чувствѣ любви... И здѣсь нашъ духъ и благодать Бога составляютъ одну ощутимую любовь: ибо нашъ духъ истощилъ себя и самъ сталъ

---

[1]) *Gertrude More.* Spiritual Exercises 1658 г., стр. 138.

[2]) *Рэйсбрукъ Удивительный,* Одѣяніе духовнаго брака, кн. I, гл. 26 (русск. перев. Сизова. Москва. 1910 г.).

любовью" [1]). Этого состоянія никакія слова ни образы передать не могутъ, мысль теряется и замираетъ. Такъ уже Плотинъ говорилъ, что актъ мистическаго созерцанія Абсолюта и объединенія съ Нимъ лежитъ по ту сторону всякаго мышленія, всякой дѣятельности ума, это—состояніе глубокаго успокоенія духа [2]). Діонисій Ареопагитъ говоритъ о „божественномъ мракѣ" и божественномъ молчаніи превыше всѣхъ чувствъ, всѣхъ образовъ, всѣхъ представленій и объ ослѣпительныхъ „сверхсущностныхъ лучахъ" этого „божественнаго мрака", что охватываютъ душу очищенную, свободную отъ всего и безмолвную [3]). „Когда всѣ вещи покоились въ глубокомъ молчаніи, снизошло въ меня сверху, съ королевскаго престола сокровенное Слово", говорится въ одной изъ проповѣдей Мейстера Экхарта. И еще: „Среди ночи, когда молчали всѣ вещи, въ глубокой тишинѣ было сказано мнѣ сокровенное Слово. Оно пришло, крадучись какъ воръ"... Оно рождается „въ самой основѣ" души, гдѣ—„глубокое молчаніе, ибо туда не проникаетъ ни одна тварь или образъ; ни одно дѣйствіе или познаніе не достигаетъ тамъ души, и никакого образа не вѣдаетъ она тамъ, и не знаетъ ни о себѣ, ни о другой твари... Только здѣсь, въ глубокомъ молчаніи—покой и обитель для сего рожденія, для того, чтобы Богъ Отецъ изрекъ здѣсь свое Слово" [4])... „Тамъ, гдѣ видъ человѣка изнемогаетъ и не можетъ идти выше, начинается видъ Бога", пишетъ Ruysbroeck въ своей „Книгѣ семи замковъ"; „тогда приходитъ духъ нашего Господа, подобный бурному огню, который все сжигаетъ, поѣдаетъ и поглощаетъ, такъ что человѣкъ забываетъ себя самого и чувствуетъ себя уже не иначе, какъ если бы онъ былъ единой любовью съ Богомъ. Здѣсь умолкаютъ чувства и всѣ силы, и онѣ бываютъ насыщены и успокоены; ибо родникъ божественной доброты и изобилія все затопилъ"... [5]). Раймундъ Люллій повѣствуетъ о долгомъ томленіи Друга, т. е. человѣческой души, по Возлюбленномъ, о долгихъ и мучительныхъ путяхъ исканія; наконецъ, встрѣтились они другъ съ другомъ—Любящій и Возлюбленный... и Любящій въ присутствіи Возлюбленнаго своего лишился рѣчи—„et Amicus

---

[1]) Ibid., кн. II, гл. 70; срв. его же „Сверкающій камень", гл. 10 (приведено у *Ev. Underhill*, Ruysbroeck, 1914 г. стр. 34; ср. тамъ же стр. 72 сл.).

[2]) См., напр., Ennead. VI, lib. IX c. 11 или lib. VII c. 35 и т. д.

[3]) *Dionys. Areop.* De mystica theologia, C. I.

[4]) *Мейстеръ Экхартъ.* „О вѣчномъ рожденіи" (русск. перев. Сабашниковой).

[5]) Приведено Мэтерлинкомъ во вступительной статьѣ къ его переводу „Одѣяніе духовнаго брака". Срв. „Одѣяніе дух. брака", кн. III гл. 1.

in conspectu Amati passus est loquelae defectum“ [1]). „О молчаливая любовь, которая не хочетъ говорить, чтобы не быть узнанной!“ (O amore muto—che non voi parlare,—che non sie conosciuto!)—восклицаетъ Якопоне да Тоди [2]). Вмѣсто „не *хочетъ* говорить“ можно было бы сказать: „не можетъ *говорить*“, ибо даже потомъ, уже послѣ этого глубоко-внутренняго мистическаго акта соединенія съ Богомъ, во время котораго смолкаютъ, замираютъ всѣ способности души, даже потомъ, ретроспективно, желая возстановить въ памяти, пересказать, перевести на языкъ человѣческихъ понятій то великое, что было пережито,—мысль и слово охвачены безсиліемъ. „О какъ бѣдно мое слово и какъ слабо оно сравнительно съ образомъ, который въ моей душѣ! и какъ самый этотъ образъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что я видѣлъ, таковъ, что недостаточно назвать его ничтожнымъ!“ [3])

И вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на то, что самый актъ мистическаго объединенія происходитъ въ глубокомъ „безмолвіи“ и сосредоточенности души, въ той сферѣ, куда не достигаютъ человѣческія слова, образы и понятія,—несмотря на крайнее безсиліе этихъ словъ и представленій даже post factum передать хоть часть того, что пережито душою, несмотря на это—по той странной антиноміи, которая управляетъ жизнью духа—любовь, охватившая душу, становится иногда столь безмѣрной, столь преизбыточествующей, что не можетъ молчать. Душа полна еще всей силы пережитого, полна чувства безграничнаго утвержденія въ истинной Реальности и близости ея, ощущаетъ себя затопленной волнами преизбыточествующей жизни, и она начинаетъ пѣть и ликовать, или вѣрнѣе, поетъ не она, а поетъ въ ней любовь, всецѣло захватившая ее, поютъ въ ней тѣ волны вѣчной Жизни, Жизни любви, которыя залили ее до основанія.

Это внутреннее пѣніе души, передаваемое безъ словъ, безъ образовъ и безъ звуковъ [4]), полное неуловимаго ритма и торжествующей

[1]) *Raimundus Lullius*, Blanquernae Aphorismi 365 de Amico et Amato, aph. CXXI. Срв. aph. XXVIII: „Obviaverunt sibi invicem Amatus et Amicus; dixitque Amatus: „Non est opus ut mihi loqueris“... (Цитирую по амстердамскому изданію 1711 г. экземпл. Публичн. Библіотеки).

[2]) Lauda LXXVII: „De l'amor muto“. (Цитирую по критич. изданію: *Jacopone da Todi* Le laude въ серіи Scrittori d'Italia, 1915 г.).

[3]) *Dante*, Paradiso, c. XXXIII, vv. 121—123.

O quanto è corto il dire, e come fioco
Al mio concetto! e questo, a quel ch'io vidi
E tanto, che non basta a dicer poco.

[4]) Это то, что *Juan de la Cruz* въ своей „Духовной пѣснѣ“ (Cantico espiritual)

гармоніи, этотъ прибой внутреннихъ волнъ [1]) порою становится такъ силенъ, что прорывается и вовнѣ — во вздохахъ, слезахъ, пѣснопѣніяхъ, прерывистыхъ восклицаніяхъ, которыя являются лишь обрывками, лишь неадэкватными, часто случайными выраженіями той ликующей, незаглушаемой, непреодолимой пѣсни, что внутри охватила душу. „Tanto repletus est gaudio“, пишетъ про Франциска Ассизскаго древній его біографъ, „quod non se capiens pro laetitia etiam nolens ad aures hominum aliquid eructabat.“ („Онъ былъ исполненъ такого ликованья, что не въ состояніи сдержать себя отъ радости, онъ иногда даже противъ воли давалъ ей прорываться до слуха людей) [2]). Послѣ разрыва съ прошлымъ и безостаточнаго, безраздѣльнаго отданія себя на служеніе Богу онъ уже не въ силахъ сдерживать волны охватившей его радости. „Началъ онъ по площадямъ и улицамъ города славить Господа, какъ бы опьяненный духомъ“ [3]). Даже „въ лѣсу воспѣваетъ онъ по-французски громкимъ голосомъ хвалы Господу“ [4]). „Praeco sum magni Regis!“—„Я—глашатай великаго Царя“—такъ объявляетъ онъ во всеуслышанье [5]). „Иногда—разсказываетъ древній біографъ его, Ѳома изъ Челано,—когда сладостные звуки рождались въ его пламенной душѣ, онъ начиналъ пѣть по-галльски: чуткимъ ухомъ прислушивался онъ къ нѣжной музыкѣ въ душѣ своей, пока она не выливалась въ славословіе. Своими глазами мы видѣли, какъ онъ подымалъ съ земли кусокъ дерева и, держа его въ лѣвой рукѣ на подобіе скрипки, правой рукой водилъ тоненькой палочкой точно смычкомъ и, дѣлая соотвѣтствующія движенія, пѣлъ по-галльски о Богѣ. Это веселіе заканчивалось часто слезами и ликованіе переходило въ оплакиваніе страстей Христовыхъ“ [6]). Этотъ пѣсенный восторгъ, охватывавшій Франциска, былъ лишь внѣшнимъ выраженіемъ той внутренней мелодіи, что неумолчно, то тише, то громче звучала въ его душѣ и о которыхъ сохранила память и легенда,

---

называетъ „la musica callada“—безмолвная музыка. (Obras edicion critica. Toledo, 1912, t. II, 245).

[1]) Срв. *Mechtild v. Magdeburg*, Das fliessende Licht der Gottheit, кн. VII-гл. 45.

[2]) Cel. c. 6.

[3]) 3 Socii, c. 21: „Surgens, et introiens civitatem coepit per plateas et vicos civitatis, tanquam ebrius spiritu, dominum collaudare“.

[4]) I Cel., c. 6: „Per quendam silvam laudes Domino lingua francigena decantaret... coepit alta voce per nemora laudes Creatori omnium pertonare“.

[5]) Ibid.

[6]) Celano, Vita sec. c. XC.

когда разсказываетъ намъ о звукахъ небесной музыки, слышанной Францискомъ. Такъ однажды во время своего предсмертнаго уединенія на Альвернской горѣ, Францискъ, мучась и скорбя по поводу судьбы своего ордена, долго не могъ уснуть. Наконецъ, онъ забылся сномъ и увидѣлъ ангела, стоящаго у ложа его со смычкомъ и скрипкой. „Я покажу тебѣ,—говоритъ ему ангелъ,—немного той музыки, которую мы играемъ тамъ наверху—въ небесномъ царствѣ, предъ престоломъ Божіимъ". И съ этими словами онъ только разъ провелъ смычкомъ по струнамъ: и тутъ Франциска охватила такая безмѣрная радость, душа его исполнилась сладости столь дивной, что поистинѣ ему казалось, что у него нѣтъ больше тѣла, и что онъ не знаетъ никакихъ страданій. „И если бы ангелъ хотя бы только одинъ еще разъ коснулся до струнъ смычкомъ,—разсказывалъ Францискъ своимъ братьямъ на слѣдующее утро,—то, конечно, моя душа отдѣлилась бы отъ тѣла въ избыткѣ блаженства!". Такъ разсказываютъ намъ „Цвѣточки" [1]). Другой разсказъ сохраненъ намъ у біографа Франциска Ѳомы изъ Челано. Во время пребыванія своего въ Ріэти для леченія глазъ—также незадолго уже до смерти—Франциску весьма хотѣлось послушать игры на лютнѣ во славу Господню; онъ попросилъ одного брата, игравшаго прежде въ міру, раздобыть гдѣ-нибудь на время лютню и игрой на ней „доставить нѣкоторое облегченье брату тѣлу, жестоко страдающему". Но пришлось Франциску отъ этого желанія отказаться, ибо братъ смущался играть, боясь ввести въ соблазнъ окружающихъ. „На слѣдующую ночь, когда святой бодрствовалъ и размышлялъ о Богѣ, онъ вдругъ услышалъ звуки лютни удивительной гармоніи и сладчайшей мелодіи. Никого не было видно, но звуки то приближались, то удалялись. Святой отецъ, устремивъ душу къ Богу, испытывалъ такую усладу отъ прелести пѣсни, что ему казалось, что онъ уносится въ иной міръ". То была игра ангеловъ [2]).

И въ душѣ Seuse точно такъ же, какъ онъ намъ самъ разсказываетъ, звучало внутреннее пѣніе. „Однажды рано утромъ сидѣлъ онъ (Seuse разсказываетъ про себя въ третьемъ лицѣ) въ покоѣ, тутъ услыхалъ онъ, какъ что-то внутри его звучало столь сердечносладостно, что все сердце его всколыхнулось (do hort er neis waz in siner innewendekeit als herzklich erklingen, daz alles sin herz bewegt war), и нѣкій голосъ пѣлъ съ прозрачнымъ и сладостнымъ звучаніемъ, въ то время, какъ всходила утренняя звѣзда, и пѣлъ слѣ-

[1]) Fioretti: Delle Istimati.

[2]) *Celano*. Vita secunda, c. LXXXIX.

дующія слова: «Stella Maria maris hodie processit ad ortum—Звѣзда моря Марія грядетъ сегодня къ восходу». Это пѣніе звучало внутри его съ такой сверхъестественной сладостью, что всѣ чувства его вышли изъ себя и вмѣстѣ съ нимъ радостно пѣли" [1]). Въ другой разъ, „въ ночь на чистый понедѣльникъ принялся онъ за свое молитвословіе въ ожиданіи, пока ночной сторожъ не протрубитъ приближеніе разсвѣта. И подумалъ онъ про себя: «посиди немного прежде, чѣмъ встрѣтишь свѣтлую утреннюю звѣзду». И какъ только чувства его пришли въ успокоеніе, какъ вдругъ небесные юноши запѣли громкимъ голосомъ этотъ чудный антифонъ: «Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме!» и это такъ безмѣрно сладостно звучало въ его душѣ. Едва они пропѣли немного, какъ душа до такой степени переполнилась небесныхъ звуковъ, что больное тѣло его не смогло выдержать, и глаза его открылись, и сердце его излилось отъ избытка чувства и полились горячія слезы" [2]). Въ другой разъ ангелы посѣщаютъ его и поютъ ему небесныя пѣсни и увлекаютъ его съ собой въ небесный хороводъ, и сладостное имя Іисуса, которое звучитъ въ ихъ пѣснѣ, исцѣляетъ все его страданіе [3]). И у Seuse, какъ это мы видѣли уже у Франциска, это внутреннее ликованіе, это безмолвное пѣніе души прорывается и наружу. Таковъ, напримѣръ, его весенній гимнъ „небесному майскому дереву"—кресту Христову. Подобное же переживаніе внутренней пѣсни души, какъ и у Франциска и у Seuse, встрѣчаемъ и у англійскаго мистика XIV в. Ричарда Rolle'а, при чемъ и у него эта внутренняя мелодія воспринимается то какъ свыше, извнѣ занесенная въ душу небесная музыка, то какъ незаглушаемый, стихійно-могучій, торжествующій гимнъ любви, что бьетъ изъ нѣдръ самой души. Такъ „однажды,—разсказываетъ онъ,—вечеромъ, передъ ужиномъ, когда я пѣлъ свои псалмы, я услышалъ вокругъ себя звукъ словно читающихъ голосовъ или, вѣрнѣе, поющихъ. И въ то время такъ же, какъ молясь къ небу я устремился въ молитвѣ всѣмъ желаніемъ моимъ, внезапно — какимъ образомъ сказать не сумѣю—почувствовалъ я въ себѣ звуки пѣсни; и сладостную небесную мелодію я воспринялъ, пребывающую въ моемъ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мысль моя постоянно переходила въ ликованіе пѣсни" [4]). „Пѣсней я называю, — говоритъ Rolle,—когда

[1]) *Seuses*, Leben. Kap. V.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.
[4]) *Richard Rolle*. The Fire of Love, bk. I, c. 16.

избыточествующей душой воспринимается пламенѣющая сладость вѣчной любви, и мысль претворяется въ пѣсню и весь умъ измѣненъ въ сладчайшіе звуки“ [1]). Rolle такъ описываетъ нѣкоторыя высшія переживанія душъ, истинно любящихъ Іисуса: они испытываютъ „a heavenly privity inshed“ — „чувство небесной интимности, близости къ Богу, которое никто не можетъ постичь кромѣ того, кто испыталъ его“... „Они внутренно пламенѣютъ и всѣ внутреннія части ихъ духа ликуютъ въ радостномъ блистаніи, залитыя свѣтомъ. И они чувствуютъ себя охваченными радостью торжествующей любви, чувствуютъ, какъ сердце ихъ растопляется въ пѣсенномъ веселіи... Но благодать эта не всегда и не всѣмъ дается, а лишь наиболѣе святымъ изъ святыхъ душъ, въ которыхъ сіяетъ совершенство любви и зарождаются, вдохновленныя Христомъ, пѣсни любви и восторга; такимъ образомъ, словно превращенныя въ свирѣль или флейту, на которыхъ играетъ сама божественная жизнь, эти души радостно и неизъяснимо прекрасно звучатъ предъ лицомъ Бога“ [2]).

Екатерина Генуэзская такъ описываетъ (на основаніи собственнаго опыта) высочайшее состояніе души—состояніе глубокаго блаженнаго мира: это—„чувство столь полнаго мира и покоя, что душѣ кажется, что и сердце и тѣлесное ея существо, и что все внутри и вовнѣ погружено въ океанъ совершеннѣйшаго мира, откуда она никогда не выйдетъ, что бы съ ней ни случилось въ жизни... И она ничего другого ощущать не можетъ кромѣ сладчайшаго мира... И тогда весь день она отъ радости твердитъ пѣсенки, подобныя слѣдующей, слагая ихъ на свой ладъ:

Vuoi tu che tu mostr'io
Presto che cosa e Dio?
Pace non trova chi da lui si partio.

(„Хочешь ли ты, чтобы я тебѣ показала безъ промедленія, что такое Богъ?—Мира не находитъ тотъ, кто отъ него отдалился“ [3]).

„Богъ,—пишетъ Ruysbroeck въ «Одѣяніи духовнаго брака»,—погружается въ сердце посредствомъ своихъ даровъ съ такимъ изобиліемъ услажденій, утѣшеній и радостей, что сердце внутренно выходитъ изъ береговъ. И это даетъ человѣку замѣтить, какъ несчастны живущіе внѣ любви. Эта сладость расплавляетъ сердце до того, что

[1]) Ibid., bk. I, c. 15.

[2]) *Rich. Rolle*, „The Fire of Love“, bk. II, c. 7, срв. его же The Mending of life, c. XII (въ изданіи English Early Text Society, 1896 г.).

[3]) Vita e Dottrina, cap. XVIII.

человѣкъ не можетъ сдерживаться — такъ велика полнота внутренней радости“... [1]). „Сердце и сила желанія возносятся къ свѣту“, который Богъ открываетъ душѣ, „и во встрѣчѣ съ нимъ радость и услада такова, что сердце не можетъ ихъ вынести, но разрѣшается въ крикахъ счастья, и это называется *ликовать* или *ликованіемъ*, и это — радость, которую нельзя объяснить словами. И невозможно удержаться, если захочешь, съ сердцемъ вознесеннымъ и широко открытымъ пойти навстрѣчу этому свѣту; необходимо, чтобы голосъ сопутствовалъ, пока продолжается это движеніе и свѣтъ“ [2]). „О оставьте меня сидѣть въ одиночествѣ—безмолвной для міра и для себя самой, чтобы я могла выучиться этой пѣснѣ Любви!“ восклицаетъ Гертруда Муръ [3]). „Влюбленный, услышавъ пѣніе птицы, спросилъ ее.... Скажи мнѣ, птичка, отчего ты поешь? отдалась ли ты подъ покровъ моего Возлюбленнаго, чтобы онъ защитилъ тебя отъ любовнаго оскудѣнія и преумножилъ въ тебѣ любовь?“ — такъ пишетъ Раймундъ Люллій въ своемъ „Діалогѣ между Влюбленнымъ и Возлюбленнымъ“.—„Отвѣчала птица: «Кто побуждаетъ меня пѣть, какъ не Владыка Любви, который за позоръ для себя считаетъ любви оскудѣніе?» [4]). Недаромъ поэтому и самъ Влюбленный, побуждаемый тѣмъ же Владыкой Любви—Dominus amoris—не можетъ молчать: и онъ долженъ пѣть или, вѣрнѣе, восклицать или шептать прерывистымъ голосомъ отъ избытка охватывающаго чувства. „Проходилъ Влюбленный по нѣкоему городу и пѣлъ о Возлюбленномъ своемъ, какъ будто объятый безуміемъ...“ [5]) „Влюбленный пѣлъ: о, какое великое страданіе—любить! о, какое великое блаженство любить моего Возлюбленнаго, Который любитъ любителей своихъ безконечной любовью, и вѣчной, и совершенной всякимъ совершенствомъ!“ [6]).

„O iubilo del core—che fai cantar d'amore!“

(„О восторгъ, ликованіе сердца, что побуждаетъ пѣть про любовь!“)— восклицаетъ Якопоне да Тоди.

---

[1]) *Рэйсбрукъ*. Одѣяніе духовнаго брака, кн. II, гл. 18.

[2]) Ibid. кн. II, гл. 24; срв. его же „Книга двѣнадцати бегинокъ“, гл. 12 и „Книга семи ступеней любви“ (цитата у *Underhill* Ruysbroeck, 1914 г. стр. 84).

[3]) „Spiritual Exercises“, стр. 30 (приведено у *E. Underhill*, Mysticism, 1914 г. стр. 92).

[4]) (*Raimundus Lullius*) Blanquernae Aphorismi 365 de Amico et Amato. § XV.

[5]) Ibid. LV.

[6]) Ibid. CXV.

Quando iubilo se scalda,—si fa l'uomo cantare;
e la lengua barbaglia—e non sa que parlare,
dentro non po celare,—tanto è grande el dolzore!
Quando iubilo è acceso,—si fa l'uomo clamare,
lo cor d'amor è preso—che nol po comportare,
stridendo el fa gridare—e non vergogna allore.
Quando iubilo ha preso—lo cor enamorato,
la gente l'ha en deriso,—pensando suo parlato,
parlando smesurato—de que sente calore.
O iubil, dolce gaudio—ched entri ne la mente,
lo cor deventa savio—celar suo convenente,
non puo esser soffrente—che non faccia clamore.
Chi non ha costumanza—te reputa empazito,
vedendo svaglianza—com omo ch'è desvanito,
dentro lo cor ferito—non se sente de fuore.

(„Когда восторгъ разгорается: онъ понуждаетъ человѣка пѣть, и языкъ бормочетъ, и не знаетъ, что говоритъ: не можетъ онъ скрыть то, что внутри: такъ велика эта сладость.

Когда восторгъ возгорѣлся: онъ заставляетъ человѣка восклицать: сердце охвачено любовью и стерпѣть не можетъ, любовь понуждаетъ его громко кричать и вопить, и оно тогда не стыдится.

Когда восторгъ охватилъ влюбленное сердце, люди смѣются надъ такимъ человѣкомъ, обсуждая его рѣчи, а онъ говоритъ не зная мѣры о томъ, что чувствуетъ жаръ любви!

О восторгъ, сладостное ликованіе! Когда ты входишь въ душу, сердце становится мудрымъ, оно не въ силахъ выдержать—скрыть свое состояніе, оно не въ силахъ не кричать.

Кто этого не испыталъ, считаетъ себя помѣшавшимся, видя отличіе твое отъ другихъ, какъ человѣка, лишившагося всякой силы: сердце, раненое внутри, не чувствуетъ тебя снаружи") [1].

Нельзя подавить этотъ голосъ любви, нельзя замолчать, затушить эту торжествующую пѣснь любовнаго восторга, что съ непреодолимой, стихійной силой вырывается изъ глубинъ души:

Non posso obedire—ch'amor deggia tacire,
l'amor voglio bandire,—fi'n che mo m'esse il fiato.
. . . .
Clama la lengua elcore:—Amore, amore, amore!
chi tacia el tuo dolzore—lo cor li sia crepato
E ben credo che crepasse—lo cor che t'assagiasse,
se amor non clamasse—trovarese afogato.

---

[1]) *Jacopone da Todi*, Lauda LXXVI: „Del iubilo del core che esce in voce".

(„Я не въ силахъ послушаться—замолчать любовь: любовь хочу я провозглашать, покуда не испущу дыханья...

Восклицаютъ языкъ и сердце: Любовь! любовь! любовь! Кто молчитъ о твоей сладости, у того сердце не выдержитъ—разорвется.

И, право, я увѣренъ, что лопнуло бы сердце, которое испытаетъ тебя, если бы оно не стало провозглашать любви — оно бы тогда захлестнулось") [1].

Такъ провозглашаетъ послѣдователь Франциска, мистикъ и поэтъ Якопоне да Тоди—что любовь молчать не можетъ.

И до насъ, стоящихъ на другой плоскости жизни, доносятся иногда, запечатлѣнные въ человѣческомъ словѣ, слабые отзвуки той пѣсни, которая поетъ въ душѣ, охваченной восторгомъ любви. Прислушаемся къ нѣкоторымъ изъ этихъ отзвуковъ: это вѣсти изъ иного, далекаго отъ насъ психологическаго міра.

II.

Драма исканія.

Любовь не можетъ молчать. Ея переживанія изливаются то въ отдѣльныхъ звукахъ, то въ цѣлой стройной повѣсти. Встаетъ передъ глазами вся сложная исторія души, сотканная изъ мукъ любви, изъ исканій, томленій, чувства заброшенности, одиночества, горькаго безсилія и, наконецъ, завершающаяся радостью обрѣтенія. Центръ всей этой повѣсти—Объектъ любви, то Высшее Благо, по которому душа томится и которому, найдя его, отдается безгранично, всей силой любовнаго устремленія, Возлюбленный души. Онъ же—источникъ любви и самъ—воплощенная любовь.

Душа охвачена томленіемъ. Извѣдавъ было краткую сладость общенія, она покинута Возлюбленнымъ, одна, въ тоскѣ и стенаніи. Это—время оставленности, когда мракъ, „темная ночь" охватываютъ душу, время испытанія, когда испытывается ея твердость и вѣрность. Такъ Божественная Премудрость говоритъ къ Seuse: „Третья скорбь въ слѣдующемъ: до сихъ поръ ты былъ только ребенкомъ у груди, балованнымъ ребенкомъ. Ты былъ погруженъ въ божественной сладости, какъ рыба въ морѣ. Теперь я отыму все это. Моя воля, чтобы ты былъ лишенъ этого и чтобы ты страдалъ отъ этого лишенія" [2]. А оставленная душа все ищетъ и зоветъ Возлюбленнаго и взды-

---

[1]) Lauda LXXXI: „De l'amor divino e sua laude".

[2]) Seuse's Leben, c. XXII.

хаетъ по Немъ. Иногда мистики передаютъ эти переживанія въ образахъ „Пѣсни Пѣсней“, которая уже съ весьма раннихъ временъ толковалась мистически [1]) и гдѣ невѣста вѣдь также потеряла воз-

[1]) Первымъ изъ длиннаго ряда христіанскихъ мистическихъ истолкователей „Пѣсни Пѣсней“ былъ Оригенъ (нач. III в.), но уже раньше—въ правовѣрной еврейской средѣ мистическое толкованіе было широко распространеннымъ (см. *Wogue* Hist. d. l. Bible, стр. 58; *П. Юнгеровъ*. Происхожденіе Пѣсни Пѣсней — „Православный Собесѣдникъ“, декабрь, стр. 528—529). Перечень весьма многочисленныхъ раннихъ и средневѣковыхъ комментаріевъ „Пѣсни Пѣсней“ приведенъ, напр., въ Dictionnaire de Théologie Catholique, tome II (1905) стр. 1675 сл.: бóльшая часть ихъ издана у Migne'a. Особенно сильное вліяніе оказали въ Средніе Вѣка 86 Sermones in canticam canticorum Бернарда Клервосскаго (объ этомъ произведеніи Бернарда см., напр., *Vacandard*, Vie de St. Bernard, t. I, 1910 г., стр. 478 сл.). Нѣкоторыя указанія по вопросу о многочисленныхъ поэтическихъ переложеніяхъ „Пѣсни Пѣсней“ въ Средніе Вѣка или вообще о вліяніи ея образности на мистическую средневѣковую литературу имѣются, напр., у *Ev. Underhill*, Mysticism, 1914 г. стр. 163 сл., у *Inge*'a Christian Mysticism, 1913, стр. 369—372, въ книгѣ *Wechssler*'a Das Kulturproblem des Minnesangs, Bd. 1909, стр. 249, у *Banz*'a Christus u. die minnende Seele, 1908, у *Oppel*'я Das Hohelied Salomonis u. die deutsche religiöse Liebeslyrik, 1911, гл. 1—3, въ *моей* статьѣ „Платонизмъ любви и красоты въ литературѣ эпохи Возрожденія“ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1913 г. январь, стр. 32; тамъ же нѣсколько примѣровъ вліянія „Пѣсни Пѣсней“ въ эпоху Возрожденія—февраль, стр. 239, 251, 253, 278).

Слѣдующій высокохудожественный латинскій гимнъ (изъ мюнхенской рукописи XII в.) прямо напр. ссылается на „Пѣсню Пѣсней“:

Sub umbra desiderata
Sponsa sponso adunata
Hymnos canit nuptiales;
Auscultate, consodales!
In meride cum sponso
Sponsa cubat in absconso,
Cor Adulescentularum
Ardet in spe nuptiarum.
Ad nuptias virginales
Cum invenculis sodales
Ante thorum virginalem
Chorum ducunt nuptialem.
Paranymphi secretales
Et amici speciales
Ante sacrosantum thorum
Cantant *cantum canticorum*

(гимнъ „Christus, Virginis Filius, Virginum Sponsus“ у *Dreves-Blume*,—Ein Jahrtausend lateinischen Hymnendichtung, 1909, II Teil, стр. 49).

Но помимо „Пѣсни Пѣсней“ на форму выраженія мистическаго чувства вліяли и другіе сходные образы Писанія—такъ напримѣръ образъ евангельскаго Жениха

любленнаго своего и затѣмъ ищетъ его, охваченная томленіемъ. Вліяніе „Пѣсни Пѣсней" на форму выраженія мистической драмы души было чрезвычайно велико въ Средніе Вѣка: иногда сохраненъ даже восточный колоритъ образовъ. Конечно: не надо забывать, что и помимо внѣшняго воздѣйствія, мистическія переживанія естественнымъ и самопроизвольнымъ путемъ должны были создавать и создавали аналогичные въ общемъ образы—рисующіе оставленность души и исканія ею объекта ея любовной жажды.

Въ „Пѣснѣ Пѣсней" такъ въ краткихъ чертахъ намѣчается эта драма. „Я сплю"—говоритъ героиня драмы—невѣста, возлюбленная, которую мистическіе истолкователи отожествляли съ душой, ищущей Бога: „Я сплю, а сердце мое бодрствуетъ; вотъ голосъ моего возлюбленнаго, стучится: отвори мнѣ: сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!..." [1]). Но невѣста замѣшкалась; между тѣмъ „Возлюбленный мой протянулъ руку свою сквозь скважину, и внутренность моя взволновалась отъ него (venter meus intremuit at tactum eius).

„Тогда я встала, чтобъ отпереть возлюбленному моему, и съ рукъ моихъ капала мирра...

„Отперла я возлюбленному моему, и возлюбленный мой повернулся

изъ притчи о десяти дѣвахъ или образъ божественной Возлюбленной—Премудрости Божіей въ греческихъ учительныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта („Книга Премудрости Соломона" и особенно „Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова"). Впрочемъ и независимо отъ этого весьма глубокаго воздѣйствія образности Писанія, чувство мистической близости къ Богу должно было, повторяю, естественно и самопроизвольно выливаться въ образахъ человѣческой любви и супружескаго объединенія, какъ наиболѣе сильныхъ, активныхъ и захватывающихъ изо всей скалы обычныхъ человѣческихъ переживаній (срв. напримѣръ образность и обрядность античныхъ мистерій или всю персидскую мистическую поэзію суфіевъ).

[1]) Срав. старую нѣмецкую духовную пѣсенку:

... „schleuss uf die thür!
dass er nit gang für bass,
er ist von roten rosen nass"

(а въ „Пѣснѣ Пѣсней": „голова моя вся покрыта росою, кудри мои—ночными каплями", говоритъ возлюбленный).

И дальше въ той же пѣсенкѣ поется:

Balsamwein, gemischter wein,
musgat soll dein bettlein sein...
Kum, herzeliep, und ruhe bei mir"...

(*Hoffmann v. Fallersleben*, Geschichte des deutschen Kirchenliedes, 1861[3], стр. 101).

и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ, я искала его и не находила его; звала его, и онъ не отзывался мнѣ (Anima mea liquefacta est, ut locutus est: quaesivi, et non inveni illum: vocavi, et non respondit mihi).

„Встрѣтили меня стражи, обходящіе городъ, избили меня, изранили меня; сняли съ меня покрывало стерегущіе стѣны.

„Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія! если вы встрѣтите возлюбленнаго моего, скажите ему, что я изнемогаю отъ любви (...nuntiet is ei *quia amore langueo*)“ [1]).

И еще: „На ложѣ моемъ ночью искала я того, котораго любитъ душа моя, искала его и не нашла его.

„Встану же я, пойду по городу, по улицамъ и площадямъ и буду искать того, котораго любитъ душа моя; искала я его и не нашла его“ [2]). Точно такъ же въ высоко поэтической книгѣ „Изливающійся Свѣтъ Божества“ („Das fliessende Licht der Gottheit“) Мехтильды Магдебургской, нѣмецкой созерцательницы середины 13-го вѣка, душа—„Невѣста Божія, пребывавшая въ сокровенномъ чертогѣ св. Троицы, восклицаетъ: «Отступите прочь, уйдите отъ меня, всѣ твари! вы причиняете мнѣ боль и не можете меня утѣшить»“. А твари спрашиваютъ: „Почему?“—И Невѣста отвѣчаетъ: „Возлюбленный мой во время сна удалился отъ меня въ то время, какъ я покоилась въ единеніи съ Нимъ“ [3]). И, оставленная, она такъ теперь стонетъ и взываетъ къ Нему: „О Ты въ богатствѣ Твоемъ неисчислимое сокровище!.. Какъ я томлюсь по Тебѣ... это могли бы сказать Тебѣ всѣ твари, еслибъ только они могли сѣтовать за меня. Ибо я терплю нечеловѣческія муки. Слаще гораздо для меня была бы тѣлесная смерть. Я ищу Тебя мыслями моими, какъ дѣвушка втайнѣ ищетъ своего возлюбленнаго. Отъ слабости я спотыкаюсь, ибо я связана съ Тобой. Сильнѣе меня эти узы Твои: поэтому не могу я освободиться отъ любви. Въ большомъ томленіи призываю я Тебя голосомъ изгнанницы, я жду Тебя въ тяжести сердца, я не могу обрѣсти покоя, я неугасимо пылаю въ горячей любви Твоей. Я гонюсь за Тобой изо всей силы; если бы была у меня мощь великана, она бы быстро стаяла у меня, какъ только бы достигла я Твоихъ слѣдовъ. О Возлюбленный, не

---

[1]) Пѣсня Пѣсней, гл. 5, стр. 2—8; цитирую по тому тексту, которымъ пользовалось все средневѣковье, т. е. по тексту Вульгаты.

[2]) Пѣсня Пѣсней, гл. 3, стр. 1—2.

[3]) „Das vliezzende Licht der Gottheit“, кн. IV, гл. 12.

слишкомъ далеко впередъ убѣгай отъ меня, немного остановись изъ любви, чтобы я могла Тебя схватить!

О Господи, разъ Ты теперь отъ меня отнялъ все, что я отъ Тебя имѣю, то оставь мнѣ по крайней мѣрѣ изъ милости даръ, который Ты даже собакѣ даровалъ согласно естеству ея, именно: чтобы я вѣрной осталась Тебѣ въ моемъ страданіи, безо всякаго противорѣчія. Этого я горячѣе желаю, чѣмъ Твоего небеснаго царствія".

А между тѣмъ это страданіе, томленіе ощущается крайне тяжело и остро. „Когда глаза мои полны печали и уста мои смущенно молчатъ и языкъ мой связанъ въ томленіи и чувства мои спрашиваютъ меня ежечасно, что со мною—то это, Господи, по Тебѣ я томлюсь. И плоть моя обезсилена, кровь моя изсыхаетъ, холодѣютъ кости, судорожно стягиваются жилы, и душа моя вопіетъ, кричитъ, какъ кричитъ голодный левъ..." [1]).

„Куда-жъ Ты удалился
Мой Другъ, мнѣ сердце поразивъ жестоко?"

—такъ восклицаетъ Душа-Невѣста въ „Духовной Пѣснѣ" (Cantico Espiritual) испанскаго мистика-поэта XVI вѣка Juan'a de la Cruz:

„Вдругъ, какъ олень, ты скрылся..
Въ печали одинокой
Я вышла въ слѣдъ Тебя, но Ты ужъ былъ далеко!" [2]).

И начинается долгій, мучительный путь исканія:

„Того, Кого люблю я
Пойду искать чрезъ рѣки, сквозь дубравы.
Уже цвѣтовъ не рву я,

---

[1]) Мехтильда, кн. II, гл. 25.

[2]) Adonde te escondiste,
Amado, y me dejaste con gemido?
Como ciervo huiste
Habiendome herido.
Sali tras te clamando y eres ido.

Ср. уже въ „Пѣснѣ Пѣсней" сравненіе Возлюбленнаго съ оленемъ:

„Голосъ возлюбленнаго моего! вотъ онъ идетъ, скачетъ по горамъ, прыгаетъ черезъ холмы.

Другъ мой похожъ на серну, или на молодого оленя. Вотъ онъ стоитъ у насъ за стѣною, заглядываетъ въ окно, мелькаетъ сквозь рѣшетку" (28—29).

И еще: „Бѣги, возлюбленный мой! будь подобенъ сернѣ, или молодому оленю, на горахъ бальзамическихъ!" (814) („Fuge, dilecte mi, et assimilare capreae hinnuloque cervorum super montes aromatum").

Ужъ звѣрь лѣсной лукавый
Не страшенъ мнѣ; пройду всѣ грани, всѣ заставы!" [1]).

Объ этихъ поискахъ Возлюбленнаго оставленною душою говоритъ въ фламандскихъ стихахъ „Девятая бегинка" въ „Книгѣ Двѣнадцати бегинокъ" Ruysbroek'a.

„Любовь Господь Іисуса оставила меня,
Я слѣдую за Нимъ.
Странными и неизвѣданными тропами,
Въ постоянныхъ скитаніяхъ,
Все, что я имѣла прежде, я потеряла.
И бремя скорби моей тягостно,
Ибо Онъ похитилъ мое сердце" [2]).

„Пути, по которымъ Другъ ищетъ Возлюбленнаго своего"—замѣчаетъ Раймундъ Люллій въ своемъ „Діалогѣ"—„окружены опасностями, полны заботъ, стоновъ и воздыханій". Правда, за то они „озарены огнями любви! (refertae suspiriis et fletibus; ac illuminatae amoribus)" [3]).

На этомъ долгомъ и томительномъ пути душа ищетъ указаній, признаковъ, слѣдовъ, которые могли бы облегчить ей исканіе Возлюбленнаго.

У Juan'a de la Cruz Невѣста разспрашиваетъ всю окружающую Природу:

„Скажите вы, дубровы,
Что Другъ мой насадилъ рукой могучей,
Ты, лугъ травы шелковой,
И яркой и пахучей:
Прошелъ ли здѣсь мой Другъ сквозь лѣсъ дремучій?" [4]).

И въ отвѣтъ на исканіе души для ея мало-по-малу просвѣтляю-

---

[1]) Buscando mis amores
Irè por esos montes y riberas;
Ni cogere los flores,
Ni timerè los fieras,
Y pasarè los fuertes y fronteras.

[2]) „Книга 12 бегинокъ", гл. I.

[3]) Афоризмъ II.

[4]) Oh bosques y espesuras,
Plantados por la man de mi amado!
Oh prado de verduras
De flores esmaltado!
Decid si por vosotros ha passado.

щагося взора открывается, что вся Природа полна слѣдовъ ея Возлюбленнаго. Твари—creaturas—отвѣчаютъ ей:

Mil gracias derramando,
Pasò por estes satos con presura,
Y yendolos mirando
Con sola su figura
Vestidos los dejo de su hermosura.

(„Изливая потоки благодатной силы, Онъ поспѣшно прошелъ по этимъ рощамъ, и когда, проходя, Онъ взглянулъ на нихъ, то чрезъ одно отображеніе лица Своего, Онъ оставилъ ихъ облеченными своей красотой").

Въ комментаріи, который онъ самъ же даетъ къ своимъ мистическимъ „Canciones", Juan de la Cruz замѣчаетъ по поводу этого мѣста: „Господь создалъ всѣ вещи и оставилъ въ нихъ нѣкій отпечатокъ Своего бытія".—„Сказано здѣсь: «Paso»,—прошелъ, ибо всѣ твари суть какъ бы слѣдъ прохожденія Бога (del paso de Dios)" [1]). И поэтому душа, „пораженная любовью чрезъ этотъ слѣдъ красоты своего Возлюбленнаго, найденный ею въ твари, въ томленіи по Его невидимой красотѣ", восклицаетъ: „Увы, кто сможетъ излѣчить меня!" [2]). Ибо

...todos cuantos vagan
De ti me van mil gracias refirienda,
Y tosos mas ce llagan,
Y dejame muriendo
Un no sé qué que queda balouciendo.

Всѣ твари со всѣхъ сторонъ приносятъ ей вѣсть о красотѣ Возлюбленнаго, и все болѣе разжигаютъ огонь ея любовной раны. „И заставляетъ меня умирать отъ томленія что-то смутное, что звучитъ въ глубинѣ сердца".

Вся природа является указаніемъ на Возлюбленнаго, воспоминаніемъ о Немъ, вѣстникомъ отъ Его лица къ истомившейся душѣ. Но душѣ уже не надо вѣстниковъ, или посредниковъ, ибо они не въ состояніи ее удовлетворить, они лишь разжигаютъ пламя ея томленія, ей нужно лишь Его присутствіе:

No quieras enviarme
De hoy mas ya mensagero
Que no saben decirme lo que quiero.

---

[1]) *Juan de la Cruz.* „Cantico espiritual" (Obras, tomo II, стр. 196).
[2]) Ibid. стр. 197—198.

„Не посылай мнѣ отнынѣ вѣстниковъ: они не умѣютъ говорить мнѣ то, что мнѣ нужно, чего жаждетъ мое сердце“.

Porqué, pues has llagado
Aqueste corazon, no le sanaste?
Y pues me le has robado,
Porqué asi le dejaste
Y no tomas ed robo que robaste?

(„Почему, разъ Ты поразилъ раной это сердце, не излѣчилъ Ты его? почему, похитивъ его у меня, Ты въ концѣ концовъ его бросилъ безъ вниманія и не взялъ похищеннаго Тобою?“)

Apaga mis enojos,
Puesque ninguno basta a deshacellos,
Y véante mis ojos
Pues eres lumbre dellos
Y solo para te quiero tenellos.

(„О, умири мое томленіе, ибо никто не въ состояніи его успокоить! и пусть увидятъ Тебя мои очи, ибо Ты—свѣтъ ихъ, и только, чтобы видѣть Тебя, дорожу я ими!“).

Oh cristaliña fuente
Si en esos tus semblantes plateados
Formases de repente
Los ojos deseados
Que tengo en mis entranas dibujados!“

(„О кристальный источникъ, если бы ты только могъ въ твоемъ серебряномъ зеркалѣ внезапно изобразить тѣ завѣтныя очи, которыя запечатлѣны во внутреннихъ глубинахъ моего сердца“).

Такъ поетъ Juan de la Cruz въ своей „Духовной Пѣснѣ“ (Cantico espiritual).

Ибо въ самомъ дѣлѣ есть путеводная звѣзда во всѣхъ этихъ исканіяхъ оставленной души. Это—не покидающее ее чувство огромной преизбыточествующей *любви*, охватившей ее всецѣло. Даже въ мукахъ оставленности, какъ будто бы совершенно забытый своимъ Возлюбленнымъ, полный вмѣстѣ съ тѣмъ неутолимаго томленія,—любящій живетъ, и движется, и мыслитъ, и чувствуетъ силою любви, памятью о Возлюбленномъ. Поэтому всѣ страданія, и самое чувство одиночества, покинутости освящается для него любовью, онъ начинаетъ въ нихъ видѣть, говоря словами Раймунда Люллія, „печать Возлюбленнаго“, Signum Amati:

„Печать Возлюбленнаго открывается въ Другѣ: ибо по причинѣ

любви сколько разъ бываетъ онъ въ испытаніяхъ, воздыханіяхъ, слезахъ и терзаніяхъ мысли, и презираютъ его люди" [1]). Недаромъ поэтому на вопросъ, съ которымъ Другъ обращается къ птицѣ, что, охваченная любовью, поетъ возлюбленному своему: Скажи мнѣ, почему такъ терзаетъ меня Возлюбленный мой любовью, послѣ того какъ онъ вѣдь принялъ меня въ число служителей своихъ?—птица отвѣчаетъ: „Еслибъ ты не терпѣлъ мукъ ради любви, то чѣмъ бы ты любилъ Возлюбленнаго твоего?" [2]). Поэтому также, когда однажды „Другъ въ раздумьи бродилъ по тропамъ своего Возлюбленнаго, оступился онъ и упалъ въ терніи, которые ему показались было цвѣтами: но это было ложе любви!" [3]).

И среди всѣхъ этихъ острыхъ мукъ неудовлетвореннаго любовнаго томленія Любящій уже носитъ въ себѣ залогъ близости, залогъ грядущаго объединенія съ Возлюбленнымъ: это—его вѣрность любви, неизмѣнность устремленія къ Тому, кому онъ отдалъ все существо и всю любовь свою. Такимъ образомъ самыя муки просвѣтляются и становятся *источниками радости*. „Человѣкъ внутренно раненъ въ свое сердце"—говоритъ Ruysbroeck,—„и чувствуетъ язву любви. Быть раненымъ любовью—чувствованіе самое сладостное и мука самая тяжкая, какія только можно испытать. Быть раненымъ любовью, это—вѣрный признакъ, что наступитъ исцѣленіе" [4]). Эта радость, вытекающая изъ мукъ любви, звучитъ, напримѣръ, въ „мистической пѣснѣ" Juan'a de la Cruz о той „темной ночи", въ мракѣ которой, среди глубокаго безмолвія, душа вышла изъ своего дома:

En una noche oscura
Con ansias en amores, inflamada,
— Oh dichosa ventura!—
Sali sin ser notada,
Estando ya mi caza sosegada.

A oscuras y segura,
Por la secreta-escala, disfrazada,
— Oh dichosa ventura!—
A oscuras, y en celada,
Estando ya mi casa sosegada.

(„Среди темной ночи, охваченная муками и пламенѣя огнемъ

---

[1]) *Raimundus Lullius*, op. cit. CXXVIII.
[2]) Ibid. XXXIV.
[3]) Ibid. XXXV.
[4]) *Рэйсбрукъ*. Одѣяніе духовнаго брака. Кн. II, гл. 22 (цитирую по русскому переводу М. Сизова, Москва, 1910 г.).

любви—о счастье, о удача!—я вышла незамѣченной, когда мой домъ объятъ былъ уже покоемъ.

„Въ темнотѣ, но увѣренно, по потайной лѣстницѣ, переодѣтой—о счастье, о удача!—въ темнотѣ и втайнѣ (я вышла), когда мой домъ объятъ былъ уже покоемъ“).

Здѣсь описывается, говоритъ намъ Juan, „какъ душѣ пришлось выйти чувствомъ изъ себя и изо всѣхъ вещей и умереть для всѣхъ нихъ и для себя самой истиннымъ самоумерщвленіемъ, для того, чтобы начать жить жизнью любви въ Богѣ; и говоритъ душа, что этотъ выходъ ея изъ себя и изо всѣхъ вещей былъ среди темной ночи“, которая означаетъ долгое очистительное испытаніе, мучительный путь отказа отъ себя и отъ всего, даже отъ духовныхъ услажденій, время духовной „сухости“ и оставленности души [1]). Но охваченная любовью, душа благословляетъ даже этотъ глубоко-болѣзненный, глубоко-тягостный процессъ очищенія во мракѣ духовной ночи:

„О счастье, о удача!“ [2]).

Ruysbroeck такъ говоритъ объ этомъ состояніи духовной ночи, духовной засухи, бѣдности души: „Человѣкъ выходитъ, и находитъ себя бѣднымъ, несчастнымъ и оставленнымъ. Вся буря, все изступленіе и все нетерпѣніе любви здѣсь остываютъ, и пылающее лѣто становится осенью, и все обиліе превращается въ великую бѣдность. И человѣкъ начинаетъ сѣтовать—такъ велико его несчастіе: куда ушли жаръ любви, близость, признательность, дѣйствіе сладостной благодати, внутреннее утѣшеніе, сердечная радость? Какъ онъ лишился всего этого? И кипучій восторгъ любви и всѣ полученные дары, какъ все это умерло въ немъ? И онъ похожъ на ученаго, который потерялъ свое знаніе и свое твореніе, и естество часто бываетъ смущенъ подобной утратой... Отъ этого несчастія рождаются боязнь паденія и состояніе полусомнѣнія, и это крайній предѣлъ, на которомъ можно остановиться безъ отчаянія...

Человѣкъ смиренно замѣтитъ тутъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ его скорби, и онъ скажетъ въ покорности и отреченіи отъ себя это слово, сказанное святымъ человѣкомъ Іовомъ: «Богъ далъ, Богъ взялъ, случилось только то, что Ему было угодно: имя Бога да бу-

---

[1]) *Juan de la Cruz*, Obras, Edicion critica, 1912 г., стр. 5 и passim.

[2]) Срв. ibid., напр., стр. 97 и passim. Объ этой „темной ночи“ въ ученіи великихъ западныхъ мистиковъ см., напр., *E. Underhill*, Mysticism, стр. 453—493.

детъ благословенно». И онъ во всемъ отречется отъ себя и будетъ говорить и думать въ своемъ сердцѣ: «Господи, съ такою же охотой я бѣденъ во всемъ, чего Ты меня лишилъ, съ какою былъ бы богатъ, Господи, если бы Ты этого пожелалъ и если бы это совершилось для Твоей чести. Не моя воля природная должна совершаться, но Твоя воля и моя воля духовная, Господи, ибо я съ Тобой, и я столь же былъ бы счастливъ быть Твоимъ въ аду, какъ на небѣ, если бы это могло служить къ Твоей славѣ; и поэтому, Господи, исполни надо мной превосходство Твоей воли». Всѣ страданія и всю силу смиренной покорности человѣкъ обратитъ себѣ во внутреннюю радость, и предастъ себя въ руки Бога и будетъ радоваться возможности претерпѣть въ честь Бога. И если онъ будетъ въ этомъ постояненъ, онъ вкуситъ неизвѣданныхъ дотолѣ, по глубинѣ, сладостей"... [1]).

Исходя изъ тѣхъ же побужденій, восхваляетъ это состояніе мучительной оставленности и Мехтильда Магдебургская. „Пришла послѣ этого,—пишетъ она,—длительная отчужденность отъ Бога и до такой степени со всѣхъ сторонъ охватила душу, что блаженная душа воскликнула: «Добро пожаловать, многоблаженная отчужденность! Въ добрый часъ родилась я, разъ ты, Владычица, будешь моей прислужницей. Ибо ты мнѣ несешь радость необычайную и непостижимое чудо и вмѣстѣ съ тѣмъ невыносимую сладость. Но, Господи, сладость отыми отъ меня и оставь мнѣ лишь отчужденность Твою. Взаправду, хорошо мнѣ, возлюбленный Господи, что я сподобилась нести ее, согласно путямъ любви, ибо въ небѣ моей души... желчь превратилась въ медъ». Тогда пожелала я, чтобы всѣ твари стали прославлять нашего Господа пѣніемъ «Тебе поемъ». Но они повернулись ко мнѣ спиной. И тутъ душа безмѣрно возрадовалась и сказала: «Добро мнѣ, что вы теперь презираете меня и поворачиваетесь ко мнѣ спиной; ибо въ этомъ безконечная хвала нашему Господу»". Такимъ образомъ чрезъ силу любви самое презрѣніе къ ней всѣхъ тварей, мало того—даже муки отчужденности отъ Бога становятся желанными: разъ Онъ это посылаетъ, то это хорошо, ибо жаждетъ душа муками и томленіемъ и всей бездной оставленности запечатлѣть свою безмѣрную любовь, любовь безкорыстную, безвозвратно и безвозмездно отдающую себя. „О блаженная отчужденность отъ Бога", продолжаетъ Мехтильда, „какъ любовно я связана съ тобой! Ты утвер-

[1]) *Рэйсбрукъ.* Одѣяніе духовнаго брака, кн. II, гл. 28—29.

ждаешь мою волю въ страданіи и милымъ мнѣ дѣлаешь тяжелое, долгое ожиданіе въ этомъ бѣдномъ тѣлѣ. Чѣмъ тѣснѣе я съ тобою сближаюсь, тѣмъ обильнѣе, тѣмъ чудеснѣе снисходитъ ко мнѣ Господь. О Господи, въ безднѣ чистаго, безпримѣснаго смиренія не могу я ускользнуть отъ Тебя. Увы мнѣ, что я такъ легко удаляюсь отъ Тебя въ высокомѣріи! Но чѣмъ глубже я погружаюсь, тѣмъ слаще я упиваюсь“ [1]). Такъ воспѣваетъ Мехтильда „темную ночь“ души.

И Раймундъ Люллій находитъ радость въ мукахъ любви: „спросили Друга, кто такой его Возлюбленный?—Другъ отвѣтилъ, что онъ—тотъ, кто заставляетъ любить и жаждать Себя, и томиться по Себѣ: Онъ—Тотъ, кто является причиной воздыханій и слезъ, а также осмѣянія со стороны людей и, наконецъ, смерти и гибели: но вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ, кто дѣлаетъ смерть слаще жизни, позоръ осмѣянія—драгоцѣннѣе чести, слезы и воздыханія—усладительнѣе смѣха и радости“ [2]). „Возлюбленный спросилъ Друга своего: Помнишь ли ты что-нибудь такое, что я далъ тебѣ, изъ-за чего бы ты меня любилъ?—Другъ отвѣтилъ: да, ибо между радостями и страданіями, которыя Ты мнѣ даешь, я не дѣлаю различія“ [3]). „Спросили Возлюбленнаго: Что такое блаженство?—Онъ сказалъ, что это—то страданіе, которое испытываешь ради любви“ [4]). „Скажи, зачарованный любовью,—спросили его въ другой разъ,—есть ли у тебя деньги, сокровища?—У меня есть,—отвѣтилъ онъ,—любовь и любовные помыслы, есть слезы, порывы, есть страданія и томленія: а все это безконечно дороже, чѣмъ царства или владычества“ [5]). Поэтому и возглашаетъ онъ громкимъ голосомъ: „Любящіе! если хотите огня, придите къ сердцу моему и зажгите ваши лампады; если хотите воды, придите къ источникамъ очей моихъ; а если хотите помышленій любви, то приходите и берите изъ помышленій моихъ!“ [6]). Его спрашиваютъ люди: „Скажи, безумный отъ любви: почему ты не говоришь ничего? Почему ты стоишь унылый и погруженный въ раздумье?—Я погруженъ,—отвѣтилъ онъ,—въ размышленія о красотахъ Возлюбленнаго моего и въ представленіе себѣ

---

[1]) Кн. IV, гл. 12.
[2]) *Raimundus Lullius*, op. cit., CCXIV.
[3]) Ibid., VII.
[4]) Ibid., LXVI.
[5]) Ibid., CLXXXI.
[6]) Ibid., CLXXVII.

блаженства и страданій, которыя даетъ мнѣ любовь"[1]). Однажды, утомленный „Другъ пожелалъ хотя бы на одинъ часъ забыть своего Возлюбленнаго", оторваться мыслью отъ него, „чтобы имѣть хоть нѣкоторый отдыхъ отъ своихъ томленій; но онъ нашелъ, что гораздо большее для него страданіе—забыть Владыку Любви. И поэтому онъ предоставилъ любви свое разумѣніе и память и волю, чтобы созерцать, помнить и любить Возлюбленнаго своего"[2]).

Но уже все сильнѣе чувствуетъ онъ, какъ начинаетъ его охватывать и обратная, непреодолимая струя: любовь къ нему Возлюбленнаго; и онъ говоритъ про тотъ „узелъ" взаимной любви, который, несмотря на всѣ муки его временнаго оставленія, неразрывно объединяетъ его съ Возлюбленнымъ, и который и привязалъ къ Возлюбленному память, разумѣніе и волю его[3]).

И когда еще разъ спросили Друга: въ чемъ его богатство? Онъ отвѣтилъ: „Въ бѣдности, которую переношу ради Возлюбленнаго". „А въ чемъ твой покой?"—„Въ томленіи, въ мукахъ, которыя даетъ мнѣ любовь". „А кто твой врачъ?"—„Увѣренность въ Возлюбленномъ моемъ". „А кто является твоимъ наставникомъ?"—Другъ отвѣтилъ: „подобія, отображенія, которыя твари даютъ мнѣ о Возлюбленномъ"[4]). Ибо „все видимое является для меня символомъ Возлюбленнаго—omnia visibilia meum mihi repraesentat Amatum"[5]). Такъ „взошелъ однажды Другъ въ садъ любви, и увидѣлъ лилію и обрадовался. ибо она представляла въ его глазахъ его Возлюбленнаго, который бѣлоснѣжнѣе и чище всѣхъ. Затѣмъ увидѣлъ онъ прекраснѣйшую розу и сказалъ: „Какъ для тѣлесныхъ глазъ роза прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ, такъ для очей духовныхъ Возлюбленный мой прекраснѣе всѣхъ Возлюбленныхъ"[6]). Ибо близится уже желанный часъ возсоединенія съ Возлюбленнымъ: поэтому-то въ глазахъ любящей души все окружающее какъ бы предваряетъ, указываетъ на эту грядущую встрѣчу. „Однажды Другъ бродилъ, томясь по Возлюбленномъ своемъ, и встрѣтились ему двое влюбленныхъ, которые стали другъ друга привѣтствовать съ любовью и со слезами, и обнялись, и облобызались. И былъ Другъ восхищенъ въ экстазъ весьма сильно, ибо двое

---

[1]) Ibid., LXXVII.
[2]) Ibid., CCI.
[3]) Ibid., CXXXIV.
[4]) Ibid., LXIII.
[5]) Ibid., XL.
[6]) Ibid., CCLXIX.

влюбленныхъ напомнили ему объ его Возлюбленномъ“ [1]). Недалекъ уже моментъ обрѣтенія, ибо себя самого Другъ уже потерялъ—его „я“ затонуло въ морѣ любви, о которомъ говорится: „Lacus amoris contrarius est aliis lacubus: nam salvatur qui ad fundum pervenit—Озеро любви совершенно отлично отъ прочихъ озеръ: ибо спасается тотъ, кто утопаетъ“ [2]).

III.

Обрѣтеніе Возлюбленнаго.

Наступаетъ, наконецъ, желанное мгновеніе. Томленіе и муки оставленной души стали уже нестерпимыми, и она взываетъ изъ глубины своей: „О царственный орелъ! о сладостный агнецъ! о жаръ огня, зажги меня! Какъ долго я буду еще такой изсохшей? Часъ единый слишкомъ тяжелъ для меня, день для меня что тысяча лѣтъ... Ибо что Богъ чуждается любящей души, въ этомъ—страданіе свыше человѣческой смерти и свыше всякаго страданія, повѣрьте мнѣ! Соловей, тотъ долженъ всегда распѣвать, ибо его природа понуждаетъ его отъ любви трепетать. Если это отнять у него, то онъ бы умеръ. О, великій Господи, помысли о моей нуждѣ!“ И въ отвѣтъ на этотъ крикъ души Духъ Святый молвилъ душѣ: „Благородная дѣва, приготовьтесь, Вашъ Возлюбленный придетъ“. Тутъ она содрогнулась отъ страха и исполнилась внутренней радости... И сказалъ ей вѣстникъ: „Вычистите все и полейте водой и приготовьте ложе и посыпьте цвѣтами!“ И сказала изгнанница-душа: „Когда я занята чисткой, то это значитъ, что я должна стыдиться. Когда я поливаю водой, то это значитъ, что я должна плакать. Когда я стелю ложе, то я должна надѣяться. Когда я рву цвѣты, то я должна любить. Когда господинъ мой приходитъ, то я уже спѣшу навстрѣчу, ибо онъ приноситъ мнѣ съ собой столь обильное и сладостное струнное звучанье, что оно отымаетъ у меня и всю боль моего сердца“ [3]). Такъ говоритъ душа, полная ожиданія. А прислужники—пять чувствъ—уже торопятъ ее раннимъ утромъ, чтобы она скорѣе облекалась въ праздничное одѣяніе, ибо они слыхали пронесшійся шопотъ: вотъ грядетъ къ ней Царь и Возлюбленный ея—въ утренней росѣ при ликующемъ пѣніи птицъ. Это поютъ сладчайшіе соловьи непрестаннаго единенія

[1]) Ibid., LXII.
[2]) Ibid., CCCXIV.
[3]) *Мехтильда Магдебургская,* кн. II, гл. 3.

съ Богомъ. И выбѣжавшая навстрѣчу, охваченная истомой, пылая въ огнѣ любви, душа обращается къ своимъ прислужникамъ—чувствамъ: „Помолчите, господа! Вы всѣ не знаете, чего я хочу. Не мѣшайте мнѣ, пусть буду я одна—я хочу немного испить отъ несмѣшаннаго вина". И чувства должны примолкнуть [1]). Такъ и Раймундъ Люллій пишетъ: „встрѣтились другъ съ другомъ Любящій и Возлюбленный... и Любящій въ присутствіи Возлюбленнаго своего лишился рѣчи—et Amicus in conspectu Amati passus est loquelae defectum" [2]).

Въ „Пѣснѣ Пѣсней" такъ изображается обрѣтеніе Возлюбленнаго Невѣстой: „едва я отошла отъ нихъ (т. е. отъ «стражей, обходящихъ городъ»), какъ нашла того, котораго любитъ душа моя, ухватилась за него и не отпустила его, доколѣ не привела его въ домъ матери моей и во внутреннія комнаты родительницы моей" [3]). „Ухватилась за него и не отпустила его"! Теперь, когда послѣ долгихъ испытаній, долгой оставленности, мучительныхъ исканій душа обрѣла объектъ любви своей, теперь ничто ужъ не разлучитъ ее съ Возлюбленнымъ. „Спросили у Влюбленнаго,—читаемъ у Раймунда Люллія,—откуда идешь?—Иду, говоритъ онъ, отъ Возлюбленнаго моего. — Куда направляешься? — Иду къ Возлюбленному моему. — Когда вернешься? — Пребуду съ Возлюбленнымъ моимъ" [4]). Недаромъ свое сокровище, которое „больше горъ, шире вселенной, глубже моря, выше облаковъ, прекраснѣе солнца, тяжелѣе всей земли", это свое сокровище, которое есть радость сердца ея, душа сберегла отъ міра, сохранила въ себѣ и отказала въ немъ всѣмъ тварямъ. Теперь она несетъ его къ своему Владыкѣ и взываетъ къ Нему: „Господи, я уже не въ силахъ больше нести ее въ рукахъ; куда я должна сложить ее, эту радость моего сердца?" И она слышитъ въ отвѣтъ: „Никуда ты не должна ее сложить, какъ только на Мое божественное сердце... Только здѣсь будешь ты утѣшена и получишь лобзаніе Духа Моего" [5]). И озаряется теперь и новый смыслъ получаетъ въ глазахъ Души весь пройденный ею мучительный путь одинокаго томленія и исканія—она поняла теперь, что никогда не была забыта и оставлена Возлюбленнымъ. „Сказалъ Другъ

---

1) Ibid., кн. I, гл. 44.

2) *Raimundus Lullius*, l. c., CXXI.

3) Гл. 3, ст. 4.

4) *Raimundus Lullius*, l. c., XXIV.

5) *Мехтильда Магдебургская*, I, 40—43

Возлюбленному своему: Ни разу до сихъ поръ не убѣгалъ я и не отступалъ отъ любви Твоей, послѣ того, какъ позналъ Тебя: ибо въ Тебѣ, чрезъ Тебя и съ Тобою былъ я вездѣ, гдѣ бы я ни былъ". Отвѣтствовалъ Возлюбленный: „И Я, послѣ того, какъ ты позналъ и полюбилъ Меня, никогда отъ тебя не отлучался" [1]). Такъ и у Juan'a de la Cruz путь души среди „темной ночи" озаряется внутреннимъ сіяніемъ, скрытымъ въ сердечныхъ глубинахъ—залогомъ близости Возлюбленнаго:

„Въ эту счастливую ночь, подъ покровомъ тайны, когда никто меня не видѣлъ,—я также ни на что не смотрѣла (и шла) безъ другого свѣта и руководителя, кромѣ того свѣточа, который пылалъ въ моемъ сердцѣ [2]).

„Онъ меня велъ—вѣрнѣе, чѣмъ сіяніе полдня—туда, гдѣ ждалъ меня тотъ, кого мое сердце хорошо знало, въ мѣстѣ, гдѣ не было никого другого.

„О ночь, что вела меня! о ночь, что сладостнѣе разсвѣта: о ночь, что объединила возлюбленнаго съ возлюбленной—съ возлюбленной, превращенной въ возлюбленнаго своего!"

(En la noche dichosa
En segreto, que nadie me veia,
Ni yo miraba cosa,
Sin otra luz y guia,
Sino la que en el corazon ardia.

---

[1]) *Raimundus Lullius*, LIV.

[2]) Объ этомъ внутреннемъ свѣтѣ (образъ весьма распространенный у мистиковъ) такъ поетъ напр. *Якопоне да Тоди:*

Sopr' ogni lingua amore,
Bontà senza figura,
Lume fuor di misura
Risplende nel mio core... (Lauda XCI).

Неизвѣстный авторъ старо-французскаго мистическаго стихотворенія говоритъ о внутреннемъ солнцѣ, пылающемъ въ его сердцѣ:

Li solaus qui en moi luist est mes deduis
et Diex est mes conduis...

(Приведено у *Jeanroy*, Les origines de la poésie lyrique en France au M. A. 1889 г., стр. 485). У *Мехтильды Магдебургской* Господь говоритъ душѣ:

„Я—свѣточъ, а твоя грудь—свѣтильникъ" (кн. III, гл. 12).

Срв. напр. ученіе византійскихъ мистиковъ XIV в. о внутреннемъ „Ѳаворскомъ" свѣтѣ или, напр., „Исповѣдь" *Августина*, кн. VII, гл. 10, *Ruysbroeck*, „Одѣяніе духовн. брака", кн. II, гл. 24 и т. д.

Aquesta me guiaba
Mas cierto que la luz del medio dia,
A donde me esperaba,
Quien yo bien me sabia,
En parte donde nadie parecia.

Oh noche, que guiaste,
Oh noche amable mas que la alborada:
Oh noche que juntaste
Amado con Amada,
Amada en el Amado transformada!)[1]).

Душа тѣснѣйшимъ образомъ объединяется съ Возлюбленнымъ своимъ, ея „я“ теряется въ потокахъ Его благодати, она переносится на совершенно новую плоскость бытія.

И Ruysbroeck описываетъ безмолвный выходъ души изъ себя навстрѣчу Жениха[2]) и радость Его обрѣтенія: пришествіе Жениха,—говоритъ онъ,—сопровождается каждый разъ „такими новыми озареніями, что кажется, будто Онъ никогда раньше не приходилъ. Его пришествіе пребываетъ внѣ времени, въ вѣчномъ *теперь* и всегда встрѣчено новыми желаніями въ новой радости. Смотрите: услажденіе и радость, которыя приноситъ этотъ Женихъ въ Своемъ пришествіи, бездонны и безпредѣльны, ибо они—Онъ самъ. И вотъ почему глаза духа, которыми возлюбленный созерцаетъ Жениха, такъ широко раскрылись, что они никогда больше не закроются... Духъ Божій говоритъ въ сокровенномъ тайникѣ нашего духа: «Выходите»—въ вѣчное созерцаніе и наслажденіе... Этотъ выходъ созерцателя исполненъ любви: ибо онъ наслаждающейся любовью переступаетъ свою сотворенную сущность, и находитъ и вкушаетъ изобиліе и услажденіе, которыя есть Богъ... И здѣсь рождается... любовная встрѣча, въ которой состоитъ наше высшее блаженство“[3]).

Въ „Духовной Пѣснѣ“ Juan'a Душа такъ изображаетъ эти новыя, повышенныя, глубоко интимныя, глубоко потрясающія и перерождающія переживанія:

En la interior bodega
De mi Amado bebi, y cuando salia
Per toda aquesta vega

---

[1]) *Juan de la Cruz*, „La noche oscura“ („Темная ночь“).

[2]) Срв. Матѳея, 25, 6: „Въ полночь раздался крикъ: Вотъ грядетъ Женихъ, выходите навстрѣчу Ему“. Это—текстъ, положенный Ruysbroeck'омъ въ основу всего его трактата объ „Одѣяніи духовнаго брака“.

[3]) „Одѣяніе духовнаго брака“, кн. III, гл. 3, 4, 5, 6.

Ya cosa no sabia
Y el ganado perdi que antes seguia.

(„Во внутренней горницѣ Возлюбленнаго моего выпила я вина, и когда я выходила наружу, то на всемъ протяженіи этого луга я уже ничего больше не знала, все уже было чуждымъ для меня, и я потеряла стадо, которое пасла раньше“).

Alli me dio su pecho
Alli me enseñò ciencia muy sabrosa,
Y yo le di de hecho
A mi sin dejar cosa:
Alli le prometi de ser su esposa.

(„Тамъ Онъ далъ мнѣ отъ грудей Своихъ, тамъ Онъ научилъ меня весьма сладостной наукѣ. А я отдала Ему себя всецѣло, безраздѣльно, и обѣщала Ему быть Его супругой“).

Mi alma se ha empleado
Y todo mi caudal en su servicio:
Ya no guardo ganado,
Ni ya tengo otro oficio,
Que ya solo en amar es mi ejercicio.

(„Вся душа моя, всѣ силы мои отданы на служеніе Ему. Я уже больше не стерегу стада и нѣтъ у меня другого занятія, ибо вся работа моя только—въ любви“) [1]).

Такъ и въ „Пѣснѣ Пѣсней“ Суламита восклицаетъ про Возлюбленнаго: „Онъ ввелъ меня въ домъ пира и утвердилъ во мнѣ любовь!“ (2, 4).

У Раймунда Люллія „Другъ взываетъ къ людямъ громкимъ голосомъ, говоря, что Любовь повелѣваетъ имъ, чтобы они любили, молчатъ ли они или говорятъ, покупаютъ или продаютъ, плачутъ ли или смѣются, томятся ли они или радуются, пріобрѣтаютъ или теряютъ,—однимъ словомъ при всѣхъ ихъ дѣлахъ, что бы они ни дѣлали: ибо такъ повелѣваетъ *Любовъ*“ (LXXXI) [2]). Здѣсь уже нѣтъ другихъ дѣлъ,

---

[1]) „Cantico espiritual“.

[2]) Срв. у *Ruysbroeck*'а въ его „Книгѣ семи ступеней любви“: „Духъ Святой восклицаетъ въ насъ громкимъ голосомъ и безъ словъ: «Любите Любовь, которая васъ любитъ отъ вѣчности!» Его восклицаніе есть внутреннее прикосновеніе къ нашему духу. Этотъ голосъ грознѣе бури. Молніи, испускаемыя имъ, открываютъ намъ небо и показываютъ свѣтъ и вѣчную истину. Жаръ Его прикосновенія въ нашемъ духѣ кричитъ непрестанно: «Заплатите вашъ долгъ, любите любовь, которая васъ возлюбила вѣчно». Отсюда рождаются великое внутреннее нетерпѣніе и покорность .. Ибо, чѣмъ мы больше любимъ, тѣмъ больше желаемъ любить, и чѣмъ больше мы

другихъ занятій, кромѣ любви, въ которой растворилась вся жизнь. Juan de la Cruz самъ поражается силѣ этой любви, которая „мрачныя пещеры“ его чувства превратила въ сіяніе и пламя.

Oh lamparas de fuego
En cuyos resplandores
Las profundas cavernas del sentido,
Que estaba obscuro y ciego,
Con extranos primores
Calor y luz dan junto a su querido! [1]).

Душа отдалась безраздѣльно, она потеряла себя самое, свою личную жизнь, но она безмѣрно выиграла чрезъ эту потерю: „Если съ сегодняшняго дня,—говоритъ она подругамъ,—меня больше не увидятъ и не смогутъ найти на пастбищѣ, скажите, что я пропала безъ вѣсти, что, блуждая въ томленіяхъ любви, я потеряла себя самое и... была пріобрѣтена“.

(Pues ya si en el ejido
De hoy mas no fuere vista ni hallada,
Diréis que me he perdido,
Que andando emamorada,
Me hice perdidiza y fui ganada).

Она всецѣло преобразилась подъ вліяніемъ красоты Возлюбленнаго. „Не презирай больше меня,—обращается она къ Нему,—ибо если Ты и нашелъ въ лицѣ моемъ черноту [2]), то теперь уже Ты можешь спокойно на меня смотрѣть, ибо съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Ты въ первый разъ взглянулъ на меня, Ты оставилъ меня исполненной красоты и прелести“.

(No quieras despreciarme,
Que si color moreno en mi hallaste,
Ya bien puedes mirarme,
Despues que mi miraste,
Que gracia y hermosura en mi dejaste).

Ибо „въ то время, какъ Ты на меня смотрѣлъ, свою благодатную силу запечатлѣвали во мнѣ Твои очи. Чрезъ это и Ты самъ все сильнѣе меня любилъ, чрезъ это и мои глаза становились достойными восторженно любить то, что созерцали въ Тебѣ“.

платимъ то, чего любовь требуетъ отъ насъ, тѣмъ больше мы пребываемъ должниками любви. Любовь не умолкаетъ и вѣчно кричитъ: «Любите любовь!»“ (Гл. XIV).

[1]) „Lama de amor viva“.

[2]) Срв. въ „Пѣснѣ Пѣсней“: „Дщери Іерусалимскія! черна я, но красива“... и т. д. (1, 4—5).

(Cuando tu me mirahas,
Su gracia en mi tus ojos imprimiqn:
Por eso me adamabas,
Y en eso merecian
Los mios adorar lo que en ti vian).

А въ отвѣтъ на это Возлюбленный, обращаясь къ Невѣстѣ, сравниваетъ ее съ лѣсной горлицей, которая „нашла уже среди зеленѣющихъ береговъ своего желаннаго друга“. „Въ уединеніи,—говоритъ онъ,—обитала она, въ уединеніи свила она себѣ гнѣздо, и въ одиночествѣ руководитъ ею ея Возлюбленный, также въ уединеніи раненый любовью“ [1]).

(En soledad vivia,
Y en soledad ha puesto ya su nido,
Y en soledad la guia;
Y solas su querido,
Tambien en soledad de amor herido).

Ибо и Возлюбленный охваченъ горячей любовью къ вѣрной и любящей душѣ. Онъ сравниваетъ себя, пораженнаго язвой любви, съ раненымъ оленемъ, который показывается на вершинѣ холма при шумѣ крылъ своей любимой голубки и въ струяхъ вѣтра старается прохладить свою рану [2]).

Или вотъ онъ обращается ко всей природѣ и заклинаетъ ее не тревожить сна возлюбленной, покоящейся въ его объятіяхъ:

...Вы, птичекъ вольныхъ хоры,
Вы, львы, олени, серны подвижныя,
Долины, рѣки, горы,
Воды, вѣтры степные,
Полдневный зной и ужасы ночные!

Васъ заклинаю нѣжной
Игрою лиръ и силой пѣснопѣній:
Умѣрьте пылъ мятежный,
Не подходите къ сѣни,
Чтобъ сонъ Супруги былъ безъ сновидѣній!

---

[1]) Срв. напр. у *Раймунда Люллія* l. c. CCLIV: „Dicas, amoris captive, quid est solitudo?—Respondit Amicus: Solatium et societas, Amici cum Amato.—Quid est solacium?—Respondit: Solitudo stans in corde Amici nihil aliud meditantis quam pulchritudines sui Amati“.

[2]) ...el ciervo vulnerado
Por el otero asoma,
Al aire de tu vuelo, y fresco toma.

Ибо уже вступила
Въ завѣтный садъ желанная Супруга
И сладкимъ сномъ почила
На ложѣ мягкомъ луга,
Склонившись головой въ объятья Друга [1]).

Такъ и въ „Пѣснѣ и Пѣсней“ женихъ восклицаетъ: „Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія, сернами или полевыми оленями: не будите и не тревожьте возлюбленной, доколѣ ей угодно“ (II, 7).

„Пѣсня Пѣсней“ полна вмѣстѣ съ тѣмъ горячихъ діалоговъ между обоими любящими, гдѣ они восхваляютъ красоту другъ друга.

„О ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! глаза твои голубиные“,—восклицаетъ женихъ Суламиты.

„О ты прекрасенъ, возлюбленный мой“,—отвѣчаетъ она, „и полонъ прелести! Ложе наше цвѣтуще“. (Ecce tu pulcher es, dilecte mi, et decorus. Lectulus noster floridus).

„Что лилія между тернами, то возлюбленная моя между дѣвицами“.

„Что яблонь между лѣсными деревьями, то возлюбленный мой между юношами. Въ тѣни его, желаннаго моего, я сѣла, и плоды ея сладки для гортани моей“...

„Вотъ возлюбленный мой говоритъ мнѣ: встань, поспѣши, подруга моя, голубка моя, прекрасная моя, и приди!..

Голубица моя въ разсѣлинахъ скалы, подъ кровомъ утеса! Покажи мнѣ лицо твое, дай мнѣ услышать голосъ твой, потому что голосъ твой сладокъ и лицо твое пріятно“...

---

[1]) „A las aves ligeras,
Leones, ciervos, gamos saltadores,
Montes, valles, riberas,
Aquas, aires, ardores,
Y miedos de las noches veladores.

Por las amenas liras
Y canto de sirenas os conjuro
Que cesen vuestras iras,
Y no toqueis al muro
Porque la Esposa duerma mas seguro.

Entradose ha la Esposa
En el ameno huerto deseado,
Y a su sabor reposa,
El cuello reclinado
Sobre los dulces brazos del Amado.

„Ранила ты сердце мое, сестра моя, невѣста! ранила ты сердце мое однимъ изъ очей твоихъ“...

„О, какъ прекрасны груди твои, сестра моя, невѣста!.. Благовоніе мастей твоихъ лучше всѣхъ ароматовъ!“

„Сотовый медъ каплетъ съ губъ твоихъ, невѣста; медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ, и благоуханіе одежды твоей подобно благоуханью Ливана!“ и т. д.

Точно также и Невѣста на вопросъ дщерей Іерусалимскихъ такъ описываетъ своего возлюбленнаго:

„Возлюбленный мой бѣлъ и румянъ, лучшій изъ тысячъ...

„Глаза его какъ голуби подъ потоками водъ, купающіеся въ молокѣ...

„Гортань его полна сладости, и весь онъ—желанный. Вотъ кто возлюбленный мой, и вотъ кто другъ мой, дщери Іерусалимскія! (Guttur illius suavissimum, et totus desiderabillis: talis est dilectus meus, et ipse est amicus meus, filiae Jerusalem“) [1]).

У Мехтильды Магдебургской есть сходные по яркости выраженія и силѣ чувства діалоги между любящей душой и любящимъ Богомъ. „Наименьшая, ничтожнѣйшая“, т. е. душа, такъ восхваляетъ Бога:

„О Ты пылающая гора, о Ты дивное солнце! О Ты полный мѣсяцъ, о Ты бездонный источникъ! О Ты недосягаемая высота, о Ты свѣтлость безъ границъ! О мудрость безъ предѣла, о милосердіе безъ препоны! О сила, не знающая сопротивленія, о вѣнецъ всякой чести! Тебя восхваляетъ наименьшая изо всѣхъ созданій Твоихъ“ [2]).

И Богъ отвѣчаетъ душѣ:

„Я прихожу къ возлюбленной Моей, какъ роса на цвѣты“.

Душа летитъ къ Нему, какъ къ „высокому утесу“, въ разсѣлинахъ котораго „могутъ гнѣздиться лишь голубки и соловьи“ [3]), и Богъ радостно встрѣчаетъ душу: „Привѣтъ тебѣ, любимая голубка! Ты такъ много летала на землѣ, что крылья твои доросли до неба“ [4]).

„Ты сладостна,—такъ говоритъ ей ея Господь,—какъ гроздь винограда, ты благоухаешь, какъ бальзамъ, ты сіяешь какъ солнце, чрезъ тебя еще болѣе разгорается моя высшая любовь“ [5]).

---

[1]) „Пѣсня Пѣсней“. I, 14, 15; II, 2, 3, 10, 14; IV, 9, 11; V, 9 сл.

[2]) Мехтильда, кн. I, гл. 8.

[3]) Срв. въ „Пѣснѣ Пѣсней“: „Columba mea in foraminibus petrae, in caverna maceriae“... (2, 14).

[4]) *Мехтильда*, кн. I, 14—15.

[5]) Ibid., I, 16.

А душа не перестаетъ прославлять своего Возлюбленнаго: „О Ты преизбыточествующій Господь въ благодати Своей! О Ты изливающійся Господь въ любви Своей! О Ты горящій Господь въ желаніи Своемъ! О Ты растопляющійся Господь въ единеніи съ возлюбленной Твоей! О Ты Господь, покоящійся на груди моей—безъ тебя не могу я быть!“ [1]).

И снова слышится душѣ обращенный къ ней голосъ ея любящаго Владыки, который приравниваетъ ее и къ прекрасной розѣ и къ чистой голубкѣ и къ пчелѣ, летающей по сотамъ меда, который называетъ ее Своимъ изголовьемъ и любимымъ ложемъ Своимъ, мѣстомъ Своего тайнаго отдохновенья, предметомъ своего глубочайшаго желанья, высшей частью Своей и радостью Божества Своего [2]).

Такъ и въ душѣ блаженной Анджелы изъ Фолиньо, мистической созерцательницы XIII вѣка, звучатъ полныя благодати слова: „О дочь моя, которая гораздо сладостнѣе для Меня, чѣмъ Я для тебя, ты—храмъ услажденія Моего, и сердце всемогущаго Бога отдыхаетъ на твоемъ сердцѣ“ [3]).

Мехтильда говоритъ, что этотъ привѣтъ „проникаетъ изъ изливающагося Господа въ бѣдныя, изсохшія души, исполняя ихъ новаго познанія, новаго созерцанія и неизъяснимаго наслажденія... Этотъ привѣтъ никто получить не можетъ, если онъ только не вышелъ изъ себя и не уничтожился. Въ этомъ привѣтѣ хочу я заживо умереть“ [4]).

Охваченная близостью къ Возлюбленному, душа жаждетъ все большей любви, все большаго проникновенія въ Него, тѣснѣйшаго объединенія съ Нимъ.

Gocémonos, Amado

говоритъ „Супруга“ (Esposa) своему Возлюбленному:

Y vamonos a ver en tu hermosura—
Al monte y al callado
Do mana el agua pura;
Entremos mas adentro en la espesura...

(„Будемъ наслаждаться, Возлюбленный; пойдемъ углубляться въ

---

[1]) Ibid., I, 17.

[2]) Ibid., I, 18—119.

[3]) „Десятое видѣніе“. (Цитирую по англійскому изданію: The book of divine consolation of the blessed *Angela of Foligno*, 1909, стр. 196).

[4]) *Мехтильда*, кн. I, гл. 3.

созерцаніе Твоей красоты къ подножію холмовъ, гдѣ струятся чистыя воды; заберемся глубже въ чащу лѣса!") [1]).

И тутъ говоритъ она про себя:

Quedéme y olvidéme,
El rostro rediné sobre el Amado;
Cesò todo y dejéme,
Dejando mi cuidado
Entre las azucenas olvidado.

(„Я отдалась и забылась, склонивши голову на грудь Возлюбленнаго. Все для меня прекратилось, я отказался отъ себя самой, предавъ забвенію всѣ заботы мои среди поля лилій") [2]).

Этимъ заканчивается у Juan'a de la Cruz пѣснь торжествующей любви, пѣснь объединенія Любящей съ Возлюбленнымъ.

„Тутъ наступаетъ блаженная тишина", замѣчаетъ Мехтильда, когда они сочетаются другъ съ другомъ [3]). Но, говоря словами Данте, „all' alta fantasia qui manco possa" [4])—здѣсь уже замираетъ человѣческая мысль, смолкаетъ всякое человѣческое слово. „Здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ одного вѣчнаго покоя, въ наслажденіи любви... свыше всякой вещи. Это есть то темное молчаніе, гдѣ всѣ любящіе потерялись" [5]).

IV.

Кто—Влюбленный души?

Центромъ всей этой любовной драмы является, какъ мы видѣли, объектъ любовнаго устремленія души. Онъ представляется то въ образѣ Возлюбленнаго изъ „Пѣсни Пѣсней", то какъ евангельскій Женихъ, Царь и Владыка души, грядущій въ безмолвіи ночи, навстрѣчу которому выходитъ трепещущая Невѣста, то олицетворенной любовью—Amor, Dominus Amoris, то Вышней Премудростью, величественной Владычицей—началомъ космическаго характера, проникающимъ міръзданіе, то поѣдающимъ, непреоборимымъ Огнемъ, то всеозаряющимъ Солнцемъ, то Моремъ безконечной жизни. Но подъ

---

[1]) *Juan de la Cruz*, Cantico espiritual.

[2]) *Juan de la Cruz*, La noche oscura. Срв. „Пѣсню Пѣсней" 6, 2: „Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой—мнѣ: онъ пасетъ между лиліями").

[3]) *Мехтильда*, кн. I, гл. 44.

[4]) Paradiso, XXXIII, 142.

[5]) *Рэйсбрукъ*, Одѣяніе духовнаго брака, кн. III, гл. 6.

всѣми этими столь различными образами объектъ любви воспринимается какъ высшая реальность, какъ максимумъ красоты, величія и силы.

У Раймунда Люллія Другъ, какъ мы видѣли, стоитъ молчаливый и задумчивый, ибо погруженъ въ созерцаніе красоты Возлюбленнаго[1]): „Любовь,—говоритъ онъ,—есть то, что на смерть поражаетъ Друга, когда онъ слышитъ пѣсню о красотахъ Возлюбленнаго своего“ [2]). Ибо „какъ роза прекраснѣе всѣхъ цвѣтовъ, такъ Возлюбленный мой—прекраснѣйшій изъ всѣхъ возлюбленныхъ“ [3]). „Interrogaverunt Amicum, quare eius Amatus erat gloriosus.—Respondit: quia est gloria“; такъ гласитъ 38-ой „афоризмъ“ (вспомнимъ, что это произведеніе Люллія состоитъ изъ 365 краткихъ „афоризмовъ“, по числу дней года; каждый изъ этихъ афоризмовъ является такимъ образомъ текстомъ для размышленія на цѣлый день). „Dixerunt ei, et quare est potens?—такъ продолжается тотъ же діалогъ въ слѣдующемъ 39-омъ афоризмѣ—Respondit: quia est potestas.—Et quare sapiens?—quia est sapientia.—Et quare amabilis?—quia est ipse *Amor*“.

Juan de la Cruz сравниваетъ Возлюбленнаго со всѣмъ, что есть прекраснѣйшаго въ природѣ:

„Возлюбленный мой—горы,
Долинъ укромныхъ трепетъ и томленье
И дивные просторы,
И звонкихъ струекъ пѣнье,
И вѣтерковъ влюбленныхъ дуновенье;

Ночь тихаго сіянья,
Ночь полная покоя и прохлады,
И музыка молчанья,
Безъ звуковъ—серенады,
И пиръ любви, въ безмолвный часъ услады!“ [4]).

---

[1]) *Raimundus*, LXXVII.
[2]) Ibid., CLXXV
[3]) Ibid., CCLXIX.
[4]) Mi Amado—las montañas,
Los valles solitarios temerosos,
Las insulas estrañas,
Los rios sonorosos,
El silbo de los aires amorosos.

La noche sosegada
En par de los levantes de la aurora,
La musica callada,

Эти стихи свои Juan de la Cruz такъ объясняетъ въ комментаріи: „Горы обладаютъ высотой и изобиліемъ, онѣ прекрасны, полны прелести, усѣяны цвѣтами, дышатъ благоуханіемъ. Эти горы есть мой Возлюбленный для меня“.

А „уединенныя долины полны покоя, сладости, свѣжести и тѣни, въ нихъ журчатъ тихія воды, и разнообразіемъ своихъ древесныхъ породъ и сладкимъ пѣніемъ своихъ птицъ онѣ даютъ отдохновеніе и усладу чувству, освѣжаютъ и успокаиваютъ въ своемъ уединеніи и молчаніи. Эти долины есть мой Возлюбленный для меня“ [1]).

Восторженное прославленіе безмѣрной красоты и всепревосходящаго величія Возлюбленнаго у Мехтильды Магдебургской мы отчасти уже видѣли. Seuse такъ разсказываетъ намъ о своей любви къ Вѣчной Премудрости. „Съ юности—пишетъ онъ про себя (въ третьемъ лицѣ),—имѣлъ онъ богатое любовью сердце... Однажды за столомъ читали о Премудрости, отъ чего его сердце глубоко было потрясено. Она говорила про себя такъ: „какъ цвѣтетъ прекрасное розовое дерево, какъ благоухаетъ ливанъ и несмѣшанный бальзамъ, такъ я являюсь цвѣтущей, благоухающей, незапятнанной Возлюбленной, не могущей пріѣсться, безо всякой горечи, въ безконечной любовной сладости“ [2])... И онъ подумалъ: „О какъ это вѣрно!“ и сказалъ въ себѣ: „... она должна быть моей Возлюбленной... я буду ея служителемъ“. И при проникновеніи имъ въ Писаніе внутренними очами „она открылась ему слѣдующимъ образомъ: она парила высоко надъ нимъ на облачномъ престолѣ, она сіяла какъ утренняя звѣзда и горѣла какъ играющее солнце. Ея вѣнецъ была вѣчность, ея одежда—блаженство, ея слово—сладость, ея объятія—высшая полнота наслажденія. Она была далеко и близко, низко и высоко, всюду присутствующей и вмѣстѣ съ тѣмъ сокровенной. Простиралась она выше, чѣмъ высочайшее изъ небесъ и въ то же время касалась глубинъ бездны; она мощно распространялась изъ края въ край и сладостно вершила всѣ вещи [3])... Иногда она являлась ему мудрой наставницей, иногда же онъ почиталъ ее за усладительную возлюбленную“. Она молвила ему съ улыбкой и любовью: „Prebe, fili, cor tuum!—Отдай мнѣ, сынъ,

---

La soledad sonora,
La cena, que recrea y enamora.

(„Cantico espiritual“).

[1]) Obras, tomo II, стр. 235.

[2]) Срв. „Книгу Премудрости Іисуса сына Сирахова“, гл. 24.

[3]) Срв. ibid., 24, 3—5 и „Книгу Премудрости Соломона“, гл. 8, 1.

сердце твое!" „Онъ склонился къ ея ногамъ и всѣмъ сердцемъ возблагодарилъ ее изъ глубины смиренія. Это было съ нимъ тутъ, и большаго съ нимъ тутъ быть не могло" [1]).

Но за всѣми этими образами средневѣковыхъ мистиковъ, исполненными красоты и величія, стоитъ *одинъ* образъ, заполонившій душу,— *униженнаго и распятаго Іисуса.* Ибо этотъ распятый Іисусъ, вотъ— центръ устремленія души, истинный объектъ ея мистической любви, источникъ и цѣль ея переживаній, ея исканій, мукъ и восторговъ. Преизбыточествующая любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое страданіе, позоръ и крестная смерть Возлюбленнаго непрестанно стоятъ передъ умственнымъ взоромъ мистика, неизгладимо запечатлѣлись въ его сердцѣ, и память о нихъ сопровождаетъ основнымъ доминирующимъ аккордомъ самые высшіе порывы его мистическаго чувства.

По словамъ Друга (у Раймунда Люллія), Возлюбленный его „fuit homo mortuus et crucifixus propter amorem, ut servi sui per amorem viverent — былъ человѣкомъ умершимъ и распятымъ ради любви, чтобы служители его жили любовью" [2]). А случилось это оттого, что „не послушался Другъ своего Возлюбленнаго и пришлось плакать Другу. И пришелъ тогда Возлюбленный, чтобы въ одеждѣ Друга умереть и возстановить то, что тотъ потерялъ" [3]). Поэтому „бичами любви поражалъ Возлюбленный сердце Друга, чтобы тотъ любилъ древо, на которомъ Онъ потерпѣлъ смерть, томленье, позоръ и осмѣянье, чтобы любящихъ вернуть любви—тѣхъ, что были утрачены чрезъ козни врага любви" [4]).

Точно такъ же и Seuse воспѣваетъ „небесное майское дерево"— крестъ Христовъ:

„Привѣтъ тебѣ, майское дерево Вѣчной Премудрости, на которомъ возросъ плодъ вѣчнаго спасенія!

I. Тебѣ на украшеніе вмѣсто всѣхъ красныхъ розъ приношу я сегодня любовь моего сердца;

II. вмѣсто всѣхъ малыхъ фіалокъ приношу смиренное преклоненіе;

III. вмѣсто всѣхъ нѣжныхъ лилій—чистыя объятія сердца...

V. вмѣсто пѣнія всѣхъ веселыхъ птичекъ, что только когда либо

---

[1]) *Seuse's*, Leben, гл. 3.
[2]) *Raimundus*, CV.
[3]) *Raimundus*, XXIX.
[4]) Ibid., CCXXI.

радостно щебетали на зеленыхъ майскихъ вѣтвяхъ, приноситъ Тебѣ моя душа безграничное, безмѣрное славословіе" [1]).

И охваченный горячей любовью, обращается онъ къ самому распятому своему Спасителю:

I. Нѣжный Господи, Твое цвѣтущее тѣло испытывало на крестѣ томительное и долгое засыханіе (ein darben und ein dorren).

II. Твоя нѣжная измученная спина имѣла жесткое ложе на суровомъ крестномъ древѣ.

III. Твое отяжелѣвшее тѣло свѣсилось внизъ.

IV. Все тѣло Твое было пронзено и изранено.

V. Господи, и все это сердце Твое переносило съ любовью [2]).

Вѣчная Премудрость, предметъ горячаго любовнаго устремленія Seuse, открывается ему именно въ этомъ образѣ страждущаго Іисуса. „Ты долженъ сперва пройти чрезъ мое страждущее человѣчество", такъ говоритъ ему воплощенная Премудрость — распятый Іисусъ, „если ты хочешь дѣйствительно достичь Моего чистаго Божества.— Du můst dem durpruch nemen dur min gelitnen menschheit, solt du warlich komen zů miner blossen gottheit" [3]). „Поэтому, если ты хочешь Меня лицезрѣть въ Моемъ несозданномъ Божествѣ, то прежде научись познать и любить Меня здѣсь—въ Моемъ страждущемъ человѣчествѣ, ибо это—вѣрнѣйшій путь къ вѣчному блаженству... Бездонная пучина Моей любви проявляется въ великой горечи Моего страданія, подобно тому, какъ солнце проявляется въ своемъ блескѣ, прекрасная роза — въ своемъ ароматѣ, а сильный огонь — въ пылающемъ жарѣ своемъ. Поэтому прислушайся съ благоговѣніемъ къ тому, какъ Я отъ всего сердца страдалъ за тебя — wie herzeklichen durch dich gelitten ist" [4]). И воплощенное Слово развертываетъ передъ взоромъ Seuse шагъ за шагомъ послѣдовательные этапы геѳсиманской и голгоѳской драмы. А „der Diener"— „служитель" Вѣчной Премудрости, т. е. Seuse, съ удивленіемъ отвѣчаетъ на это: „Господи! весьма это дивно для сердца моего: я ищу только Твоего Божества, а Ты мнѣ предлагаешь Твое человѣчество; я ищу сладости Твоей—Ты обращаешь ко мнѣ Свою горечь; я хо-

---

[1]) *Seuse's* Leben, гл. XII.

[2]) *Seuse*, Das Büchlein der Ewigen Weisheit: Die hundert Betrachtungen (Seuse's, Deutsch Schriften, 1907 г., стр. 317, срв. 318 — 319 и сл., 204 и сл. и т. д.).

[3]) *Seuse's* Leben, гл. 13.

[4]) *Seuse*, Büchlein der Ewigen Weisheit, гл. 2.

тѣлъ только услаждаться — Ты зовешь меня на брань. О Господи мой, что же это значитъ?“ И слышится ему „Отвѣтъ Вѣчной Премудрости: Никто не можетъ придти къ божественной высотѣ ни къ сверхчувственной сладости, если онъ прежде не будетъ проведенъ чрезъ образъ человѣческой горечи Моей. Чѣмъ выше подымаются безъ прохожденія чрезъ человѣчество Мое, тѣмъ глубже падаютъ. Мое человѣчество есть путь, по которому идутъ, Мое страданіе — врата, чрезъ которыя долженъ пройти всякій, желающій достичь того, чего ты ищешь“... [1]). Ибо *участіе въ страданіяхъ Возлюбленнаго*, „взять на себя крестъ свой и идти вослѣдъ Него“, отказаться отъ жизни для себя и не убояться мукъ „сораспятія“ со Іисусомъ,— вотъ что требуется для дѣйствительнаго обрѣтенія Возлюбленнаго, для тѣснаго объединенія съ Нимъ.

„Vide mea sponsa — смотри, невѣста моя“— такъ у Мехтильды слышитъ Душа-Невѣста голосъ Возлюбленнаго. „Посмотри, какъ прекрасны мои очи, какъ сладостны уста мои, какъ пламенно мое сердце, какъ нѣжны длани, какъ быстры мои ноги, и послѣдуй за Мной! Ты должна быть мучима вмѣстѣ со Мной, измѣннически предана, подстережена въ засадѣ, схвачена ненавистью, связана и оклеветана; твои глаза завяжутъ... тебя будетъ бичевать ярость мірская, тебя потащатъ къ суду... тебя заушатъ... ты будешь увѣнчана тернистымъ вѣнцомъ искушеній, покрыта плевками униженія, ты понесешь крестъ твой, ты будешь распята въ полномъ отреченіи отъ всѣхъ вещей и отъ воли своей, пригвождена ко кресту святыми добродѣтелями, ранена въ бокъ любовью“... [2]).

У Якопоне да Тоди въ стремительно-неудержимыхъ изліяніяхъ его огненной души эта драма исканія и обрѣтенія Возлюбленнаго принимаетъ съ особой яркостью вполнѣ конкретный и опредѣленный характеръ: центромъ драмы является Іисусъ, а длительный путь исканія души отожествляется съ добровольнымъ участіемъ въ страданіяхъ Распятаго.

Ensegnatime Jesu Cristo,—ché lo voglio trovare; ch'io l'aggio udito contare — ch'esso è de me'namorato („Покажите мнѣ Іисуса Христа, я хочу найти Его: ибо я слыхала, будто онъ охваченъ любовью ко мнѣ“) — такъ разспрашиваетъ ангеловъ Душа въ поискахъ Возлюбленнаго:

---

[1]) Ibid., гл. 3.
[2]) *Мехтильда*, кн. I, гл. 29.

Prego che m'ensegnate — la mia 'namoranza
faccio gran villania — de far piu demoranza;
fatta n'ha lamentanza — de tanto che m'ha 'spettato.

(„Прошу васъ, покажите мнѣ предметъ моей любви; это—большое преступленіе, что я еще медлю; онъ скорбѣлъ о томъ, что такъ долго ожидалъ меня").

А ангелы отвѣчаютъ:

— Se Jesù Cristo amoroso — tu volessi trovare,
per la val de vilanza — t'è oporto d'entrare;
noi lo potem narrare, — che molti el ci on albergato.

(„Если ты хочешь найти сладчайшаго Іисуса Христа, то тебѣ слѣдуетъ вступить въ долину униженія" и т. д.).

И затѣмъ слѣдуетъ яркое изображеніе труднаго и долгаго процесса очищенія души и постепеннаго отказа ея отъ всего, что отдаляетъ ее отъ Бога. Наконецъ, она подготовилась, очистилась и проситъ ангеловъ открыть ей теперь завѣтныя двери, за которыми она найдетъ Возлюбленнаго:

Opriteme la porta, — pregove en cortesia,
ch'io possa trovar Jesù Cristo — en cui aggio la spenemia;
respondemi, amor, vita mia — non m'esser ormai straniato.

(„Откройте мнѣ двери—прошу васъ убѣдительно,—чтобы я могла найти Іисуса Христа, въ которомъ моя надежда. Отвѣть мнѣ, о любовь, о жизнь моя! Не чуждайся меня долѣе").

И она слышитъ, наконецъ, желанный голосъ Возлюбленнаго:

Alma, poi ch'èi venuta — respondote volontire:
la croce è lo mio letto, — là 've te poi meco unire;
Sacci si vogl salire — haverame po'albergato.

(„Душа, разъ ты пришла, Я отвѣчу тебѣ охотно: крестъ — Мое ложе: здѣсь ты можешь соединиться со Мной: если ты взойдешь сюда, то ты сможешь Меня воспринять").

„О Христосъ сладчайшій", восклицаетъ въ отвѣтъ душа: „я хочу этого—нагой взойти на крестъ: и я хочу, обнимая Тебя, Господи, умереть вмѣстѣ съ Тобою. Пріятно будетъ страдать и умереть, обнимая Тебя!"

„Cristo amoroso, e io voglio — en croce nuda salire;
e voglioce abracciato — Signor, teco morire;
gaio seram' a patire, — morir teco abracciato".

Итакъ, душа обрѣла Возлюбленнаго [1]).

[1]) Lauda, XLII.

Впрочемъ, Якопоне да Тоди съ особой силой подчеркиваетъ обратную, и при томъ доминирующую, сторону этого мистическаго процесса: не столько душа ищетъ Бога, сколько самъ Богъ, въ безграничной, безудержной, всепревозмогающей любви ищетъ потерянную душу. Ради этой потерянной души Онъ вѣдь всецѣло отдалъ Себя, въ любви, ради нея вѣдь Онъ сошелъ на землю, воплотился, понесъ тяжкія муки и умеръ на крестѣ изъ-за нея же. Она оказалась невѣрной и глубоко неблагодарной супругой, измѣнившей Ему, несмотря на всѣ Его дивныя благодѣянія, а между тѣмъ слова Его, съ которыми Онъ посылаетъ къ ней ангеловъ, полны любви и прощенія:

Dicete a la mia sposa — che deggia revenire;
tal morte dolorosa — non me faccia patire;
per lei voglio morire, — si ne so enamorato.

Con grande piacimento — facciogli perdonanza,
rendogli l'ornamento, — donoglie mia amistanza;
de tutta sua fallanza — si me sero scordato...

(„Скажите Моей супругѣ, чтобы она вернулась; пусть не заставляетъ она Меня претерпѣвать такую мучительную смерть: ради нея Я хочу умереть—такъ Я охваченъ любовью къ ней.

Съ полной радостью даю Я ей прощеніе, возвращаю ей ея украшеніе, дарю ей Мою близость: все преступленіе ея Я рѣшилъ совершенно забыть...").

И, наконецъ, сама грѣшница—душа тронута, побѣждена этой безмѣрной любовью.

O Cristo pietoso — ove te trovo, amore?

такъ восклицаетъ она —

Non esser più nascoso, — ché moio a gran dolore;
chi vide el mio Signore? — narrel chi l'ha trovato.

(„О Христосъ милосердный, гдѣ найду я Тебя, любовь моя? Не скрывайся отъ меня больше, ибо я умираю отъ великой скорби. Кто видѣлъ моего Владыку? Пусть мнѣ скажетъ тотъ, кто его нашелъ").

И въ отвѣтъ она слышитъ грустную, невѣроятную вѣсть: умеръ ея Владыка, изъ любви къ ней, чтобы выкупить ее, мертвымъ и истерзаннымъ виситъ Онъ на древѣ!

O alma, noi el trovammo — говорятъ ей ангелы —
su nella crosse appiso,
morto lo ce lassamo — tutto battuto e alliso;
per te a morir s'è miso, — caro t'ha comparato!

(„О душа, мы нашли Его—висящимъ вверху на крестѣ; мертвымъ мы тамъ Его оставили — совершенно избитаго и израненаго: ради тебя захотѣлъ Онъ умереть—дорого же Онъ тебя купилъ!").

Ed io commenzo el corotto — говоритъ душа —
d'un acuto dolore:
amore, e chi t'ha morto? — se' morto per mio amore;
o inebriato amore — ov'hai Cristo empicato?

(„И я начинаю плачъ, полный острый скорби: о Любовь, кто убилъ Тебя?—Ты умерла изъ любви ко мнѣ! О опьяняющая любовь, куда ты повѣсила Христа?") [1].

Ибо не могъ Онъ спастись, „защититься отъ любви": любовь заставила Его сойти съ высотъ неба, забывъ Свое могущество и божественное величіе:

Tu da l'amore non te defendesti,
de cielo en terra fecete venire;
amore, ad tal basseza descendesti
co omo, despetto par lo mondo gire...
. . . .
Tu, sapienzia, non te contenesti
che l'amor tuo spesso non versasse...
par abracciarne en croce tu salesti,
e credo che percio tu non parlasse,
nè te amor scusasse — davanti da Pilato
per compier tal mercaro — en croce de l'amore.

La sapienzia, veggio, se celava,
solo l'amore se potea vedere;
e la potenza già non se mostrava,
che era la virtute en dispiacere;
grande era quel amor che se versava,
altro che amor non potendo avere...

(„Тебѣ не удалось защититься отъ любви: она заставила Тебя сойти съ небесъ на землю. О воплощенная Любовь! Ты снизошла до столь глубокаго уничиженія — скитаться по міру подобно презрѣнному человѣку...

Ты, Премудрость, не смогла удержаться отъ того, чтобы излить свою любовь... Чтобы обнять насъ, распростерлась Ты на крестѣ; Ты молчала передъ Пилатомъ, дабы не оправдала Тебя любовь—для того, чтобы совершить выкупъ на крестѣ любви.

Премудрость, какъ вижу я, скрывалась: можно было видѣть только

[1]) Lauda, XLI.

Любовь. И всемогущество не обнаруживалось... За то безмѣрной была любовь, которая изливалась, и ничего не было кромѣ любви"...).

Эта безмѣрная любовь страдальца Богочеловѣка глубоко потрясаетъ душу—мало того, всецѣло охватываетъ ее пламеннымъ вихремъ превозмогающаго, непреоборимаго любовнаго восторга:

Donque, Jesù, s'io si enamorato,
enebriato per si gran dolceza,
che me reprendi s'io vo empazato,
ed onne senno perdo con forteza?
Poi che l'amore te si ha legato,
quasi privato d'ogne tua grandeza,
co seria mai forteza — en me di contradire,
ch'io non voglia empazire — per abracciarte, amore?

(„Итакъ, о Іисусе, если я столь охваченъ любовью и опьянёнъ столь великой сладостью, то что же Ты упрекаешь меня въ томъ, что я брожу какъ помѣшанный и теряю всякій разсудокъ? Вѣдь разъ любовь Тебя самого такъ связала, мало того, какъ будто совершенно лишила Тебя Твоего величія, то какимъ образомъ могла бы во мнѣ оказаться сила сопротивленія, чтобы не быть мнѣ охваченнымъ безуміемъ, обнимая Тебя, о Любовь?").

И слѣдуютъ неудержимыя, почти стихійныя, почти изступленныя изліянія этого любовнаго „безумія". Сердце „кричитъ" отъ любви:

Amore, amore che si m'hai ferito,
altro che amore non posso gridare;
amore, amore, teco so unito,
altro non posso che te abracciare;
amore, amore, forte m'hai rapito,
lo cor sempre se spande per amare;
per te voglio pasmare—amor, ch'io teco sia,
amor, per cortesia,—famme morir d'amore.

Amor, amor, Jesu, so gionto a porto,
amor, amor, Jesu, tu m'hai menato;
amor, amor, Jesu, damme conforto,
amor, amor, Jesu, si m'hai enflammato;
amor, amor, Jesu, pensa lo porto,
fammete star, amor, sempre abracciato,
con teco transformato—en vera caritate,
en somma veritate—de transformato amore.

Amor, amore grida tutto'l mondo,
amor, amore, onne cosa clama;
amor, amore, tanto se' profondo,

chi piu t'abraccia, sempre più t'abrama...

. . . .

Amore, amore, tanto tu me fai,
amor, amore, nol posso patire;
amor, amore, tanto me te dai,
amor, amore, ben credo morire;
amor, amore, tanto preso m'hai,
amor, amor, famme en te transire;
amor, dolce languire,—amor mio desioso,
amor mio delettoso,—anegame en amore.

. . . .

Amor, amor, Jesu desideroso,
amor, voglio morire te abracciando;
amor, amor, Jesu, dolce mio sposo,
amor, amor, la morte t'ademando;
amor, amor, Jesu si delettoso,
tu me t'arendi en te transformando,
pensa ch'io vo pasmando,—Amor, non so o' me sia,
Jesu, speranza mia,—abissame en amore.

(„Любовь, любовь, что такъ поразила меня, я не могу ничего другого кричать, какъ только: «любовь»; любовь, любовь, я соединенъ съ тобой, я не хочу ничего дѣлать, какъ только обнимать тебя; любовь, любовь, ты сильно восхитила меня, сердце непрестанно расширяется, чтобы любить; для тебя готовъ я претерпѣть муки, любовь, чтобы быть съ тобою. Любовь! изъ милости дай мнѣ умереть отъ любви.

„Любовь, любовь, Іисусъ, я достигъ конечнаго предѣла; любовь, любовь, Іисусъ, Ты меня до этого довелъ; любовь, любовь, Іисусъ, подай мнѣ помощь: любовь, любовь, Іисусъ, Ты такъ зажегъ меня огнемъ... Любовь, дай мнѣ вѣчно пребывать въ твоихъ объятіяхъ, преображеннымъ въ Тебя, въ истинной любви.... любви преображающей.

„Любовь, любовь, кричитъ весь міръ,—любовь, любовь, вопіютъ всѣ вещи; любовь, любовь, ты такъ глубока, чѣмъ больше кто обнимаетъ тебя, тѣмъ больше по тебѣ охватывается томленіемъ...

„Любовь, любовь, такъ много ты дѣлаешь мнѣ,—любовь, любовь, я не могу этого вынести; любовь, любовь, такъ много ты мнѣ даешь, любовь, любовь, я чувствую, что умираю; любовь, любовь, ты такъ охватила меня, любовь, любовь, дай мнѣ въ тебя перейти; любовь, сладостное томленіе, любовь моя желанная, любовь моя усладительная, утопи меня въ любви!

. . . .

„Любовь, любовь, Іисусе желанный, любовь, я хочу умереть, обнимая Тебя; любовь, любовь, Іисусъ, сладостный мой супругъ, любовь, любовь, я молю Тебя о смерти; любовь, любовь, Іисусе мой сладчайшій, Ты меня преображаешь въ себя. Вспомни, что я страдаю; Любовь, я самъ не знаю, гдѣ я; Іисусе, моя надежда, погрузи меня въ бездну любви!").

Здѣсь уже не хватаетъ словъ, въ этомъ пламенномъ крикѣ души, въ этой мольбѣ безслѣдно утопить ее въ необъятномъ, преизбыточествующемъ, въ безмѣрно-могучемъ, въ безмѣрно-торжественномъ и радостномъ морѣ любви [1]).

Могучая лирика Якопоне,—несмотря на подчасъ неотдѣланность ея формы и на рѣзкости и крайности въ выраженіяхъ, которыхъ онъ, впрочемъ, сознательно не избѣгаетъ, стремясь выразить всю силу охватившаго его аффекта,—является однимъ изъ величайшихъ перловъ, одной изъ кульминаціонныхъ вершинъ лирическаго творчества среднихъ вѣковъ, въ частности лирики мистической; она носитъ печать какого-то стихійнаго вдохновенія [2]).

Но тѣ же мотивы—любви къ распятому Іисусу, которая является лишь отвѣтомъ на изначальную безграничную любовь самого Бога

---

[1]) Срв. нѣсколько ослабленные отзвуки того же восторга любви въ анонимномъ латинскомъ гимнѣ (изъ рукописи XIV-го в).—„De Amore Divino Rhythmus":

Amor sanctus, amor mundus,
Amor festus et iucundus
Cuncta fugat vitia;
Amor plenus plene gaudet,
Osculari Deum audet
Cum omni fidicia.
Amor semper triumphalis,
Amor semper nuptialis,
Amor semper ebrius;
Amor summus et regalis,
Amor plus quam filialis,
Amor sponsus proprius!...;

(y *Dreves—Blume*, Ein Jahrtausend lateinischer Hymnendichtung, 1909 г., т. II, стр. 414).

[2]) О Якопоне да Тоди см., напр., *Bertoni.* Il ducento, 1910. *Novati,* L'amor mistico in S. Francesco d'Assisi e in Jacopone da Todi (въ его книгѣ „Freschi e mini del Ducento", 1908 г.). *Ozanam.* Les poètes franciscains. „Enfocato et inebriato nel divino amore", говорится про Якопоне въ его старинномъ житіи („Vita del beato Jacopone da Todi", издана *A. Tobler*'омъ съ ркп. XIV-го в. въ „Zeitschrift f. romanische Philologie" за 1878 г.).

къ душѣ, любовь, что съ высоты Его престола низвела Его до мукъ на крестѣ—звучатъ намъ со всѣхъ сторонъ.

Et que me demandez-vous, amis mignos?
Car a vous ai tout donné et cuer et cors.
Et que voulez vous de moy? Est-ce ma mort,
savoreus Jhesu Crist?

такъ поетъ, обращаясь ко Христу, анонимная старо-французская пѣсня [1]).

Другая, напр., старо-французская пѣсня (д. б. XIV-го в.) обращается къ соловью съ предложеніемъ вмѣстѣ воспѣвать Того, Кого любовь привела къ смерти. „Безумно сердце, что не жаждетъ Іисуса!" [2]). А англійское мистическое стихотвореніе XV-го вѣка неизвѣстнаго автора, полное красоты и подъема, вкладываетъ въ уста самого Богочеловѣка слова любовнаго томленія: изъ горячей любви къ человѣческой душѣ, Онъ бросилъ свое великолѣпное царство, и отправился на поиски ея, и претерпѣлъ муки: „Quia amore langueo!" [3]).

„Quia amore langueo—ибо я изныдаю отъ любви!"—такъ звучитъ непрерывная пѣсня и сверху и снизу [4]).

---

[1]) Приведено у *Jeanroy*, l. c., стр. 485.

[2]) Rossignolet, par vo grant cortoisie menez m'ou bois o vous, en la gaudie,

la serons en deduit
et le jour et la nuit
et si lorons celui
qu'amours firent ocirre
Folz est li cuers qui Jhesum ne desirre.
Du dous Jhesu souvant devons chanter et lire.

(Приведено у *Jeanroy*, l. c. стр. 487).

[3]) Срв. напр. слѣдующую строфу:

I am true love that fals was nevere,
Mi sistyr, mannis soule, I loved hir thus;
Bicause we wolde in no wise discevere,
I lefte my Kyngdom glorious.
I purveyde for hir a paleis precious,
She fleyth, I folowe, I soughte hir so.
I suffride this peyne piteous
Quia amore langueo.

(Приведено у *Ev. Underhill*, Mysticism, 1914 г., стр. 162).

[4]) Въ провансальскомъ трактатѣ XIV-го вѣка „Scala divini amoris" („Лѣствица божественной любви") читаемъ про эту мелодію божественной пѣсни—melodia de cant, которая звучитъ во всѣхъ стихіяхъ и во всѣхъ тваряхъ. И „одно изъ величайшихъ

И эта любовь не только любовь сострадающая, она вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣдная, она сильнѣе смерти, ибо распятый и страдающій, Онъ же есть и Воскресшій. Несущіе иго Его страданій вмѣстѣ съ тѣмъ уже объединены съ Нимъ и участіемъ въ Его неумирающей жизни, въ Его побѣдѣ надъ смертью и скорбью, объединены съ Нимъ въ одну общую торжественную жизнь. Есть два латинскихъ гимна Филиппа де Гревъ, извѣстнаго богослова и канцлера парижской церкви († 1236 г.), принадлежащіе къ числу лучшихъ перловъ латинской религіозной лирики среднихъ вѣковъ—гдѣ душа, ищущая Возлюбленнаго, т. е. Христа, представлена въ образѣ Магдалины, вышедшей рано поутру ко гробу и не нашедшей тѣла Іисуса. Но за то предсталъ предъ ней самъ живой, воскресшій уже Іисусъ.

Правда, Онъ не сразу ей открылся, она не сразу признала Его:

Aestimavit hortulanum
Et hoc sane credidit,
Seminabat enim granum,
Quod in mentem cecidit,
Linguom movit et non namum,
Lingua Jesum indidit.

Non agnovit figurali
Latentem imagine,
Mentis agrum spiritali
Excolentem semine,
Sed cum eam speciali
Designavit nomine.

Haec a Jesu Jesum quaerit,
Sublatum conqueritur
Jesum intus, mente gerit,
Jesus praesens quaeritur,
Mentem colit, mentem serit
Jesus, nec percipitur.

Jesu bone, Jesu pie
Quid te monstrans latitas?

чудесъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, это—что моя душа не умираетъ и не выходитъ изъ себя, когда слышитъ, какъ небеса и земля оглашаются пѣснью и тѣми звуками, что крылья ангеловъ производятъ въ раю". Богъ и міръ какъ бы охвачены одной чередующейся пѣснью: „Итакъ Богъ начинаетъ свою balada и говоритъ: Amors"! и всѣ твари отвѣчаютъ: „Ты сотворилъ насъ!" „И про эту doussa balada говоритъ mosenher San Johan Evangelista, что онъ слышалъ, какъ ее пѣли всѣ твари на землѣ, и на небѣ, и въ водѣ:" „Любовь, ты создала насъ, чтобы любить!"....

(„*Scala divini amoris*", herausgegeben von De La Motte, 1902 г.).

Quid occultas te Mariae
Mentem cuius habitas?
Intus plena vero die
Nescit, ubi veritas.

(„Она приняла Его за садовника, и собственно она не ошиблась: ибо Онъ сѣялъ то сѣмя, которое падаетъ въ душу.....

„Она не признала Его, скрытаго за описательнымъ образомъ, воздѣлывающаго духовнымъ сѣменемъ ниву души.....

„Она у Іисуса спрашиваетъ про Іисуса, жалуется, что Его унесли прочь; она сама носитъ Его внутри души, Онъ здѣсь, и она Его ищетъ.....

„Іисусе благій, Іисусе милостивый, что же Ты, обнаруживая Себя, вмѣстѣ съ тѣмъ таишься? Что Ты скрываешься отъ Маріи, въ душѣ которой Ты обитаешь?....“) [1]).

Она ищетъ Іисуса, а между тѣмъ Онъ у нея въ сердцѣ. И слышится ей въ отвѣтъ:

O Maria, noli flere,
Jam non quaeras alium;
Hortulanus hic est vere
Et colonus mentium,
Intra mentis hortum quaere
Mentis operarium.

Unde planctus et lamentum?
Quid mentem non erigis?
Quid revolvis monumentum?
Tecum est, quem diligis;
Jesum quaeris et inventum
Habes nec intelligis.

Unde gemis, unde ploras?
Verum habes gaudium;
Latet in te, quod ignoras,
Doloris solacium;
Intus habes, quaeris foras,
Languoris remedium.

(„О Марія, брось стенанія, ужъ другого не ищи: сей есть дѣйствительно садовникъ и воздѣлыватель душъ; внутри твоего душевнаго сада ищи Насадителя души.

„Къ чему рыданія и вопли? зачѣмъ не возносишь ты свой умъ? что ты шаришь въ гробницѣ? вѣдь твой Возлюбленный съ тобою! Ты ищешь Іисуса, и не понимаешь, что ты обрѣла Его.

[1]) Analecta hymnica medii aevi, томъ L, (1907 г.), стр. 533.

„Зачѣмъ же ты плачешь и стонешь?—Вѣдь ты обладаешь истинной радостью: въ тебѣ таится то, о чемъ ты не подозрѣваешь—прибѣжище отъ скорби!

Ты имѣешь внутри то, что ты ищешь во внѣ: исцѣленіе болѣзнямъ!“).

И открывается ей ея Господь. Онъ говоритъ ей: Марія! и она со словами: „Раввуни—Учителю!“ склоняется къ его ногамъ:

Jam non miror, si nescisti
Magistrum dum seminat:
Semen, quod est verbum Christi
Te magis illuminat,
Et *Rabboni* respondisti,
Dum *Mariam* nominat [1]).

Любовное общеніе Бога съ человѣкомъ, связь любви между двумя мірами, которые силою Любви воплощенной, распятой и воскресшей объединяются въ одно—вотъ основное содержаніе этихъ переживаній. И вся эта лирика, какъ мы видѣли, вдохновлена любовью, родилась изъ любви.

Ибо саму живую, уже неумирающую Любовь ощущаютъ эти мистики въ своемъ сердцѣ: „Tecum est quem diligis! Возлюбленный твой съ тобою“ [2]).

Н. Арсеньевъ.

---

[1]) Analecta hymnica, т. L, 534.
[2]) Ibidem; срв. *Матѳ.* 28, 20.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Проф. *Б. В. Титлиновъ.* Гавріилъ Петровъ, митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій (род. 1730 г., † 1801 г.). Его жизнь и дѣятельность, въ связи съ церковными дѣлами того времени. Петроградъ. 1916. III—VI+I—1197 стр. Цѣна 7 р.

Поражающая своимъ объемомъ книга проф. Титлинова посвящена святителю синодальнаго періода, хотя долгое время стоявшему у кормила церковной власти, но все же не настолько замѣтному, чтобы его біографіей занять такой огромный томъ. Объясненіе величины послѣдняго въ словахъ: „въ связи съ церковными дѣлами того времени". Обычно научныя монографіи, посвященныя тѣмъ или другимъ государственнымъ и церковнымъ дѣятелямъ, рисуютъ ихъ жизнь на фонѣ событій соотвѣтствующей эпохи. Проф. Титлиновъ расширилъ рамки своего изслѣдованія до такой степени, что въ его книгу вошла, можно сказать, вся русская церковная исторія за вторую половину XVIII ст. Здѣсь и взаимныя отношенія государственной и церковной властей, и юридическое и имущественное положеніе церкви, и просвѣтительное и миссіонерское дѣло, и епархіальное управленіе, и надзоръ надъ духовенствомъ, и вопросъ о положеніи монашества. Правда, всѣ эти стороны церковной жизни разсматриваются авторомъ, судя по надписаніямъ главъ, лишь по мѣрѣ участія въ нихъ м. Гавріила. Но по мѣстамъ это участіе только предполагается въ виду того, что онъ былъ первенствующимъ членомъ синода и не могъ не имѣть того или другого отношенія къ извѣстному вопросу. Съ другой стороны, разсказъ автора настолько обстоятеленъ, что приходится иногда прочесть десятка два страницъ ранѣе, чѣмъ встрѣтишь имя м. Гавріила и выяснишь его участіе или соприкосновеніе съ изображаемыми событіями. Чтобы объяснить, напр., характеръ затрудненій Гавріила въ качествѣ пер-

венствующаго члена синода, проф. Титлиновъ счелъ нужнымъ нарисовать картину отношеній къ синоду оберъ-прокуроровъ, начиная со вступленія на престолъ Екатерины II и кончая царствованіемъ Павла, и въ этомъ длинномъ разсказѣ (297—393, 408—425) имя Гавріила мы встрѣчаемъ только на восемнадцати страницахъ (297. 312. 316. 320. 342. 344. 348. 349. 359. 371. 374—376. 394. 411. 413. 424. 425). При такой манерѣ разсказа собственно біографическій характеръ принадлежитъ изъ 11 главъ только четыремъ: I—„Первые годы жизни и служенія Гавріила". II—„Гавріилъ, епископъ тверскій. Его епархіальная дѣятельность". X—„Литературные труды Гавріила". XI—„Нѣкоторыя частныя черты характера Гавріила. Послѣдній годъ его жизни, увольненіе и кончина". Остальныя главы имѣютъ общецерковное значеніе и займутъ не только читателей, интересующихся лично м. Гавріиломъ или состояніемъ при немъ троицкой семинаріи и московской академіи, гдѣ онъ былъ ректоромъ, и тѣхъ епархій, которыми управлялъ, но и всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ познакомиться съ жизнью русской церкви во вторую половину XVIII в. Такъ, гл. III—„Гавріилъ, епископъ тверскій, въ роли исполнителя порученій высшей власти"—трактуетъ объ участіи его въ Иннокентіевской комиссіи, разсматривавшей сочиненный импер. Екатериной наказъ для комиссіи о составленіи новаго уложенія, и въ самой комиссіи, сочинявшей проектъ новаго уложенія, при чемъ много мѣста удѣляетъ вопросу объ отношеніи послѣдней комиссіи съ ея разными подкомиссіями къ церковнымъ дѣламъ. Глава IV—„Высокопр. Гавріилъ, какъ первенствующій членъ св. синода (1770—1799). Общія условія его церковно-правительственной дѣятельности"—почти вся занята изложеніемъ церковной политики Екатерины II, отношеній ея и ея приближенныхъ къ м. Гавріилу, выясненіемъ вліянія на церковныя дѣла синодальныхъ оберъ-прокуроровъ Мелиссино, Чебышева, Акчурина, Наумова, Мусина-Пушкина, новыми условіями церковно-правительственной дѣятельности при имп. Павлѣ и „іерархическими отношеніями м. Гавріила, какъ условіемъ его церковно-правительственной дѣятельности". Если глава V озаглавлена: „Заботы м. Гавріила о епархіальномъ управленіи, духовенствѣ и церковномъ благочиніи", то разсматриваетъ ихъ не только въ предѣлахъ петербургской и новгородской епархій, но и по отношенію ко всей Россіи, въ условіяхъ общецерковной жизни (ср. 416 — 467). Тоже и глава VI — „Дѣятельность м. Гавріила по благоустроенію русскаго монашества". Глава VII—„Отношеніе м. Гавріила къ вопросу о духовномъ обра-

зоваціи и его попеченія о духовной школѣ“ — только въ самомъ концѣ говоритъ объ отношеній святителя къ своимъ епархіальнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ; большая часть ея содержанія трактуетъ о проектахъ духовно-школьной реформы 70-хъ годовъ XVIII ст., о матеріальномъ положеніи духовныхъ школъ и развитіи школьной сѣти въ Екатерининское время и въ царствованіе Павла Петровича. Глава VIII — „Дѣятельность м. Гавріила по отношенію къ расколу“—заключаетъ рѣчи не только объ этой дѣятельности, но и о политикѣ Екатерины и Павла въ отношеніи къ старообрядчеству, о первыхъ опытахъ единовѣрія и объ осуществленіи идеи о немъ въ правленіе имп. Павла. Наконецъ, глава IX—„Участіе м. Гавріила въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ и въ миссіонерскихъ дѣлахъ“—кромѣ отвѣта на вопросъ объ этомъ участіи даетъ обстоятельный обзоръ положенія православія и уніи въ западной Россіи до раздѣленія Польши и послѣ, при Екатеринѣ Великой и ея сынѣ, и такую же картину миссіонерской дѣятельности русской церкви на Кавказѣ и на дальнемъ востокѣ во вторую половину XVIII ст.

Такая широкая постановка темы придаетъ особый интересъ книгѣ г. Титлинова и дѣлаетъ ее очень цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской церковной исторіи за всю вторую половину XVIII в. въ ея цѣломъ и въ отдѣльныхъ вопросахъ. Другое драгоцѣнное свойство ея стоитъ въ связи съ прекрасной освѣдомленностью автора въ первоисточникахъ. Почти всѣ главы и страницы диссертаціи основаны на архивныхъ матеріалахъ, почерпнутыхъ проф. Титлиновымъ и въ общедоступныхъ собраніяхъ и въ такихъ, доступъ куда открытъ немногимъ (архивъ государственнаго совѣта). Кромѣ этого архива, онъ пользовался рукописями и документами св. синода, академіи наукъ, министерства иностранныхъ дѣлъ, петроградскихъ духовныхъ академіи и семинаріи, новгородской семинаріи, консисторій петроградской, новгородской, тверской, александро-невской лавры, кіево-софійскаго собора (VI). Хотя личность м. Гавріила не разъ уже подвергалась научному изученію и его біографы эксплуатировали архивные матеріалы, но пользовались ими далеко не во всѣхъ перечисленныхъ учрежденіяхъ. Да и въ тѣхъ, гдѣ занимались, имъ не все удавалось найти. Болѣе внимательное отношеніе къ розыскамъ позволило проф. Титлинову дѣлать находки даже тамъ, гдѣ уже копались безрезультатно его предшественники. Такъ, въ архивѣ государственнаго совѣта ему посчастливилось найти оригиналъ проекта духовно-школьной реформы, составленнаго комиссіей изъ іерарховъ

Гавріила, Иннокентія, Платона. Это тотъ самый подлинникъ, который „два изслѣдователя, С. В. Рождественскій и В. Г. Соломинъ тщетно искали въ архивахъ“ (147, пр. 2). Тамъ же г. Титлиновъ нашелъ не дававшійся въ руки проф. Рождественскому полный планъ школьной реформы депутата большой комиссіи Золотницкаго (254).

Новыя находки даютъ возможность не только полнѣе и обстоятельнѣе представить ходъ событій, но и исправить утвердившіяся въ литературѣ ошибочные взгляды. Такъ проф. Титлиновъ опровергаетъ установившееся мнѣніе, будто м. Гавріилъ удалился отъ церковно-правительственной дѣятельности вслѣдствіе опалы имп. Павла (401—406); корректируетъ положеніе, будто благочинническая инструкція Платона Левшина была своего рода законодательнымъ актомъ, имѣвшимъ общеобязательное значеніе (516 сл.); доказываетъ ошибочность воззрѣнія, связывающаго происхожденіе единовѣрія съ именемъ м. Платона. Авторъ утверждаетъ: „единовѣрческое дѣло, въ періодъ его зарожденія и формированія, вынесъ на себѣ Гавріилъ, и онъ же придалъ ему ту форму, въ какой оно укрѣпилось съ 1798 г.“ (962; ср. 932. 988—991). И трудно оспаривать это достаточно аргументированное утвержденіе.

Къ этому присоединяются объективный, чуждый полемики и мелочного критицизма тонъ изслѣдованія, ясное и стройное изложеніе и прекрасный стиль, не загроможденный иностранными словами. Все это дѣлаетъ новую книгу проф. Титлинова не только научно интересной, но и занимательной для широкой публики, не чуждой историческихъ вопросовъ.

Что касается недостатковъ рецензируемой книги, то они больше методологическаго характера. Прежде всего вызываетъ на замѣчаніе отношеніе автора къ первоисточникамъ. Въ краткомъ предисловіи лишь перечислены тѣ архивныя собранія, откуда авторъ черпалъ свой матеріалъ, но не указано, что̀ и откуда взято и какой исторической цѣнности. Въ большинствѣ архивныя данныя офиціальнаго содержанія. Но, какъ извѣстно, и офиціальные документы не всегда безусловно правдивы. Еще меньше можно довѣрять мемуарамъ, воспоминаніямъ, дневникамъ. Потому-то важно въ каждомъ изслѣдованіи выяснить степень исторической достовѣрности памятника, на которомъ оно базируется, отношеніе его автора къ разсказываемымъ событіямъ, степень близости этого автора къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ изображаетъ и т. д. Б. В. Титлиновъ на стр. 1, пр. 1, ссылается, напр., на „Записки Антонія Знаменскаго, въ рукоп. новг.

сем. библ., № 6833, на л. 114". Эта неясная и неполная ссылка проясняется только дальше: много ниже мы узнаемъ, что Антоній Знаменскій—архимандритъ и ректоръ петербургской семинаріи (838), затѣмъ викарій м. Гавріила и лицо къ нему близкое (490). Въ виду этого мы склонны вслѣдъ за авторомъ относиться съ нѣкоторымъ довѣріемъ къ сообщеніямъ преосв. Антонія (27. 37. 42. 44. 293), но только тогда, когда сообщенія касаются лично м. Гавріила. Если же Антоній передаетъ хотя бы со словъ послѣдняго о томъ, чего тотъ не былъ участникомъ и свидѣтелемъ, то развѣ можно ему оказывать такую же долю довѣрія? Г. Титлиновъ, основываясь на извѣстіи Знаменскаго, разсказываетъ, что отецъ м. Гавріила, бывшій въ 1730-хъ годахъ синодальнымъ иподіакономъ въ Москвѣ, получалъ „изрядное содержаніе"—до 300 р. въ годъ, и эту сумму переводитъ, примѣнительно къ вычисленію В. О. Ключевскаго стоимости рубля въ то время, на современныя $4^1/_2$ тысячи рублей (3 и пр. 2). Но проф. Титлиновъ не сопоставилъ этой невѣроятной цифры съ окладами содержанія другихъ, болѣе видныхъ и важныхъ въ іерархіи лицъ, чѣмъ иподіаконъ. Въ богатой троицкой лаврѣ ректоръ семинаріи получалъ только 200 р. даже около 1760 г., когда стоимость рубля уже уменьшилась, а учителя—отъ 60 до 100 р. (24). 300 р. получалъ ректоръ московской академіи (36). Такая же сумма по штатамъ 1764 г. была назначена секретарямъ консисторій второго разряда (53). Иннокентіевская комиссія 1764—5 гг. сочла возможнымъ дать ученому священнику 100 р. (156. 604). Въ 80-хъ годахъ видный вятскій протопопъ Тукмачевъ, членъ консисторіи, получалъ около 300 р., и эту сумму архіерей находилъ достаточной для обезпеченнаго содержанія (360. 361; ср. 782, 850). При такихъ окладахъ духовныхъ лицъ позднѣйшаго времени представляется сомнительнымъ 300-рублевое содержаніе иподіакона, хотя бы синодальнаго, въ 1730-хъ годахъ. Впрочемъ, иногда и самъ проф. Титлиновъ относится къ извѣстіямъ Антонія Знаменскаго „съ недоумѣніемъ" (128, пр. 1) или даже съ недовѣріемъ (4, пр. 2).

Другой примѣръ. Полная неожиданность охватываетъ читателя, когда онъ встрѣчаетъ указаніе на „записки Платона Шишкина", въ которыхъ разсказывается объ обстоятельствахъ вызова въ 1765 г. въ Петербургъ Гавріила (128). Является рядъ вопросовъ: кто такой Шишкинъ? что содержится въ его запискахъ? какова ихъ историческая цѣнность? Подобными вопросами и недоумѣніями не затрудня-

лось бы чтеніе книги г. Титлинова, если бы онъ въ предисловіи удѣлилъ нѣкоторое мѣсто желательнымъ разъясненіямъ относительно своихъ источниковъ.

Другой методологическій недостатокъ—это своеобразное отношеніе автора къ печатной литературѣ. Въ предисловіи проф. Титлиновъ указываетъ рядъ біографическихъ очерковъ, посвященныхъ м. Гавріилу, при чемъ инымъ даетъ и оцѣнку, большею частью съ точки зрѣнія полноты или краткости. Но всѣ названные здѣсь труды составляютъ только „литературу предмета, насколько она относится къ м. Гавріилу“. Между тѣмъ „настоящее изслѣдованіе не преслѣдуетъ исключительно біографическія задачи. Личность м. Гавріила, его жизнь и дѣятельность“, по признанію автора, являются у него лишь „въ качествѣ отправной точки для освѣщенія въ основныхъ чертахъ всей церковной исторіи эпохи екатерининскаго и павловскаго времени“, столь „богатаго творческими и реформаторскими начинаніями“, столь „характернаго по общему своему духу“ и между тѣмъ не изученнаго „до сихъ поръ вполнѣ основательно“. Но если оно не изучено „вполнѣ“, то все же не является дѣвственной, ничуть не разработанной почвой, и авторъ самъ говоритъ, что „многое слѣдовало дополнить, многое исправить изъ *имѣющейся церковно-исторической литературы*“ (III). Но она здѣсь не представлена ни однимъ трудомъ. Если же въ текстѣ своей книги проф. Титлиновъ называетъ работы по тому или другому отдѣльному вопросу, то обычно ограничивается однимъ-двумя важнѣйшими или новѣйшими съ указаніемъ, что въ такомъ-то можно найти и литературу этого вопроса. Рѣдко-рѣдко авторъ расщедрится и посвятитъ цѣлую страницу перечню источниковъ и пособій (892—893,—литература обращенія къ церкви раскольника Никодима съ единомышленниками). Иногда наоборотъ—онъ не назоветъ ни одной печатной работы. Такъ, въ историческомъ обзорѣ русской миссіи на востокѣ мы не встрѣчаемъ совсѣмъ ссылокъ на печатную литературу, какъ будто доселѣ никто изъ ученыхъ этой темы не разрабатывалъ и даже не касался ея. Эта скупость автора лишаетъ его читателей полезныхъ и необходимыхъ литературныхъ указаній, не говоря уже о томъ, что дѣлаетъ неяснымъ его отношеніе къ предшественникамъ: если читатель не заподозритъ проф. Титлинова въ незнакомствѣ съ работами другихъ ученыхъ на той же нивѣ, то въ правѣ спросить, почему онъ игнорируетъ эти работы, чѣмъ онѣ не хороши... Въ другихъ случаяхъ самъ авторъ отмѣчаетъ, почему онъ недоволенъ на-

личной литературой и почему требуется исправить или дополнить ея утвержденія. Собираясь, напр., охарактеризовать роль и дѣятельность синодальныхъ оберъ-прокуроровъ екатерининскаго времени и ихъ отношенія къ членамъ св. синода, проф. Титлиновъ ссылается на изслѣдованіе Ѳ. В. Благовидова: „Оберъ-прокуроры св. синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.“ (Каз. 1889) и замѣчаетъ: „Чтобы не повторять Ѳ. В. Благовидова, мы въ дальнѣйшемъ подробнѣе останавливаемся на томъ, что у него кратко, или опущено, или требуетъ новаго освѣщенія“ (298, пр. 4; ср. 302, пр.; 310; 320, пр. 3; 325; 357). См. также 1009, пр., гдѣ авторъ устанавливаетъ свое отношеніе къ изслѣдованіямъ М. О. Кояловича и С. Г. Рункевича о возсоединеніи уніатовъ въ царствованіе Екатерины и Павла.

Что касается содержанія книги г. Титлинова, фактической стороны ея, положеній, оцѣнокъ и освѣщенія событій авторомъ, здѣсь въ большинствѣ случаевъ трудно ставить возраженія: такъ обстоятельно изложеніе и такъ документально обоснованы утвержденія или предположенія. Но все же критику можно обнаружить въ нѣсколькихъ случаяхъ свое несогласіе съ изслѣдователемъ.

Останавливаясь на фактѣ предоставленія представительства отъ церкви въ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія одному депутату—члену св. синода, съ лишеніемъ всего духовнаго сословія выборныхъ правъ, Б. В. Титлиновъ отвергаетъ точку зрѣнія И. М. Покровскаго, по которой это было результатомъ недоброжелательства Екатерины II къ духовенству. Онъ думаетъ, что духовенство потому не было приглашено къ выборамъ депутата отъ всего сословія, что это „находила ненужнымъ сама церковная власть“, „видимо“ считавшая „вполнѣ достаточнымъ синодальное церковное представительство“, и эту мысль подтверждаетъ однимъ фактомъ—недопущеніемъ тамбовскаго духовенства къ выбору депутата, недопущеніемъ какъ со стороны тамбовскаго преосвященнаго, такъ и со стороны синода (166—168). Но имп. Екатерина, издавая 14-го декабря 1766 г. манифестъ о созывѣ комиссіи, къ синоду не обращалась съ запросомъ, какъ лучше организовать церковное представительство. Затѣмъ приводимый авторомъ фактъ не имѣетъ прямого отношенія къ его мысли, ибо онъ касается выборовъ депутата отъ города (Тамбова), а не отъ духовнаго сословія, при томъ же синодъ, дѣлая свое разъясненіе въ этомъ случаѣ, руководился не своими соображеніями, а мыслью манифеста, послѣ изданія котораго не приходилось

проводить другіе взгляды. Св. синодъ считался здѣсь съ фактомъ, какъ въ 1670 г. для черниговскаго духовенства м. Гавріилъ фактически же былъ „св. правительствующаго синода и *всего духовенства* главнымъ депутатомъ“ (195). Имѣя, конечно, предъ собою законодательный актъ, св. синодъ склоненъ былъ думать, что онъ въ правѣ и въ состояніи представить въ комиссіи всѣ церковные интересы и нужды, почему не запросилъ даже великороссійскихъ архіереевъ, хотя, по мнѣнію г. Титлинова, могъ предоставить выборное право и архіереямъ, въ синодѣ не присутствовавшимъ, объ ихъ желаніяхъ и требованіяхъ. Впрочемъ, авторъ готовъ допустить, что „общія нужды Великороссіи были одинаковы и ихъ хорошо знали синодальные члены“. А знали ли? Тогда русскіе архіереи не перемѣщались съ такой, какъ нынѣ, головокружительной быстротой съ каѳедры на каѳедру и могли узнать лично жизнь и потребности немногихъ епархій. Изъ тогдашнихъ членовъ синода Гавріилъ Кременецкій, архіепископъ петербургскій, до столицы занималъ каѳедры только въ Коломнѣ и въ Казани, Аѳанасій Вольховскій, епископъ ростовскій, до Ростова былъ только въ Твери...

На стр. 759—760 проф. Титлиновъ, вопреки Я. Горожанскому, утверждаетъ, что проектъ 1765 г. посылки за границу для высшаго образованія нѣсколькихъ семинаристовъ имѣлъ въ виду „государственные, а не церковные интересы, въ частности службу по министерству иностранныхъ дѣлъ“. Но уже при первомъ объявленіи въ синодѣ высочайшей воли о томъ имѣлось въ виду изученіе посылаемыми и богословія. А данная студентамъ инструкція вмѣняла имъ въ обязанность изучать моральную исторію, особенно церковную, пространное богословіе, языкъ греческій и изъ восточныхъ—по ихъ усмотрѣнію (759, 761). Зачѣмъ все это нужно было для будущихъ дипломатовъ! А затѣмъ проф. Титлиновъ упустилъ изъ виду слѣдующій фактъ. Когда часть студентовъ вернулась изъ-за границы, то коллегія иностранныхъ дѣлъ, извѣщая о томъ синодъ, дала понять, что „како они избраны были отъ св. синода и назначены для духовныхъ должностей, то и отсылаются теперь въ оной для опредѣленія ихъ къ мѣстамъ, куда заблагоразсуждено будетъ“ (762). Наконецъ, одинъ изъ студентовъ (Розановъ) въ прошеніи синоду объ опредѣленіи на мѣсто прямо заявилъ, что онъ былъ отправленъ за границу для приготовленія къ преподаванію въ богословскомъ факультетѣ (770). Все это склоняетъ насъ признать болѣе справедливой мысль Горожанскаго, что проектъ посылки молодыхъ людей

за границу въ 1765—1766 г. былъ въ связи съ планомъ реформы духовной школы [1]). Если же духовныя власти стояли въ сторонѣ отъ этого плана и обнаруживали равнодушіе къ судьбѣ своихъ обучившихся за границей питомцевъ, то это потому, что онѣ тогда нерѣдко отстранялись отъ церковныхъ дѣлъ или послѣдними узнавали о томъ, что предпринималось правительствомъ относительно церкви... Впрочемъ и самъ Б. В. Титлиновъ не настаиваетъ на своемъ мнѣніи о подготовкѣ семинаристовъ за границей къ дипломатической именно службѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Гораздо ближе къ истинѣ, пожалуй, Забѣлинъ, авторъ статьи «Проектъ богословскаго факультета при Екатеринѣ II» въ «Вѣстн. Европы» 1873 г., № 11, полагающій (стр. 302—303), что сама Екатерина не давала себѣ яснаго отчета о цѣли командировки студентовъ“ (760, пр. 1).

Характеристика Екатерины II, какъ государыни справедливой, мягкой и „чрезвычайно тактичной“ (284), можетъ быть признана справедливой не безъ оговорокъ. Первую черту ея авторъ иллюстрируетъ „извѣстнымъ дѣломъ казанскаго архіепископа Веніамина“. Онъ обвиненъ былъ въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ, и императрица „сгоряча, не изслѣдовавъ дѣла“, велѣла этому „выжившему изъ ума старику“ немедленно проситься на покой, но послѣ, когда выяснилась невинность Веніамина, она сознала свою ошибку и загладила вину, даровавъ ему титулъ митрополита... Но ближайшее знакомство съ обстоятельствами этого скандальнаго инцидента говоритъ именно о томъ, какъ несправедлива была Екатерина въ отношеніи къ Веніамину Пуцекъ-Григоровичу. Прежде всего слѣдуетъ напомнить, что Веніаминъ хорошо былъ извѣстенъ Екатеринѣ еще по Петербургу, въ которомъ онъ былъ нѣкоторое время (1761—1762) архіепископомъ и откуда былъ переведенъ Екатериной, тотчасъ по восшествіи ея на престолъ, въ Казань. Этотъ переводъ—результатъ исключительно личнаго нерасположенія новой государыни къ святителю. Личныя достоинства послѣдняго внѣ всякаго сомнѣнія. Когда начался Пугачевскій бунтъ, Екатерина рескриптомъ отъ 22-го окт. 1773 г. поручила Веніамину, въ епархіи котораго и разразилось волненіе, сдѣлать чрезъ духовенство надлежащее внушеніе прихожанамъ. И святитель не разъ обращался къ паствѣ съ призывомъ соблюдать

---

[1]) „Дамаскинъ Семеновъ-Рудневъ, епископъ нижегородскій (1757 — 1795), его жизнь и труды“ (Кіевъ, 1894). 27 — 28. Подобную же мысль еще въ 1869 г. высказалъ Н. И. Григоровичъ (Русскій Архивъ, 1869, 1570 стр.).

святость присяги государынѣ и съ разоблаченіемъ самозванства Пугачева. Противъ послѣдняго архіепископъ выставлялъ особенно то, что, будучи въ Петербургѣ, онъ самъ зналъ имп. Петра III, имя котораго принялъ самозванецъ, и лично похоронилъ. При нападеніи Пугачева на Казань 12-го іюля 1774 г. Веніаминъ своимъ личнымъ присутствіемъ ободрялъ защитниковъ города, молился въ благовѣщенскомъ соборѣ о спасеніи осажденныхъ и совершилъ внутри крѣпости крестный ходъ. И вотъ послѣ всего этого одинъ изъ сотрудниковъ Пугачева, полковникъ его войска Аристовъ, привезенный въ Нижній-Новгородъ, дѣлаетъ извѣтъ на Веніамина, будто онъ въ день подхода бунтовщиковъ къ Казани прислалъ съ семинаристомъ Пугачеву до 3 т. р. золотомъ. 4-го августа 1774 г. Екатерина, узнавъ о томъ, писала въ Казань П. С. Потемкину, стоявшему во главѣ секретныхъ комиссій по изслѣдованію бунта: „Сіе показаніе (Аристова), сколь ни удивительно, ибо кажется, на первомъ взглядѣ, трудно себѣ представить, чтобы сей семидесятилетней старикъ, который самъ своимъ подвигомъ изверга Пугачева, со всеми къ нему пристающими, предалъ церковному проклятію, столь много позабылъ самъ себя и таковой опытъ далъ своему неверію, захотя чрезъ то несколько минутъ продолжить жизнь свою, однако безъ иследованье таковой поступокъ никакъ оставить неможно; и для того естьли, по сообщеніи нижегородского губернатора, вы къ сему еще не приступали, то съперва навѣдайтеся подъ рукою и старайтеся узнать и получить въ своихъ рукахъ семинариста, а потомъ дайтѣ знать суда; а къ его преосвященству опредѣлитѣ офицера, которой при теперишнихъ обстоятельствахъ отвѣтствовалъ бы за все поступки изъ ума выжившаго старика сего“ [1]). Итакъ, императрица знала, какія мѣры принималъ казанскій архіепископъ для борьбы съ мятежомъ, знала объ его воззваніяхъ къ паствѣ, одно изъ которыхъ заканчивалось проклятіемъ по адресу Пугачева и его сообщниковъ, и повѣрила клеветѣ Аристова, хотя ей было извѣстно, конечно, что люди, притянутые къ суду, часто оговариваютъ другихъ, чтобы какъ-нибудь затянуть слѣдствіе и отсрочить приговоръ. Повѣрила, хотя и самой ей настолько „удивительнымъ“ показался приписанный Веніамину поступокъ, что она тутъ же заклеймила святителя рѣзкимъ словомъ: „изъ ума выжившій старикъ“.

Началось слѣдствіе надъ этимъ старикомъ. Хотя оговоръ Ари-

[1]) Русская Старина, XIII (1875), 121.

стова страннымъ образомъ подтверждали казанскій купецъ Ал. Огородниковъ и діак. Алексѣй Іонинъ, самъ Аристовъ въ Казани измѣнилъ его редакцію и возбудилъ въ Потемкинѣ сомнѣніе, о чемъ онъ и донесъ императрицѣ [1]). Тѣмъ не менѣе архіепископу пришлось давать объясненіе. Веніаминъ, „заклиная себя небомъ и землею“, отвергалъ обвиненіе въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ, ибо въ день подступа его къ Казани все время былъ на людяхъ, служа въ кремлѣ молебны. Но ему Потемкинъ не повѣрилъ, очной ставки съ Іонинымъ не далъ и 17-го октября арестовалъ, всѣмъ этимъ доведя архіепископа до апоплексическаго удара. Веніаминъ добивался аудіенціи у императрицы, которая въ концѣ 1774 г. собиралась въ Москву, но Екатерина, „желая утушить и слухъ сего дѣла“, отказала въ томъ и чрезъ петербургскаго преосвященнаго предложила Веніамину, этому „изъ ума выжившему старику“ (опять!), „проситься немедленно въ отставку“, обѣщая подъ этимъ только условіемъ прекратить слѣдствіе, ибо для нея не было „сомнѣнія о его непростительной съ злодѣями пересылкѣ“. Въ письмѣ же къ Павлу Потемкину императрица поручила ему объявить Веніамину, чтобы онъ просился на обѣщаніе куда хочетъ, кромѣ Москвы и Казани [2]). Но попытка императрицы замять дѣло не удалась. Несправедливо завиненный святитель долго добивался изъ-подъ ареста очной ставки съ мятежниками и допроса Пугачева, въ семъ ему отказывали. Наконецъ, когда чрезъ синодъ онъ представилъ Екатеринѣ ходатайство о допущеніи „предъ лице ея величества“ „для принесенія оправданія“, императрица это ходатайство отправила въ тайную канцелярію, и тамъ рѣшили передопросить обвинителей казанскаго архипастыря. Въ этотъ разъ всѣ они отказались отъ поклепа своего; не подтвердилъ и Пугачевъ присылки ему денегъ Веніаминомъ. Такимъ образомъ невинность его блестяще подтвердилась. Это было уже въ январѣ 1775 г., и 25-го числа императрица принуждена была реабилитировать своимъ рескриптомъ quasi-преступнаго и сумасшедшаго старика, возведеннаго теперь въ митрополиты. „По пріѣздѣ моемъ, писала она ему, первымъ попеченіемъ было для меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова: и узнала я, къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего

[1]) Русская Старина, II (1870), 497—498: П. С. Потемкинъ во время пугачевщины.

[2]) Сборникъ Русскаго историч. общества, т. XXVII, 21. Русская Старина, т. 130, 99—100 (изъ статьи Г. А. Воробьева: „Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ, митрополитъ казанскій“).

преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести (бѣлымъ клобукомъ); да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминаніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, кои васъ уязвляли: припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по несчастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края“ [1])...

Милостивый рескриптъ, санъ митрополита и выстроенный императрицей въ загородномъ Воскресенскомъ (Новый Іерусалимъ тожъ) монастырѣ каменный домъ для Веніамина болѣе или менѣе вознаградили его за причиненныя ему злоключенія, но весь этотъ случай обращать въ доказательство справедливости Екатерины едва ли можно. Она такъ легко повѣрила клеветѣ на святителя потому, что была нерасположена къ нему. Точно также и отношенія ея къ другому архіерею-малороссу Арсенію Мацѣевичу скорѣе утверждаютъ въ мысли, что и великая Екатерина способна была къ несправедливости по отношенію къ людямъ, ей не льстившимъ, не поддакивавшимъ и не раздѣлявшимъ ея государственныхъ идей. Наконецъ, она бросила несправедливо пятно на память казанскаго епископа (тоже малоросса). Посѣтивъ древнюю столицу Болгарскаго царства на Волгѣ, с. Болгары, и обративъ вниманіе на сохранившіяся зданія, построенныя „изъ плиты очень хорошей“ и пользовавшіяся у татаръ „великимъ почтеніемъ“, Екатерина написала Н. И. Панину: „Сему одинъ гонитель Казанскій архіерей Лука, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, позавидовалъ и много разломалъ, а изъ иныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I-го указъ есть, чтобы не вредить и не ломать сію древность“. Это „свидѣтельство“ Екатерины принимается bona fide историками, между тѣмъ монастырская церковь въ Болгарахъ, въ которую вошли древнія плиты съ надписями, устроена м. Тихономъ съ вѣдома имп. Петра, если не по его повелѣнію [2]).

Справедлива ли была Екатерина II въ распоряженіи тѣми самыми церковными имуществами, изъ-за секуляризаціи которыхъ такъ жестоко пострадалъ отстаивавшій ихъ м. Арсеній? Отнимая отъ церкви населенныя имѣнія, Екатерина заявила, что она хочетъ избавить ду-

---

[1]) Русская Старина, т. XIII, 124—125; т. 130, 100—101. Ср. Сборн. Рус. истор. общества, т. XXVII, 28—29.

[2]) С. Г. Рункевичъ, Архіереи Петровской эпохи, 70—74. Ср. статью К. Харламповича: Малороссы на культурной службѣ въ Казани въ XVII и XVIII вв. (Вѣстникъ образованія и воспитанія, 1915, ноябрь—декабрь, 792—793).

ховенство отъ неудобствъ пользованія и управленія ими, а не отъ доходовъ, и обѣщала удовлетворить изъ казны нужды церковныхъ учрежденій. Но извѣстно, что доходы отъ бывшихъ церковныхъ имѣній въ большей части шли на удовлетвореніе потребностей другихъ вѣдомствъ, а также на награды фаворитамъ императрицы. Къ нуждамъ православной церкви Екатерина В. была вообще мало внимательна, и книга г. Титлинова даетъ много тому доказательствъ (см. напр., 792. 1030—1031).

Говоря объ отношеніяхъ импер. Екатерины къ православной церкви, интересно поставить вопросъ: достаточно ли были представлены интересы послѣдней предъ престоломъ? кто, въ частности, докладывалъ государынѣ объ ея нуждахъ? Издавна повелось, что оберъ-прокуроры св. синода. Но проф. Титлиновъ думаетъ, что и посѣщенія императрицы м. Гавріиломъ были обычнымъ явленіемъ и имѣли мѣсто „всегда, когда то было необходимо по мнѣнію представителя церковной власти. Къ мнѣніямъ Гавріила Екатерина прислушивалась очень внимательно и его голосъ часто былъ рѣшающимъ" (288). Такъ ли это? Почему же св. синодъ, начиная съ 1773 г., могъ только чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ дѣлать представленія—и всегда безуспѣшныя—о положеніи православія въ западной Россіи по жалобамъ и ходатайствамъ тамошнихъ преосвященныхъ, а Гавріилъ едва только въ 1794 г. обратился къ государынѣ съ личнымъ докладомъ о томъ (1015 сл.; 1052)?

Проф. Титлиновъ вообще не одобряетъ церковной политики Екатерины II. Но иногда освѣщаетъ ее такъ, что можетъ получиться впечатлѣніе благопріятное для нея, но едва ли соотвѣтствующее дѣйствительности. „У Екатерины и ея сотрудниковъ—пишетъ онъ—былъ чисто русскій взглядъ, что уніаты исторически составляютъ отторженное у православной церкви достояніе, которое и должно вернуться къ своему источнику. Однако, до поры до времени, объ этомъ умалчивалось и уніатское statu quo охранялось наравнѣ съ католичествомъ. Событія показали, однако, что эта политика была временной и подсказывалась лишь осторожностью" (1031). Удивительная, однако, осторожность, не только закрѣплявшая ранѣе сдѣланныя католичествомъ и уніей пріобрѣтенія, но и способствовавшая ихъ дальнѣйшему росту за счетъ православія! Правда, авторъ различаетъ разные моменты въ отношеніяхъ Екатерины къ западнорусскому православію и объясняетъ перемѣны въ нихъ обстоятельствами: какъ только „жизнь новоприсоединеннаго края была налажена, уніат-

ская проблема была поставлена въ такой широтѣ, какъ никогда прежде“ (1049). Думается, однако, что колебанія эти стояли въ зависимости не столько отъ обстоятельствъ или историческихъ причинъ, сколько отъ настроеній императрицы или отъ взглядовъ тѣхъ лицъ, которыя вершили при ней иностранную политику. Быть можетъ, для уясненія отношеній русской государственной власти къ вѣроисповѣдному вопросу въ западной Россіи и довольно жалкой роли св. синода и его предсѣдателя слѣдовало обратить вниманіе на составъ при Екатеринѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и нашего дипломатическаго представительства въ Польшѣ, Австріи, Пруссіи... Кого винить въ томъ, что во второй половинѣ XVIII ст., какъ впрочемъ и послѣ вплоть до нашихъ дней, русскіе представители за границей оберегали достоинство православной Россіи не достаточно усердно и успѣшно? И кто несетъ отвѣтъ за такого рода явленія, что взгляды высшаго правительства радикально мѣняются, а служебные органы, за границей или внутри Россіи, продолжаютъ проводить прежнюю политику? Примѣръ такой несогласованности представляетъ проф. Титлиновъ. Когда въ 1794 г. къ генералъ-губернатору новоприсоединеннаго края Тутолмину поступило заявленіе жителей с. Стебнаго объ ихъ желаніи присоединиться отъ уніи къ православію, онъ, еще не зная о новыхъ теченіяхъ въ Петербургѣ, письменно предложилъ *уніатскому* митрополиту „успокоить сихъ людей доставленіемъ требуемаго ими удовольствія“ (1049—1050)!

Первый серьезный успѣхъ въ исторіи единовѣрія выпалъ на долю святителя-грека (Никифора Ѳеотоки). И авторъ видитъ въ этомъ не простую случайность: „какъ грекъ, пр. Никифоръ смотрѣлъ съ широкой точки зрѣнія на обрядность, развиваемой еще Никону патр. Паисіемъ, и былъ чуждъ русскихъ предубѣжденій по отношенію къ раскольникамъ“ (887). Но кромѣ константинопольскаго патріарха Паисія, въ посланіи къ Никону, дѣйствительно, проявившаго либеральные, точнѣе истинно христіанскіе взгляды на сущность обряда, извѣстенъ еще патріархъ Паисій александрійскій, который вмѣстѣ съ п. Макаріемъ антіохійскимъ на большомъ московскомъ соборѣ на ряду съ наиболѣе ревностными русскими святителями утверждали святость буквы и обряда и поставили ихъ выше догмата и основного христіанскаго закона—любви... Тутъ грекъ оказался и фанатичнымъ и непримиримымъ.

Наконецъ, что касается главнаго героя книги проф. Титлинова—м. Гавріила, то авторъ вообще относится къ нему безъ обычнаго

пристрастія и объективно. Но все же маленькіе слѣды идеализаціи можно обнаружить въ его разсказѣ. Когда онъ называетъ Гавріила „талантливымъ ректоромъ“ академіи, то, при отсутствіи достаточныхъ подтвержденій, кажется, что это комплиментъ только (41). Такое же впечатлѣніе получается, когда Гавріилу, тверскому преосвященному, приписывается не простое сочувствіе, а иниціатива въ дѣлѣ замѣны ректоромъ тверской семинаріи Макаріемъ Петровичемъ латинскаго языка русскимъ въ преподаваніи богословія (63): вѣдь самъ Гавріилъ въ троицкой семинаріи и въ московской академіи читалъ этотъ предметъ на латинскомъ языкѣ. Еще выразительнѣе это легкое авторское предубѣжденіе сказывается въ слѣдующемъ случаѣ. Дирекціонная (под)комиссія большой комиссіи приняла 10-го ноября 1767 г. то положеніе о правахъ духовнаго сословія, какое было установлено комиссіей о среднемъ родѣ. „Выступалъ ли Гавріилъ при этомъ обсужденіи, изъ бумагъ комиссіи мы, пишетъ г. Титлиновъ, объ этомъ не знаемъ [1]). Несомнѣнно, что принимая участіе въ комисскихъ [2]) засѣданіяхъ (а онъ за это время не пропустилъ ни одного собранія), синодскій депутатъ старался отстаивать свою точку зрѣнія“. Но безуспѣшно. Во всякомъ случаѣ, „онъ исполнилъ свой долгъ, и не его вина, если его сочлены остались глухи къ голосу представителя церкви“ (221). Но откуда авторъ знаетъ, что этотъ голосъ звучалъ и звучалъ рѣшительно и громко? Упоминанія о томъ вѣдь нѣтъ въ дѣлахъ комиссіи... Быть можетъ, Гавріилъ только представилъ синодскій протестъ противъ причисленія духовенства къ среднему роду и на томъ успокоился. М. Гавріилу авторъ приписываетъ больше, чѣмъ уполномочиваютъ его документы. Точно также только предположеніемъ является догадка проф. Титлинова, что Гавріилъ подготовилъ извѣстный составъ духовно-гражданской комиссіи (224), и не вполнѣ доказаннымъ утвержденіе, что измѣненіе политики синодальныхъ оберъ-прокуроровъ въ благопріятную для

---

[1]) Нѣсколько выше проф. Титлиновъ сообщаетъ, что Гавріилъ взывалъ, но напрасно, къ благоразумію членовъ дирекціонной комиссіи: они „не приняли предложенія своего духовнаго сочлена измѣнить направленіе дѣла о правахъ духовенства и даже столь основательно его замолчали, что въ дневныхъ запискахъ комиссіи не оказалось и слѣдовъ Гавріилова представленія“ (213).

[2]) Проф. Титлиновъ не однажды прибѣгаетъ къ этому прилагательному: „комисское положеніе“, „комисскій проектъ“, „комисская работа“, даже „внѣ-комисскія условія“ (108. 143. 266. 397. 1106. 1157. 1120). Точно также въ стремленіи быть краткимъ онъ пишетъ: „регламентскій идеалъ“, „монашескій рукополагатель“ (140. 455).

церкви сторону „во многомъ зависѣло отъ вліянія Гавріила, его умѣнія и способностей, обезпечившихъ довѣріе императрицы" (425). Возможно, что многія утвержденія проф. Титлинова, подъ которыя нельзя подставить нужнаго документа или оправдать буквой памятника, являются результатомъ его чуткаго проникновенія въ подлинный смыслъ событій и отношеній. Но все же жаль, что недостатокъ матеріаловъ не позволилъ автору раскрыть съ полной прозрачностью симпатичную личность м. Гавріила, доселѣ остававшуюся какъ-то въ тѣни. Могла бы помочь корреспонденція его, особенно личная, неофиціальная, но такихъ-то писемъ всего менѣе сохранилось: м. Гавріилъ былъ, по выраженію проф. П. В. Знаменскаго, какимъ-то „молчаливымъ".

Наконецъ, если не въ видѣ упрека (книга вышла и такъ очень велика), то какъ pium desiderium приходится высказать сожалѣніе объ отсутствіи указателя именъ.

Проф. К. Харлампович.

Проблема исторіи.

(По поводу диссертаціи Г. Г. Шпета „Исторія какъ проблема логики").

I.

Работа Г. Г. Шпета представляется мнѣ отраднымъ и значительнымъ явленіемъ въ области текущей русской философской литературы. Отдать себѣ въ ней отчетъ—это значитъ съ одной стороны войти въ сферу очередныхъ вопросовъ, стоящихъ передъ современною мыслью, съ другой—коснуться хотя бы отчасти вѣчныхъ и значительнѣйшихъ проблемъ философіи [1]).

Книга Г. Г. Шпета во всѣхъ отношеніяхъ произведеніе выдающееся. Она бросается въ глаза уже выборомъ *темы*. Самая задача ея—сдѣлать проблему исторіи предметомъ спеціальнаго анализа и выдвинуть въ центръ философской разработки,—обличаетъ въ авторѣ изслѣдователя чуткаго къ назрѣвающимъ, но еще недостаточно опредѣлившимся потребностямъ современной философской мысли, и позволяетъ ему не только двигаться въ ея руслѣ, но и отчасти *двигать* ее, активно воздѣйствуя на ея теченіе.

Главнымъ достоинствомъ изслѣдованія Г. Г. Шпета я считаю

---

[1]) Настоящая рецензія почти дословно воспроизводитъ возраженіе, сдѣланное мною Г. Г. Шпету на диспутѣ 9-го мая 1916 г.

свѣжесть философской мысли, проникающей изложеніе и господствующей надъ обширными матеріалами, имъ привлеченными и зачастую имъ самостоятельно разработанными. Въ его книгѣ пріятно поражаетъ то, что будучи на три четверти заполненной анализомъ историческихъ матеріаловъ, она тѣмъ не менѣе носитъ подлинно *философскій* характеръ, почти свободна отъ сырой фактичности и простыхъ не разработанныхъ сообщеній и проникнута *однимъ* замысломъ, проводимымъ съ большою послѣдовательностью и неуклонною настойчивостью. Разработка матеріаловъ координирована съ цѣлями общефилософской постановки основной задачи, которая выступаетъ въ изложеніи съ достаточной опредѣленностью, и потому разбираемая работа, давая много историку философіи, не мало даетъ и философу систематику и теоретику.

Авторъ не побоялся въ приводимой имъ общей концепціи пойти противъ весьма авторитетныхъ мнѣній, прочно установившихся въ историко-философской литературѣ, и во многихъ случаяхъ ему вполнѣ удалось отстоять свои новыя точки зрѣнія и убѣдить въ необходимости оставить точки зрѣнія старыя. Мнѣ кажется несомнѣннымъ завоеваніемъ для исторіи философіи глава *о философіи Вольфа*, представляющая собою интерпретацію тѣмъ болѣе интересную, что она тѣсно связана съ оцѣнкой роли критической философіи въ осознаніи и въ раскрытіи проблемы исторіи. Точно также большой заслугой Г. Г. Шпета нельзя не признать подробный и оригинальный въ историко-философскомъ отношеніи анализъ теоретико-историческихъ взглядовъ Хладеніуса—одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ славянскихъ мыслителей, которые были не только учениками, но и учителями въ общемъ развитіи европейскаго самосознанія. Обращаетъ на себя вниманіе и опроверженіе популярнаго въ наши дни мнѣнія, высказаннаго Риккертомъ, будто „въ до-кантовской философіи прошлаго и настоящаго для выясненія вопросовъ логики историческoй науки не сдѣлано рѣшительно ничего". Съ большою обстоятельностью Г. Г. Шпетъ не только раскрываетъ полную неосновательность этого мнѣнія, но и достигаетъ гораздо болѣе значительнаго и общаго результата. Онъ показываетъ, что критицизмъ въ основоположительномъ истолкованіи принципа причинности сдѣлалъ шагъ назадъ по сравненію съ „догматизмомъ" Вольфа и поставилъ себя въ невозможность органически подойти къ проблемѣ исторіи. Новое пониманіе исторіи и повышенный интересъ къ вопросамъ исторической философіи, обнаружившійся въ послѣ-кантовской философіи, очень удачно

связываетъ авторъ съ возрожденіемъ лейбниціанства, имѣющимся на лицо въ философіи Шеллинга, и разъединяетъ съ антиисторическимъ по своему существу феноменализмомъ Канта.

Крупнымъ достоинствомъ книги несомнѣнно нужно признать и строгую форму, въ которую облекается проводимая въ ней мысль. Подъ этой формою я разумѣю не литературный стиль, а стиль самой *мысли*, внутренній чеканъ разсужденія, высокій формально-техническій уровень, на которомъ ведется изслѣдованіе и который достигается сочетаніемъ философской культуры съ философской самостоятельностью.

Теперь я перейду къ тому, что мнѣ представляется спорнымъ въ интересныхъ построеніяхъ автора и заслуживающимъ спеціальнаго обсужденія.

II.

Начну съ того, что я считаю логической *основой* всѣхъ недоумѣній, вызываемыхъ работой Г. Г. Шпета, а именно съ отсутствія точнаго опредѣленія *понятія* исторіи.

Авторъ говоритъ (стр. 47), что своимъ введеніемъ онъ намѣчаетъ „тѣ принципы, которыми опредѣляется выборъ матеріаловъ“. Съ достойною отчетливостью философскаго мышленія онъ сознаетъ, что картина историческаго развитія интересующей его проблемы предопредѣляется нѣкоторыми общими философскими концепціями, которыя и излагаются имъ предварительно въ *Введеніи*, обогащаются нѣкоторымъ развитіемъ въ процессѣ самого изслѣдованія, и затѣмъ перебрасываются во второй конструктивный и синтезирующій *будущій* томъ его работы. Я считаю вполнѣ законной такую планировку—и тѣмъ не менѣе думаю, что въ предварительномъ опредѣленіи „принциповъ“ изслѣдованія опущенъ одинъ *интегральный* моментъ, отсутствіе котораго создаетъ не простую неполноту или недоговоренность, а нѣкоторую существенную неправильность въ общефилософской постановкѣ основного вопроса всего изслѣдованія.

Авторъ хочетъ разсматривать *исторію, какъ проблему логики*. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ логики является опредѣленіе предмета, подлежащаго ея изслѣдованію. Логика исторіи, для того чтобы она была истинной логикой, требуетъ опредѣленія *понятія исторіи*, т. е. фиксаціи основного *смысла*, съ нимъ связаннаго. Говоря о подобномъ опредѣленіи понятія исторіи, я имѣю въ виду не какой-нибудь готовый положительный отвѣтъ, а лишь мотивированный и осознанный *вопросъ*. Давать положительное опредѣленіе понятію исторіи

можно лишь въ контекстѣ цѣлостнаго міросозерцанія, и логикъ, какъ таковой, можетъ не имѣть его въ наличности. Но логикъ призванъ осознать специфическую *проблему* понятія исторіи, которая не можетъ быть смѣшиваема съ частными проблемами опредѣленія отдѣльныхъ признаковъ, входящихъ въ это понятіе. Логикъ, не выходя за предѣлы логики, призванъ осознать *формальную* природу понятія исторіи, и въ случаѣ если это понятіе выходитъ за предѣлы его компетенціи и захватываетъ область онтологіи и конкретной метафизики,—онъ долженъ констатировать „трансцендирующій" характеръ понятія исторіи, ибо это можетъ оказаться его коренною чертою. Въ понятіи исторіи заключенъ *цѣлый міръ проблематики* и проблематики *специфической*.

Что такое понятіе исторіи? *Слагается* ли она изъ *суммы* частныхъ признаковъ, отмѣчаемыхъ въ историческомъ процессѣ историками и философами? Или напротивъ, оно активно *опредѣляетъ* эти признаки собою, отнюдь не исчерпываясь ими и будучи безконечно богаче отдѣльныхъ своихъ проявленій? Другими словами: результативно ли понятіе исторіи и производно, или же первоначально, цѣлостно и ни изъ какихъ суммъ отдѣльныхъ признаковъ не составляемо? Этотъ вопросъ можно сформулировать и иначе: только ли феноменологично понятіе исторіи и составляется на основаніи тѣхъ или иныхъ сторонъ исторіи какъ феномена, или же оно кромѣ феноменологичности еще онтологично и существенно опредѣляетъ его, какъ живая идеальная сущность?

Эти вопросы, какъ основные и коренные, логически *предшествуютъ* тѣмъ подраздѣленіямъ, которыя кладутся авторомъ въ основу его оріентаціи при анализѣ матеріаловъ: подраздѣленіемъ на историку, на логику исторической науки и на философію исторіи. На поставленные вопросы возможны такіе отвѣты, при которыхъ *конститутивною* чертою понятія исторіи окажется его трансцендирующій характеръ и особая специфическая связанность феноменологическихъ признаковъ съ *идеальною сущностью*. Но если эти отвѣты возможны, если, какъ я постараюсь показать дальше, они не только возможны, но и дѣйствительно даны у одного изъ крупнѣйшихъ представителей философско-исторической мысли,—тогда оказывается, что для опредѣленія основного понятія исторіи, безъ котораго невозможна подлинная логика исторіи, первостепенный интересъ представляетъ не только такъ называемая „логика исторической науки", но и двѣ дисциплины, которымъ авторъ удѣляетъ очень мало мѣста, а именно *философія исто-*

ріи съ одной стороны и *конкретныя историческія изслѣдованія* съ другой.

Если понятіе исторіи онтологично,—тогда оказываются искусственно ограниченными тѣ принципы, которые авторомъ положены въ основу отбора и квалификаціи „матеріаловъ", и картина историческаго роста интересующей его проблемы этимъ самымъ становится обусловленной рамками его общихъ философскихъ концепцій. Еслибъ авторъ предварилъ подраздѣленія, даваемыя имъ въ Введеніи, логическимъ анализомъ основной *проблематики понятія исторіи,*—то либо онъ оправдалъ бы общую постановку основного вопроса своего изслѣдованія, либо долженъ былъ бы значительно измѣнить самый *планъ* работы и распредѣленіе матеріаловъ.

III.

Отсутствіе анализа основного понятія исторіи мнѣ представляется логическимъ *корнемъ* всѣхъ спорныхъ сторонъ разбираемой работы.

Въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ, *какой* характеръ носитъ *понятіе* исторіи, стоитъ вопросъ, имѣющій для автора первостепенное значеніе, а именно: какое изъ философскихъ направленій мысли имѣетъ наиближайшее отношеніе къ проблемѣ исторіи, во-первыхъ, по существу, во-вторыхъ, въ порядкѣ историческаго осознанія этой проблемы. Авторъ различаетъ три главныхъ направленія: *эмпиризмъ, раціонализмъ* и *критицизмъ,* и старается показать, что эмпиризмъ играетъ незначительную роль въ исторіи изслѣдуемаго имъ вопроса, что критицизмъ, вопреки общему мнѣнію, носитъ принципіально антиисторическій характеръ и по существу враждебенъ выясненію исторической проблемы, и что только раціонализмъ даетъ формально логическія основы для уясненія специфическихъ особенностей проблемы исторіи и первые опыты ея дѣйствительнаго разрѣшенія.

Здѣсь у автора обнаруживается колебаніе, въ высокой степени значительное и вовсе не такое „простое", какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Къ термину раціонализмъ онъ иногда добавляетъ или *платонизмъ* и даетъ понять, что высшимъ моментомъ раціонализма для него являются его *платоническіе моменты.* Такъ на стр. 394 авторъ говоритъ: „Именно въ возможности перехода отъ констатированія ratio къ опредѣленному долженствованію и заключается *величайшая* цѣнность понятія ratio! Въ этомъ—*смыслъ платоновскихъ идей:* ratio, какъ идея, есть связующее начало между многимъ и единымъ, между долженствованіемъ и бытіемъ". Мнѣ кажется,

этимъ вносится значительная неясность въ самое существо производимаго изслѣдованія и подчеркивается зависимость историко-философской оріентаціи автора отъ указаннаго раньше отсутствія основоположительной проблематики понятія исторіи.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе исторіи своею собственною сущностью предрѣшаетъ вопросъ о внутреннемъ своемъ *сродствѣ* съ тѣми или иными *типами* философствующей мысли; и его опредѣленіе обоснованно разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какіе типы мысли наиболѣе *предрасположены* своими основоположеніями къ усвоенію и осознанію специфичности этого понятія и въ какой мѣрѣ и въ какихъ своихъ особенностяхъ этому усвоенію враждебны. Если въ понятіи исторіи нѣтъ онтологическаго зерна, тогда всякая метафизика исторіи превращается въ фантастику и, значитъ, было бы напраснымъ трудомъ искать какихъ нибудь плодотворныхъ изслѣдованій этого понятія у мыслителей метафизическаго направленія. Съ другой стороны, если понятіе исторіи, какъ понятіе самостоятельное, не существуетъ, если оно слагается какъ ариѳметическая сумма изъ другихъ и, скажемъ, всецѣло эмпирическихъ понятій, тогда къ исторіи могутъ имѣть отношеніе только эмпирики, и никакого плодотворнаго участія въ осмысленіи этого quasi понятія не могутъ имѣть ни логика формальнаго направленія, ни логика направленія онтологическаго.

Но кромѣ этихъ возможностей, Г. Г. Шпетомъ не исключенныхъ, есть возможности болѣе важныя, имъ повидимому не предусмотрѣнныя.

Въ понятіи исторіи, если брать его какъ понятіе sui generis, специфически объединяющимъ метафизическіе моменты нѣкоторой идеальной сущности съ органическимъ рядомъ феноменологическихъ признаковъ, можно различить моменты *раціональные* и *постижимые* и *моменты ирраціональные* и *сверхпостижимые*, и тогда отношеніе разбираемыхъ авторомъ направленій къ проблемѣ исторіи должно предстать совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ оно рисуется въ его работѣ. Если ирраціональное есть интегральный моментъ понятія исторіи—тогда высокая оцѣнка *раціонализма*, я бы сказалъ, въ двухъ его видахъ раціонализма *догматическаго* и раціонализма *критическаго*—становится невозможной по той простой причинѣ, что въ раціонализмѣ нѣтъ органа для постиженія ирраціональной стороны дѣйствительности, и къ ней онъ безусловно холоденъ и слѣпъ. Но этотъ же самый ирраціональный моментъ дѣлаетъ невозможной и ту низкую оцѣнку эмпиризма, которая такъ характерна для рецензируемаго изслѣдованія.

Платонъ, на котораго авторъ нерѣдко ссылается, съ полною оп-

редѣленностью и сознательностью вводитъ ирраціональное въ свою философію и беретъ это понятіе въ двойномъ и *полномъ* смыслѣ, непонятномъ для многихъ изслѣдователей. Онъ, во-первыхъ, признаетъ ирраціональное въ смыслѣ отрицательной *непостижимости* какъ ἄπειρον, согласно съ почтенными преданіями древнѣйшей греческой мысли. Во-вторыхъ, творчески обогащая древнюю мысль, онъ признаетъ ирраціональное въ смыслѣ положительной *сверхпостижимости*, даетъ этой идеѣ совершенно точное опредѣленіе въ *Федрѣ* какъ οὐδ' ἐξ ἑνὸς λόγου λελογισμένου и дѣлаетъ ее *основой* своей философіи въ теоріи эротической маніи въ томъ же *Федрѣ*.

Благодаря этому, между Платономъ и раціонализмомъ разверзается философская пропасть. Если Вольфъ въ своемъ истолкованіи сущности, какъ внутренняго основанія дѣйствительности, сохраняетъ нѣкоторые остатки платоническаго *эйдетизма*, то этимъ безусловно исчерпывается *все общее*, что есть между платонизмомъ и раціонализмомъ, при этомъ нужно сказать еще, что эти остатки эйдетизма характерны лишь для Лейбница и Вольфа и отнюдь не могутъ быть признаны достояніемъ раціонализма вообще, напр. раціонализма картезіанскаго. Раціонализмъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ можетъ быть разсматриваемъ какъ *антиподъ* и противоположность *ирраціонализма* Платоновой философіи и, если брать этотъ ирраціонализмъ съ тою серьезностью, съ какой относился къ нему Платонъ, тогда окажется, что, какъ это ни странно, эмпиризмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ гораздо ближе къ Платону, чѣмъ раціонализмъ. Къ проблемѣ исторіи это имѣетъ самое ближайшее отношеніе.

Въ низкой оцѣнкѣ эмпиризма авторъ руководится тѣмъ, что формально логически теоретики эмпиризма не содѣйствовали сколько нибудь существенной разработкѣ проблемъ, связанныхъ съ понятіемъ исторіи. Фактъ, отмѣчаемый авторомъ, справедливъ, но, мнѣ кажется, подходитъ авторъ къ эмпиризму лишь съ невыгодной стороны, не обращая вниманія на его стороны сильныя.

Если въ духѣ платоновой философіи въ понятіи исторіи мы признаемъ ирраціональное за интегральный моментъ, тогда вся фактическая сторона историческаго изслѣдованія и историческаго процесса становится *освященной* въ своей безусловной фактичности и въ логическомъ смыслѣ *оправдана* нѣкіимъ основнымъ и первичнымъ образомъ. Врядъ ли можно отрицать, что несмотря на всѣ ограниченія философскаго характера эмпиризмъ глубочайшимъ образомъ проникнутъ эросомъ къ неосознаннымъ и непонятнымъ фактамъ, нѣкою

характернѣйшей устремленностью къ схватыванію, къ ощупыванію, къ констатированію данности въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она эмпирически налична. Будучи слабъ въ формальномъ логическомъ отношеніи, эмпиризмъ самымъ энергичнымъ образомъ содѣйствовалъ укорененію въ общемъ духовномъ типѣ европейскаго человѣка любви къ фактическому изслѣдованію. Эмпиризмъ развивалъ специфическую жажду и жадность къ фактамъ, особый своеобразный аппетитъ къ тому, что есть, въ отличіе отъ того, чего нѣтъ. И это, конечно, не могло не отразиться самымъ благотворнымъ образомъ какъ на развитіи конкретнаго историческаго изслѣдованія, такъ на развитіи общихъ представленій объ исторіи. Въ извѣстномъ смыслѣ объ отношеніи раціонализма и эмпиризма къ исторіи можно повторить евангельскую притчу: раціонализмъ говорилъ объ исторіи: „пойду" и не шелъ. Эмпиризмъ говорилъ: „не пойду", и фактически шелъ. Исторія, какъ наука, на основѣ которой стала возможной логика историческаго изслѣдованія, складывается подъ несомнѣннымъ вліяніемъ той атмосферы эроса къ фактическому, къ дѣйствительно данному, которую съ особенною любовью культивировалъ эмпиризмъ.

Тотъ платонизмъ, который никакъ не можетъ отожествляться съ раціонализмомъ, включаетъ въ себя эмпиризмъ какъ подчиненный моментъ. Платонизмъ могъ бы спорить съ эмпиризмомъ не о его любви къ фактамъ, а объ его *недостаточной любви* къ фактамъ, объ его наивномъ схематизмѣ, объ его необоснованныхъ ограниченіяхъ и объ его склонности обобщенно и, благодаря этому, *отвлеченно* воспринимать то, что безусловно индивидуально и безусловно единственно. Поэтому если говорить о платонизмѣ подлинномъ, а не отвлеченномъ, то у него съ эмпиризмомъ по крайней мѣрѣ *столько же* общаго, сколько съ раціонализмомъ или еще вѣрнѣе онъ постолько же выше эмпиризма и раціонализма, насколько синтетичнѣе и универсальнѣе его принципы по сравненію съ *отвлеченными началами* эмпиризма и раціонализма. Если платонизмъ имѣетъ точку дѣйствительнаго соприкосновенія съ эйдетизмомъ Лейбнице-Вольфовскаго раціонализма, то онъ имѣетъ едва ли не болѣе показательную точку дѣйствительнаго соприкосновенія съ эмпиризмомъ, проникнутымъ темнымъ, но несомнѣннымъ *Эросомъ* къ ирраціональности фактически даннаго. А потому, съ точки зрѣнія платонизма, роль эмпиризма могла бы быть понята и освѣщена гораздо болѣе положительно и справедливо, чѣмъ это сдѣлано въ изслѣдованіи Г. Г. Шпета. Напомню, что исторія философіи знаетъ примѣры принципіальной защиты эмпиризма со сто-

роны платониковъ. Джоберти и Вл. Соловьевъ страстно защищаютъ физическую, ощутительную сторону дѣйствительности противъ отвлеченнаго идеализма. И еще съ большей философской глубиной, почти ставя знакъ равенства между эмпиризмомъ и ирраціонализмомъ платоникъ Шеллингъ противополагаетъ правду эмпиризма крайностямъ Гегелева панлогизма. Куно Фишеръ можетъ иронизировать надъ этою неожиданностью (для него!) въ развитіи Шеллинга, но объективно эта иронія—безсильный смѣхъ сквозь сильныя слезы.

IV.

Отсутствіе предваряющаго анализа *понятія* исторіи обусловило глубоко значительное колебаніе автора между „раціонализмомъ" и платонизмомъ. Изъ этого колебанія выросла первая неточность въ установленіи историко-философскихъ перспективъ: недооцѣнка эмпиризма и переоцѣнка раціонализма. Вторая неточность, допускаемая авторомъ, относится къ характеристикѣ раціонализма. Въ этой характеристикѣ есть черты произвольности и неисторичности.

Раздѣливъ основные типы мысли въ изслѣдуемую эпоху на эмпиризмъ, раціонализмъ и критицизмъ, авторъ не фиксируетъ точно, что́ именно подъ раціонализмомъ онъ разумѣетъ. Повидимому, раціонализмомъ онъ считаетъ такую философію, которая въ ratio видитъ одновременно внутреннее основаніе вещи (порядокъ онтологическій)— внутреннее основаніе ея познанія (порядокъ гносеологическій). Подъ это опредѣленіе подходитъ только философія Лейбница и Вольфа. Другими словами, авторъ исключаетъ изъ своего опредѣленія такое громадное явленіе какъ *картезіанство*,—имѣвшее колоссальное вліяніе на всѣ стороны умственной жизни Европы. Что картезіанство одинъ изъ классическихъ и чистѣйшихъ видовъ *раціонализма*—на этомъ сходятся рѣшительно всѣ историки философіи. И въ то же самое время картезіанство съ наивнымъ геометризмомъ своего мышленія по крайней мѣрѣ настолько же слѣпо и глухо къ проблемѣ исторіи, какъ и его позднѣйшая усовершенствованная форма — *кантіанство*. Выходитъ, что раціонализмъ, въ одномъ изъ своихъ классическихъ представителей, самъ возстаетъ противъ общей, благопріятной характеристики, которая ему дается авторомъ. И это проскальзываетъ въ самомъ изслѣдованіи. Говоря о Монтескьё (на стр. 118), авторъ считаетъ недостаткомъ, что онъ „оставался на почвѣ *картезіанскаго* пониманія философіи и ея геометрическаго метода". На стр. 145, пробѣлъ въ отношеніи исторіи, образовавшійся у просвѣтителей, самъ

авторъ также объясняетъ тѣмъ, что „философская почва просвѣтителей представляла собою очень неустойчивый конгломератъ *картезіанскихъ* и эмпирическихъ утвержденій". И наконецъ вполнѣ опредѣленно и въ общей формѣ заявляетъ на стр. 148: „И дѣйствительно ни въ чемъ такъ не сказывается философская неустойчивость «философовъ» просвѣщенія, какъ въ ихъ неумѣніи *уйти отъ картезіанства или преодолѣть его*".

Такимъ образомъ авторъ самъ признаетъ, что для пониманія специфической проблемы исторіи необходимо „уйти" отъ картезіанства и „преодолѣть" тотъ классическій и исторически необычайно дѣйственный видъ *раціонализма*, который связывается съ именемъ Декарта. Это еще подчеркивается тѣмъ, что на стр. 141 авторъ говоритъ о Тюрго. „Какъ ни восхваляетъ Тюрго Лейбница, видно, что онъ не ухватилъ внутренняго смысла и паѳоса *новаго* раціонализма". Значитъ самъ авторъ признаетъ *два* раціонализма, а не одинъ,— „старый" картезіанскій и „новый" лейбниціанскій. При чемъ авторъ опредѣленно заявляетъ, что „старый" раціонализмъ нужно было „преодолѣвать для пониманія исторіи и преодолѣвать его раціонализмомъ „новымъ".

Тутъ подымается вопросъ, который оставляется авторомъ безъ всякаго разсмотрѣнія: въ чемъ же новизна „новаго" раціонализма. И не есть ли это „новое" при ближайшемъ изслѣдованіи—во-первыхъ, чрезвычайно „старое" и даже „древнѣйшее" и не выводитъ ли оно, во-вторыхъ, съ полною очевидностью за узкіе предѣлы самого понятія раціонализма.

„Новизна" раціонализма Лейбница по сравненію съ раціонализмомъ Декарта есть живая рецепція *эйдетическихъ* моментовъ философіи Платона—другими словами *частичный платонизмъ* Лейбница. Если къ проблемѣ исторіи дѣйствительное отношеніе имѣетъ лишь этотъ моментъ въ раціонализмѣ—а это авторомъ признается—тогда выходитъ, что дѣйствительныя заслуги въ осознаніи и въ теоретическомъ осмысливаніи исторіи имѣетъ платонизмъ, а не раціонализмъ, т. е. *тѣ моменты Лейбницевой философіи, которые платоничны, а не раціоналистичны.* При неопредѣленной же и неоправданной терминологіи автора получается двойная трудность матеріальнаго и формальнаго порядка. Геніально реципируя нѣкоторыя платоническія точки зрѣнія, Лейбницъ, тѣмъ самымъ, вводилъ въ свое міровоззрѣніе *ирраціональные* моменты, т. е. *разрывалъ* тѣсныя и условныя границы раціонализма откровеннымъ *ирраціонализмомъ*. Съ другой стороны, оп-

редѣляя раціонализмъ по тому „новому", что вноситъ въ него Лейбницъ, авторъ опредѣляетъ понятіе, столь необходимое для него и играющее у него руководящую роль, по тому признаку, который формально противорѣчитъ самому *термину*, употребляемому имъ при этомъ. Для раціонализма существеннымъ онъ считаетъ то, что явилось его *преодолѣніемъ*, и преодолѣніемъ почерпнутымъ со стороны, извнѣ, а именно изъ *платонизма*, который съ подлиннымъ раціонализмомъ классическаго „стараго" типа не имѣетъ ничего общаго.

Въ связи съ этимъ интересующее насъ изслѣдованіе вызываетъ нѣсколько недоумѣній. О двухъ изъ нихъ скажу бѣгло, на третьемъ, весьма существенномъ, по моему мнѣнію, остановлюсь особо.

Если *новый* моментъ, моментъ преодолѣнія Картезіанскаго раціонализма враждебнаго исторіи, авторъ связываетъ съ творческимъ и геніальнымъ явленіемъ Лейбница, или, какъ это явствуетъ изъ его изложенія, замѣчательный опытъ логики исторической науки, данный Хладеніусомъ, и философско-историческія концепціи Вегелина и Гердера находятся въ несомнѣнной связи съ философіей *Лейбница*, то почему въ книгѣ автора совершенно отсутствуетъ разсмотрѣніе тѣхъ сторонъ философіи Лейбница, которыя безконечно важны для философскаго освѣщенія изслѣдуемой имъ проблемы? Лейбница авторъ замѣняетъ Вольфомъ; но это вызываетъ новое недоумѣніе: авторъ самъ отмѣчаетъ, что Лейбницъ былъ *первымъ*, установившимъ подлинный смыслъ «разумнаго основанія» въ отличіе отъ причины. Интерпретація Вольфа, даваемая авторомъ, крайне поучительна и интересна для историка философіи, но въ развитіи его основной мысли она могла бы быть введена лишь какъ экскурсъ и какъ дополненіе къ анализу философіи Лейбница, а отнюдь не какъ его *замѣна*. И это тѣмъ болѣе, что ученіе Вольфа о ratio, превосходно изложенное, не связывается органически съ основной темою автора. Авторъ говоритъ, что это ученіе *не исключало* возможности осознанія специфической проблемы исторіи, *и только!* Онъ не показываетъ, какъ могла бы быть реализована эта возможность въ болѣе детальной, логической разработкѣ и *какое именно* освѣщеніе проблемы исторіи можно извлечь изъ ученія Вольфа о сущности. Съ другой стороны изъ самаго изложенія явствуетъ, что это ученіе отнюдь *не* вліяло на тѣхъ, кого авторъ помѣщаетъ въ общую скобку раціонализма: на стр. 237 говорится: „Изъ этого совершенно ясно, что все ученіе объ единичномъ здѣсь (т. е. въ ученіи объ опытѣ) Вольфу совсѣмъ *не* понадобилось или *вѣрнѣе онъ не сумѣлъ имъ воспользоваться для цѣлей опредѣле-*

нія исторіи, какъ науки" (курсивъ мой). И далѣе на стр. 240. Вольфъ „оказывается въ положеніи полной безпомощности, лишь только .... его перестаетъ осѣнять геній Лейбница". Но изъ дальнѣйшаго изложенія слѣдуетъ, что логическими теоріями Вольфа *не* воспользовался не только самъ Вольфъ, но и тѣ, кого авторъ съ ними искусственно связываетъ. Дѣйствительный послѣдователь Вольфа *Мейеръ* не даетъ, по признанію автора, ничего существеннаго (стр. 256). Тѣ же кто подлинно двигаетъ пониманіе исторіи впередъ,—а именно Хладеніусъ, Вегелинъ, Гердеръ, связаны не съ Вольфомъ, а съ Лейбницемъ. На стр. 259 говорится: „Хладеніусъ указываетъ на *Лейбница*, какъ на того, кто пришелъ уже къ идеѣ этой новой логики". На стр. 331-ой говорится: „Въ основаніе идеи общей логики «фактовъ» Вегелинъ кладетъ такую характеристику фактовъ, какъ предмета, которая въ свою очередь должна привести къ совершенно специфической методологіи, но которая въ то же время представляетъ собою не что иное, какъ удачное использованіе установленныхъ раціоналистическою философіею въ лицѣ *Лейбница* общихъ принциповъ фактическаго" (ср. стр. 331 и 339). Если прибавить къ этому несомнѣнную зависимость Гердера и высоко цѣнимаго авторомъ Шеллинга отъ Лейбница (а не отъ Вольфа), тогда недоумѣніе усиливается, и отсутствіе соотвѣтствующаго разсмотрѣнія философіи Лейбница въ разбираемомъ изслѣдованіи не можетъ не представиться не мотивированнымъ, что серьезно отражается на крупныхъ линіяхъ выясняемаго авторомъ очерка проблемы исторіи.

V.

Третье недоумѣніе мнѣ представляется особенно значительнымъ, и въ немъ какъ въ фокусѣ собираются въ одну точку всѣ недоумѣнія, мною высказанныя. Я имѣю въ виду совершенное отсутствіе въ работѣ Г. Г. Шпета разсмотрѣнія взглядовъ того мыслителя, который въ исторіи интересующей насъ проблемы играетъ первенствующую роль и хронологически точно совпадаетъ съ періодомъ, коимъ авторъ ограничиваетъ первый томъ своей работы, т. е. съ XVIII вѣкомъ.

Если отсутствіе разсмотрѣнія философіи Лейбница у автора искупается отчасти тѣмъ, что кое-что о Лейбницѣ онъ говоритъ при разсмотрѣніи другихъ мыслителей, то отсутствіе Джонбатиста Вико не искупается ничѣмъ.

Вико едва ли не самый геніальный и крупный изъ всѣхъ „философовъ исторіи". Безусловно первый по времени, онъ едва ли не пер-

вый и по особой, исключительной пронизанности специфическими особенностями проблемы исторіи, взятой не съ отдѣльныхъ сторонъ, а въ той полнотѣ и цѣлостности, которыя потомъ и только отчасти встрѣчаются у его читателя, почитателя Гердера. Поэтому мнѣ представляется, что Вико самая очевидная и самая большая instantia negativa общей концепціи „раціонализма", приводимой Г. Г. Шпетомъ въ его книгѣ.

Прежде всего чрезвычайно важна историко-философская оріентація Вико. Этотъ страстный платоникъ, и платоникъ подлинный, распредѣляетъ свои методологическія „симпатіи" и „антипатіи" въ совершенной и прямой противоположности тѣмъ схемамъ, которыя устанавливаются въ разбираемомъ изслѣдованіи. Отецъ *Новой Науки* рѣзко ополчается противъ *раціонализма* Декарта, и съ большою симпатіею высказывается объ *эмпиризмѣ* Бэкона. Я не могу здѣсь останавливаться на чрезвычайно глубокой, основоположительной критикѣ Декарта, которую мы встрѣчаемъ у Вико. Я укажу только тѣ стороны его критики, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ нашей темѣ. Онъ возстаетъ противъ того, что Декартъ, о всей совокупности бытія находитъ возможнымъ судить по *схемѣ* естественныхъ наукъ. Съ полною опредѣленностью Вико устанавливаетъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій *философскую условность* этихъ схемъ. Онъ говоритъ: „Декартъ отрицаетъ изученіе языковъ, ораторовъ, историковъ и, ограничиваясь лишь своей метафизикой, физикой и математикой, сводитъ всю литературу къ суммѣ знаній Арабовъ, которые въ этихъ областяхъ были наиученѣйшими" (Vita, IV, 394). „Декартъ физику перенесъ въ метафизику и о вещахъ метафизическихъ сталъ мыслить на манеръ физическій" physico genere (De antiquissima italorum sapientia, II, 70). Это отрицаніе раціоналистическаго физицизма и математизма Декарта находитъ глубочайшее, философское обоснованіе въ слѣдующемъ положеніи Вико: „Въ шести короткихъ *Размышленіяхъ* Декартъ для объясненія употребляетъ сотни сравненій и уподобленій изъ внѣшняго міра, *тогда какъ природѣ разума свойственно изъ себя брать уподобленія для объясненія внѣшнихъ вещей*" (Scritti scientifici, VI, 121—122). Изъ этой, впервые въ новое время провозглашаемой *внутренней автономіи разума* и его независимости отъ внѣшнихъ естественно-научныхъ схемъ и выростаетъ какъ *Новая Наука* Вико, такъ и всѣ его великія постиженія въ области осознанія и усвоенія проблемы исторіи.

Что же касается *эмпирика* Бэкона, то онъ находитъ у Вико

искреннее и *подчеркиваемое* признаніе. „О еслибъ, говоритъ Вико, въ философіи возымѣлъ силу *Новый Органъ* Веруламія, такъ чтобы философы могли опытомъ доказывать то, что считаютъ за истину". (Vindiciae sive notae in Acta eruditorum Lipsiensia, IV, 350). Въ другомъ мѣстѣ онъ сопоставляетъ школьную логику съ логикою индуктивною въ такихъ словахъ: „Ученіе Аристотеля о силлогизмѣ имѣетъ скорѣе въ виду объясненіе общаго въ единичномъ, нежели объединеніе единичнаго въ общемъ. Зенонъ съ своимъ соритомъ соотвѣтствуетъ тѣмъ методамъ современныхъ философовъ, которые утончаютъ, но не обостряютъ разумъ; ничего существеннаго они человѣчеству не дали. Поэтому правъ Веруламій, великій философъ и великій политикъ, который предлагаетъ, растолковываетъ и поясняетъ *индукцію* въ своемъ *Органѣ* и благодаря которому Англичане съ большою плодотворностью воздѣлываютъ *философію опыта*" (Della sapienza poetica, V, 252).

Эта историко-философская оріентація съ полною очевидностью показываетъ, что не раціонализму обязана возникновеніемъ *Новая Наука*, а платонизму, сумѣвшему въ лицѣ Вико усвоить частичную правду эмпиризма и подчинить ее высшимъ синтезамъ метафизической мысли.

Странное впечатлѣніе производитъ тонкая работа Г. Г. Шпета надъ философіей Вольфа и отсутствіе въ его изслѣдованіи Вико. Анализируя Вольфа, онъ приходитъ къ скромному результату: къ констатированію, что ничто не мѣшало раціонализму осознать проблему исторіи. Но вѣдь за нѣсколько лѣтъ до выхода логики и онтологіи Вольфа (1728—1736) Вико уже издалъ свою *Новую Науку*, т. е. съ геніальной щедростью приступилъ къ *реализаціи* того, къ *возможности* чего раціоналистическая логика Вольфа стала подходить лишь черезъ нѣсколько лѣтъ въ темную и наощупь.

Въ сочиненіяхъ Вико мы имѣемъ гораздо больше чѣмъ отдѣльныя постиженія, и больше, чѣмъ „философію исторіи" въ обычномъ смыслѣ слова. Авторъ самъ отмѣчаетъ въ примѣчаніи на стр. 124, что „La Scienza Nuova заключаетъ въ себѣ основаніе сравнительнаго метода наравнѣ съ признаніемъ специфичности соціальной науки". Уже это одно должно было побудить автора къ разсмотрѣнію Вико. Говоря о Руссо, авторъ съ проницательностью устанавливаетъ что „Руссо не меньше Монтескье и Вольфа сдѣлалъ для развитія исторической науки, хотя самъ оказался плохимъ историкомъ и также не видѣлъ передъ собою теоретической проблемы въ наукѣ

исторіи“ (стр. 131). Другими словами, авторъ нашелъ возможнымъ констатировать то пониманіе проблемы исторіи у Руссо, которое *скрыто* содержится въ его теоріяхъ, и не только не *выражено* имъ, но даже отчасти находится въ противорѣчіи съ его выраженными взглядами. Что же касается до Вико, авторъ проходитъ не только мимо богатѣйшей логической добычи, *латентно* содержащейся въ его сочиненіяхъ, но и противъ опредѣленно имъ *выраженныхъ* и сформулированныхъ открытій въ области интересующей насъ проблемы.

Говоря это, я имѣю въ виду двѣ вещи: во-первыхъ, рядъ частныхъ завоеваній теоретико-историческаго характера, имѣющихся у Вико, во-вторыхъ, попытку ихъ глубочайшаго философскаго освѣщенія. Къ первой категоріи я отношу: 1. Нѣсколько суммарное, но чрезвычайно сильное осознаніе специфичности исторической проблемы, и опредѣленное выдѣленіе всего цикла относящихся сюда темъ въ самостоятельный и особый отдѣлъ вѣдѣнія, который наименовывается имъ *Новой Наукой*. 2. Осознаніе специфическаго начала *народности* или *національности*, узрѣніе коллективно-индивидуальной природы этого начала и живое констатированіе „трансцендентальнаго прошлаго“ разума, т. е. той storia delle idee umane, которая безусловно предшествуетъ *рефлексіи* и есть *данное первоначальной поэтической и миѳологической интуиціи*. На своемъ оригинальномъ языкѣ Вико называетъ эту науку о первоначальномъ сознаніи или о первыхъ субъективно-объективныхъ формаціяхъ человѣческаго разума *поэтической логикою*—Logica poetica (Della sapienza poetica, V, 190).

Но эти узрѣнія специфичности различныхъ сторонъ предмета исторіи, узрѣнія, которыя можно было бы сильно умножить, еще болѣе подчеркиваются въ своей важности тѣмъ, что у Вико мы находимъ глубокомысленную попытку свести отдѣльныя свои узрѣнія къ высшему методологическому и онтологическому единству. Что касается методологіи историческаго познанія, то онъ выставляетъ такой принципъ. Истинно и совершенно знаемъ мы то, что мы создаемъ. Совершенное знаніе Бога совпадаетъ съ твореніемъ. Математика потому является совершенной наукой, что въ ней мы строимъ и созидаемъ объектъ. Это созиданіе идеально. Исторія потому можетъ стать объектомъ совершеннаго знанія, что вся сплошь она *сдѣлана* нами. Въ отличіе отъ созиданія математическаго, это созиданіе реально. Но это не унижаетъ исторіи, а, напротивъ, ее возвышаетъ. Какъ *дѣяніе* человѣчества исторія безусловно открыта человѣческому ра-

зуму, и если человѣчество до сихъ поръ не знаетъ своей исторіи, то только потому, что оно не знаетъ себя самого и поглощенное заботами и трудами не умѣетъ возвыситься до осознанія себя въ исторіи и исторіи въ себѣ. Здѣсь закрытость фактическая, а не принципіальная.

Что же касается единства логическаго и онтологическаго, то Вико ищетъ установить его путемъ фиксаціи самого *понятія исторіи*, которое у него, какъ у платоника, совпадаетъ съ *идеею исторіи*. Отдѣльные признаки предмета исторіи—какъ признаки, всегда феноменологическіе,—онъ связываетъ съ тою *идеальною сущностью* исторіи, которая органическимъ образомъ объединяетъ эти признаки, не слагаясь изъ нихъ, а лишь раскрываясь въ нихъ. Это верховное понятіе Вико называетъ „идеальной исторіей" въ отличіе отъ исторіи эмпирической. Онъ говоритъ о своей „Новой Наукѣ": „Вслѣдствіе чего эта наука въ то же самое время пытается описывать *вѣчную идеальную* исторію, на основѣ коей протекаютъ во времени всѣ исторіи народностей, въ ихъ возникновеніи, развитіи, процвѣтаніи, упадкѣ и исчезновеніи" (Dello stabilimento dei principi, V, 151).

Этимъ самымъ я возвращаюсь къ тому, съ чего началъ: къ проблемѣ самого предмета исторіи или основного *понятія* исторіи. Вико былъ единственнымъ мыслителемъ XVIII вѣка, вплотную подошедшимъ къ этому кардинальному вопросу: *проблемѣ понятія исторіи*. Тѣмъ неоправданнѣе отсутствіе разбора воззрѣній Вико въ изслѣдованіи Г. Г. Шпета и тѣмъ ощутительнѣе зависимость этого недостатка разбираемой работы отъ отсутствія той основной проблематики понятія исторіи, съ которой я началъ свое возраженіе.

Вико наглядно показываетъ спорность представленій автора объ исторіи изслѣдуемой имъ проблемы, ибо, во-первыхъ, онъ отвергаетъ раціонализмъ своего времени, ибо, во-вторыхъ, онъ сочувствуетъ англійской философіи, ибо, въ-третьихъ, онъ изъ основъ своего платонизма возводитъ геніальное зданіе *Новой Науки*, упреждая тѣ опыты пониманія исторіи, которые возникаютъ опять-таки не изъ самаго раціонализма, а изъ платоническихъ моментовъ философіи Лейбница. Да и еще большой вопросъ, не подъ вліяніемъ ли Вико возникаетъ Die Neue Wissenschaft Хладеніуса,—вопросъ, который несомнѣнно требовалъ бы выясненія.

Свои недоумѣнія я высказывалъ, руководясь *существомъ* затрагиваемыхъ Г. Г. Шпетомъ проблемъ. Споря съ авторомъ, я естественно останавливался на томъ, что мнѣ представляется спорнымъ

или неправильнымъ въ его работѣ. Въ заключеніе мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть ту высокую квалификацію его изслѣдованія въ цѣломъ, съ которой я началъ мою рецензію, и тѣмъ возстановить правильную перспективу въ общей оцѣнкѣ. То спорное, что я старался отмѣтить, по моему глубокому убѣжденію значительно стушевывается передъ общими высокими качествами и нѣкоторыми крупными, безспорными достиженіями работы Г. Г. Шпета. Въ числѣ послѣднихъ, мною уже упомянутыхъ въ началѣ, особенно выдѣляется тонкій, глубокій, многозначительный и весьма ученый анализъ философіи *Канта*, представляющій большую актуальную цѣнность въ общей совокупности современныхъ философскихъ исканій. Разбираемое изслѣдованіе на всемъ своемъ протяженіи держитъ въ пріятномъ и оплодотворяющемъ возбужденіи мысль читателя и, разставаясь съ книгой, невольно хочется поблагодарить автора за его долголѣтнія и цѣнныя изысканія.

В. Эрнъ.

Книжныя новости.

Выставка картинъ: „Художественныя сокровища Казани". Петроградъ 1916. Цѣна 2 руб.

Въ февралѣ 1916 г. въ Казани была устроена выставка картинъ подъ названіемъ „Художественныя сокровища Казани", имѣвшая въ виду кромѣ чисто-благотворительной цѣли (сборъ въ пользу русскихъ воиновъ, находящихся въ плѣну у непріятелей) слѣдующее: 1) стремленіе поднять эстетическій уровень пониманія учениковъ и ученицъ художественной школы, а также и всѣхъ учащихся гор. Казани; 2) „имѣлось въ виду показать всѣмъ любителямъ искусства, интересующимся его исторіей, тѣ нерѣдко весьма цѣнныя произведенія его, которыя, находясь въ различныхъ частныхъ коллекціяхъ, почти недоступныхъ для обозрѣнія ихъ, оставались неизвѣстными не только для большой публики, но даже и для спеціалистовъ по исторіи искусствъ, что препятствовало близкому и полному ознакомленію со многими художниками". На ряду съ этимъ путемъ такой выставки предполагалось дать „какъ бы показательный смотръ тому культурному собирательству казанскихъ коллекціонеровъ, которымъ въ большей или меньшей степени удовлетворялись эстетическія потребности Казанскаго общества".

Къ такого рода идеѣ выставки казанское общество отнеслось съ чувствомъ глубокой симпатіи и глубокаго интереса, и цѣлый рядъ коллекціонеровъ, любителей искусства, предоставили для выставки хранящіяся у нихъ картины.

Выставка оказалась, дѣйствительно, весьма интересной, что своевременно отмѣчалось не только казанской, но и столичной печатью.

Но комитетъ по устройству выставки не удовлетворился выставкой, какъ

таковой, и поставилъ себѣ еще такую задачу: „болѣе прочное закрѣпленіе результатовъ этой успѣшно протекшей и по общему признанію интересной выставки и ознакомленіе съ ея художественнымъ содержаніемъ, не ограничиваясь предѣлами Казани, возможно большаго количества лицъ, любящихъ его искусство, собирающихъ или изучающихъ произведенія". Результатомъ такого стремленія комитета по устройству выставки и является лежащая передъ нами книга.

Въ книгѣ мы находимъ небольшое предисловіе проф. *А. М. Миронова* (стр. III—VII), статью *Б. П. Денике* („Старинный портретъ и миніатюра на выставкѣ". Стр. 1—8), статью *П. М. Дульскаго* („Старая Казань". Стр. 17—20) и, наконецъ, самый каталогъ выставки.

Въ своей статьѣ *Б. П. Денике* дѣлаетъ „краткій обзоръ поступательнаго движенія русской портретной живописи въ связи съ выставленными портретами", которыхъ на выставкѣ набралось до семидесяти изъ эпохи XVIII и первой половины XIX, хотя въ одномъ экспонатѣ оказался, очевидно, „отголосокъ портретной манеры" и XVII в. Такимъ образомъ эта статья какъ бы связываетъ матерьялъ, представленный выставкой (по крайней мѣрѣ въ области портрета и миніатюры) въ Казани, съ матерьяломъ исторіи искусствъ вообще, и окажется, несомнѣнно, весьма нужной будущимъ работникамъ въ области искусства. Не стоитъ и говорить о томъ, что эта весьма толково написанная статья является глубоко-интересной и просто для любителей искусства.

Статья *П. М. Дульскаго* носитъ характеръ общаго введенія къ отдѣлу выставки, „спеціально знакомящему съ художниками и зодчими Казанскаго края", и также не является безынтересной, особенно, конечно, для казанцевъ.

Каталогъ произведеній, выставленныхъ на выставкѣ, распадается на слѣдующіе отдѣлы: „Русская школа живописи" (№№ 1—59 а); „Неизвѣстныхъ художниковъ" (№№ 60—79); „Отдѣлъ произведеній западно-европейскихъ художниковъ" (№№ 80—122); затѣмъ идетъ отдѣлъ „Старой Казани" съ общимъ введеніемъ *П. М. Дульскаго*, гдѣ представлены произведенія извѣстныхъ художниковъ (№№ 123—174), а также и неизвѣстныхъ (№№ 175—191). Наконецъ, послѣдній отдѣлъ каталога посвященъ миніатюрамъ, рисункамъ и проч. (№№ 192—223).

Надо замѣтить, что каталогъ интересенъ какъ регистрація, дѣйствительно, часто высокихъ „Художественныхъ сокровищъ Казани", и любителямъ старины и искусства сплошь и рядомъ придется благодарить составителей каталога прошлой выставки. А каталогъ составленъ весьма дѣльно и съ цѣлымъ рядомъ весьма цѣнныхъ справокъ. Возьмемъ, напримѣръ, справку подъ № 96, чтобы проиллюстрировать характеръ каталога: „Caravaggio Michelangelo Amerighi (Караваджіо Микельанжело Америги), итальян. шк., род. въ 1569 г., ум. въ 1609 г. въ южной Италіи, знаменитый основатель натуралистической школы въ итальянской живописи. Юноша Христосъ среди фарисеевъ. М. кр. на пол. (Собр. пр. А. Миронова").

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ иллюстраціяхъ. Къ сожалѣнію, составителямъ книги не удалось помѣстить снимки со всѣхъ экспонатовъ. „Самый выборъ иллюстрацій въ *количественномъ* отношеніи",—говорится въ предисловіи: „обусловливался тою суммою, какая пожертвована была на это изданіе..... а въ *качественномъ*, съ одной стороны, значительными художе-

ственными достоинствами иллюстрируемыхъ произведеній, съ другой—физическою возможностью получить съ картины хорошій фотографическій снимокъ для иллюстраціи".

Но несмотря на все это, въ книгѣ удалось помѣстить 26 большихъ, въ полную страницу, иллюстрацій на хорошей бумагѣ, и 10 мелкихъ иллюстрацій. Какъ бы ни казалось такое количество иллюстрацій скромнымъ быть можетъ для такой книги, однако, принимая вышеприведенныя объясненія во вниманіе, приходится признать, что и ихъ достаточно для того, чтобы указать, насколько, дѣйствительно, цѣнны художественныя сокровища Казани, выставленныя въ 1916 г. на смотръ любителямъ искусства.

Весьма пріятный внѣшній видъ книги дополняется колоритной обложкой, гдѣ на рисункѣ удачно сопоставлены казанскій гербъ (драконъ) и Сюмбекина башня, окруженная крѣпостной стѣной.

Несомнѣнно, книга будетъ имѣть заслуженный успѣхъ и быть можетъ послужитъ толчкомъ къ тому, чтобы и другіе города Россіи послѣдовали такому удачному примѣру Казани.

Херсонскій городской музей древностей Херсонскаго края. Выпускъ 5-й. Лѣтопись музея за 1913 г. Съ иллюстраціями. Херсонъ. 1915. Выпускъ 6-й. Лѣтопись музея за 1914 г. Съ иллюстраціями. Херсонъ. 1916. Оба выпуска составлены В. И. Гошкевичемъ. Выпускъ 7-й. Гдѣ былъ древній Одессъ? Изслѣдованіе В. И. Гошкевича. Съ картой и планомъ. (Отдѣльный оттискъ изъ 32 вып. „Одесскаго общества исторіи и древностей"). Херсонъ. 1916. Изданіе Херсонскаго городского управленія. Цѣна по 20 коп.

Въ апрѣльской книгѣ *Журн. Мин. Нар. Прос.* за 1915 г. („Книжныя новости", стр. 426—429) уже отмѣчалось появленіе четвертаго выпуска „Херсонскаго городского музея древностей", составленнаго В. И. Гошкевичемъ. Съ тѣхъ поръ, благодаря трудолюбію хранителя музея, появилось еще три выпуска, которые намъ и предстоитъ разсмотрѣть.

Обратимся сначала къ 5-му и 6-му выпускамъ.

Отмѣтивъ въ предисловіи рядъ цѣнныхъ пріобрѣтеній музея, В. И. Гошкевичъ переходитъ къ самому отчету, изъ котораго мы можемъ ознакомиться съ ростомъ музея.

Мы видимъ, что въ 1913 г. въ музей поступило 3.278 предметовъ и фрагментовъ, а въ 1914 г.—1.765. Такимъ образомъ къ концу 1914 г. музей заключалъ въ себѣ уже 23.587 экземпляровъ древностей, которые по отдѣльнымъ коллекціямъ распредѣляются (къ концу 1914 г.) слѣдующимъ образомъ:

„Къ до-скиѳскимъ временамъ (ранѣе VII в. до Р. Хр.) отнесено 1.719 предметовъ (при переходѣ Музея въ собственность города [1]) было 1.316).

Издѣлій античныхъ и культуры скиѳо-сарматской (VII в. д. Р. Хр.—III в. по Р. Хр.) 7.376 (было 5.589).

Бытовыхъ предметовъ разныхъ средневѣковыхъ кочевниковъ (III—XIV вв.) 608 (было 544).

Издѣлій татарской эпохи (XIV - XVIII вв.) 2.814 (было 2.183).

---

[1]) Въ 1909 году.

Предметовъ времени русской колонизаціи края (XVIII—XIX в.) 11.070 (было 6.778).

При этомъ по матеріалу древности къ концу 1914 г. распредѣлялись такъ: золотыхъ предметовъ 95, платиновыхъ 3, серебряныхъ 2.582, предметовъ изъ металловъ недрагоцѣнныхъ 6.030, стеклянныхъ 180, изъ камня, глины и другихъ минераловъ 6.986, изъ продуктовъ животнаго царства (кость, кожа, шерсть, шелкъ) 423, бумажныхъ (гл. образ. рукописи и книги) 7.189, деревянныхъ и изъ другихъ продуктовъ растительнаго царства 99.

Для добыванія древностей въ 1913 г. хранитель Музея В. И. Гошкевичъ совершилъ всего 8 поѣздокъ. По предложенію Археологической комиссіи В. И. Гошкевичъ отправился въ Петроградъ для осмотра добытыхъ въ Ольвіи въ 1904—1908 гг. при раскопкахъ (проф. Б. В. Фармаковскимъ) предметовъ. Здѣсь ему предоставлена была возможность „отобрать тѣ предметы, какіе желательно имѣть въ Музеѣ древностей Херсонскаго края". Такимъ образомъ „Музей получилъ въ даръ отъ Археологической комиссіи коллекцію строго датированныхъ древностей Ольвіи, состоящую изъ нѣсколькихъ сотъ предметовъ и фрагментовъ (см. фотогр. снимокъ съ группы античныхъ вазъ изъ Ольвіи на стр. 2)".

Въ іюлѣ В. И. Гошкевичъ произвелъ археологическія раскопки на землѣ Ѳ. С. Агаркова при впаденіи въ Днѣпръ рѣчки Каменки, верстахъ въ пяти отъ Бизюкова монастыря. Здѣсь онъ изслѣдовалъ одинъ довольно-таки большой курганъ, обнаруживъ въ немъ рядъ погребеній со слѣдами окрашиванія скелетовъ и съ признаніями глубокой ихъ древности. Далѣе было изслѣдовано городище, въ которое, по мнѣнію В. И. Гошкевича (стр. 6), около времени Р. Хр. „свозили... окрестные скиѳы-земледѣльцы свой зерновой хлѣбъ, кочевники сгоняли туда свои табуны скота". Произведя пробную раскопку, В. И. Гошкевичъ обнаружилъ часть стѣны на протяженіи 9 саженъ, высотой болѣе двухъ аршинъ. Кромѣ этого были обслѣдованы „татарскія могилы", при погребеніи въ которыхъ обнаружены слѣды гробовъ, копье, ножъ, шило, бронзовое круглое зеркальце въ кожаномъ футлярѣ, серебряная серьга, украшенная жемчужинами, жемчугъ отъ какихъ-то украшеній, бараньи кости и шерстяныя подстилки, при этомъ головой скелеты лежатъ на западъ, руки вытянуты (съ небольшимъ сгибомъ) вдоль туловища. Наконецъ, на землѣ Ѳ. С. Агаркова обнаружены слѣды пребыванія здѣсь въ XVIII в. Запорожской Сѣчи (кафельныя печи и т. д.).

Двѣ крупныхъ экскурсіи также съ археологической цѣлью совершены хранителемъ музея по Одесскому уѣзду „на протяженіи около 130 верстъ, по берегамъ: Чернаго моря, отъ Одессы до Очакова, вокругъ Сосницко-Березанскаго и впадающаго въ него Бейкушскаго лимана, по правому берегу Днѣпровско-Бугскаго и Бугскаго лимановъ—до Ольвіи". Здѣсь обнаружены слѣды 12 поселеній, судя по керамическимъ находкамъ, греко-римскаго періода, при этомъ три изъ этихъ поселеній окружены валами, а именно: 1) на оконечности безлюднаго мыса, раздѣляющаго Сосницкаго и Березанскаго лимановъ. Здѣсь расположено городище съ двойнымъ параллельнымъ огражденіемъ со стороны материка, и В. И. Гошкевичъ склоненъ видѣть въ немъ извѣстный по Арріану Одиссъ, 2) въ полуверстѣ отъ Верхне-Аджигольскаго маяка (на югъ) по обрывистому берегу Днѣпровскаго лимана и 3) между Аджиголемъ и д. Сары-Ка-

мыши, въ верстѣ отъ Бугскаго маяка, также на берегу лимана, при этомъ здѣсь на ряду съ остатками греческой посуды находилось много обломковъ посуды XIV—XV в., покрытой поливой.

Въ апрѣлѣ и сентябрѣ 1913 г. В. И Гошкевичъ ѣздилъ въ Бессарабію для пріобрѣтенія древностей края въ Музей (см. стр. 12), а также въ с. Терновку для провѣрки слуха о томъ, что здѣсь найденъ однимъ крестьяниномъ крупный кладъ. Въ послѣднемъ случаѣ слухъ не подтвердился, ибо крестьянинъ нашелъ всего лишь 7 монетъ, изъ нихъ древнѣйшая—III—II в. до Р. Хр. (стр. 13).

На стр. 13—15 В. И. Гошкевичъ знакомитъ насъ съ поступленіемъ въ Музей нѣкоторыхъ (правда, уже XVIII в.) предметовъ изъ „забытыхъ кладбищъ", обнаруженныхъ при постройкѣ въ Херсонѣ портовой жел.-дорожной вѣтви и на Карантинномъ островѣ.

Какъ и въ прежніе годы, въ музей поступили предметы, найденные учениками земской школы въ с. Раденскомъ подъ руководствомъ Л. Е. Торскаго, а также учениками другой школы подъ руководствомъ учителя З. А. Максименко (стр. 15).

Наконецъ, на стр. 15—21 описываются цѣнные дары Музею отъ Археологической комиссіи (кромѣ ольвійскихъ предметовъ, о которыхъ говорится въ отчетѣ на стр. 2—4) и отъ семьи покойнаго Н. Н. Аркаса.

Таковы пріобрѣтенія Музея путемъ собственныхъ археологическихъ развѣдокъ и пожертвованій, которыя собственно и являются главнѣйшимъ источникомъ роста Музея, такъ какъ на покупку въ 1913 г. издержано, напр., всего лишь 2 р. 30 коп. (см. стр. 35). Дальнѣйшія страницы посвящены росту Мюнцъ-Кабинета (стр. 36. Увеличеніе выражено цифрой 801) и Библіотеки (152 новыхъ названія въ 260 книгахъ. Стр. 37—39), работамъ по распредѣленію коллекцій въ Музеѣ (стр. 39—41), статистикѣ посѣщенія Музея, изъ которой мы видимъ, что мѣсячное число посѣтителей возросло до 2.690 человѣкъ (въ 1912 г. 2.531), и средствамъ Музея.

Отмѣтимъ еще, что на стр. 21—35 помѣщенъ длинный списокъ всѣхъ тѣхъ „сотрудниковъ Музея", которые тѣмъ или инымъ способомъ содѣйствовали росту Музея.

Переходя теперь къ источникамъ роста Музея въ 1914 г., мы должны остановиться на раскопкахъ В. И. Гошкевича на островѣ противъ м. Тягинки, верстахъ въ 40 выше Херсона. Здѣсь были обнаружены слѣды каменныхъ зданій, много различныхъ предметовъ изъ различныхъ матеріаловъ. „Результаты раскопокъ",—говоритъ В. И. Гошкевичъ: „даютъ основаніе видѣть въ открытыхъ остаткахъ сооруженій руины укрѣпленія, замка, время жизни котораго можно опредѣлить, по даннымъ раскопокъ, періодомъ отъ XIV до XVI вѣка (стр. 9)". Вмѣстѣ съ замкомъ изслѣдованъ цѣлый рядъ погребеній, нехристіанскаго, однако, характера (стр. 9—10). Въ связи со своими раскопками В. И. Гошкевичъ на стр. 10—12 приводитъ и литературные источники, какъ будто подтверждающіе мысль о замкѣ.

Не дала крупныхъ результатовъ поѣздка В. И. Гошкевича въ Александрійскій уѣздъ, гдѣ при раскопкахъ обнаруженъ рядъ разграбленныхъ и растасканныхъ грызунами погребеній со слѣдами окраски костей (стр. 13—14).

Дѣти по прежнему, подъ руководствомъ своихъ учителей и учительницъ

Л. Е. Торскаго, Н. Н. Фуголя, Е. В. Бондаренко и П. В. Бондаренко, продолжали увеличивать коллекціи музея своими находками (стр. 15—16).

Изъ крупныхъ пожертвованій въ Музей въ 1914 г. отмѣчается даръ великаго князя Николая Михайловича (каменная „баба" хорошей сохранности, съ ясными деталями костюма и вооруженія. См. снимокъ на стр. 16), Академіи Художествъ (картина Ѳ. Я. Алексѣева — 1753—1824 гг.—„Видъ Херсона"; стр. 15—18), Археологической комиссіи (коллекція античныхъ украшеній, найденныхъ въ Ольвіи, монеты, собранныя по пескамъ вблизи с. Збурьевки и нѣсколько образцовъ поддѣльныхъ древностей. См. стр. 18—19). Особо отмѣчается и содѣйствіе Музею херсонскаго губернатора, бар. Н. А. Гревеница (стр. 19—20).

На покупку древностей въ 1914 г. израсходовано 22 р. 10 коп. (стр. 39—40), этимъ и исчерпываются всѣ источники роста музея, если мы не забудемъ, что мелкія пожертвованія также имѣли мѣсто, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ опять-таки списокъ „сотрудниковъ музея" въ 1914 г. (стр. 20—38). Кстати, одному изъ старѣйшихъ сотрудниковъ Музея, а именно І. Я. Стемпковскому, скончавшемуся въ 1914 г., посвященъ небольшой некрологъ на стр. 38—39 отчета.

Мюнцъ-кабинетъ Музея въ 1914 г. пополнился 967 экземплярами различныхъ по вѣкамъ и матеріалу монетъ (стр. 40—41), а библіотека—264 книгами, состоя теперь въ общей сложности изъ 2.002 книгъ (стр. 41—44).

Что касается числа посѣтителей Музея, то оно сократилось, быть можетъ въ силу переживаемыхъ событій, и выражается среднимъ числомъ въ мѣсяцъ цифрой 1.653 (стр. 45—48).

Заканчивается отчетъ общимъ обзоромъ движенія денежныхъ средствъ Музея въ 1914 г. (стр. 48).

Въ такомъ видѣ представлена „Лѣтопись" Музея за 1913 и 1914 гг.

Но намъ необходимо отмѣтить еще иллюстраціи, которыхъ въ „Лѣтописи" весьма много. Здѣсь читатель найдетъ рисунки, фотографич. снимки и планы съ археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ В. И. Гошкевичемъ, а также множество снимковъ съ поступившихъ въ Музей предметовъ. Всѣ эти иллюстраціи несомнѣнно очень оживляютъ, часто конкретизируютъ предложенный въ „Лѣтописи" матеріалъ.

Намъ остается разсмотрѣть 7 вып.

Это уже—не „лѣтопись". Это—изслѣдованіе, вышедшее, такъ сказать, изъ научной лабораторіи Херсонскаго Музея Древностей.

Какъ уже было выше сказано, въ 1913 г. В. И. Гошкевичъ обслѣдовалъ оконечность косы, отдѣляющей Сосицкій лиманъ отъ Березанскаго. Результатомъ этого изслѣдованія собственно и является его статья въ 52 т. „Записокъ Одесск. Общества Исторіи и Древн." подъ заглавіемъ: „Гдѣ былъ древній Одессъ?", составившая разбираемый нами выпускъ 7-й Херсонскаго музея.

Авторъ прежде всего пытается установить систему измѣреній Арріана въ его Περίπλους Εὐξείνου Πόντου, 31, для чего даетъ нѣкоторый матеріалъ анонимный составитель Перипла Понта Евксинскаго. Приступая затѣмъ къ отчисленію арріановскихъ 140 стадіевъ отъ Борисѳена, авторъ находитъ, что этимъ разстояніямъ соотвѣтствуютъ четыре прибрежныхъ мѣстности: „Одна находится на лѣвомъ берегу занесеннаго пескомъ устья Тилигульскаго лимана,

между хуторомъ Карабашъ и с. Коблево; другая—на лѣвомъ берегу Сосицко-Березанскаго лимана, гдѣ теперь с. Александро-Даръ и выше до деревни Холодной; третья—на выступѣ праваго берега того же лимана; четвертая—на мысѣ, раздѣляющемъ Сосицкій и Березанскій лиманъ (стр. 2)".

Три первыхъ мѣстности не дали при ихъ археологическомъ обслѣдованіи положительныхъ результатовъ, тогда какъ въ четвертомъ пунктѣ обнаружены слѣды городища площадью въ настоящее время въ $2^1/_2$ десатины, съ двойнымъ параллельнымъ огражденіемъ, при чемъ внутреннее ограждение состоитъ изъ каменной стѣны, теперь уже полуразобранной крестьянами. Обнаружены и слѣды каменныхъ построекъ. Все это вмѣстѣ взятое убѣждаетъ В. И. Гошкевича, что здѣсь именно и былъ древній Одессъ. Къ этому же клонитъ, по мнѣнію автора, и болѣе тщательный анализъ показанія объ Одессѣ Арріана, когда привести съ нимъ въ связь замѣчаніе Птолемея, Помпонія Мелы и Плинія Младшаго, а также соображенія Павла Беккера о значеніи Сосицко-Березанскаго лимана, гдѣ говорится: „Берега при устьѣ Березанскаго лимана, еще и теперь соединеннаго съ моремъ, представляютъ такое удобное мѣсто для поселеній, что нельзя не удивляться, какимъ образомъ греки, имѣя вблизи колоніи, не обратили особеннаго вниманія на эту страну". И Беккеръ не ошибся въ оцѣнкѣ мѣстности, но ошибся въ томъ, что упрекнулъ грековъ, будто они не обратили вниманія на эту мѣстность.

Считая теперь вопросъ о мѣстѣ древняго Одесса рѣшеннымъ, авторъ на стр. 5 пытается опредѣлить упомянутое у безыменнаго составителя Перипла поселеніе Σκόπελοι, и ставитъ себѣ одною изъ ближайшихъ задачъ „примирить разнорѣчіе между Периплами въ опредѣленіи пристани Исіаковъ, а также разыскать при устьѣ Малаго Аджалыкскаго лимана слѣды пристани Истріанъ" (стр. 6).

Къ изслѣдованію приложены планъ и карта.

Заканчивая бѣглый обзоръ трехъ выпусковъ Херсонскаго Городского Музея Древностей Херсонскаго края, нельзя, конечно, не отмѣтить трудолюбія хранителя музея, В. И. Гошкевича, благодаря которому Музей такъ быстро растетъ, и благодаря которому всѣ интересующіеся судьбами юга Россіи могутъ видѣть этотъ ростъ. Къ тому же отчеты В. И. Гошкевича, сообщая о рядѣ раскопокъ, даютъ много интереснаго и важнаго въ чисто-научномъ смыслѣ слова.

Нельзя также не отмѣтить, что въ послѣднее время Херсонскій Музей, благодаря Гошкевичу, пріобрѣлъ очень цѣнную коллекцію извѣстнаго И. К. С順учана, какъ видно изъ газеты „Родной Край" отъ 22-го и 23-го сентября 1916 года.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАДАЧИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ.

(Замѣтка).

I.

Что Россія нуждается въ широкомъ распространеніи просвѣщенія среди всѣхъ слоевъ населенія—это положеніе и при старомъ режимѣ сдѣлалось трюизмомъ, и если еще иногда повторялось, то исключительно вслѣдствіе того, что, несмотря на потоки краснорѣчія о необходимости просвѣщенія, льющіеся еще со времени, по крайней мѣрѣ, Ярослава Мудраго, населеніе въ своихъ массахъ оставалось коснѣть въ невѣжествѣ и даже безграмотности.

Великая русская революція требуетъ особаго вниманія къ дѣлу народнаго образованія. Свободный гражданинъ безъ просвѣщенія немыслимъ. Понятіе свободы одно изъ самыхъ высокихъ, доступныхъ человѣческому уму, и для усвоенія этого понятія необходимо умственное развитіе, извѣстный культурный уровень, извѣстная широта умственнаго горизонта.

На пути государственнаго развитія въ духѣ началъ свободы едва ли не самое важное препятствіе заключается именно въ недостаткѣ просвѣщенія. Почва же для народнаго просвѣщенія подготовлена войной. Русскій народъ переживаетъ одинъ изъ тѣхъ историческихъ моментовъ, когда, при соприкосновеніи съ болѣе культурными націями запада, въ народѣ особенно чувствуется сознаніе необходимости просвѣщенія, что, какъ извѣстно, выражается и въ просьбахъ солдатъ съ фронта своимъ женамъ заботиться объ образованіи дѣтей.

Земство, конечно, имѣло возможность давнымъ давно ввести всеобщее обученіе и, во всякомъ случаѣ, сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ сдѣлало. Но оно было представителемъ преимущественно помѣщичьихъ и землевладѣльческихъ интересовъ, а потому народное образованіе не всегда представлялось ему настоятельно необходимымъ. Такъ, были примѣры передачи земскихъ школъ вѣдомству православнаго исповѣданія. Даже въ настоящее время далеко не всѣ земства ввели въ своихъ уѣздахъ всеобщее обученіе. Есть земства и „земства"... Есть земства—не сочувствующія народному образованію

Городскія думы, особенно въ медвѣжьихъ углахъ, не лучше, если не хуже, въ этомъ отношеніи [1]).

Надежды на самоуправленія, что они успѣшнѣе представителей министерства народнаго просвѣщенія, будутъ руководить дѣломъ народнаго образованія, нуждаются въ мотивировкѣ. Исторія народнаго образованія въ Россіи свидѣтельствуетъ, что оно въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія находилось въ рукахъ самоуправленій, а именно, городскихъ думъ и приказовъ общественнаго призрѣнія; но школы тогда влачили жалкое существованіе.

Съ демократизаціей самоуправленій, безъ сомнѣнія, послѣднія будутъ проявлять бо́льшую заботу о народномъ образованіи. Но не слѣдуетъ забывать низкій общій уровень просвѣщенія въ народныхъ массахъ и нельзя ожидать, чтобы, при этомъ уровнѣ, представители народныхъ массъ могли руководить просвѣщеніемъ съ большимъ успѣхомъ, нежели представители интеллигенціи. Съ развитіемъ образованія въ народныхъ массахъ — дѣло другое. Тогда значеніе его будетъ понятнымъ для лицъ, стоящихъ во главѣ управленія каждаго уѣзда и волости. Чтобы заботиться о распространеніи образованія, нужно быть самому до извѣстной степени образованнымъ: „L' appétit vient en mangeant...".

Россія страдаетъ отъ недостатка школъ и невозможности, вслѣдствіе этого, распространенія образованія среди населенія. При такихъ обстоятельствахъ необходимо обратить главное вниманіе на открытіе возможно большого количества училищъ, доступныхъ дѣтямъ всѣхъ классовъ населенія.

[1]) Какъ иногда относятся крестьяне къ образованію, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ П. губерніи во время революціи, въ мартѣ или апрѣлѣ сего года, крестьяне уволили отъ должности волостныхъ старшинъ и постановили не выбирать на ихъ мѣста грамотныхъ: „довольно мы отъ грамотныхъ натерпѣлись..."

Образованіе народа—дѣло государственной важности. Поэтому нельзя предоставлять его исключительно заботамъ мѣстныхъ самоуправленій. Напротивъ, и центральная власть обязана принимать всѣ зависящія мѣры къ его развитію. Въ настоящее время не слѣдуетъ противопоставлять одно другому понятія: „правительство" и „самоуправленіе", такъ какъ правительство въ настоящее время должно являться выраженіемъ народной воли, и дѣятельность его представляетъ собою самоуправленіе. На развитіе народнаго образованія должны быть направлены усилія всего народа,—его воля, выражающаяся какъ въ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ самоуправленіяхъ, въ учрежденіяхъ какъ законодательныхъ, такъ и исполнительныхъ.

Для развитія народнаго образованія необходимы объединенныя усилія общества и правительства: въ такомъ сложномъ и великомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, требуются громадныя средства и значительныя усилія. Возлагая заботы о народномъ образованіи лишь на мѣстныя самоуправленія, а центральные органы управленія, освобождая отъ этихъ заботъ,—тѣмъ самымъ ослабляютъ борьбу съ народнымъ невѣжествомъ — едва ли не самымъ страшнымъ врагомъ Россіи.

Источниками содержанія учебныхъ заведеній также должны служить не только земскія, городскія и общественныя суммы, но и государственное казначейство.

Какъ бы велики ни были расходы на народное образованіе, необходимо не жалѣть средствъ на его развитіе. Тѣ милліарды, которые въ настоящее время приходится тратить на войну, можетъ быть, сохранились бы въ рессурсахъ казны, если бы ранѣе болѣе щедро расходовались средства на народное образованіе. Если бы Россія была страною болѣе культурною, чѣмъ она есть въ настоящее время, вѣроятно, Германія не осмѣлилась бы напасть на нее.

Начальное образованіе должно быть обязательнымъ. Недопустимо, чтобы въ республикѣ XX-го вѣка,—чѣмъ, какъ слѣдуетъ ожидать, въ недалекомъ будущемъ станетъ Россія,—могли быть безграмотные. Среднее же и высшее образованіе должно быть общедоступнымъ. Это представляется необходимымъ, съ одной стороны, въ виду важнаго государственнаго значенія образованія, а съ другой стороны, въ виду того, что каждый гражданинъ имѣетъ естественное право на полученіе образованія, на пріобщеніе къ общемировой культурѣ.

Если матеріальныя блага могутъ быть собственностью отдѣльныхъ лицъ, то сокровища культуры и искусства должны быть до-

ступными, по возможности, всѣмъ гражданамъ безъ исключенія. Увеличивая производительность труда и, въ зависимости отъ этого, народное богатство, образованіе въ то же время объединяетъ гражданъ; наука, можно сказать, роднитъ людей. Вообще образованіе является основаніемъ общественнаго благополучія и государственной мощи и должно быть національнымъ, т. е. одинаково доступнымъ для всего народа, безъ различія классовъ, званія, состояній [1]).

Поэтому первой задачей народнаго образованія является его демократизація. Министерство графа П. Н. Игнатьева, поставивъ своимъ лозунгомъ обновленіе школы, далеко стояло отъ интересовъ народныхъ массъ. Графъ П. Н. Игнатьевъ, и будучи министромъ, конечно, оставался графомъ: главной заботой его было облегчить прохожденіе курса средней школы, гдѣ обучаются преимущественно дѣти состоятельныхъ родителей, освободивъ ее отъ излишняго баласта въ учебномъ матеріалѣ и мертвящаго формализма.

Однако Россія страдаетъ не столько отъ того, что плохи въ ней школы, сколько отъ недостатка школъ. Жалобы на неудовлетворительную постановку учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ всегда были и будутъ, и не только въ Россіи, но и въ государствахъ Западной Европы, гдѣ учебныя заведенія едва ли значительно лучше русскихъ.

Народное образованіе, являясь дѣломъ живымъ, органически развивающимся, не можетъ быть ограничено какими либо одними учебными заведеніями; напримѣръ, нельзя думать, что достаточно для народнаго образованія сдѣлать общедоступными лишь низшія учебныя заведенія. Народное образованіе есть нѣчто субъективное,—при чемъ субъектомъ является народъ,—и эволюція народнаго образованія должна соотвѣтствовать потребностямъ и запросамъ населенія. Если въ настоящее время въ Россіи до нѣкоторой степени достигается общедоступность начальной школы, то это обстоятельство является основаніемъ какъ для введенія обязательности обученія, такъ и для организаціи общедоступности болѣе высшаго, сравнительно съ начальной школой, образованія, общаго и техническаго. Средняя школа, являющаяся слѣдующей за низшей ступенью, должна быть прибли-

[1]) Въ министерство графа Игнатьева много говорили и писали о „національной“ школѣ, по разумѣли, кажется, большею частью школу націоналистическую, т. е. такую, въ которой внушалось бы воспитаннику предпочтеніе всему русскому передъ нерусскимъ, подобно тому, какъ въ Германіи принципомъ воспитанія служитъ: „Deutschland, Deutschland über alles“, или то, что называется шовинизмомъ.

жена къ населенію; въ нее долженъ быть, по возможности, облегченъ доступъ для воспитанниковъ начальныхъ и высшихъ начальныхъ училищъ. Въ этихъ видахъ необходимо сдѣлать обученіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или безплатнымъ или почти безплатнымъ. Плата за обученіе въ настоящее время 75—100 р. въ годъ—представляется непосильною не только для крестьянина, но и для сельскаго священника, мелкаго чиновника, народнаго учителя. Необходимо, съ другой стороны, облегчить содержаніе воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній устройствомъ при послѣднихъ общежитій или общихъ ученическихъ квартиръ.

Въ уѣздахъ, гдѣ земство крестьянское, напримѣръ, въ восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи, уже выработался типъ среднихъ учебныхъ заведеній для контингента учащихся изъ крестьянскаго населенія.

Въ уѣздныхъ городахъ Вологодской губерніи: Никольскѣ, Тотьмѣ, Великомъ-Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Устьсысольскѣ имѣются, кромѣ начальныхъ училищъ, высшія начальныя училища, среднія учебныя заведенія, ремесленныя школы (кромѣ Никольска, гдѣ, однако, предполагается открытіе такой школы въ текущемъ году), учительскія семинаріи (кромѣ Сольвычегодска). И контингентъ учащихся во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ почти исключительно крестьяне. Такимъ образомъ, названные уѣзды Вологодской губерніи до нѣкоторой степени указываютъ то направленіе, по которому должно развиваться въ Россіи народное образованіе при дѣятельномъ участіи мѣстныхъ самоуправленій. Слѣдуетъ стремиться, чтобы вся Россія въ возможно непродолжительномъ времени получила достаточное число учебныхъ заведеній повышеннаго, сравнительно съ начальной школою, типа, а въ частности и среднихъ учебныхъ заведеній [1]).

Открытіе въ каждомъ уѣздномъ городѣ среднихъ учебныхъ заведеній вызоветъ, конечно, и соотвѣтствующее увеличеніе числа высшихъ учебныхъ заведеній, которыя, можетъ быть, окажется необхо-

---

[1]) Въ „Объяснительной запискѣ къ смѣтѣ расходовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по Деп. Народнаго Просвѣщенія на 1917 годъ“ читаемъ: „Общее количество полноправныхъ мужскихъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній достигло къ іюлю 1916 года 829, изъ нихъ 495 гимназій, 29 прогимназій и 305 реальныхъ училищъ. Число это далеко недостаточно (конечно!) для 180-милліоннаго населенія Имперіи. Одно мужское среднее учебное заведеніе приходится на двѣсти тысячъ мужского населенія, а въ нѣкоторыхъ обширныхъ по своей территоріи губерніяхъ одно среднее учебное заведеніе должно обслуживать и большее количество населенія“ (стр. 49).

димымъ открыть почти въ каждомъ губернскомъ городѣ. Высшія же начальныя училища, вѣроятно, слѣдуетъ открыть въ каждой волости. Для планомѣрнаго развитія народнаго образованія необходимы школьныя сѣти какъ профессіональныхъ такъ и общихъ учебныхъ заведеній, низшихъ и среднихъ, подобныя тѣмъ, которыя составляются теперь при введеніи всеобщаго обученія.

Внѣшкольное образованіе, т. е. курсы, вечернія занятія для ремесленниковъ, народныя чтенія, народный театръ, библіотеки и т. п. служатъ необходимымъ дополненіемъ школы и необходимою частью народнаго образованія. Однако было бы громадной ошибкой думать, что школы могутъ быть замѣнены внѣшкольнымъ образованіемъ. Заботы о внѣшкольномъ образованіи не должны отвлекать отъ устройства школъ. Только правильно организованная школа можетъ быть признана вѣрнымъ средствомъ просвѣщенія народныхъ массъ. Само внѣшкольное образованіе предполагаетъ существованіе уже школъ для подготовки учителей по внѣшкольному образованію и слушателей, настолько развитыхъ, чтобы съ успѣхомъ заниматься на курсахъ, съ пользою быть въ народномъ театрѣ и т. д.

Дѣтскіе сады, или пріюты, обыкновенно относимые къ внѣшкольному образованію или дошкольному, должны быть включены въ систему школьнаго образованія, какъ это, напримѣръ, мы видимъ во Франціи, гдѣ они извѣстны подъ именемъ материнскихъ школъ. Дѣтскіе сады, или пріюты въ Россіи особенно необходимы, въ виду громадной дѣтской смертности и отсутствія въ крестьянскихъ массахъ знаній по воспитанію малолѣтнихъ дѣтей. Необходимы еще и потому, что курсъ одногодичной школы очень кратокъ, пріюты же или дѣтскіе сады увеличиваютъ возможность воспитательнаго воздѣйствія на дѣтей, обогащая ихъ запасомъ полезныхъ свѣдѣній и навыковъ.

II.

Что касается улучшенія организаціи школъ и учебно-воспитательной части въ нихъ, то, направляя къ этому свои старанія, нельзя обольщаться мыслью о возможности создать идеальную школу, такъ какъ ничего идеальнаго нѣтъ и быть не можетъ; идеальное—это то лучшее, которое всегда останется врагомъ существующаго хорошаго.

Въ управленіи просвѣщеніемъ въ такомъ громадномъ государствѣ, какъ Россія, должна быть проведена возможно большая децентрализація. Ни одинъ министръ, какъ бы онъ ни былъ талант-

ливъ и опытенъ, не въ силахъ руководить просвѣщеніемъ въ многоразличныхъ его видахъ; онъ въ состояніи давать лишь общее направленіе, соотвѣтственно потребностямъ государства и духу времени. Не объ уничтоженіи, такимъ образомъ, учебныхъ округовъ должна идти рѣчь, но о коренномъ преобразованіи ихъ, въ видахъ децентрализаціи, которая должна идти и далѣе, т. е. къ передачѣ большинства дѣлъ изъ управленія округа губернскимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, совѣтамъ попечительнымъ и педагогическимъ и т. п. Въ настоящее время, какъ извѣстно, центральныя и учебно-окружныя управленія завалены непосильной работой, лишающей ихъ часто возможности брать на себя иниціативу въ дѣлѣ развитія народнаго просвѣщенія и часто вызывающей такъ называемую „канцелярскую волокиту".

Выборное начало, обыкновенно лежащее въ основѣ общественныхъ организацій, въ школѣ примѣнимо (напр., при назначеніи преподавателей, директоровъ, инспекторовъ и т. д.), но должно быть примѣняемо съ осторожностью. Въ дѣлѣ образованія нельзя предоставлять рѣшающую роль большинству, стоящему ниже въ отношеніи образованія сравнительно съ болѣе культурнымъ меньшинствомъ. Поэтому, напр., было бы несообразностью предоставленіе воспитанникамъ права избранія преподавателей.

Конечно, при выборномъ началѣ не можетъ быть того безграничнаго произвола, который обыкновенно царитъ при назначеніяхъ, зависящихъ отъ единоличной власти. Неудачный подборъ лицъ для занятія учебно-административныхъ должностей объясняется, въ значительной степени, произволомъ начальства при назначеніи и „протекціей", доходившей въ послѣднее время до Геркулесовыхъ столбовъ. Казалось, руководились принципомъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше". Рекомендовали не только сановники и представители бюрократіи, но и народные представители законодательныхъ учрежденій. Лучшія мѣста были, такъ сказать, забронированы, и доступъ къ нимъ открывался лишь путемъ рекомендаціи. Мнѣ самому пришлось слышать отъ одного попечителя учебнаго округа въ отвѣтъ на замѣчаніе о недостаточномъ образовательномъ цензѣ кандидата на должность инспектора народныхъ училищъ, имѣющаго лишь званіе начальнаго учителя, такой отвѣтъ: „Но его рекомендуетъ командующій флотомъ. Если N (этотъ командующій) можетъ командовать флотомъ, то выбрать какого либо инспектора народныхъ училищъ сумѣетъ".

Однимъ изъ министровъ не такъ давно было препровождено въ

управленіе Петроградскаго учебнаго округа прошеніе на имя статсъ-дамы о предоставленіи должности по учебному вѣдомству съ предложеніемъ министерства исполнить это ходатайство, адресованное статсъ-дамѣ, при чемъ препровождено было и само это прошеніе въ подлинникѣ.

При выборномъ началѣ, конечно, нужно ожидать, будетъ меньше злоупотребленій рекомендаціями; однако и при этомъ началѣ необходимо принять всѣ возможныя мѣры противъ такъ называемаго „кумовства“, особенно развитого въ глухой провинціи, гдѣ иногда чуть не вся мѣстная администрація носитъ одну фамилію. Въ провинціальныхъ городахъ, при недостаткѣ интеллигентныхъ силъ, окажется гораздо легче достигнуть желательной должности мѣстному человѣку, пользуясь личнымъ знакомствомъ, нежели болѣе достойному, по образованію и способностямъ, кандидату, не имѣющему этихъ знакомствъ. Изъ культурныхъ центровъ труднѣе будетъ проникнуть въ медвѣжьи углы людямъ иногороднимъ, являющимся обыкновенно просвѣтителями этихъ угловъ, для которыхъ, такимъ образомъ, открывается перспектива дольше коснѣть въ исконномъ невѣжествѣ.

Вообще, избиратели при выборахъ далеко не всегда имѣютъ въ виду пользу дѣла, „пользу службы“, но руководствуются иногда личными симпатіями и собственными или партійными обывательскими интересами.

Выборное начало въ школѣ не является чѣмъ либо безусловно новымъ въ исторіи русскаго образованія. Въ духовной школѣ, которая значительно старше школы свѣтской и изъ которой въ XVIII—XIX вѣкѣ выдѣлилась эта послѣдняя, выборное начало во II половинѣ XIX вѣка уже примѣнялось: педагогическіе совѣты выбирали преподавателей, ректоровъ духовныхъ семинарій и смотрителей духовныхъ училищъ. Но въ той же половинѣ XIX вѣка выборное начало здѣсь было отмѣнено.

Необходимо, чтобы выборы были поставлены въ такія условія, которыя представляли бы возможность замѣщать должность наиболѣе достойнымъ по своимъ способностямъ, образовательному цензу и опытности кандидатомъ.

Такъ какъ, согласно признанному въ современной педагогикѣ положенію, учитель—душа школы, то, конечно, для улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла должно быть обращено особое вниманіе на подготовку преподавателей. При Екатеринѣ II правительство, при-

ступивъ къ дѣлу народнаго образованія, прежде всего занялось подготовкой учителей; но затѣмъ, къ сожалѣнію, какъ будто недостаточно вниманія обращало на эту подготовку.

Впрочемъ, вопросъ о преподавателяхъ въ настоящее время имѣетъ различное значеніе для низшей и средней школы. Если обратить вниманіе на исторію русской школы, то въ ней можно найти ясныя свидѣтельства въ пользу положенія, что подготовка преподавателей является необходимымъ условіемъ удовлетворительной постановки учебно-воспитательной части въ учебномъ заведеніи. До половины XIX вѣка изъ всѣхъ учебныхъ заведеній самыми худшими въ этомъ отношеніи признавались, какъ учебнымъ начальствомъ, такъ и обществомъ, низшія, приходскія и уѣздныя, училища. Послѣднія въ теченіе полувѣка ихъ существованія (со времени Екатерины II) подвергались неоднократно реформированію (въ 1804 г., въ 1819, 1828 г. и т. д.),—въ большинствѣ случаевъ реформа касалась программъ,—тѣмъ не менѣе они продолжали вызывать къ себѣ отрицательное отношеніе со стороны населенія. Нѣкоторыя закрывались по недостатку учащихся. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія даже возникла мысль о закрытіи уѣздныхъ училищъ или о преобразованіи ихъ въ двухклассныя министерскія. Въ настоящее же время, по общему признанію, учебно-воспитательная часть въ народныхъ и особенно высшихъ начальныхъ училищахъ стоитъ гораздо выше, нежели въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Чѣмъ объяснить подобную перемѣну въ оцѣнкѣ общественнымъ мнѣніемъ сравнительнаго достоинства народной школы и среднихъ учебныхъ заведеній? Существеннымъ измѣненіемъ въ жизни народной школы, т. е. начальныхъ училищъ и высшихъ начальныхъ (ранѣе уѣздныхъ и городскихъ), имѣвшимъ мѣсто во второй половинѣ XIX вѣка, тогда была сознана необходимость спеціальной подготовки учителей для этихъ школъ и были основаны учительскія семинаріи и институты. Такимъ образомъ, съ тѣхъ поръ въ начальныхъ и высшихъ начальныхъ училищахъ значительный % учащихъ имѣетъ спеціальную подготовку. Съ тѣхъ поръ, разумѣется, и постановка учебно-воспитательнаго дѣла въ названныхъ училищахъ, а соотвѣтственно этому и отношеніе къ нимъ общества радикально измѣнилось къ лучшему. Между тѣмъ вопросъ о подготовкѣ преподавателей средней школы не можетъ быть признанъ разрѣшеннымъ и до настоящаго времени. Не говоря уже о техникѣ или пріемахъ преподаванія, съ которыми знакомятся воспитанники учительскихъ семинарій и институтовъ,

они, во всякомъ случаѣ, являются вполнѣ освѣдомленными въ преподаваемыхъ ими предметахъ, что, къ сожалѣнію, не всегда можно сказать о преподавателяхъ средней школы.

Нельзя полагать, что необходимо, по возможности, уменьшить количество труда для воспитанниковъ въ школѣ; напротивъ, пріученіе къ труду,—конечно, цѣлесообразному, разумному и здоровому,—является первою задачею школы. Демократическая школа не для „маменькиныхъ сынковъ". Школа должна пріучать воспитанниковъ не только къ умственному, но и къ физическому труду, способствующему укрѣпленію и правильному развитію юнаго организма. Трудовой принципъ, въ смыслѣ примѣненія физическаго труда въ школѣ, долженъ получить широкое приложеніе въ дѣлѣ школьнаго воспитанія.

При нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ съ демократическимъ контингентомъ учащихся существуютъ (напр., при Сольвычегодской женской гимназіи) общежитія, гдѣ сами учащіеся садятъ и убираютъ овощи, ушатами носятъ воду, моютъ полы, готовятъ кушанье и т. п., и это значительно сокращаетъ расходы на ихъ содержаніе въ учебномъ заведеніи. Такимъ образомъ, примѣненіе трудового принципа, являясь полезнымъ въ воспитательномъ отношеніи, облегчитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшеніе вопроса о средствахъ содержанія въ учебныхъ заведеніяхъ высшаго, сравнительно съ начальною школою, типа.

Что касается программъ, съ чего нерѣдко начинаютъ реформировать школу, то онѣ, представляя собою, такъ сказать, канву преподаванія, примѣрный перечень учебнаго матеріала, полезнаго для воспитанія и обученія, конечно, имѣютъ второстепенное или даже третьестепенное значеніе. Для способнаго и знающаго преподавателя программа почти излишня: онъ сообщитъ воспитанникамъ, безъ сомнѣнія, наиболѣе важныя для нихъ свѣдѣнія, такъ какъ можетъ оріентироваться въ наукѣ и оцѣнить сравнительную важность ея отдѣльныхъ частей. А для несвѣдущаго, малоспособнаго преподавателя самая лучшая программа не въ состояніи возмѣстить недостатокъ его знаній и едва ли поможетъ ему разобраться въ массѣ учебнаго матеріала. Высшія начальныя училища, преобразованныя въ 1912 г. изъ городскихъ, со времени преобразованія до второй половины 1916 г. программъ не имѣли и въ теченіе этого періода пользовались программами училищъ городскихъ, что, однако, не представляло особыхъ затрудненій, вслѣдствіе спеціальной подготовки учебнаго персонала.

Постановка учебнаго дѣла въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нуждается прежде всего въ уменьшеніи мнемоническаго матеріала, усиленіи самодѣятельности учащихся и развитія въ нихъ полезныхъ навыковъ.

Въ настоящее время почти вся работа преподавателя сводится къ сообщенію, а воспитанника—къ усвоенію знаній; развитіе же интеллекта, путемъ планомѣрной, вызывающей самодѣятельность работы, отодвигается на задній планъ. Этотъ недостатокъ въ постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла также въ значительной степени обусловливается недостаточной подготовкой преподавателей, которые сами не въ силахъ надлежащимъ образомъ разобраться въ массѣ преподаваемаго ими учебнаго матеріала.

Способъ преподаванія долженъ быть опредѣляемъ не законодательствомъ и циркулярами, а тѣми положеніями, которыя въ данный моментъ признаются безспорными въ педагогикѣ и методикахъ, развитіе которыхъ, конечно, всегда будетъ идти впередъ, и министерскія, а равно и учебно-окружныя канцеляріи не въ состояніи быть руководителями въ этомъ направленіи; наоборотъ, сами онѣ должны прислушиваться къ каждому новому слову педагогики и методикъ. Министерство народнаго просвѣщенія и учебно-окружныя начальства не ученыя учрежденія и не учебныя заведенія, имѣющія цѣлью научную разработку вопросовъ, но административныя учрежденія, всемѣрно содѣйствующія просвѣщенію народныхъ массъ, открытію и свободной, правильной работѣ учебныхъ заведеній и ученыхъ учрежденій.

Зато направленіе, общій, такъ сказать, духъ преподаванія и воспитанія должны быть опредѣляемы государственною властью, въ зависимости отъ потребностей общества и государства. Выясненіе этихъ потребностей въ данный моментъ, когда происходитъ перестройка государства на новыхъ началахъ, одна изъ очередныхъ задачъ министерства народнаго просвѣщенія. „Не вливаютъ новаго вина въ старые мѣхи“; нельзя при совершенно измѣнившихся началахъ общественнаго строя оставить старыя начала народнаго образованія. Необходимо политическое воспитаніе.

Еще въ 1907—1908 г. я писалъ: „Нельзя же вѣрить во всемогущую силу законовъ, полагая, что достаточно только ввести хорошіе законы, и общественное зло будетъ уничтожено и наступитъ всеобщее счастье. Было бы легко, въ такомъ случаѣ, разрѣшить вѣчныя проблемы, надъ которыми тщетно, въ продолженіе многихъ

вѣковъ, трудится человѣческая мысль. Между государственнымъ строемъ, съ одной стороны, и нравственнымъ укладомъ народа и ростомъ его политическаго міросозерцанія, съ другой, должно быть строгое соотвѣтствіе, гармонія. Наилучшіе сами по себѣ законы не достигаютъ своей цѣли иногда только потому, что встрѣчаютъ препятствіе въ невѣжествѣ народа, въ непониманіи ихъ со стороны послѣдняго. Задача государственныхъ реформъ заключается, конечно, не во внѣшнемъ только измѣненіи государственнаго строя и порядковъ, не въ простой, такъ сказать, перестановкѣ общественныхъ элементовъ, но равнымъ образомъ и въ политическомъ воспитаніи народа для примѣненія къ новому строю его понятій и отношеній, въ измѣненіи общественныхъ элементовъ *въ нихъ самихъ*" (Обществовѣдѣніе въ начальной школѣ. С.-Пб. 1908 г. [1]), стр. 4—5).

„Народы, — говоритъ О. Контъ, — не понимали великаго труда соціальной организаціи, потому что разсматривали существенно теоретическое предпріятіе, какъ чисто практическое"; „на всѣ разсужденія объ учрежденіяхъ я смотрю какъ на чистыя глупости (comme de pures niaiseries), до тѣхъ поръ, пока не будетъ выполнена или, по крайней мѣрѣ, значительно не подвинется впередъ духовная реорганизація общества" („Plan des travaux nécessaires pour réorganiser le société, ср. „Système de politique positive", у Delvaille, „La vie sociale et l'éducation". Paris. 1907; p. 44).

Если въ государствѣ власть принадлежитъ народу, то механизмъ,—если можно такъ выразиться,—управляющій государствомъ,

[1]) Первоначально напечатано въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1907 г. О необходимости политическаго воспитанія я писалъ также въ „Русской Школѣ" за 1909 г., въ ст. „Декларація правъ человѣка и гражданина во французской начальной школѣ", говорилъ въ докладѣ на второмъ всероссійскомъ съѣздѣ по педагогической психологіи въ 1909 г. (см. труды съѣзда и мою брошюру „О подготовкѣ народныхъ учителей". С.-Пб. 1910 г.). Но тогда это мое мнѣніе представлялось почти „голосомъ вопіющаго въ пустынѣ"... Современныя же событія, повидимому, краснорѣчивѣе моихъ брошюръ и докладовъ начинаютъ убѣждать общество въ необходимости распространенія политическаго образованія въ народѣ. Такъ въ ст. „Культурная бѣдность" („Русская Воля" за 26-е апрѣля сего года) проф. Б. Титлиновъ пишетъ: „На дѣвственной русской почвѣ новые политическіе принципы безъ надлежащаго приготовленія могутъ дать самые неожиданные всходы. Здѣсь дѣло не въ партійной пропагандѣ, а въ элементарныхъ политическихъ знаніяхъ, безъ которыхъ нельзя разобраться ни въ какой пропагандѣ. Ни минуты не теряя, надо въ широкихъ размѣрахъ начать" (давно пора!) „въ деревнѣ просвѣтительную работу здоровую и разумную, а не узко-партійную"...

слагается изъ громаднаго множества личныхъ сознаній, расположеній, настроеній,—подобно тому, какъ физическія тѣла составляются изъ атомовъ и молекулъ,—въ виду чего не представляется ли настоятельно необходимымъ распространеніе свѣта политическихъ знаній въ народныхъ массахъ, чтобы сорганизовать послѣднія, объединивъ отдѣльные индивидуумы идеей государственныхъ нуждъ и цѣлей, для общей дружной работы въ государственномъ управленіи?

Для ознакомленія населенія съ правами и обязанностями гражданина во Франціи и Италіи въ начальныхъ школахъ преподается— „гражданская мораль“ или обществовѣдѣніе.

Разъясненіе основныхъ принциповъ новаго государственнаго строя, какъ то: о неприкосновенности личности, свободѣ совѣсти, печати и т. д. — представляется настоятельно необходимымъ. Для ознакомленія взрослаго крестьянскаго населенія съ этими принципами, казалось бы, слѣдуетъ организовать на мѣстахъ рядъ чтеній, курсовъ. Подобныя чтенія можно было бы устраивать въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ также слѣдуетъ вести политическое обученіе и воспитаніе или на особыхъ урокахъ или же на урокахъ исторіи, географіи, русскаго языка.

Передъ открытіемъ учредительнаго собранія, которое должно рѣшить будущую форму правленія и государственнаго строя Россіи и, въ зависимости отъ этого, дальнѣйшую судьбу ея, — въ настоящее время необходимо мобилизовать интеллигентныя и педагогическія силы для политическаго образованія народныхъ массъ. Министерство народнаго просвѣщенія, конечно, должно понять эту настоятельную потребность народа и удовлетвореніе ея признать своею главнѣйшею, священнѣйшею обязанностью.

Если учительскіе союзы и общества недостаточно настойчиво и опредѣленно указываютъ на эту задачу народнаго образованія,—то это понятно: они преслѣдуютъ преимущественно профессіональныя цѣли. Министерство народнаго просвѣщенія, напротивъ, должно преслѣдовать, главнымъ образомъ, цѣли общегосударственныя, общенародныя.

Россію необходимо въ настоящее время превратить въ одну громадную аудиторію, гдѣ бы народныя массы знакомились съ значеніемъ совершившагося великаго историческаго переворота и съ принципами правового государственнаго строя. Профессора, преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, народные учителя должны быть лекторами въ этой аудиторіи, — конечно, послѣ пред-

варительной, солидной къ тому подготовки. Министерство народнаго просвѣщенія, учебно-окружныя начальства, училищные и педагогическіе совѣты, учительскіе союзы и общества должны теперь же, спѣшно заняться организаціей такой подготовки и устройствомъ курсовъ, лекцій, чтеній по вызываемымъ настоящимъ историческимъ моментомъ политическимъ вопросамъ.

„Въ народъ!"—съ такимъ призывомъ должно обратиться къ педагогическому персоналу и интеллигенціи въ данный моментъ министерство народнаго просвѣщенія и все временное правительство.

Въ первый день созданія вселенной Божественный Разумъ (Логосъ) сотворилъ свѣтъ, какъ необходимое условіе ея развитія и процвѣтанія: подобно этому и въ первые дни существованія свободной Россіи въ каждомъ ея гражданинѣ долженъ звучать голосъ совѣсти—голосъ Божій: „Да будетъ свѣтъ!"

Нельзя допустить, чтобы свободная Россія продолжала оставаться „темною". И развѣ возможно правильное пониманіе свободы и пользованіе ею при безпросвѣтной тьмѣ народнаго невѣжества?!

М. И. Успенскій.

СУДЪ И ОСУЖДЕНІЕ.

Человѣкъ это канатъ, протянутый надъ пропастью. Опасно прохожденіе, опасенъ путь, опасенъ взоръ, обращенный назадъ, опасны страхъ и остановка.

„Такъ говорилъ Заратустра".

I.

Судъ есть оцѣнка нравственнаго достоинства человѣка, достоинство же можетъ быть только у свободнаго, а не у раба. Тотъ, кто принужденъ склоняться подъ гнетомъ навязанной ему необходимости, — не имѣетъ собственнаго достоинства и не подлежитъ суду. Подчиненіе всегда унизительно, если оно не добровольно и подчиненіе человѣка природной необходимости унижаетъ человѣка, потому что онъ безсиленъ передъ нею. Сохранить свое достоинство человѣкъ можетъ только противопоставивъ своей природѣ добровольно признанный законъ, который есть законъ моральный. Если, не признавая этого закона свободы, онъ попробуетъ просто „заявлять своеволіе" передъ лицомъ закона необходимости, то это будетъ только безсильнымъ и унизительнымъ бунтомъ раба, бунтомъ, который природа подавитъ силой, или купитъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ и тотъ лучъ свободы, который мы можемъ уловить въ нравственномъ мірѣ человѣка, является ему въ формѣ закона, т. е. непреложнаго и обязательнаго, если онъ хочетъ сохранить свое достоинство, требованія. Моральный законъ есть нравственный аршинъ—мѣра достоинства—постоянная величина, которая служитъ для измѣренія величинъ непостоянныхъ, какими являются сложные и трудно уловимые мотивы человѣческаго поведенія. А такъ какъ иной мѣры достоинства у насъ нѣтъ, то и въ Бога мы можемъ вѣровать только, если онъ является носителемъ моральнаго закона. Поэтому религіозная мораль не можетъ быть иною, чѣмъ мірская.

Безусловное требованіе моральнаго закона есть требованіе закономѣрности нашихъ побужденій и поступковъ. Мы должны жить такъ, чтобы моя воля не составляла для меня исключенія, нарушающаго міропорядокъ и не принимающаго во вниманіе всего того, что, какъ и она, живетъ и желаетъ, а чтобы она и себя и другихъ подчиняла закону, такому же вселенскому, какъ законъ природы, но исходящему отъ нея самой. Моральное требованіе закономѣрности на столько формально, что всѣ попытки вывести изъ него болѣе опредѣленныя правила поведенія всегда кончались и должны были кончаться полною неудачей. Это особенно ясно на примѣрѣ Канта, впервые открывшаго автономный характеръ моральнаго закона. Всякій разъ когда онъ устанавливалъ хотя бы самое общее, но опредѣленное правило поведенія, онъ бралъ его откуда-то со стороны, а вовсе не выводилъ изъ требованія закономѣрности вообще. Напримѣръ, Кантово правило „никогда не дѣлай личность средствомъ, а пусть она всегда будетъ цѣлью“ — не можетъ быть всеобщимъ закономъ потому, что понятіе личности не имѣетъ опредѣленныхъ границъ и не вытекаетъ изъ моральнаго закона. Можно ли включить сюда личность животнаго и на какой ступени развитія оно дорастаетъ до личности? И всякій ли человѣкъ доросъ до личности?—На эти вопросы не можетъ быть точнаго отвѣта. Кромѣ того это правило дѣлаетъ безнравственнымъ всякое самопожертвованіе, потому что, жертвуя собою, я дѣлаю свою личность средствомъ. Да и самое подчиненіе личности моральному закону дѣлаетъ ее какъ бы средствомъ торжества этого закона.

Итакъ изъ моральнаго требованія закономѣрности нельзя *вывести* опредѣленныхъ правилъ поведенія, но ему можно *подчинить* поведеніе, а для того, чтобы такое подчиненіе стало возможнымъ, должны быть соблюдены нѣкоторыя условія. Условіями этими являются такъ называемыя добродѣтели. Онѣ составляютъ именно только условія, дѣлающія возможной моральную жизнь и подчиненіе нравственному долгу, а внѣ этого подчиненія сами по себѣ никакого моральнаго значенія не имѣютъ. Первой и главной изъ этихъ добродѣтелей, безъ которой вовсе невозможна никакая мораль, является правдивость. Если человѣкъ не чувствуетъ себя принадлежащимъ къ моральному міру, подчиняющему людей закону свободы, то его правдивость не имѣетъ никакого моральнаго значенія. Будучи правдивымъ, онъ можетъ быть порочнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, и тогда его правдивость будетъ называться цинизмомъ. Моральное значеніе правди-

вость пріобрѣтаетъ тогда, когда она исходитъ изъ пониманія, что ложь разрушаетъ самую возможность какой бы то ни было закономѣрности, какихъ бы то ни было моральныхъ отношеній. Можно быть правдивымъ и недостойнымъ, но нельзя быть нравственно достойнымъ и лживымъ. Требованіе правдивости есть не что иное, какъ требованіе серьезности моральныхъ отношеній. Оно такъ же не предрѣшаетъ характера этихъ отношеній и такъ же формально, какъ самое требованіе закономѣрности, условіемъ подчиненія которому оно является. Остальныя добродѣтели—ихъ можно насчитать больше или меньше—не имѣютъ такого формальнаго и такого рѣшающаго значенія. Онѣ являются не столько правилами поведенія, сколько свойствами характера, освобождающими человѣка отъ рабства природы и потому дѣлающими его *вмѣняемымъ*, т. е. подлежащимъ суду. Такъ напримѣръ, мужество и воздержность — двѣ изъ четырехъ античныхъ добродѣтелей — могутъ сдѣлать человѣка стойкимъ въ борьбѣ за нравственныя цѣнности, тогда какъ слабый и невоздержанный человѣкъ весь находится во власти природы, и часто нѣтъ никакой возможности отличить его отъ самаго низкаго негодяя. Но и мужество и воздержность сами по себѣ, если они не служатъ моральнымъ цѣлямъ, вовсе не имѣютъ моральной цѣнности. Можно быть мужественнымъ злодѣемъ и воздержнымъ скупцомъ, и отъ этого ничего не выиграетъ нравственное достоинство. Третью изъ античныхъ добродѣтелей — мудрость—мы теперь вовсе не признаемъ за добродѣтель, потому что она царица разума, а не воли, отъ которой нисколько не зависитъ и, наконецъ, четвертую—справедливость—приходится выдѣлить по особому мѣсту, принадлежащему ей въ нравственномъ мірѣ.

Справедливость есть не что иное, какъ самое моральное требованіе закономѣрности, воплощенное по мѣрѣ возможности въ мірскихъ отношеніяхъ и переведенное на мірской языкъ. Но на сколько требованіе закономѣрности безусловно, на столько условный характеръ носитъ его воплощеніе въ справедливости. Справедливо ли, чтобы всѣ получали поровну, или чтобы каждый получалъ по заслугамъ? Справедливо ли „отнять у дѣтей и бросить псамъ“? — на эти вопросы можно отвѣчать различно, но все дѣло въ томъ, чтобы на нихъ отвѣчать *единообразно*. Это условное единообразіе, играющее роль безусловной закономѣрности, создаетъ рядъ условныхъ же правилъ, замѣняющихъ безусловный законъ. Моральный законъ, потерявшій свой безусловный характеръ, обращается въ законъ юридическій.

Пока мы имѣемъ дѣло съ чистой моралью, внѣ всякаго ея отно-

шенія къ религіи, единственной мѣрой, при помощи которой мы можемъ оцѣнивать нравственное достоинство человѣка, является законъ юридическій. Этика отличаетъ моральный поступокъ отъ легальнаго, т. е. поступокъ, совершонный изъ безкорыстнаго уваженія къ моральному закону отъ поступка только случайно или изъ расчета не нарушившаго этотъ законъ. То же самое различеніе примѣнимо и относительно юридическаго закона, потому что послѣдній такъ же взвѣшиваетъ мотивы поступка какъ и первый и на судѣ всегда принимаетъ ихъ во вниманіе. Съ другой стороны, если юридическій законъ, въ противоположность моральному, прибѣгаетъ къ принудительнымъ мѣрамъ воздѣйствія, то въ сознаніи людей онъ, въ то же время, становится на мѣсто моральнаго закона и требуетъ такого же безкорыстнаго уваженія къ себѣ, какъ и послѣдній. Мало того, дѣло кончается тѣмъ, что условный юридическій законъ въ сознаніи нравственныхъ людей часто заслоняетъ собою безусловный законъ моральный и пользуется преимуществомъ передъ послѣднимъ. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, обманувшій жену или друга, т. е. нарушившій самое условіе возможности моральныхъ отношеній, можетъ, однако, смѣло войти въ любое общество, и мы крѣпко знаемъ, что намъ нѣтъ дѣла до личной нравственности нашего ближняго. Но человѣкъ, вытащившій двугривенный изъ кармана сосѣда, пострадавшаго отъ этого очень мало, неизбѣжно подвергается общему презрѣнію, хотя онъ погрѣшилъ только передъ юридическимъ установленіемъ частной собственности. И не только страхъ наказанія заставляетъ насъ подчиняться юридическому закону, а и безкорыстное уваженіе къ нему, замѣняющее уваженіе къ закону нравственному.

Тамъ, гдѣ есть законъ, тамъ есть и *судъ*, а гдѣ есть судъ, тамъ возможно и осужденіе. Юридическій, а слѣдовательно и воплощенный въ немъ моральный законъ не можетъ быть дѣйственнымъ безъ суда, который есть самый законъ въ его проявленіи. Судъ есть не только наше право, онъ есть наша нравственная обязанность. Мы не судимъ только, когда мы „къ добру и злу постыдно равнодушны". Меньше всего судилъ своего ближняго добродушный Фальстафъ, когда грѣшилъ съ нимъ за кружкою пива. И вовсе не нужно самому быть безъ грѣха, чтобы судить другого. Если я плохъ, мнѣ все же надо, чтобы ты былъ хорошъ, для того, чтобы уважать твое достоинство. Мѣра этого достоинства у насъ есть. Если справедливость, а не злоба и не пристрастіе царствуетъ въ нашихъ судахъ, то самъ Богъ не могъ бы судить по другому закону, чѣмъ нашъ законъ. Если же

мы все-таки допускаемъ, что Его приговоръ можетъ не сойтись съ нашимъ, то только потому, что Онъ обладаетъ недоступной намъ полнотою данныхъ и справедливость Ему яснѣе, чѣмъ намъ.

Итакъ вотъ схема, по которой моральный законъ дѣйствуетъ въ мірѣ. Безусловный моральный законъ, заключающійся въ формальномъ требованіи закономѣрности, воплощаясь въ мірской жизни при помощи свободнаго и правдиваго человѣка, обращается въ условное требованіе справедливости, устанавливающей опредѣленные условные, т. е. юридическіе законы: не убій, не укради, не прелюбы сотвори, не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна. Отъ безусловнаго моральнаго закона эти условные законы заимствуютъ священный характеръ, требующій безусловнаго уваженія. Соблюденіе моральнаго закона въ мірѣ гарантируется судомъ, при чемъ въ данномъ случаѣ не важно, прибѣгаетъ ли судъ къ принудительнымъ мѣрамъ воздѣйствія или ограничивается моральнымъ осужденіемъ, а важно то, что онъ выноситъ приговоръ: „да, виновенъ", или „нѣтъ, не виновенъ". Можно сколько угодно быть милосерднымъ къ преступнику, постараться смягчить ему горечь осужденія, но если онъ не уважаетъ закона, онъ остается существомъ, осужденнымъ въ глубинѣ нашей совѣсти.

Либеральное государство нашего времени все построено на уваженіи къ юридическому закону. Организація суда, какъ можно болѣе тонко осуществляющаго справедливость, является его главной задачей. Въ устраненіи всякаго рода общественныхъ неравенствъ и несправедливостей заключается его прогрессъ.

II.

До сихъ поръ рѣчь шла о чистой морали, внѣ всякаго ея отношенія къ религіи. Если иногда поминалось о Богѣ, то не для того, чтобы искать у Него утвержденія нашихъ законовъ, а для того чтобы указать, что эти законы обязательны и для Него какъ морально достойнаго существа. Но человѣческій судъ условенъ, а потому не можетъ быть вполнѣ справедливымъ, условная же мораль не есть мораль. Вполнѣ справедливымъ можетъ быть только Тотъ, кому не надо условной справедливости юридическаго закона, потому что Онъ непосредственно обладаетъ всей полнотою закона моральнаго. Тотъ судъ, который съ точки зрѣнія мірской морали былъ нашимъ правомъ и нашей обязанностью, становится грѣхомъ съ точки зрѣнія морали религіозной, потому что „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ", го-

ворить Господь. Религія вноситъ въ мораль мотивъ совершенно новый: она *отмѣняетъ судъ*. У насъ оказывается двѣ морали: мірская, юридическая, основанная на судѣ, и религіозная, которая говоритъ „не судите". Но надо помнить, что религія приходитъ въ міръ не для того, чтобы нарушить законъ, а для того, чтобы его исполнить. Отмѣна суда не должна быть нравственнымъ безразличіемъ Фальстафа, но увѣренностью, что мы передаемъ судъ въ руки болѣе достойныя. Мѣрою же достоинства для насъ является все тотъ же моральный законъ. Для того, чтобы не судить человѣка, мы должны судить и оправдать Бога. Выдерживаетъ ли Онъ критику съ точки зрѣнія безусловнаго моральнаго закона?

Такъ какъ моральный законъ требуетъ безусловной закономѣрности, а ничего не можетъ быть закономѣрнѣе природы съ ея необходимостью, то разъ творцомъ ея является Богъ, *это* требованіе выполнено Имъ со всею строгостью. Но тутъ-то и обнаруживается, что безусловное исполненіе чисто формальнаго моральнаго закона насъ нисколько не удовлетворяетъ. Богъ — неумолимый механикъ закономѣрности,—такъ же мало привлекаетъ наши симпатіи, какъ тотъ высоконравственный человѣкъ, который, устремивъ глаза на предписанный ему законъ, не видитъ живыхъ лицъ его окружающихъ и все свое достоинство полагаетъ въ томъ, чтобы не нарушить предписанія. Даже самое моральное чувство становится въ тупикъ передъ такого рода добродѣтелью и готово предпочесть ей хотя бы преступленіе. Очевидно чувство, хотя бы и моральное, выходитъ за предѣлы чистой морали, которая знаетъ только законъ, требующій уваженія часто вопреки чувству. Моральное чувство вноситъ въ мораль свои требованія: оно хочетъ *любить* закономѣрность, которой подчиняется, хочетъ любить живое лицо своего Бога. Любовь не отмѣняетъ моральнаго требованія закономѣрности, но она принимаетъ не всякую, а именно *эту*, любимую закономѣрность. Любовь сама по себѣ есть единеніе, котораго требуетъ закономѣрность, сама по себѣ она всегда божественна и не можетъ быть дурной. Любовь отмѣняетъ судъ, но не по нравственному безразличію, а потому, что она есть оправдательный приговоръ, такъ же какъ отсутствіе любви есть приговоръ обвинительный. Чтобы оправдать Бога, намъ нужно, чтобы Онъ показалъ намъ смыслъ и характеръ своей закономѣрности, чтобы эта закономѣрность охватывала весь міръ безъ исключенія, чтобы мы повѣрили, что это есть именно божественная закономѣрность и, главное, полюбили ее.

Та мораль, которой живетъ и дышитъ вся наша культура, не есть мораль четырехъ античныхъ добродѣтелей, а есть мораль живого лица Христа. Это есть закономѣрность любви. Подчиненіе всѣхъ живущихъ теперь уже не юридическому, а непосредственно моральному закону происходитъ въ формѣ любви къ каждому живущему, который въ этой любви находитъ свое оправданіе и мѣсто во вселенской закономѣрности. Эту любовь христіанинъ заимствуетъ у Христа. Моральное предписаніе не даетъ ему больше юридическихъ законовъ и правилъ поведенія: не убій и т. д., а прямо обращается къ его чувству, казалось бы ускользающему отъ предписаній, и говоритъ „возлюби". И разъ христіанинъ возлюбилъ Христа и воспитался въ христіанской культурѣ, онъ будетъ любить и человѣка черезъ Христа и во Христѣ, а потому у него не можетъ быть *пристрастій* въ любви. Пристрастіе всегда грѣхъ. Пристрастіе всегда несправедливость— справедливость же есть основной законъ морали. Христосъ любовью снимаетъ судъ, но Онъ не снимаетъ древняго закона, а исполняетъ его. Пристрастная любовь есть грѣшная любовь, она идетъ къ человѣку не отъ Бога, любитъ человѣка не во имя Божіе, а во имя свое. Христова любовь отрицаетъ пристрастіе, „оставь отца и мать и иди за Мною", говоритъ она. Христіанская любовь не судитъ, потому, что она не выбираетъ, пристрастная любовь выбираетъ, а потому она всегда судитъ. Пристрастная любовь нарушаетъ и чистое моральное требованіе, потому что вовсе не на основаніи моральнаго закона совершаетъ она свой выборъ и судъ, нарушаетъ и религіозное требованіе „не судите, да не судимы будете". Пристрастная любовь рождается изъ недостаточной любви и вѣры въ Бога, изъ того, что въ человѣка, какъ существо болѣе близкое и понятное, повѣрить легче чѣмъ въ Бога. Не надо закрывать глазъ: въ Бога вѣровать трудно. Трудно смиренно склонять голову, видя униженіе и гибель любимаго, трудно вѣрить правдѣ кроткихъ заповѣдей среди окружающей насъ жестокости. Въ Бога надо вѣрить такъ, какъ иногда умѣютъ женщины вѣрить въ человѣка: слѣпо и упорно, вопреки всему, несмотря ни на что. Когда такая вѣра направлена на человѣка, она кощунственна и унизительна, когда она направлена на Бога, она даетъ величавый образъ Іова.

Безсильные любить Бога и міръ въ Богѣ, мы ловимъ въ мірѣ разсѣянные лучи любви. Начинается плѣнительная и грѣшная игра страстей и пристрастій, которой полна міровая исторія, въ которой мы на каждомъ шагу творимъ себѣ кумира, плѣняясь отдѣльной

чертой, намекомъ и образомъ, почему-то показавшимся намъ значительнымъ. Мы отдаемся этой мгновенной прелести такъ, какъ если бы въ ней была вся сущность нашей жизни, молимся на нее такъ, какъ можно молиться одному только Богу, и самая кощунственность такого поклоненія кумиру составляетъ соблазнъ, которымъ вѣетъ на насъ отъ грѣха. Мірскую любовь мы хотимъ сдѣлать вѣчной и неизмѣнной, какъ вѣченъ и неизмѣненъ Богъ. Но если нашъ кумиръ не сумѣетъ выполнить навязанную ему нами роль божества, нашъ пристрастный судъ становится безпощаденъ, а такъ какъ это случается роковымъ образомъ, то міръ полонъ трагедіями обманутой любви и разочарованій. И міръ и мірская любовь становятся призрачными, въ нихъ нельзя найти ничего подлиннаго, ничего правдиваго... „Майя, о Майя, цвѣтущій обманъ!"...

А между тѣмъ въ этихъ пристрастныхъ привязанностяхъ есть подлинная религіозная сущность — это наша потребность любви и вѣры. Вѣдь подлинная любовь къ Богу есть тоже всепоглощающая страсть. Если она царитъ въ душѣ человѣка, то религіозный путь такой души простъ: это путь отреченія отъ міра, для котораго даже не всегда нужно уходить въ пустыни и монастыри, а достаточно любить человѣка безпристрастной, невыбирающей и несудящей Христовой любовью. Но для обыкновенной грѣшной мірской души этотъ путь очень опасенъ. Отказавшись отъ мірской любви, она можетъ оказаться совсѣмъ безъ любви, т. е. совсѣмъ безъ Бога. Отказаться отъ того грѣха, который есть въ пристрастіи къ другу или къ родинѣ, еще вовсе не значитъ полюбить человѣчество или Бога. Для мірской души возможенъ только второй религіозный путь—путь возвышенія и просвѣтленія своихъ пристрастныхъ привязанностей. Тому, кто безсиленъ начать непосредственно съ любви къ Богу и отъ Него уже идти къ міру, остается только черезъ міръ идти къ Богу.

Возвысить и облагородить свою мірскую любовь, это значитъ внести въ нее недостающіе ей моральные и религіозные мотивы. Противъ морали мірская любовь грѣшитъ тѣмъ, что ея судъ и выборъ не руководствуется моральнымъ требованіемъ. Не потому мы любимъ человѣка, что, взвѣсивъ всѣ мотивы его поступковъ, признаемъ его наиболѣе достойнымъ нашей любви. Но мы должны — и это есть моральное требованіе—вѣрить въ достоинство любимаго человѣка и никогда не унижаться до любви лишенной вѣры. „Я знаю, что ты недостойный негодяй, но не могу не любить тебя" — такая любовь вызываетъ моральную брезгливость. Но и любовь вѣрующая

въ достоинство, т. е. принявшая въ себя моральный элементъ, все еще неправедна передъ Христовой религіей, потому что она *судитъ*, и судитъ, можетъ быть, наиболѣе безпощадно. Она требуетъ, чтобы человѣкъ былъ достоинъ *во имя свое*, а не во имя Божіе, тогда какъ достоинство человѣка понимаемое религіозно, какъ подобія Божія, не подлежитъ сомнѣнію. Подойти къ любимому человѣку со снимающей судъ любовью Христовой значитъ отказаться отъ пристрастія въ любви, значитъ растворить себя и свою любовь въ Богѣ. Однако для полной противорѣчія мірской души самая вѣра въ Бога часто бываетъ въ зависимости отъ вѣры въ достоинство *этого* человѣка, и тогда пристрастіе является единственнымъ возможнымъ для нея религіознымъ путемъ.

Пристрастная любовь къ человѣку рѣдко бываетъ вполнѣ безкорыстной, и ее осложняетъ обыкновенно много постороннихъ входящихъ въ нее элементовъ, не относящихся собственно къ любви. Но есть у человѣка высшія пристрастія, въ которыхъ онъ почти совсѣмъ свободенъ отъ корысти и которыя, напротивъ, часто требуютъ отъ него высшей степени самоотреченія. Тѣмъ не менѣе къ нимъ примѣнимо все, сказанное о мірской любви. Таковъ, напримѣръ, патріотизмъ, и не даромъ его отношеніе ко христіанству тревожило Толстого и другихъ христіанскихъ мыслителей. Можетъ ли христіанинъ быть патріотомъ?—спрашиваетъ себя такой мыслитель и отвѣчаетъ: нѣтъ, не можетъ. Отвѣтъ этотъ вѣренъ, если рѣчь идетъ о святомъ, душа котораго безраздѣльно предана Богу. Двѣ страсти, двѣ любви въ высшемъ своемъ напряженіи не могутъ ужиться въ одной и той же душѣ. Идя къ народамъ съ душою, полною Бога, только и можно сказать, что каждый изъ нихъ, грѣша и падая, все же исполняетъ свою божественную миссію въ мірѣ, въ каждомъ изъ нихъ нельзя не любить горящей въ немъ искры Божіей, а за грѣхи и паденія Богъ имъ судья. Какъ самъ Христосъ, святой не можетъ быть патріотомъ, потому что между нимъ и любовью къ міру посредникомъ является Богъ. Но будетъ большой ошибкой сдѣлать отсюда выводъ, что и каждый мірянинъ, желающій приблизиться къ совершенству святого и Христа, долженъ отказаться отъ патріотизма, какъ и отъ всякаго несправедливаго пристрастія. Святость достигается не отреченіемъ отъ пристрастій, которыя, можетъ быть, являются той единственной формой, въ которой намъ доступна подлинная любовь, а все большей проникнутостью и близостью къ Богу. Если непосредственно на насъ не лежитъ этой божественной благодати, то прибли-

женіе къ ней возможно именно черезъ высшій видъ пристрастія, которое божественно поскольку оно есть любовь. Любимъ ли мы нашъ народъ за то, что морально онъ достойнѣе всѣхъ другихъ народовъ? Конечно нѣтъ, наша любовь къ нему не основана на морали. Но у насъ долженъ быть моральный судъ надъ нашимъ народомъ, и отъ всякаго другого суда онъ отличается тѣмъ, что онъ есть судъ надъ собою. Осудить свой народъ, это значитъ осудить себя, и это чувство отвѣтственности одного за всѣхъ и виновности за всѣхъ есть одна изъ наиболѣе глубокихъ идей христіанства, которая, однако, становится доступной намъ при помощи патріотизма. Въ немъ же становится понятной намъ и та любовь, которая снимаетъ судъ, потому что вѣру въ достоинство своего народа, какъ въ свое собственное достоинство, мы хранимъ черезъ всѣ его грѣхи и паденія, которыя суть *мои* грѣхи и *мои* паденія. Если это вѣра живая, то ее можно потерять, какъ можно потерять вѣру въ себя, но тогда остается умереть, или влачить жалкое существованіе безъ божества, безъ вдохновенья, которое очень далеко и отъ морали и отъ религіи.

К. Милорадовичъ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА А. Н. ОСТРОВСКАГО: „ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ И ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ".

(Опытъ изученія хроники).

I. Историческіе источники хроники.

Въ январьской книжкѣ „Вѣстника Европы" за 1867 г. появилась одна изъ лучшихъ и наиболѣе глубокихъ драматическихъ хроникъ А. Н. Островскаго: „Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій", оконченная письмомъ, какъ гласитъ помѣтка въ черновой рукописи, 31-го мая 1866 г. Начата же она была, какъ видно изъ письма А. Н. Островскаго къ Бурдину, въ февралѣ того же года: „«Самозванца» я писалъ не годъ", читаемъ въ этомъ письмѣ, „я его началъ великимъ постомъ и кончилъ къ іюню" [1]).

Въ предшествующемъ своемъ письмѣ къ тому же лицу драматургъ, сообщая своему другу о твердомъ рѣшеніи бросить театральное поприще, между прочимъ писалъ: „Современныхъ пьесъ я писать болѣе не стану: я ужъ давно занимаюсь русской исторіей и хочу посвятить себя исключительно ей, — буду писать хроники, но не для сцены; на вопросъ, отчего я не ставлю своихъ пьесъ, я буду отвѣчать, что онѣ неудобны,—я беру форму «Бориса Годунова»" [2]). Хроника состоитъ, подобно „Борису Годунову", изъ ряда сценъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ день за днемъ изображающихъ событія тогдашней жизни Московскаго государства и общества. Но вліяніе Пушкина сказалось не только въ этомъ: оно имѣетъ болѣе общій характеръ и сказалось въ самыхъ пріемахъ работы. Какъ и Пушкинъ, Островскій прежде всего обращается къ всестороннему изученію источни-

[1]) Письма А. Н. Островскаго къ Бурдину. Артистъ 1891 г., декабрь, № 18, стр. 80. Великій постъ въ 1866 г. начался 7-го февраля, Пасха—27-го марта.

[2]) Тамъ же, стр. 80. Оба письма писаны, вѣроятно, въ октябрѣ-ноябрѣ 1866 г.

ковъ. Конечно, такимъ источникомъ ранѣе другихъ является для него „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина, цѣнная для драматурга именно своимъ яркимъ и живымъ изложеніемъ событій. Но какъ мы уже знаемъ, Островскій не ограничивается изученіемъ одного этого труда; онъ, подобно Пушкину, обращается къ изученію первоисточниковъ, лѣтописей, сказаній, грамотъ и т. п. матеріала. Сходство обнаруживается и въ дальнѣйшемъ. Подобно Пушкину, нашъ драматургъ влагаетъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ замѣчанія, обрисовывающія положеніе дѣлъ. Ср., напр., монологъ Бориса Годунова: „Достигъ я высшей власти“ и монологъ Дмитрія Самозванца; „Сиротливо въ душѣ моей“. Въ этомъ отношеніи особенно монологи обращаютъ на себя вниманіе. Далѣе, подобно Пушкину, онъ допускаетъ историческую неточность, нисколько не вредящую художественной правдѣ. Что касается въ данномъ случаѣ Пушкина, приведу общеизвѣстный примѣръ. Еще въ школѣ указываютъ на неполную точность словъ Пимена, разсказывающаго Григорію о томъ, какъ каялся въ грѣхахъ Іоаннъ Грозный въ Чудовомъ монастырѣ:

„Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
(Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный,
Мужъ праведный . . . .
. . . .), здѣсь видѣлъ я царя,
Усталаго отъ гнѣвныхъ думъ и казней“.

А между тѣмъ это событіе, покаяніе Грознаго, засвидѣтельствованное собственнымъ посланіемъ Грознаго, происходило въ Кирило-Бѣлозерскомъ монастырѣ.

У Островскаго возьмемъ хотя бы рѣчь Дмитрія къ послу Олесницкому, въ которой онъ жалуется на умаленіе его титула королемъ. Въ хроникѣ эту рѣчь Димитрій произноситъ на свадебномъ пиру въ залѣ въ новомъ дворцѣ. Между тѣмъ въ дѣйствительности эта рѣчь была произнесена въ Золотой палатѣ во время торжественнаго пріема Димитріемъ родственниковъ Мнишковыхъ и пословъ королевскихъ.

Но вообще должно отмѣтить, что Островскій ближе держится источниковъ, стараясь соблюсти не только художественную правду, но и вѣрность историческую. Для поясненія остановимся на „Сценѣ въ корчмѣ“ въ пушкинской трагедіи. Первая ея часть до появленія приставовъ вполнѣ согласна съ „Сказаніемъ и повѣстью, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о Растригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о похожденіи его“. Вотъ какъ тамъ разсказывается: „... сій лютый волкъ, Гришка Отрепьевъ, и утаився святѣйшаго Іева,

патріарха Московскаго и всеа Россіи, съ оными двѣмя мнихи [1]) бѣгу ся ятъ, и вскорѣ достиже Сѣверныя страны, града Брянска, и пріидоша въ Свинскій монастырь, и тамо пребысть 7 дній въ покоѣ и въ изобиліи. Той же лютый волкъ отнюдь не воспрія питія, но желаше насытитися въ питья мѣсто крови Святыхъ; старца же она, Мисаилъ и Варлаамъ, зѣло не годующи о томъ на него, яко да съ ними не піетъ, но творитъ себе, яко святъ. И ту абіе умысли, яко иные скудости ради тѣлесныя по сей Сѣверной странѣ со образомъ ходити и на церковное сооруженіе сбирати, Пречистыя Богородицы въ Саватіевъ монастырь, и бысть угодно и мнихома двѣма, и обтецающе вся Сѣверскія страны, сбирающе сребро и вся, яже суть угодно имъ. И внидоша въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и честно ихъ угостивъ; и егда же сѣдяще за столомъ, вопросиша жену о пути, гдѣ сей пространный путь и въ кою страну прилежащъ? И глагола жена: путь сей, господине, за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ Царя; не вѣмъ, кто съ Москвы безъ вѣсти въ сія страны бѣгу ся ятъ, того ради во всей странѣ сей крѣпкія заставы сія. И тогда Гришка Отрепьевъ отъ страху яко мертвъ" [2]). До сихъ поръ, какъ видимъ, „Сказаніе" и трагедія идутъ согласно, дальше начинается различіе. „Мисаилъ же рече", читаемъ мы въ „Сказаніи": „Повѣждь намъ, о жено! гдѣ путь къ Чернигову прилежащъ? Мы бо Клирики суть, хощемъ помолитися тамъ; жена же имъ скоро путь показа и возвратися въ домъ свой. Мниха же она шествія творяше къ Чернигову отъ солнечнаго зженія почиста подъ нѣкоемъ древомъ прекраснымъ зѣло. Тогда же Гришка Отрепьевъ откры совѣтъ свой мнихома двѣма" и разсказалъ имъ, что заставы эти устроены ради нихъ, что онъ, „утаивая Іева патріарха", бѣжалъ съ ними. Онъ убѣждаетъ ихъ, ради спасенія жизни, идти лѣсомъ за рубежъ и объявиться въ Литвѣ. Монахи согласились и „совратишася съ пути, и пойдоша къ Востоку къ Кіеву, прямо Луевы горы, и пройдоша непроходимыя дебри и идоша три дни и три нощи, мѣсто же то едва проходимое, лѣсъ и чаща великая". Тутъ они встрѣтили какого-то незнаемаго человѣка, „кошницу на плещу носяща", который оказался полякомъ и привелъ ихъ въ имѣнье своего пана Миколая Воловича; послѣдній ихъ любезно

---

[1]) Т. е. Мисаиломъ и Варлаамомъ.

[2]) „Сказаніе и повѣсть". Чтенія въ И. О. И. Д. Р. 1847 г. № 9, стр. 4—5.

принялъ и угостилъ, а потомъ указалъ имъ, какъ пройти къ его брату Яну. Этотъ Янъ „вѣрою Люторъ, жестокъ зѣло сый и немилостивъ"; онъ хотѣлъ даже „посѣщи" монаховъ, но ему принесли „картечку" отъ его брата, онъ смилостивился и также ласково принялъ монаховъ. У него они встрѣтили „ту сѣдяща шурина его, Лютора же суща, именемъ Флоренцъ", который началъ ихъ спрашивать, какой они вѣры. „Гришка Отрепьевъ вся подробно ему отвѣща и многія мудролюбныя словеса къ нему изрече, и тогда Флоренцъ воста и цѣлова ихъ любезно". Такъ они бесѣдовали о вѣрѣ 40 дней, и потомъ отпущены были къ Луевымъ горамъ „коннымъ путемъ", затѣмъ пришли въ Луевъ градъ, гдѣ были любезно приняты воеводой; далѣе въ Острозѣполь, гдѣ жилъ Константинъ Константиновичъ Острожскій, и наконецъ, въ Кіевъ. Здѣсь Гришка оставляетъ своихъ товарищей и тайкомъ убѣгаетъ отъ нихъ и попадаетъ въ Запорожскую Сѣчь.

Какъ видимъ, вся вторая часть „сцены въ корчмѣ" представляетъ собою плодъ творчества Пушкина, совершенно отступившаго отъ своего источника, хотя до извѣстной степени въ данномъ случаѣ онъ могъ слѣдовать другому своему источнику, Карамзину. У Островскаго мы не найдемъ такихъ отступленій: все его творчество какъ будто направлено къ тому, чтобы какъ можно ближе передать историческую дѣйствительность. Изслѣдователя поражаетъ прежде всего эта близость драматической хроники къ источникамъ.

Какъ основательно изучалъ Островскій источники по исторіи Смутнаго времени и какими источниками онъ пользовался въ данномъ случаѣ, мы можемъ узнать это изъ черновой рукописи „Димитрія Самозванца", гдѣ между прочимъ драматургъ сдѣлалъ выписки изъ „Иного сказанія о самозванцахъ", хронографа Кубасова, выдержка откуда напечатана въ „Сказаніяхъ современниковъ" Устрялова, ссылка на 1-ю часть которыхъ съ точнымъ указаніемъ страницы сдѣлана въ рукописи, далѣе изъ „Лѣтописи о многихъ мятежахъ". Читая „Исторію государства Россійскаго", онъ конспективно записываетъ всѣ событія этого времени, съ точнымъ указаніемъ датъ. Но иногда не удовлетворяется Карамзинымъ и разъ дѣлаетъ такую замѣтку: „373 прим. XI т. Справиться Собр. Гос. гр. и догов.". Наконецъ, находимъ въ рукописи еще такое перечисленіе источниковъ: „С. Г. Г. и д. II № 121" [1]), „Сказаніе еже содѣяся 1847,

[1]) Т. е. „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ", т. II, № 121.

№ 9“ [1]), „Палицынъ“, „Лѣтопись о мятежахъ“. А въ одномъ мѣстѣ рукописи читаемъ такую замѣтку: „Маржеретъ. Прочесть исторію Генриха IV. Спалъ по-русски.—Ходилъ съ Димитріемъ въ кладовыя“. Иногда же драматургъ вноситъ поправки и въ самые памятники. Такъ напр., цитируя изъ „Иного сказанія о самозванцахъ“ (стр. 32): „Вѣнчаніе въ Воскр. 30 іюля“, онъ дальше замѣчаетъ въ скобкахъ: „(невѣрно. Воскр. было 29)“.

Посмотримъ теперь, какъ пользовался драматургъ источниками и что онъ взялъ изъ нихъ. Обратимся къ первому названному въ рукописи источнику „Иному сказанію о самозванцахъ“. Въ предисловіи Бѣляева къ этому памятнику между прочимъ читаемъ: „Сочинитель сего сказанія, скрывшій свое имя, очевидно, былъ современникомъ описанныхъ имъ событій, какъ прямо свидѣтельствуетъ о себѣ на стр. 37: «Покусихъ же ся азъ многогрѣшный, и грубый Богови, и непотребный разумомъ, предати повѣсть сію писаніемъ, не слухамъ увѣряяся, кромѣ того, какъ той еретикъ и законопреступникъ былъ въ Литовстей земли, а что сотворися въ Россійскомъ государствѣ, то вся сія зря своима очима, и невозмогахъ умолчати таковаго зловозстанія въ нынѣшнемъ вѣцѣ, написахъ прочитающимъ на пользу и въ предъидущая времена по насъ будущимъ человѣкомъ на память». О положеніи сочинителя въ тогдашнемъ обществѣ можно сказать утвердительно и прямо только то, что онъ былъ приверженцемъ царя Василія Ивановича Шуйскаго... Къ какому званію принадлежалъ сочинитель, къ духовному или свѣтскому, мы не можемъ сказать положительно; но, кажется, неправильно отнести его къ свѣтскимъ, а не къ духовнымъ людямъ того времени и скорѣе всего къ дьякамъ“ [2]). И среди сторонниковъ В. Шуйскаго, собравшихся въ его домѣ въ первой сценѣ І-ой части хроники, находимъ подъячаго, въ уста котораго драматургъ вложилъ слѣдующія слова, обращенныя къ В. Шуйскому при поднесеніи ему свитка:

„Бояринъ,
Я многогрѣшный Богови и грубый,
Писаніемъ предати покусихся,—
Читающимъ на пользу и на память,—
Восшествіе исконнаго царя

[1]) Т. е. „Чтенія въ И. О. И. Д. Р.“, 1847 г., № 9, гдѣ напечатано это „Сказаніе“, которое, какъ мы уже видѣли, служило источникомъ и Пушкину, но надо полагать въ рукописи, потому что въ то время оно еще не было напечатано.

[2]) Временникъ И. М. О. И. Д. Р. 1853, кн. 16, стр. II—III.

На прародительскія царства, еже
Очима видѣхомъ..."

Отвѣтъ Шуйскаго подъячему:

"Запѣлъ ты рано!
Не торопись! Не въ сутки городъ строятъ.
Не подъ дождемъ,—мы лучше подождемъ.
(*отдаетъ свитокъ*).
Ты черезъ годъ приди, я почитаю".

—этотъ отвѣтъ, конечно, плодъ творческой фантазіи автора.

Въ „Иномъ сказаніи" разсказывается между прочимъ о томъ, какъ Самозванецъ „сотвори себѣ въ маловремяннѣй сей жизни потѣху, а въ будущій вѣкъ знаменіе предвечнаго своего домовища, его жъ въ Россійскомъ государствѣ ни во иныхъ, кромѣ подземнаго, никто же на земли видѣ, адъ превеликъ зѣло, имѣющь у себѣ три главы, и содѣла обоюду челюстей его отъ мѣди бряцало веліе, егдажъ разверзетъ челюсти своя и изъ вну его яко пламя предстоящимъ ту является, веліе бряцаніе исходитъ изъ гортани его, зубы жъ ему имѣющу осклабленѣ и ногты яко готовы на ухапленіе, и изо ушію его якоже пламени распалившуся; и постави его прокляты онъ прямо себѣ на Москвѣ рѣцѣ себѣ во обличеніе, даже ему и съ превысочайшихъ обиталищихъ своихъ зрѣти нань всегда, и готову быти въ некончаемыя вѣки вонь на вселеніе и съ прочими единомысленики своими" [1]). И въ уста Татищева (ч. II, сц. первая) Островскій влагаетъ такія слова:

„И у крыльца поставленъ для потѣхи
Треглавый адъ,—бряцаніе велико
Отъ челюстей и пламя изъ ушей,
Отверзты зубы, и готовы когти
На ухапленіе. И зрѣти страшно!
Потѣхи все; какое-жь дѣло свято?"

Несомнѣнно, что эта реплика написана на основаніи приведеннаго мѣста изъ „Иного сказанія". Должно лишь добавить, что Карамзинъ не только пересказываетъ это мѣсто въ текстѣ своей „Исторіи" (т. XI, гл. IV, стр. 131, изд. Эйнерлинга), но и цитируетъ его въ 402 примѣчаніи къ этому тому. Такимъ образомъ въ сущности дѣло сводится къ одному и тому же тексту.

Изъ того же „Иного сказанія" драматургъ дѣлаетъ нѣсколько выписокъ, на которыхъ мы теперь и остановимся.

---

[1]) Тамъ же, стр. 32.

Прежде всего идетъ слѣдующая цитата изъ названнаго памятника (стр. 22): „Народъ не вѣритъ ни патріарху, ни Шуйскому: «то де по начинанію Борисову, и боязя его глаголетъ сія»“. Предшествующія ей строки, не выписанныя Островскимъ, также могли оказать нѣкотораго рода вліяніе. „Царь же Борисъ, читаемъ мы здѣсь, въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ государствахъ и градѣхъ Россійскія державы укрѣпляя людей въ Москвѣ святѣйшимъ патріархомъ Іевомъ и благороднымъ бояриномъ и воеводою княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ. За нѣ ихъ блаженныя памяти Царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всеа Русіи посылалъ по убіеніи къ досмотру и погребенію благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрія Ивановича брата своего. И велѣгласно проповѣдати имъ повелѣваше во всемъ множествѣ народномъ Московскаго государства сицѣ глаголя: О всенародное множество! несумняите и непрелщаите яко истинно Царевичь Дмитрей убіенъ бысь, азъ бо его своима очима видѣхъ, даже и погребохъ его во градѣ Углечѣ, во церкви благолѣпнаго преображенія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, и вы его поминайте; а тои истинно идетъ растрига Гришка Отрепіевъ, нарицается его Царевичевымъ именемъ, и вы его проклинайте. По Государствамъ же и градамъ грамоту посылая. Людіе же о сѣмъ никако никому же вѣры не яша ни святѣйшему Патріарху, ни князю Василію Ивановичу Шуйскому...“ [1]).

Отзвукъ выписанныхъ строкъ несомнѣнно находимъ въ рѣчахъ Василія Шуйскаго на судѣ.

„Не стану я просить себѣ пощады,
Моя вина—слѣпое исполненье
Велѣній царскихъ“.

И далѣе...

„Меня, раба, послалъ Борисъ къ народу,
И рабъ пошелъ, творя его велѣнье,
И говоритъ, что не царевичъ Дмитрій
Идетъ въ Москву съ иноплеменной силой,
А воръ, разстрига, еретикъ Отрепьевъ.
Повѣрили иль нѣтъ, и кто повѣрилъ
Словамъ моимъ, не знаю; я исполнилъ,
Что царь велѣлъ. Вотъ вся вина моя!“ (Часть I, сц. 4).

Нельзя не замѣтить, что Островскій чрезвычайно искусно и тонко использовалъ приведенное мѣсто памятника.

---

[1]) Тамъ же, стр. 21—22.

Далѣе онъ дѣлаетъ слѣдующую болѣе обширную выписку: „23 [1]). Воеводы: Князь Василій да кн. Иванъ Вас. Голицыны да Петръ Басмановъ «усумнишася и чающе его приснаго сына Госуд. Ц. и В. Кн. Ив. Вас. (а худу и неславну человѣку Гришкѣ ростригѣ како такое начинаніе возможно и смѣти начинати), да не безъ ума пошли, и Литов. король ему пособляетъ и рус. люди съ грады ему передаются, да и всѣ россійск. гос. люди стояти противу него не хотятъ—да лучши намъ неволи по волѣ своей приложиться къ нему и въ чести будемъ,—а по неволи да и съ безчестьемъ намъ у него быти жъ.—И съ ними дѣти боярскіе и дворяне Ляпуновы, и атаманъ Корела»". И Островскій въ сценѣ заговора (ч. II, сцена 3-ья) заставляетъ кн. В. Голицына говорить:

„И воля намъ невольная была.
Небось, своя рубашка къ тѣлу ближе.
Мы вѣдали, что волей, что неволей
Безчестною, съ веревкою на шеѣ,
А быть за нимъ; такъ лучше волей съ честью
Служить ему, и шли къ нему охотой".

Маленькая замѣтка памятника (на стр. 29-й) о дочери Бориса Годунова, составляющая слѣдующую выписку: „А дщерь повелѣ въ живыхъ оставити, дабы ему лѣпоты ея насладитися, еже и бысь", даетъ толчокъ къ созданію драматургомъ прекраснаго небольшого діалога Дмитрія съ Масальскимъ о Ксеніи (ч. I, сцена 4-ая).

Кстати остановимся на одной репликѣ Басманова (ч. II, сц. 1-ая):

„Давно-ли,
Великій князь, ты разлюбилъ красавицъ
Родной земли, смиренницъ чернобровыхъ?
Ты прежде ихъ не обѣгалъ, кажись".

Съ нею можно сопоставить слѣдующее мѣсто изъ „Иного сказанія": „И тако нача жити якоже и прочіи иноязычницы еритицы, и ко идолопоклонянію православныхъ христіянъ всячески понуждати восхотѣ, и многихъ черноризицъ юныхъ осквернилъ, и отроковъ и отроковицъ тако жъ многихъ растли, и велики плачь и рыданіе въ людехъ сотвори, яко же николи такія бѣды находящія на ны" [2]). Но должно имѣть въ виду, что объ этомъ согласно говорятъ и другіе источники, какъ Палицынъ, а также на основаніи ихъ и Карамзинъ. Поэтому невозможно точно опредѣлить, какимъ изъ названныхъ источ-

[1]) Т. е. стр. 23. См. Временникъ И. О. И. Д. Р. 1853, кн. 16, стр. 23—24.
[2]) Тамъ же, стр. 32.

никовъ пользовался въ данномъ случаѣ Островскій. Точнѣе сказать всѣми, ибо ему были всѣ они извѣстны.

Слѣдующая выписка изъ „Иного сказанія" касается перваго заговора Шуйскаго (стр. 30). „Іюня 23-го. Шуйск. отданъ за приставы. Іюня 25-го (въ понедѣльникъ) казнь. Петръ Басмановъ читалъ приговоръ: Сей великій боляринъ кн. В. И. Шуйскій мнѣ прирожденному вашему Госуд. измѣняетъ и разсѣваетъ недобрые рѣчи на меня и остужаетъ мя со всѣми вами..... и за то есмя мы осудили его смертію да умретъ. (Всѣ въ страхѣ плакали. Около были поставлены многіе стрѣльцы, паны Лит. и черкасы. И по всему городу войско было въ оружіи)". Какъ извѣстно, дѣло о заговорѣ Шуйскаго, чрезвычайно цѣнное для исторіи Смутнаго времени, не сохранилось. Мы знаемъ о немъ только по разсказамъ современниковъ. А между тѣмъ у Островскаго дьякъ Щелкаловъ читаетъ приговоръ, который, какъ мы только что видѣли, отчасти приведенъ въ „Иномъ сказаніи". Очевидно, приговоръ этотъ составленъ самимъ драматургомъ на основаніи показаній современниковъ. Одинъ источникъ его—это уже упомянутое „Иное сказаніе", другой—„Сказаніе еже содѣяся". Вотъ что разсказывается въ этомъ послѣднемъ [1]): „По малѣ жъ времени благородные и благочестивые Князи, Православію поборницы, правители и родители истинныя Христіанскія Вѣры, Князь Василей съ братомъ своимъ съ Князь Дмитріемъ Шуйскіе, познаша его еритика Гришку, и повѣдаша торговымъ людемъ, Ѳедору Коневу съ товарищи, что непрямый Царевичь Дмитрей Ивановичь, но злой врагъ Христіанскій, еритикъ и воръ, Гришка Отрепьевъ, присланный отъ Литовскаго Князя разорити Вѣру Христіанскую, да проповѣдуетъ тайно въ мирѣ, дабы стояли Христіане въ Православной Христіанской вѣрѣ кротко, а еретика познали. И они же торговые люди повѣдаша безъ разсужденія многимъ, и услышано бысть совѣтнику Ростригину, Петру Басманову, и повѣдаетъ Ростригѣ; онъ же злонравный еритикъ Гришка, повелѣ благочестиваго Князя Василья Ивановича Шуйскаго взяти въ крѣпость за пристава, и умысливъ съ своими совѣтники и угодники, повелѣваетъ Князя Василія Петру Басманову казнити посредѣ народа". Дальше разсказывается о томъ, какъ все было приготовлено къ казни, какъ князь, обращаясь къ народу, сказалъ: „За правду умираю и за Христіянскую Вѣру, и за васъ, всѣхъ Христіанъ. Тогда восплакася весь народъ царствующаго

[1]) Чтенія въ И. О. И. Д. Р. 1847 г. № 9, „Сказаніе", стр. 17—18.

града Москвы плачемъ веліимъ и рыданіемъ, но помощи не возмогоша дати ему ни которыя, понеже мнози воины дружатъ еретику, Гришкѣ Ростригѣ, и не смѣяху никто же слова прорещи". Наконецъ сообщается о помилованіи Шуйскаго. Прибавимъ, что Карамзинъ пользовался такимъ спискомъ „Сказанія еже содѣяся", гдѣ названъ не только Ѳедоръ Коневъ, но и Костя лекарь. Отсюда стали извѣстны Островскому имена этихъ лицъ, которыхъ онъ и упомянулъ въ приговорѣ. Что касается мѣста, гдѣ былъ схваченъ Коневъ, то оно, вѣроятно, заимствовано Островскимъ изъ слѣдующаго сообщенія „Лѣтописи о многихъ мятежахъ" о казни Тургенева: „Петра Тургенева выведша на пожаръ отсѣкоша главу ему" [1]), хотя оно упоминается еще и въ другомъ сообщеніи этой же „Лѣтописи": „И лежали они на пожарѣ три дня" (стр. 103), которое даже выписано драматургомъ.

Но указанные источники не только дали матеріалъ для приговора, они, конечно, наводили на мысль о сценѣ у Шуйскаго, гдѣ этотъ послѣдній постепенно подготовлялъ первый заговоръ, исподволь убѣждая своихъ сторонниковъ, что Димитрій—не истинный царевичъ.

Можно было бы думать, что здѣсь же находятъ себѣ объясненіе и слѣдующія слова Шуйскаго:

„Я разъ лежалъ подъ топоромъ на плахѣ,
Народъ молчалъ, никто не шевельнулся" (ч. II, сц. 3-я).

Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ эта рѣчь приведена у Карамзина: „Заблужденіе скоро исчезло, продолжалъ онъ (Шуйскій)—и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась". Легко замѣтить почти дословное совпаденіе, но отсюда, конечно, нельзя заключить, чтобы Островскій не изучалъ „Сказанія еже содѣяся". Нѣтъ, онъ просто нашелъ у Карамзина болѣе подходящую форму выраженія той же самой мысли, что и въ „Сказаніи". Отмѣтимъ кстати, что вліяніе Карамзина могло сказаться и въ обрисовкѣ поведенія Шуйскаго на судѣ. „Лѣтописецъ увѣряетъ, говоритъ Карамзинъ, что Князь Василій въ семъ единственномъ случаѣ жизни своей явилъ себя героемъ: не отрицался, смѣло, великодушно говорилъ истину, къ искреннему и лицемѣрному ужасу судей, которые хотѣли заглушить ее воплемъ, проклиная та-

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р. т. IX, стр. 164 (изд. Эйнерлинга).

кія хулы на Вѣнценосца“ [1]). Если нельзя сказать, что въ хроникѣ Шуйскій въ сценѣ суда „явилъ себя героемъ“, то во всякомъ случаѣ онъ держитъ себя съ большимъ благородствомъ, хотя, конечно, хитрость не оставляетъ его и въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ Карамзинъ далъ общій тонъ обрисовкѣ поведенія Шуйскаго на судѣ. Что же касается подробностей, т. е. рѣчей его, то, конечно, тутъ опять Островскій обратился къ первоисточникамъ.

Изъ одного изъ нихъ, именно „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“ драматургомъ между прочимъ сдѣлана еще такая выписка: „На томъ же соборѣ не властники изъ бояръ, но изъ простыхъ людей никто же имъ пособствующе, всѣ на нихъ же кричаху“ (стр. 98). Этимъ показаніемъ „Лѣтописи“ несомнѣнно навѣяны нѣкоторыя подробности въ сценѣ суда надъ Шуйскимъ, прежде всего, конечно, что судили не только бояре, но и выборные люди, а затѣмъ раздававшіеся неопредѣленные голоса о казни подсудимыхъ:

„Казнить его! Повиненъ смертной казни,
Измѣнникъ онъ! Ему и смерти мало!
Всѣ Шуйскіе измѣнники! И братьевъ
Помиловать нельзя. Какая милость!
Всѣмъ Шуйскимъ смерть! На томъ и порѣшили“ (ч. I, сц. 4-ая).

Но дальнѣйшій разговоръ бояръ о томъ, что не ладно

„Судить бояръ соборомъ черни буйной“,

это уже созданіе творческой фантазіи драматурга.

Обратимся, однако, вновь къ „Иному сказанію“.

Послѣдняя цитата, которую драматургъ дѣлаетъ изъ этого „Сказанія“ (стр. 93), содержитъ слѣдующую характеристику Самозванца: „Бысть убо человѣкъ зломысльствомъ [2]), реченіемъ же многословенъ [3]) и ко книжному прочитанію борзо зрителенъ но не на благо, нравомъ же лукавъ и скверноуменъ, и естествомъ [4]) зѣло невзраченъ и скупоростенъ, а сердцемъ лютъ и свиреподушенъ и исполненъ всякаго пронырства лукаваго и бѣснованія, ядовитъ злобою аки сквернодыхательная скорпія, яжъ зрѣніемъ уморяя многія“. Любопытно, что надъ словомъ „зломысльствомъ“ авторъ надписываетъ такую замѣтку: „449, ч. I, (испр. изъ II). Сказ. Совр. Кубасовъ“. Это ссылка на первую часть книги Устрялова: „Сказанія современ-

[1]) Тамъ же, стр. 132.
[2]) Вѣроятно, описка: въ „Временникѣ“ напечатано: „зломысльственъ“.
[3]) Вѣроятно, описка: во „Временникѣ“ напечатано: „многословесенъ“.
[4]) Сравнительно съ текстомъ „Временника“ здѣсь пропущено слово: „плоти“.

никовъ о Димитріи Самозванцѣ" (изд. 3-е), гдѣ на стр. 449 въ примѣч. 273 находимъ слѣдующую выписку изъ такъ называемаго хронографа Кубасова: „Растрига возрастомъ малъ; груди широки имѣя, мышцы толсты, лице же имѣя не царскаго достоянія: препростое обличеніе имѣя, тѣло же его вельми помраченно; остроуменъ же паче и въ наученіи книжномъ доволенъ, дерзостенъ и велерѣчивъ вельми; конское ристаніе любляше вельми, на враги свои ополчителенъ, смѣлъ вельми, храбрость имѣя и силу велію, воинство же зѣло любляше. Таковъ бѣ Разстрига!".

Читая хронику Островскаго, легко замѣтить, что въ образѣ Самозванца совершенно не отразилась характеристика, данная ему въ „Иномъ сказаніи", и что въ характерѣ его мы находимъ черты, отмѣченныя у него Кубасовымъ. Такимъ образомъ драматургъ нашъ не слѣпо довѣрялъ своему источнику потому только, что это старинный памятникъ, писанный быть можетъ современникомъ описываемыхъ событій, но относился къ нему критически и пользовался лишь тѣмъ источникомъ, показанія котораго казались ему болѣе правдоподобными.

Говоря объ „Иномъ сказаніи", должно отмѣтить между прочимъ двѣ мелкія подробности, чрезвычайно характерныя для Островскаго. Онъ необыкновенно ловко умѣлъ вплетать въ рѣчь своихъ дѣйствующихъ лицъ тѣ или другія слова, взятыя изъ старинныхъ памятниковъ. Такъ напр. Калачникъ говоритъ:

„Мы выпустимъ сидѣльцевъ бражныхъ тюремъ,
Цѣпныхъ воровъ съ Варварскаго крестца" (ч. II, сц. 3-я).

Эта мѣстность какъ разъ упоминается въ „Извѣтѣ Варлаама", входящемъ именно въ „Иное сказаніе". „Въ прошломъ Государь во 110 году, читаемъ мы тамъ, въ великій постъ на другой недѣлѣ въ понедѣльникъ иду Государь я Варварскимъ крестьцомъ и сзади меня пришелъ чернецъ молодъ" [1]). Что касается „бражныхъ тюремъ", то о нихъ драматургъ могъ прочитать въ „Дневникѣ Макѣвича". „Москвитяне наблюдаютъ великую трезвость, которой требуютъ строго отъ вельможъ и отъ народа, пишетъ авторъ «Дневника». Пьянство запрещено; корчемъ или кабаковъ нѣтъ во всей Россіи; негдѣ купить ни вина, ни пива, и даже дома, исключая бояръ, никто не смѣетъ приготовить для себя хмѣльнаго: за этимъ наблюдаютъ лазутчики и старосты, коимъ велѣно осматривать домы. Иные пытались скрывать

---

[1]) „Временникъ" кн. 6-я. 1853 г., стр. 11.

боченки съ виномъ, искусно задѣлывая ихъ въ печахъ, но и тамъ, къ большой бѣдѣ виновныхъ, ихъ находили. Пьянаго тотчасъ отводятъ въ бражную тюрьму, нарочно для нихъ устроенную (тамъ для каждаго рода преступниковъ есть особая темница), и только чрезъ нѣсколько недѣль освобождаютъ изъ нея, по чьему либо ходатайству. Замѣченнаго въ пьянствѣ вторично, снова сажаютъ въ тюрьму надолго, потомъ водятъ по улицамъ и нещадно сѣкутъ кнутомъ, наконецъ освобождаютъ. За третью же вину, опять въ тюрьму, опять подъ кнутъ, и такимъ образомъ порятъ виновнаго разъ по десяти, чтобы наконецъ пьянство ему омерзѣло. Но если и такое исправленіе ему не поможетъ, онъ остается въ тюрьмѣ, пока не сгніетъ". Въ томъ же самомъ „Иномъ сказаніи" читаемъ: „Хотящу ему зломысленному волку суровому и немилостивому яко жъ Ѳоцѣ мучителю и Константину Мотылоимянному и Уліяну законопреступнику, или яко Ѳараону на Израиля изостривщу мечь на ня, еже посѣкати и до остатка насъ православныхъ христіянъ туне и неповинно кровь нашу проливати" (стр. 33). И драматургъ въ уста Шуйскаго влагаетъ такія слова:

„Къ чему-же горячиться!
Само себѣ защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Ѳока, и Ульянъ-богоотступникъ
На Бога шли войной, да много-ль взяли?..
Гонители погибли лютой смертью,
А вѣра православная стоитъ" (ч. II, сц. 1-ая).

Какъ извѣстно, въ „Иное сказаніе" его составителемъ внесены нѣкоторыя грамоты, какъ напр. „Запись цѣловалная, по которой самъ Царь цѣловалъ крестъ". „Поволилъ есмя язъ Царь и Великіи Князь Василіи Ивановичь всея Русіи, читаемъ мы тамъ, цѣловати крестъ на томъ, что мнѣ Великому Государю всякого человѣка несудя истиннымъ судомъ съ боляры своими смерти непредати, и вотчинъ и дворовъ и животовъ у братіи и у женъ и у дѣтей не отъимати, будутъ которые съ ними въ мысли не были; такъ же и у гостей, и у торговыхъ, и у черныхъ людей, хотя который по суду и по сыску дойдетъ смертные вины, и после ихъ у женъ ихъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ неотъимати, будутъ съ ними они въ той вины неповинны; да и доводовъ ложныхъ мнѣ Великому Го-

[1]) *Устряловъ*. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. II, изд. 3, стр. 55.

сударю не слушати, а сыскивати с очей на очи, что бы въ томъ православное христіянство безъ вины негибли; и кто наляжетъ и сыскавъ того казнити смотря по винѣ его, что было возвелъ неподѣлно и язъ Царь и Великій Князь Василіи Ивановичь всея Русіи цѣлую крестъ всѣмъ православнымъ христіяномъ, что мнѣ жалуя судити истиннымъ праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своея не класти и не другомъ никому никого въ неправдѣ неподавати и отъ всякаго насилства отъбѣгати" [1]). Эта грамота, откуда бы Островскій ее ни вычиталъ, изъ „Иного сказанія" или изъ „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", гдѣ она также напечатана [2]), несомнѣнно внушила ему прекрасный діалогъ Куракина съ Голицынымъ, этихъ сторонниковъ вольности боярской. Они бесѣдуютъ о томъ, что̀ будетъ послѣ возвращенія Шуйскаго изъ ссылки. Голицынъ между прочимъ высказываетъ мысль, что Шуйскій:

„Съ Басмановымъ больше не заспоритъ:
Поддакивать и поблажать имъ будетъ;
И царикъ нашъ попрыгаетъ недолго.

Куракинъ.

А послѣ что̀? На тронъ Мстиславскій сядетъ.

Голицынъ.

Мстиславскій? Нѣтъ! Его на то не хватитъ;
Ума не нажилъ, смѣлости подавно;
А сѣсть на царство—мудрена наука.

Куракинъ.

Ну, Шуйскій.

Голицынъ.

Вѣрно. Только съ уговоромъ:
Пусть грамоту напишетъ онъ боярству
И поцалуетъ крестъ,—безъ нашей думы
Не дѣлать шагу: смертью не казнить,
Помѣстій, отчинъ и дворовъ не трогать
Безъ нашего суда; а кто по сыску
Дойдетъ до казни,—женъ, дѣтей не грабить;
Доводчиковъ не слушать! Да не токмо
На насъ, бояръ, не класть своей опалы,
Не осудя,—гостей, людей торговыхъ,
И волосомъ не трогать безъ суда!

---

[1]) Временникъ, „Иное сказаніе", стр. 41—42.
[2]) „Собр. Гос. Гр. и Дог.", томъ II, № 141, стр. 299—300.

Когда языкъ ему и руки свяжемъ,
Пусть царствуетъ" (ч. I, сц. 6-я).

Отмѣтимъ, что эта 6-я сцена, происходящая въ домѣ Голицына, въ которую входитъ и приведенный діалогъ, состоитъ изъ двухъ частей: въ первой Голицынъ со своими гостями Воротынскимъ и Мстиславскимъ бесѣдуетъ между прочимъ о томъ, какъ „царь изрядно проминаетъ бояръ своихъ", жалуется, что „бока болятъ отъ этого ученья". Воротынскій напоминаетъ ему о большомъ безчестьи, о той грамотѣ, которую прислалъ Мнишекъ „къ умаленію чести боярской", гдѣ онъ пишетъ:

„Я вамъ царя поставилъ, я-де началъ
И кончилъ все, и, какъ-де я пріѣду,
Передъ царемъ о васъ стараться буду
О умноженьи вашихъ правъ боярскихъ".

Это, конечно, переложеніе слѣдующихъ словъ изъ подлинной „Грамоты Сендомирскаго воеводы Юрія Мнишки къ Россійскимъ боярамъ": „а кданьемъ тамъ буду, старотися пилно хочю, абы вѣра и статечность вашая противъ его Црскому величеству похвалу и вдячность ѿ Гдря своего мела, а якомъ былъ началомъ і причиною, за презреньемъ Божьимъ, до приверненья вамъ Цря вшего прироженого, такъ зычю собе ещо быть помошникомъ розмноженья правъ вашихъ..." [1]). Равнымъ образомъ и отвѣтъ Россійскихъ бояръ воеводѣ:

„Панъ Юрій! Грамотку твою читали,
А пишешь ты про службу государю,
Что въ дохожденьи прирожденныхъ панствъ
Служилъ ему и промышлялъ съ радѣньемъ,
И хочешь впредь добра ему хотѣть,
И мы тебя теперь за это хвалимъ"

точно также передѣлка подлинной отвѣтной грамоты отъ бояръ, именно отъ князя Федора Ивановича Мстиславскаго, князя Ивана Михайловича Воротынскаго „съ товарыщи", гдѣ послѣ длиннаго титула читаемъ: „Прислалъ еси къ намъ грамоту с посланцомъ своимъ з'Бучинскимъ, а в грамоте своеи къ намъ писалъ еси и рѣчью приказывалъ с посланцомъ своимъ, что ты Великому Гдрю ншему, Его Цесарскому Величеству в дохоженье прироженныхъ панствъ его служилъ и промышлялъ с великимъ радѣньемъ,... і впередъ Великому Гдрю ншму, его Цесарскому Величеству служіті і во всемъ добра хотѣти хочешь: и мы... бояре думные и все рыцерство Московское

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, № 94, стр. 211.

грамоту твою, принявъ любително, выслушали есмя, и тебя пана роду Юрья Мнишку, въ томъ похваляетъ и о томъ тебѣ дякуемъ..." [1]).

Производя всѣ эти сопоставленія тѣхъ или другихъ мѣстъ хроники съ грамотами или иными историческими источниками, должно разъ навсегда имѣть въ виду одно: нужно быть Островскимъ, обладать его или подобнымъ талантомъ, чтобы не только прочитать, что скрывается за этими строками грамотъ, но и оживить эти мертвыя строки, создать тѣ яркія, полныя жизни сцены, какія мы находимъ у нашего драматурга. Постичь тайну творчества, какъ это дѣлается, мы, конечно, не въ состояніи, мы лишь можемъ до нѣкоторой степени приблизиться къ ней, выяснить тѣ источники, изъ которыхъ исходитъ драматургъ въ своемъ творчествѣ, т. е. тѣ источники, которыми оно возбуждается.

Чтобы покончить съ этой сценой, не останавливаясь на другихъ подробностяхъ, отмѣчу лишь послѣднія слова послѣдней реплики Голицына:

„Пора къ царю, телятъ нарядныхъ кушать".

Объ этихъ нарядныхъ телятахъ говорится въ упомянутомъ выше „Сказаніи еже содѣяся": „Да для оскверненія Православныхъ Христіанъ, по его Растригину велѣнью, на его свадьбѣ, на другой день, въ пятницу, ѣли еству мясную, телята нарядныя и иныя разныя яди Литовскаго и Польскаго Люторскаго обычая и Вѣры, приспѣшники [и повара] всякіе были Литовскіе же" [2]).

Послѣднее замѣчаніе о поварахъ переноситъ насъ въ четвертую сцену II-й части хроники, на „Улицу въ Китай-городѣ", гдѣ проходитъ толпа разнаго народу, и въ томъ числѣ пьяный царскій поваръ, оставшійся теперь безъ дѣлъ, такъ какъ

„Поганая Марина
И поваровъ изъ Польши привезла",

а прежнихъ поваровъ прогнали. Названія различныхъ кушаній, которыя онъ умѣетъ готовить и которыя онъ перечисляетъ, разговаривая спьяна самъ съ собою, взяты изъ росписи: „Что послано къ Послу отъ Государева стола ѣствы и питья" [3]).

---

[1]) Тамъ же, № 100, стр. 221—222.

[2]) Чтенія въ И. О. И. Д. Р. 1847, № 9. „Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся...", стр. 22.

[3]) Напечатана у Карамзина, примѣч. 462 къ X тому, а также у Устрялова. Сказ. совр., ч. I, прим. 256.

Вторымъ памятникомъ, изъ котораго сдѣланы Островскимъ выписки, является „Лѣтопись о многихъ мятежахъ" [1]). О двухъ изъ нихъ у насъ была уже рѣчь. Остается привести еще одну, первую у Островскаго. Вотъ эта выписка: „Онъ же Разстрига сшедъ съ коня, пойде по храмомъ, и нача молебная пѣти" (стр. 97). Отзвукъ ея можно видѣть въ первой репликѣ второй сцены I-й части, сцены встрѣчи Самозванца:

Голоса въ народѣ.

„Къ Архангеламъ, къ родителямъ пошелъ!"

Но кромѣ этого вліяніе „Лѣтописи о многихъ мятежахъ" сказалось и въ другомъ случаѣ. Именно отвѣтъ Басманова на вопросъ Димитрія о царѣ Симеонѣ:

„Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновымъ
Онъ сосланъ былъ: Борисъ его боялся.
Онъ въ отчинѣ, въ Кушалинѣ селѣ;
Слѣпой старикъ едва волочитъ ноги" (ч. I, сц. 3-я)

своимъ источникомъ имѣетъ слѣдующее свидѣтельство нашей „Лѣтописи": „По убіеніи же Царевича Димитрія Іоанновича Царь Симіонъ Бекбулатовичь не бяше ужѐ на Удолѣ, во Тверь сведоша его, въ село Кушалино; дворовыхъ его въ тѣ поры людей немного было, и живяше въ скудости. Врагъ же ненавидяй добра роду человѣческому, и видя Царя Симіона крѣпкое его жительство и вѣру къ Богу велію имуща, и не ищуща земного ничего, вложи Борису въ сердце отъ него быти ужасу, и посла къ нему съ волшебною хитростію, и повелѣ его ослѣпити. Тако же и сотвориша, и живяше въ томъ селѣ слѣпый" [2]).

Дальнѣйшія же слова Димитрія:

„Великій князь и царь всея Россіи—
Въ изгнаніи! Гонцовъ къ нему отправить,
Привесть опять въ Москву съ большимъ почетомъ,
И величать по прежнему царемъ" (ч. I, сц. 3-я)

основаны на Карамзинѣ. Вотъ что говорится у послѣдняго о царѣ Симеонѣ: „Странное пугалище воображенія Борисова, мнимый Царь и Великій Князь Іоаннова времени, Симеонъ Бекбулатовичъ, ослѣп-

---

[1]) „Лѣтопись о многихъ мятежахъ и о разореніи Московскаго государства отъ внутреннихъ и внѣшнихъ непріятелей..." С.-Пб. 1771.

[2]) „Лѣт. о мног. мятеж.", стр. 38.

ленный, какъ увѣряютъ, и сосланный Годуновымъ, также удостоился благоволенія, въ память Іоанну: ему велѣли быть ко двору, оказали великую честь и дозволили снова именоваться Царемъ" [1]). Не будь одной подробности, драматургъ обошелся бы только Карамзинымъ. Но упоминаніе въ репликѣ Басманова мѣста ссылки Симеона, села Кушалина, свидѣтельствуетъ о томъ, что Островскій пользовался не только „Исторіей Государства Россійскаго", но внимательно отнесся и къ показанію „Лѣтописи".

Слѣдующій памятникъ, который также служилъ источникомъ для нашего драматурга, это—„Сказаніе" Авраама Палицына [2]). Прежде всего здѣсь обращаетъ на себя вниманіе упоминаніе о новыхъ мученикахъ. „Мученицы же новіи явльшеся тогда, дворянинъ Петръ Тургеневъ, да Ѳедоръ Колачникъ безъ боязни того обличаху, имже по многихъ мукахъ главы отсѣкоша среди царствующаго града Москвы" [1]). И среди сторонниковъ Шуйскаго изъ простого народа, торговаго люда, мы находимъ въ хроникѣ Калачника Ивана, которому Ѳедоръ приходится младшимъ братомъ. Конечно, это лицо,—представляющее собою, по его же собственнымъ словамъ, „весь народъ московскій"— одно изъ лучшихъ созданій драматурга. Къ ихъ же числу принадлежитъ и дьякъ Осипъ Тимофеевъ, о которомъ также говорится въ „Сказаніи" Авраама Палицына. „Гордяшеся же въ безуміи Ростр ига, читаемъ мы тамъ, и повелѣ въ титлахъ писати себе наяснѣйшимъ непобѣдимымъ цесаремъ нарицашеся. Мняше же окаянный мало еже и царское имя носити, но вышшую и честнѣйшую честь желаше привлещи. Сему же зазрѣвъ нѣкто отъ чина вельможска діякъ Тимоѳей Осиповъ нарицаемь, мужъ благочестивъ образомъ и нравомъ. Той же добродѣтельный мужъ видѣ многа зла творима Ростригою съ совѣтники его. Къ симъ же еще несвойственное и великое имя на себе привлече человѣкъ тлѣненъ и всегда страстьми побѣждаемь внѣшними и внутренними, а непобѣдимымъ цесаремъ нарицашеся, и яко Богу противна являетъ себе, ревность по Бозѣ пріимъ Тимоѳей, и въ дому своемъ постъ и молитву со слезами къ Богу принесе, и причастився честныхъ и животворящихъ таинъ пречистаго Тѣла и Крови Христа Бога нашего, и пришедъ въ палаты царевы со дерзно-

---

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., т. XI, стр. 125.

[2]) Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы; и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, сочиненное онаго же Троицкаго монастыря келаремъ Авраамiемъ Палицынымъ. Печатано въ Московской типографіи 1784 года, стран. 21.

веніемъ предъ всѣми Ростригу обличивъ, яко ты, рече, воистинну Гришка Отрепьевъ, Рострига а не непобѣдимый цесарь, ни царевъ сынъ Димитрій, но грѣху рабъ, и еретикъ. Рострига же не стерпѣвъ обличенія и осрамотися, въ той часъ смерти предастъ его, и тако скончавъ теченія своего подвигъ доблій мученикъ" [1]).

Посмотрите, какія рѣчи вложилъ драматургъ въ уста этого „подвижника вѣры". На вопросъ Димитрія, чего желаетъ онъ отъ милостей царевыхъ, Осиповъ отвѣчалъ:

„Смерти!
Какой ты царь? Тебѣ-ль управить царствомъ,
Когда собой управить ты не въ силахъ!
Какой ты царь? Ты самъ въ оковахъ рабства!
Ты рабъ грѣха! Служитель сатаны,
Сѣдящій на престолѣ всероссійскомъ!
Воистинну разстрига, а не царь!"

и далѣе черезъ нѣсколько репликъ:

„Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти
И, причастясь святыхъ Христовыхъ Таинъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо,—
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану" (ч. II, сц. 1-я).

Я говорилъ выше о такъ называемомъ „Сказаніи еже содѣяся" и указывалъ тѣ мѣста хроники, въ которыхъ видны слѣды изученія этого „Сказанія". Въ немъ же драматургъ нашелъ упоминаніе объ отправленіи Самозванцемъ „въ Литву къ Королю Польскому пословъ, казначея своего любимаго Аѳанасья, Иванова сына, Власьева, съ товарищи" (стр. 19), а также приказаніе „снарядъ самой большой, опричь Царя пушки, и середней полковой и городовой, волочить за деревянный городъ, за Стрѣтенскіе ворота, на конецъ самыхъ Красныхъ слободъ, съ лѣвые стороны" (стр. 23). Афанасьевъ въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ хроники и названъ не просто думнымъ дьякомъ, а именно царскимъ казначеемъ, а вотъ что говоритъ одинъ изъ купцовъ въ 4-й сценѣ II-й части хроники:

„Большой нарядъ за Деревянный—городъ
Поволокли и ставятъ на лужку,
У Срѣтенскихъ воротъ, по-лѣво Красныхъ
Слободъ".

Врядъ ли можно еще точнѣе передать памятникъ.

[1]) Тамъ же, стр. 25.

Говорится въ „Сказаніи еже содѣяся" и о дьякѣ Тимофеѣ Осиповѣ, съ тою только разницею, что онъ пришелъ въ Кремль въ день смерти Самозванца, обличалъ его и „за то отъ того злочестиваго ругателя Тимофей убіенъ бысть, и сѣченъ саблями, и сверженъ съ сѣней на землю, гдѣ нынѣ житницы стоятъ" (стр. 25). Въ хроникѣ, какъ извѣстно, дѣло представлено такъ. Послѣ обличенія Самозванца Тимофей былъ имъ заключенъ въ тюрьму, откуда очевидно былъ выпущенъ заговорщиками, и въ день возстанія пришелъ во дворецъ и обратился къ Самозванцу съ слѣдующими словами:

„Проспался ль ты, безвременный царекъ?
Поди сюда! Покайся предъ народомъ!" (ч. II, сц. 6-ая)

послѣ чего на него бросается Басмановъ и убиваетъ его.

Чтобы объяснить, почему Островскій такъ представилъ дѣло, нужно обратиться еще къ одному источнику, именно къ „Лѣтописи Московской" Мартина Бера, гдѣ между прочимъ говорится: „одинъ изъ бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ царскій покой и закричалъ Димитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову наглецу" [1]).

Такимъ образомъ драматургъ свелъ какъ бы въ одно показанія двухъ памятниковъ, сдѣлавъ этимъ бояриномъ, требовавшимъ покаянія отъ Самозванца, Тимофея Осипова, „отъ чина вельможска діяка".

Должно замѣтить, что вся послѣдняя сцена хроники (ч. II, сц. 6-ая) написана на основаніи означенной „Лѣтописи Московской" Мартина Бера и „Истор. Госуд. Рос." Карамзина. Любопытно сопоставить хронику съ ея источникомъ. Вотъ начальный монологъ Басманова:

„А солнце ужъ высоко поднялось!
Со свадьбой мы все время перебили,
Смотали съ ногъ дворцовую прислугу,
Коморники встаютъ позднѣе насъ,—
Ни одного въ покояхъ. (*Набатъ*).
Ударяютъ!
Что̀ рано такъ? Аль праздникъ гдѣ?
Сегодня
Андроника, Стефана... Гдѣ-то близко...
Никакъ набатъ? И то набатъ! Вотъ горе!

„Въ 3 часа по полуночи, когда царь и польскіе господа покоились глубокимъ сномъ и не успѣли еще проспаться отъ вчерашняго похмѣлья, измѣнники вдругъ ударили во всѣ колокола, коихъ въ каждой церкви по пяти и по шести, въ нѣкоторыхъ же по двѣнадцати, а церквей въ Москвѣ по крайней мѣрѣ три тысячи" (стр. 59).

---

[1]) *Устряловъ*. „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ". Изд. 3. С.-Пб. 1859, ч. I, стр. 60.

Пожаръ теперь—бѣда! Перепугаешь
Гостей у насъ; Москва горѣть горазда:
Какъ примется, и не уймешь, покуда
Не выгоритъ поболѣ половины. (*По-
всемѣстный набатъ*).
По всѣмъ церквамъ! Ужасенъ звонъ
набата,
Отрывистый и частый! За ударомъ
Гудитъ ударъ и обливаетъ сердце
Томительной тоской передъ бѣдою
Невѣдомой!"

Нечего распространяться о томъ, какъ великолѣпенъ этотъ монологъ, наглядно показывающій, какъ умѣлъ Островскій перенестись въ прошлое и вложить въ уста дѣйствующаго лица рѣчи, наиболѣе правдоподобныя въ данный моментъ. Наша задача иная: указать тотъ источникъ, который давалъ толчокъ творческой мысли драматурга. Легко видѣть, что источникъ указанъ правильно. Но должно имѣть въ виду, что имъ однимъ не все здѣсь объясняется. Обратимъ вниманіе на то, что въ рукописи „Димитрія Самозванца" приведенный монологъ начинался съ теперешней второй строки, равнымъ образомъ кончался словами: „По всѣмъ церквамъ!" Теперешняя же первая строка, а также конечныя четыре строки написаны внизу страницы, ясно вставлены позднѣе. Ихъ слѣдуетъ сопоставить съ „Сказаніемъ еже содѣяся", гдѣ разсказъ объ этомъ днѣ начинается словами: „И въ субботу пятыя недѣли по Пасцѣ, свитающу утру и восходящу солнцу", а далѣе упоминается и о набатѣ. Но можно также думать, что въ данномъ случаѣ драматургъ, хотя и знакомый съ названнымъ „Сказаніемъ", почерпнулъ указанныя свѣдѣнія не прямо изъ него, а черезъ посредство Карамзина. Любопытно то, что въ концѣ той же (40-й) страницы рукописи, гдѣ находится монологъ Басманова, имѣются различные наброски, и между прочимъ слѣдующій:

„Съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечомъ въ другой.

Димитрій.

Коварный плутъ. Святыней прикрываетъ
Свой замыселъ, достойный сатаны".

И какъ разъ у Карамзина сказано: „Князь Василій Шуйскій, держа въ одной рукѣ мечъ, въ другой Распятіе, въѣхалъ въ Кремль, сошелъ съ коня, въ храмѣ Успенія приложился къ святой иконѣ Владимірской, и воскликнувъ къ тысячамъ: «во имя Божіе идите

на злаго еретика!» указалъ имъ дворецъ, куда съ грознымъ шумомъ и крикомъ уже неслися толпы, но гдѣ еще царствовала глубокая тишина!" [1]). А въ „Сказаніи еже содѣяся" этого ничего нѣтъ.

Дальше согласно Беру.

„Дмитрій.

Басмановъ, что такое?

Басмановъ.

Должно, пожаръ.

Дмитрій.

Поди, узнай, скорѣе.

(Басмановъ уходитъ на галлерею).

Басмановъ *(съ галлереи)*.

Бояре! Эй! Бояре!... За набатомъ
Рѣчей не слышно... Ась?... Зачѣмъ въ набатъ
Ударили?

Голосъ *(за сценой)*.

Горитъ неподалеку.

Басмановъ.

Кричатъ: горитъ! а дыму не видать.
(Дмитрію).
Никакъ въ Кремлѣ! Чу! Слышишь, зашумѣли,
Валятъ толпы народныя.

Дмитрій *(у окна)*.

Развѣдай,
Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда?
(Басмановъ уходитъ)".

. . . .

„Димитрій, изумленный тревогою, немедленно приказалъ своему любимцу, Басманову, узнать о причинѣ смятенія. Но коварные бояре отвѣчали вельможѣ, что имъ неизвѣстно, отъ чего волнуется народъ, и что вѣроятно случился гдѣ-нибудь пожаръ. Когда же съ громомъ набатовъ соединились неистовые крики, достигшіе внутреннихъ покоевъ, Димитрій выслалъ Басманова вторично съ повелѣніемъ удостовѣриться, точно ли открылся пожаръ, а самъ оставилъ свое ложе и спѣшилъ одѣться" (стр. 60).

Какъ видимъ, и въ хроникѣ и у Бера Димитрій дважды посылаетъ Басманова узнать, что такое случилось, хотя и Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ, но у послѣдняго въ этомъ мѣстѣ нѣтъ обращенія къ боярамъ, а говорится о толпѣ, встрѣтившей Басманова. Въ дальнѣйшемъ хроника нѣсколько расходится съ „Лѣтописью", не столько въ самыхъ фактахъ, сколько въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Послушаемъ сначала, что разсказываетъ Беръ.

---

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., изд. Эйнерлинга, т. XI, стр. 167—168.

„Басмановъ видитъ весь дворъ, наполненный людьми вооруженными, и спрашиваетъ: чего они хотятъ? что значитъ колокольный звонъ? Народъ завопилъ: «Выдай Самозванца, тогда узнаешь отвѣтъ нашъ!»

Не сомнѣваясь въ бунтѣ, Басмановъ бросился назадъ, приказалъ копьеносцамъ не впускать ни одного человѣка, а самъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ царю, рвалъ на себѣ волосы и говорилъ ему: «Бѣда, государь! Народъ требуетъ головы твоей! Ты самъ виноватъ: зачѣмъ не послушалъ вѣрныхъ Нѣмцевъ!» Между тѣмъ, одинъ изъ бояръ ворвался, сквозь толпу тѣлохранителей, въ царскій покой и закричалъ Димитрію: «Ну, безвременный царь! проспался ли ты? Зачѣмъ не выходишь къ народу и не даешь ему отчета?» Вѣрный Басмановъ, схвативъ царскій палашъ, срубилъ голову наглецу. Самъ Димитрій вышелъ въ переднюю, гдѣ были его алебардщики, выхватилъ мечъ у Курляндскаго дворянина Вильгельма Шварцгофа и, грозя имъ народу, кричалъ: я вамъ не Борисъ! Но встрѣченный выстрѣлами, спѣшилъ удалиться. Басмановъ же подошелъ къ толпѣ бояръ и просилъ ихъ не выдавать государя. Татищевъ, знатный вельможа, обругалъ его, какъ нельзя хуже, и ударилъ своимъ длиннымъ ножемъ такъ, что онъ палъ мертвый. Бояре бросили его съ крыльца, вышиною въ 12 саженъ. Такъ погибъ за царя этотъ герой, другъ и покровитель Нѣмцевъ.

Мятежники, ободренные смертію храбраго и осторожнаго мужа, какъ псы кровожадные, кинулись на тѣлохранителей, требуя выдачи обманщика. Царь снова явился предъ буйною толпою и хотѣлъ разогнать ее палашемъ; но легко ли было одолѣть такое множество! Чернь вырубила нѣсколько досокъ въ стѣнѣ, вломилась въ палаты и обезоружила копьеносцевъ. Димитрій же едва могъ убѣжать во внутренніе покои. Нѣмцы заперлись изнутри и стали за дверями.

Устрашенный царь бросилъ палашъ, не говорилъ ни слова, рвалъ на себѣ волосы и потомъ скрылся въ другой комнатѣ. Русскіе, стрѣляя въ дверь перваго покоя, заставили нѣмцевъ отойти въ сторону: наконецъ раздробили ее топорами“ (стр. 60—61).

Прежде чѣмъ обратиться къ хроникѣ, замѣтимъ, что у Карамзина слова Басманова Самозванцу переданы такъ: „Все кончилось! Москва бунтуетъ: хотятъ головы твоей: спасайся! Ты мнѣ не вѣрилъ!“ Самозванецъ же кричалъ народу: „я вамъ не Годуновъ“.

Должно имѣть въ виду, что въ рукописи дальнѣйшая часть сцены первоначально была значительно короче, чѣмъ теперь. А именно монологъ Димитрія, на которомъ мы остановились:

„Развѣдай,
Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда?...“ и т. д.

составлялъ одно цѣлое съ слѣдующей его репликой: „Измѣнники, бояре, вы согнали“ и заключалъ всего девять строкъ вмѣсто теперешнихъ двадцати трехъ. Реплика Басманова, раздѣляющая монологъ Димитрія на двѣ части, въ рукописи была послѣ него, и сцена развивалась такъ:

„(*Басмановъ съ нѣмцами. Слышенъ звонъ оружія*).

БАСМАНОВЪ.

Спасайся государь
Скорѣй сюда!

ДИМИТРІЙ.

Подайте мечъ! (*Беретъ мечъ*).

БАСМАНОВЪ.

Мятежъ въ разгарѣ полномъ!
Остановись!

ДИМИТРІЙ.

Пусти меня, Басмановъ. (*Басмановъ беретъ другой мечъ*).
Зачѣмъ вы здѣсь. Я вамъ не Годуновъ.

НАРОДЪ (*выстрѣлы*).

Руби его! Стрѣляй! Да, бейте нѣмцевъ.
Что ихъ жалѣть! Чего они мѣшаютъ.

ДИМИТРІЙ.

Измѣнники! Крамольники! Злодѣи!

БАСМАНОВЪ.

Спасай себя! Я съ нѣмцами останусь!
Мы здѣсь умремъ! Отсюда я ни шагу.
Ищи себѣ спасенья, промышляй
Лишь о себѣ.

ДИМИТРІЙ.

[Скажи] За что [жь меня] Басмановъ
Не полюбилъ народъ?

БАСМАНОВЪ.

Ты самъ виною,
Коль сѣлъ на тронъ, тотъ будь на немъ ц(аремъ).

ДИМИТРІЙ.

Ты правъ, ты правъ Басмановъ
Слуга и другъ.

Басмановъ.

До гроба, Государь.

Голоса.

Ломайте дверь! Рубите топорами!

Басмановъ.

Бѣги! Бѣги!

Димитрій.

Марина! ахъ Марина (*убѣгаетъ*).

(*Разламываютъ дверь*)".

Извѣстно, что Островскій работалъ такъ сказать эскизно, набрасывалъ ту или другую сцену начерно, какъ бы боясь позабыть тѣ мысли, которыя пришли ему въ голову, а потомъ уже отдѣлывалъ ее и при томъ неоднократно. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Драматургъ набрасываетъ сцену такъ, какъ она сложилась у него первоначально, и потомъ обрабатываетъ ее, можетъ быть, вновь справляясь съ своими источниками, чѣмъ и объясняется это дословное сходство, то съ Карамзинымъ, то съ Беромъ. Такъ, напр., у Карамзина онъ прочелъ о Микулинѣ, стрѣлецкомъ головѣ, выказавшемъ особую вѣрность Самозванцу и изрубившемъ своихъ же стрѣльцовъ-мятежниковъ. Тамъ же, какъ мы видѣли, онъ нашелъ замѣчаніе о Василіи Щуйскомъ, „съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечомъ въ другой" вступающемъ въ Кремль. А у Бера, какъ мы знаемъ, прочелъ драматургъ замѣчаніе о какомъ-то дворянинѣ, ворвавшемся въ покои, обратившемся къ Самозванцу съ словами: „Ну, безвременный царь! проспался ли ты?" и зарубленномъ Басмановымъ. Должно только замѣтить, что встрѣчи Дмитрія съ Шуйскимъ въ этой сценѣ въ нашей рукописи нѣтъ.

Но зачѣмъ ввелъ Островскій Молчанова и весь этотъ діалогъ Дмитрія съ этимъ послѣднимъ? Это заслуживаетъ вниманія еще и потому, что въ названныхъ источникахъ объ этомъ лицѣ не было и рѣчи. Тутъ уже дѣйствовали соображенія чисто литературнаго характера, чисто сценическія. У драматурга не было иной возможности познакомить зрителей съ тѣмъ, что происходило за сценой, какъ только путемъ діалога, а познакомить съ этимъ, конечно, было необходимо.

Въ дальнѣйшемъ эта сцена въ хроникѣ тоже сходна то съ Беромъ, то съ Карамзинымъ, хотя больше замѣчается сходства съ послѣднимъ. Такъ, напр., слова В. Шуйскаго:

„Спасайте бабъ! Возьми Талицевъ стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай! Не съ бабами воюемъ!“

находятъ соотвѣтствіе въ „Исторіи Государства Россійскаго“, гдѣ между прочимъ сказано, что „бояре спасли Марину,.... опечатавъ все достояніе бывшей царицы, дали ей стражу для безопасности“ (стр. 171). Но съ другой стороны въ рукописи есть еще одна реплика Шуйскаго, которой нѣтъ въ печатномъ текстѣ:

„Маринку проводите
Подъ стражею на воеводскій дворъ“,

въ чемъ можно видѣть отзвукъ показанія гофмейстерины, подъ юбку которой спряталась будто бы царица. На вопросъ бояръ, требовавшихъ, чтобы она призналась, куда скрылась царица, она по словамъ „Лѣтописи Московской“ отвѣтила: „Сегодня рано поутру мы отправили ее въ домъ пана воеводы Сендомирскаго: тамъ она и теперь“. Въ чемъ несомнѣнно видны слѣды „Лѣтописи Московской“, это въ словахъ Валуева:

„Благословить ужъ развѣ
По-своему тебя, свистунъ!“

У Бера конецъ Димитрія переданъ такъ: „Третій, ударивъ его по лицу, закричалъ: „Говори, к... с..., кто ты, кто твой отецъ и откуда ты родомъ?“ „Вы всѣ знаете, отвѣчалъ Дмитрій, что я царь вашъ, сынъ Іоанна Васильевича. Спросите мать мою: она въ монастырѣ; или выводите меня на Лобное мѣсто и дозвольте мнѣ объясниться“. Тутъ выскочилъ съ ружьемъ одинъ купецъ, по имени Валуевъ, и сказалъ: „чего толковать съ еретикомъ? Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна!“ прострѣлилъ его насквозь“ (стр. 63). А все-таки Валуевъ и Воейковъ у Островскаго названы дворянами, какъ и у Карамзина, хотя слова Валуева у послѣдняго не приведены. Итакъ Карамзинъ и Мартинъ Беръ — вотъ источники послѣдней сцены хроники.

У Карамзина, однако, ни слова не говорится объ угрозѣ сжечь дома стрѣльцовъ, что побудило послѣднихъ выдать Димитрія мятежникамъ. Но вотъ что сказано въ „Дневникѣ польскихъ пословъ“: „Стрѣльцы рѣшились оборонять его (Дмитрія) и когда заговорщики бросились къ нему, нѣкоторыхъ застрѣлили; бояре и дворяне, принужденные отступить, закричали: «Пойдемъ въ городъ, въ стрѣлецкіе домы, и перебьемъ всѣхъ женъ и дѣтей ихъ!» Устрашенные угро-

зою, стрѣльцы бросили ружья на землю; а бояре и дворяне приступили къ царю съ бранью, называя его Гришкою Отрепьевымъ" [1]).

Предшествующая пятая сцена II-ой части пьесы заканчивается слѣдующимъ приказомъ Дмитрія Басманову:

„Голицына и Шуйскаго безъ шуму,
Когда пиры мы кончимъ, посадить
За приставы, всю ихъ родню, знакомыхъ,
И близкихъ имъ! Не подавай и виду:
Пусть думаютъ, что мы не бережемся.
У нихъ въ глазахъ недоброе!

Басмановъ.

Исполню".

А вотъ что говоритъ въ своихъ „Запискахъ" Маржеретъ, единственный, кажется, въ данномъ случаѣ источникъ: „Въ то время Димитрій, увѣдомленный и своимъ тестемъ, воеводою Сендомирскимъ, и секретаремъ, и Басмановымъ, и другими лицами о умыслѣ на жизнь свою, повелѣлъ взять нѣкоторыхъ людей подъ стражу; впрочемъ, казалось, не очень вѣрилъ извѣту" [2]).

Не могъ драматургъ оставить безъ вниманія и „Дневника Марины", напечатаннаго, какъ извѣстно, у того же Устрялова. Въ „Дневникѣ" вполнѣ естественно указанъ подробный маршрутъ царицы, и драматургъ заимствовалъ слѣдующее показаніе даннаго источника: „2 мая царица имѣла свой ночлегъ въ Можайскѣ, а панъ воевода въ селеніи Вязомѣ, въ 6 миляхъ отъ Москвы" [3]). И Бучинскій въ хроникѣ на вопросъ Дмитрія, „далеко ли теперь невѣста наша" отвѣчаетъ:

„Ея ясновельможность, цесаревна
Марина Юрьевна,—теперь въ Можайскѣ;
Его—мосць, воевода Сендомирскій
Ясновельможный панъ, въ Вяземахъ къ ночи" (ч. II, сц. 1-ая).

Разница только въ томъ, что въ хроникѣ сцена, въ которой произносятся эти слова, датирована 23 апрѣля. Но это, конечно, никакого значенія не имѣетъ.

Тутъ же нашелъ драматургъ и свѣдѣнія о подаркахъ, посланныхъ Маринѣ на встрѣчу въ Вязьму, и въ село Вяземы. „Здѣсь

---

[1]) *Устряловъ*, назв. соч., ч. II, стр. 238.
[2]) *Устряловъ*, Сказанія соврем. о самозв. Изд. 3-е, 1859, ч. I, стр. 302—303.
[3]) Назв. соч., ч. 2-ая, стр. 141.

Аѳанасій вручилъ царицѣ драгоцѣнные подарки, а именно: алмазную корону, брилліантовую повязку на шляпу, алмазную запону, 4 снурка крупнаго восточнаго жемчугу, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу, и двое золотыхъ часовъ: одни въ баранѣ, а другіе въ верблюдѣ.... Сюда прислано изъ Москвы 6 лошадей для пана воеводы; а намъ, что всего важнѣе, привели цѣлый царскій табунъ. 6 мая ночлегъ царицы былъ по прежнему въ Вязомѣ. Панъ Бучинскій снова привезъ ей подарки: восемь драгоцѣнныхъ ожерельевъ и столько же кусковъ самой лучшей парчи..... 7 мая царица провела сей день по прежнему въ Вязомѣ. Туда пригнали табунъ прекрасныхъ лошадей, изъ которыхъ до 80 она раздарила своимъ дворянамъ и слугамъ“ [1]). И вотъ что сдѣлалъ изъ этого драматургъ. Послѣ вышеприведеннаго отвѣта Бучинскаго о томъ, гдѣ теперь царица и панъ воевода, читаемъ:

Дмитрій.

„Табунъ коней послать ему для встрѣчи!
Не помнишь-ли, какіе мы подарки,
Послѣдніе послали съ Аѳанасьемъ
Навстрѣчу ей, царицѣ нашей, въ Вязьму?

Бучинскій.

Двѣ запоны алмазныя, корону
Алмазную, часы да жемчугъ низанъ.

Дмитрій.

И только, Янъ? Да это мало! Что-бы
Еще послать? А вотъ что, панъ Бучинскій:
Свези еще ей восемь ожерельевъ,
И столько же кусковъ парчи на платье...
А жемчугу въ казнѣ какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убываетъ;
Куда дѣвать, придумать не могу“ (ч. II, сц. 1-ая).

Въ пятой сценѣ II-ой части хроники есть одна любопытная подробность. Олесницкій, показывая В. Шуйскому на Юрія Мнишка, говоритъ:

„Безъ шапки воевода Сандомирскій,
И спину гнетъ на старости кольцомъ.

Василій Шуйскій.

Тебѣ примѣръ даетъ.

Олесницкій.

Я понимаю“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 140, 141, 143, 146.

А въ „Дневникѣ Марины“ читаемъ: „22 мая.... Послѣ обѣда гости танцовали. Царь, переодѣвшись въ гусарское платье, танцовалъ сперва съ царицею, а потомъ съ паномъ воеводою. При чемъ наблюдалась такая церемонія: всѣ паны, желавшіе танцовать, подходили прежде къ царской рукѣ, а потомъ шли попарно, снявъ шапки. Панъ воевода съ посломъ былъ въ послѣдней парѣ. Паны родственники танцовали также съ открытою головою; но посолъ былъ въ шапкѣ, которую снималъ только проходя мимо царя“ [1]).

Въ первой сценѣ II-ой части Бучинскій докладываетъ Дмитрію, что

„Царицу безпокоитъ,
Что усмотрѣть не можно за прислугой;
Что наши грубы съ русскими, и много
И ссоръ, и дракъ бываетъ на дорогѣ.
Боится, чтобъ въ Москвѣ не сталось то же“.

Источникъ этихъ словъ—тотъ же „Дневникъ Марины“, гдѣ читаемъ: 26-го апрѣля ночлегъ въ Дорогобужѣ... 27 тамъ же. Наши грубо обходились съ русскими. Для обузданія своевольныхъ, у насъ назначены судьи и предписаны правила, коихъ никто, однако, не исполнялъ. Янъ Бучинскій посланъ къ царю“ [2]).

Говоря объ этихъ иностранныхъ источникахъ, нужно отмѣтить, что изъ нихъ, главнымъ образомъ, конечно, изъ польскихъ, какъ „Дневникъ Марины“, „Дневникъ Маскѣвича“, взяты польскія слова: жолнеръ, рокошъ, пахоликъ [3]), встрѣчающіяся въ хроникѣ.

Выше уже было указано, что Островскій пользовался, какъ источниками, и подлинными грамотами. Отмѣтимъ еще нѣсколько мѣстъ хроники, гдѣ сказалось ихъ вліяніе. Въ третьей сценѣ I-ой части, между прочимъ, Дмитрій приказываетъ Бучинскому

„Поздравить папу
Со днемъ вступленья на престолъ Петра,
Пиши ему учтивостей побольше!
А вмѣсто прежнихъ нашихъ обѣщаній
Вводить латинство, мы теперь напишемъ,
Что мы не праздны на престолѣ царскомъ,
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотимъ начать войну съ султаномъ турскимъ.
А между тѣмъ поди, скажи Игнатью,
Чтобъ грамоту теперь-же заготовилъ

[1]) Тамъ же, стр. 159.
[2]) Тамъ же, стр. 140.
[3]) Тамъ же, стр. 7, 21.

И разослалъ, какъ будетъ патріархомъ,
По городамъ, чтобы молебны пѣли
За насъ, царя и за царицу-мать,
И Господа просили, да возвысить
И вознесетъ онъ царскую десницу
Надъ бесерменствомъ и латинствомъ".

А вотъ что писано между прочимъ въ длинной и полной учтивостей грамотѣ къ римскому папѣ Павлу V по случаю избранія его на папскій престолъ: „возложа надежду на Его же Божескую помощь и покровительство, воспріяли намѣреніе не въ праздности и бездѣйствіи жизнь препроводить, но по крайней возможности стараться о пользѣ церкви святой и всего христіанства, и для того соединить наше войско съ силами Державнѣйшаго Императора Римскаго на жесточайшихъ и безчеловѣчнѣйшихъ враговъ Креста Христова" [1]. Въ окружной же грамотѣ патріарха Игнатія въ Сибирь „о воспріятіи Лжедимитріемъ Царской короны, о посвященіи его Игнатія въ Патріархи всея Россіи, о собраніи всѣхъ состояній Христіанъ въ соборную церковь, для прочтенія сей Грамоты, во услышаніе всѣмъ и объ отправленіи съ колокольнымъ звономъ по всѣмъ церквамъ молебновъ, за здравіе новаго Царя и матери его Царицы" между прочимъ сказано: „молили бъ всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Господа Бога,..... и возвысилъ бы Господь Богъ ихъ Царскую десницу надъ Латинствомъ, и надъ бесерменствомъ и надъ всѣми враги ихъ..." [2])

Грамоты оказали свое вліяніе и въ общей характеристикѣ Самозванца. Въ разговорѣ съ Басмановымъ по поводу заговора В. Шуйскаго Дмитрій замѣчаетъ:

„Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство—страхъ!
. . . .
Другое средство лучше и надежнѣй,—
Щедротами и милостью царить.
. . . .
Я никого не осужу одинъ
И не пролью ни капли крови русской!" (ч. I, сц. 3-я).

Эти слова Дмитрія должно сопоставить съ слѣдующимъ мѣстомъ изъ письма къ Самозванцу его секретаря Яна Бучинскаго: „Да ї то язъ Корωлю сказалъ; коли язъ билъ челωмъ вшей црской мл҃сти о Шѹискихъ, чтобъ ихъ не выпѹщалъ и не высвовожалъ по тому, какъ

[1]) Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, стр. 232—233.
[2]) Тамъ же, стр. 204—205.

ихъ выпустить, і отъ нихъ бѹдетъ страхъ; такъже і Годѹновыхъ, і вы мнѣ то отказали, что напередъ всегѡ Бгу ты обещалъ тогѡ ея беречи, чтобъ ни ѡдной Кртьянской крови не прѡлилося, і дѣлаетъ такъ по своему обѣтѹ, і не ѹмѣлъ язъ того ѹ васъ ѹмолити; и сказалъ мнѣ вша Црская млсть, что ѹ тебя два обрасцы были, которымибъ црства ѹдержати: единъ образецъ быть мѹчителемъ, а дрѹгѡи образецъ не жалѣть харчѹ великого, всѣхъ жаловать" [1]). Слѣдуетъ оговориться, что и Карамзинъ отмѣчаетъ эту черту Самозванца, который, по его словамъ, „хвалился, подобно Борису, милосердіемъ, кротостію, великодушіемъ, и твердилъ людямъ ближнимъ: «я могу двумя способами удержаться на престолѣ: тиранствомъ и милостію; хочу испытать милость и вѣрно исполнить обѣтъ, данный мною Богу: не проливать крови" [2]). Но такъ какъ Дмитрій между прочимъ говоритъ своему секретарю:

„И вотъ, Бучинскій, средство
Изъ бывшаго врага мнѣ сдѣлать друга
И лучшаго слугу!"

то можно думать, что письмо самого Бучинскаго было драматургу, конечно, извѣстно, хотя этому утвержденію какъ будто противорѣчитъ слѣдующее обстоятельство. Въ отмѣченныхъ выше замѣткахъ въ рукописи, представляющихъ собою конспективное изложеніе событій того времени, вѣроятно, по Карамзину, есть одна, которая гласитъ такъ: „Простилъ Шуйскаго по совѣту или Бучинскаго поляковъ, или Власьева", при чемъ слово „Бучинскаго" надписано сверху строки. Противорѣчіе это можно объяснить тѣмъ, что съ грамотой драматургъ познакомился уже послѣ того, какъ была написана эта замѣтка. А выше я указывалъ на перечисленные самимъ Островскимъ въ рукописи источники, и изъ нихъ первый — С. Г. Г. и Д. II № 121, а это именно и есть цитированное мною письмо къ Самозванцу Бучинскаго.

Не приводя другихъ грамотъ, замѣчу лишь, что въ нихъ драматургъ могъ прочитать и о нетерпѣніи Самозванца увидѣть Марину и его радости при вѣсти о ея приближеніи (грам. №№ 113, 116—118), о жалобахъ его на уменьшеніе титуловъ (№№ 97, 102, 103), объ отправленіи денегъ въ Польшу (№№ 102, 104, 126—128, 133—135), о войнѣ съ турками (№ 126) и т. п.

Я уже указывалъ на то, что однимъ изъ главныхъ источниковъ

[1]) Тамъ же, стр. 261.
[2]) *Карамзинъ*, И. Г. С. изд. Эйнерлинга, т. XI, стр. 126.

Островскаго при созданіи хроники была „Исторія Государства Россійскаго", что послѣдняя сцена пьесы написана на основаніи этого труда вмѣстѣ съ „Лѣтописью Московской" Мартина Бера. Точно также служилъ Карамзинъ источникомъ для сцены второго заговора Шуйскаго (ч. II, сц. 3-я), но, конечно, нѣкоторыя подробности развиты согласно другимъ памятникамъ, какъ напр. указанная раньше реплика Голицына: „И воля намъ невольная была", для которой источникомъ служило „Иное сказаніе".

Должно также имѣть въ виду, что многія подробности введены въ сцену въ силу соображеній чисто литературнаго и сценическаго характера, что этихъ подробностей и не могло быть у Карамзина. Послѣдній служилъ источникомъ такъ сказать въ историческомъ отношеніи, т. е. въ указаніи, кто былъ сторонникомъ Шуйскаго и присутствовалъ во время этого заговора, что говорили заговорщики, что они постановили, какъ ручались за другихъ и т. п. Такимъ образомъ трудъ Карамзина давалъ прежде всего какъ бы канву, по которой драматургъ и расшивалъ свой рисунокъ, пользуясь отчасти той же „Исторіей Государства Россійскаго", а также и лѣтописными источниками.

Остановимся теперь на сценѣ свиданія Дмитрія съ Маѳой, такъ какъ эта сцена заслуживаетъ по нѣкоторымъ обстоятельствамъ особаго вниманія. Послушаемъ, однако, что говоритъ объ этомъ свиданіи Карамзинъ: „Уже Самозванецъ около мѣсяца властвовалъ въ Москвѣ, а народъ еще не видалъ Царицы-Инокини, хотя она жила только въ пяти стахъ верстахъ оттуда: ибо Лжедимитрій не могъ быть увѣренъ въ ея согласіи на обманъ, столь противный святому званію Инокини и материнскому сердцу. Тайныя сношенія требовали времени: съ одной стороны представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть; въ случаѣ упрямства, страшнаго для обманщика, могли задушить несчастную — сказать, что она умерла отъ болѣзни или радости, и великолѣпными похоронами мнимой Государевой матери успокоить народъ легковѣрный. Вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности; 13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ—и не усомнилась въ выборѣ. Тогда Лжедимитрій уже гласно послалъ къ ней въ Выксинскую пустынь Великаго Мечника, Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, и другихъ людей знатныхъ съ убѣдительнымъ челобитьемъ нѣжнаго сына благословить его на Царство — и самъ, 18-го іюля, выѣхалъ встрѣтить

ее въ селѣ Тайнинскомъ.—Дворъ и народъ были свидѣтелями любопытнаго зрѣлища, въ коемъ лицемѣрное искусство имѣло видъ искренности и правды. Близъ дороги разставили богатый шатеръ, куда ввели Царицу, и гдѣ Лжедимитрій говорилъ съ нею наединѣ — не знали, о чемъ; но увидѣли слѣдствіе: мнимые сынъ и мать вышли изъ шатра, изъявляя радость и любовь; нѣжно обнимали другъ друга, и произвели въ сердцахъ многихъ зрителей восторгъ умиленія. Добродушный народъ обливался слезами, видя ихъ въ глазахъ Царицы, которая могла плакать и нелицемѣрно, воспоминая объ истинномъ Димитріи, и чувствуя свой грѣхъ предъ нимъ, предъ совѣстію и Россіею!" (стр. 127—128). Къ этому нужно прибавить кое-что изъ того, что говорится въ окружной грамотѣ отъ царицы-инокини Мареы Өеодоровны къ воеводамъ Сибирскихъ городовъ о прельщеніи ея Лжедимитріемъ Отрепьевымъ [1]). „Нынѣ всѣмъ явно, читаемъ тамъ, что онъ (т. е. Лжедимитрій) не нашъ сынъ Царевичь Дмитрей, воръ, богоотступникъ, еретикъ; а сынъ нашъ Царевичь Дмитрей Ивановичь убитъ на Угличѣ передо мною и передъ братьею моею, отъ Бориса Годунова, а нынѣ онъ лежитъ на Угличѣ;..... и онъ (Лжедимитрій), вѣдая свое воровство, по насъ Великую Государыню не посылалъ многое время, а прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобъ къ намъ никто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собою пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеньемъ, чтобъ мнѣ его не обличить, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убивствомъ, чтобъ намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя смерти не навести....."

Сопоставимъ съ этими источниками нашу хронику. Нечего говорить о томъ, что отсюда взята вся такъ сказать историческая обстановка, т. е. что свиданіе происходило въ шатрѣ въ селѣ Тайнинскомъ, 18-го іюля 1605 г., что за Мареой былъ посланъ М. Скопинъ-Шуйскій и другія знатныя лица, что при личномъ свиданіи царицы съ Димитріемъ никто не присутствовалъ, что къ народу они вышли обнявшись. Эти подробности должно отмѣтить потому, что нѣкоторые, видя въ данной сценѣ вліяніе Шиллеровскаго „Димитрія", указывали на то, что даже шатеръ взятъ Островскимъ у Шиллера [2]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д. т. II, № 146, стр. 307.

[2]) *А. Лютеръ.* „Лебединая пѣснь Шиллера". Сборн. „Подъ знаменемъ науки". М. 1902, стр. 361.

Эти же данныя, несомнѣнно, заставляли драматурга ввести въ сцену разговоръ царицы съ Скопинымъ-Шуйскимъ, который кромѣ того необходимъ для ознакомленія зрителя съ положеніемъ дѣлъ. Разговоръ этотъ построенъ на той главной мысли, что царицу, по ея словамъ, „вытащили изъ монастырской кельи". Ту же мысль высказываетъ Мароа и Басманову. А мы видѣли, что въ „Окружной грамотѣ" говорится то же самое: „а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести". Ввести Басманова въ число дѣйствующихъ лицъ данной сцены драматурга всего скорѣе могло побудить замѣчаніе Карамзина, что Дмитрій послалъ за царицей М. Скопина-Шуйскаго и другихъ знатныхъ людей. Врядъ ли можно допустить, что Басманова не было въ это время съ Димитріемъ. Разговоръ царицы съ Басмановымъ касается прежде всего, какъ это и естественно ожидать, ея насильственнаго привоза въ Москву; далѣе идутъ воспоминанія ея о сынѣ, при чемъ она высказывается рѣшительно въ томъ смыслѣ, что ея сынъ похороненъ въ Угличѣ, но вѣдь то же самое говорится и въ окружной грамотѣ царицы. Воспоминаніе о сынѣ вызываетъ съ одной стороны замѣчаніе Басманова, что ему „такихъ рѣчей слушать непригоже", съ другой — его же предложеніе забыть все это, помнить лишь, что царица перетерпѣла отъ Бориса, и указаніе, что „пришла пора поцарствовать" и ей, и наконецъ угрозы по адресу царицы. Но что предлагали ей во время тайныхъ отношеній съ ней Самозванца, о которыхъ говоритъ Карамзинъ? „Съ одной стороны, по словамъ историка, представили ей жизнь Царскую, а съ другой муки и смерть". Не одно ли то же находимъ мы тутъ и тамъ? Но спрашивается, не одно ли то же должны были говорить ближайшіе сторонники Самозванца его мнимой матери, которую имъ было такъ важно привлечь на его сторону? Отвѣтъ Мароы на угрозы Басманова вполнѣ естественный и правдоподобный въ устахъ бывшей царицы, жены Іоанна Грознаго. Отвѣтъ ея на предложеніе Басманова забыть все и помнить лишь, „что она всю жизнь терпѣла отъ злодѣевъ", также правдоподобенъ и соотвѣтствуетъ ея общему образу, какъ онъ задуманъ Островскимъ. Въ противоположность Карамзину, утверждающему, что „вдовствующая супруга Іоаннова, еще не старая лѣтами, помнила удовольствія свѣта, Двора и пышности", драматургъ изображаетъ ее старухой. Но вѣдь состариться она могла не только годами. И послушайте, что дальше говоритъ о ней историкъ: „13 лѣтъ плакала въ уничиженіи, страдала за себя, за своихъ ближнихъ". Такая жизнь, конечно, могла ее состарить, хотя бы она

была не старая годами [1]). Не должно упускать изъ виду, что царица все-таки не все позабыла, но только съ годами въ ней утихла злоба противъ Годунова, родъ котораго для нея все же проклятый, и злоба эта живетъ въ ней, лишь какъ воспоминаніе. Итакъ образъ Мареы задуманъ и выполненъ Островскимъ вполнѣ естественнымъ и правдоподобнымъ.

Обратимся къ дальнѣйшему содержанію настоящей сцены, къ встрѣчѣ и разговору Мареы съ Дмитріемъ. Изъ какихъ историческихъ фактовъ исходилъ драматургъ? Прежде всего изъ того, что Дмитрій этотъ—не былъ ея сыномъ, какъ она показала въ своей грамотѣ впослѣдствіи, и что царица съ ея мнимымъ сыномъ послѣ свиданія вышли изъ шатра обнявшись, какъ передаютъ лѣтописи. Къ какому же выводу можно было придти, исходя изъ этихъ фактовъ? Да, очевидно, къ тому, что Дмитрію удалось убѣдить Мареу принять его сторону. Вопросъ весь въ томъ, какъ онъ добился этого. Въ окружной грамотѣ царицы говорится, что Дмитрій угрожалъ ей и ея роднымъ смертью, если она его обличитъ. Насколько справедливо, однако, это показаніе царицы, писанное впослѣдствіи по смерти самозванца? Вѣдь несомнѣнно, что ей было выгодно даже оклеветать Дмитрія, представивъ дѣло такъ, что она признала Самозванца своимъ сыномъ подъ страхомъ смерти. Да дѣло-то въ настоящемъ случаѣ, собственно говоря, не въ томъ, права-ли была царица въ этомъ своемъ показаніи или нѣтъ. Она могла быть права, и все-таки Островскій, въ силу художественныхъ соображеній, могъ отвергнуть это ея показаніе, потому что угроза смертью въ устахъ Дмитрія, съ художественной точки зрѣнія, противорѣчила бы всему характеру Самозванца, какъ онъ былъ задуманъ Островскимъ, Самозванца, который, какъ намъ уже извѣстно, изъ двухъ способовъ удержаться на престолѣ, тиранства и милости, предпочиталъ послѣдній. Только впослѣдствіи, когда этотъ способъ не принесъ ожидаемыхъ результатовъ, онъ прибѣгнулъ къ другому, но было уже поздно. По отношенію къ Мареѣ ему не было основаній такъ дѣйствовать.

Какъ же долженъ былъ поступить драматургъ, какимъ качествомъ могъ онъ надѣлить Дмитрія, чтобы объяснить его успѣхъ въ объясненіи съ царицей Мареой? Изъ своихъ историческихъ источ-

[1]) Со времени свадьбы царицы прошло почти 25 лѣтъ. Она вышла замужъ за І. Грознаго, вѣроятно, въ сентябрѣ 1580 (Карамзинъ. И. Г. Р. т. IX, прим. 554). Въѣздъ въ Москву 18-го іюля 1605 г.

никовъ Островскій зналъ, что Димитрій былъ „реченіемъ многословесенъ" и „велерѣчивъ вельми". Даръ слова, конечно, могъ сыграть въ данномъ случаѣ главнѣйшую роль, и драматургъ именно на немъ и строитъ успѣхъ Самозванца, который „въ сценѣ съ Мареой является умнымъ и краснорѣчивымъ ораторомъ, умѣющимъ подѣйствовать одинаково на умъ и на сердце слушателя", какъ это признаютъ даже тѣ, кто видитъ въ этой сценѣ явное подражаніе Шиллеру" [1]). Итакъ настоящую сцену Островскій создалъ, исходя изъ тѣхъ данныхъ, какія онъ извлекъ изъ тщательно изученныхъ имъ историческихъ источниковъ, и прежде всего Карамзина.

Послѣдній также сообщилъ ему свѣдѣнія, которыми онъ воспользовался въ своей характеристикѣ Василія Шуйскаго. Конечно, какъ и у Пушкина, послѣдній и въ нашей хроникѣ остается „лукавымъ", если не царедворцемъ, то вообще лукавымъ человѣкомъ. Должно отмѣтить прежде всего то искусство, съ какимъ нашъ драматургъ изображаетъ это его лукавство, но этотъ вопросъ для насъ въ данномъ случаѣ второстепенный. Наша задача—опредѣлить источники, какими пользовался Островскій въ своей характеристикѣ Шуйскаго. Выше въ рѣчахъ этого послѣдняго былъ указанъ отзвукъ „Иного сказанія".

Чрезвычайно удачно вложилъ драматургъ въ уста В. Шуйскаго коварный совѣтъ относительно размѣщенія пріѣзжихъ поляковъ:

„Подъ воеводу (говоритъ онъ) домъ Борисовъ годенъ,
А для пановъ бояре потѣснятся
. . . .
Прислужниковъ царицыныхъ поставимъ
По улицамъ Чертольскимъ, по Арбату,
Въ самомъ Кремлѣ. Купцовъ, поповъ погонимъ
Изъ ихъ дворовъ; не маленькіе, сыщутъ
Пріютъ себѣ! Хоть нынче-жь вывозиться
Прикажемъ имъ" (ч. II, сц. 1-ая).

Краткое указаніе на это имѣется въ „Лѣтописи о многихъ мятежахъ": „Сендомирскагожъ поставиша на Царя Бориса старомъ дворѣ. Дочь же ево въ Вознесенской монастырь даша Царицѣ, всѣхъ же Пановъ поставиша по дворамъ боярскимъ, многимъ бо дѣлавше утѣсненія" (стр. 100). Но несомнѣнно, что Островскій воспользовался не только этимъ краткимъ свидѣтельствомъ лѣтописи, но и болѣе обширнымъ замѣчаніемъ Карамзина: „Дѣло менѣе важное, но

[1]) *А. Лютеръ*, указ. ст. стр. 361.

не менѣе безразсудное также возбудило негодованіе Бѣлаго Московскаго Духовенства: Лжедимитрій выгналъ всѣхъ Арбатскихъ и Чертольскихъ Священниковъ изъ ихъ домовъ, чтобы помѣстить тамъ своихъ иноземныхъ тѣлохранителей, которые жили большею частію въ слободѣ нѣмецкой, слишкомъ далеко отъ Кремля. Пастыри душъ, въ храмахъ торжественно молясь за мнимаго Димитрія, тайно кляли въ немъ врага своего, и шептали прихожанамъ о Самозванцѣ, гонителѣ Церкви и благопріятелѣ всѣхъ ересей" [1]). Ясно, что Островскій воспользовался обоими источниками, только вмѣсто „иноземныхъ тѣлохранителей" говоря о „прислужникахъ царицыныхъ". Слова Карамзина оправдались не только въ этой репликѣ Шуйскаго, но и въ другомъ мѣстѣ хроники, а именно въ разговорѣ посадскихъ (ч. II, сц. 4-ая) о томъ, какъ попъ Чертольскій отъ Знаменья

„Обѣдню онъ, какъ надо, отслужилъ;
Ектенію проговорилъ честь честью;
„Благочестиваго сказалъ порядкомъ,
А послѣ въ алтарѣ тихонько проклялъ".

Также у Карамзина заимствована и другая мысль, которую внушаетъ Шуйскій Дмитрію; успокаивая послѣдняго относительно расходовъ на войну, онъ замѣчаетъ:

„Пошлетъ Господь, такъ деньги соберутся:
Купцы дадутъ, въ монастыряхъ есть лишки" (ч. II, сц. 1-ая).

А вотъ что говоритъ Карамзинъ по этому поводу: „Какъ бы желая унизить санъ Монашества, онъ срамилъ Иноковъ, въ случаѣ ихъ гражданскихъ преступленій, безчестною торговою казнію; занималъ деньги въ богатыхъ Обителяхъ, и не думалъ платить сихъ долговъ значительныхъ; наконецъ велѣлъ представить себѣ опись имѣнію и всѣмъ доходамъ монастырей, изъявивъ мысль оставить только необходимое для содержанія Старцевъ, а все прочее взять на жалованье войску" [2]). Опять-таки только что приведенныя слова

---

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р. т. XI, стр. 144, изд. Эйнерлинга. Отмѣтимъ впрочемъ и другое мѣсто изъ Карамзина, который говоритъ: „Помѣстивъ Воеводу Сендомирскаго въ Кремлевскомъ домѣ Борисовомъ (вертепѣ Цареубійства!), взяли для его спутниковъ всѣ лучшіе дворы въ Китаѣ, въ Бѣломъ городѣ, и выгнали хозяевъ, не только Купцевъ, Дворянъ, Дьяковъ, людей Духовнаго сана, но и первыхъ Вельможъ, даже мнимыхъ родственниковъ Царскихъ, Нагихъ: сдѣлался крикъ и вопль." (Тамъ же, стр. 153).

[2]) Тамъ же, т. XI, стр. 144.

историка сказались въ той же выше упомянутой сценѣ разговора посадскихъ:

1-й посадскій.

„Монастыри хотятъ теперь очистить,
Прогнать изъ нихъ монаховъ и монахинь.
. . . .
Монахамъ женъ дадутъ, монахинь замужъ
Повыдадутъ. А кто не пожелаетъ,
Тому конецъ.

5-й посадскій.

Ни въ жизнь я не повѣрю.

1-й посадскій.

Ты вѣрь, не вѣрь, а деньги обираютъ
Въ монастыряхъ,—не проживешь безъ денегъ.

2-й посадскій.

И деньги-то святыя: на строенье
Да за душу міряне подавали;
А ихъ возьмутъ, полякамъ раздадутъ“.

Но, конечно, однимъ Карамзинымъ тутъ можно объяснить развѣ послѣднюю строчку. Все же остальное взято изъ „Иного сказанія“, гдѣ читаемъ: „Дабы намъ той радостный день Христова воскресенія предложити въ день плачевный, и святая было мѣста ему осквернити, иноческая монастыря въ домы и въ жилища поганцомъ сотворити, и юныхъ иноковъ и инокинь по злонравію своему образа иноческаго лишити и во свѣтлыя портища облачити, иноковъ умысли окаянный женити, а инокинь замужъ давати, а нехотящихъ повергнути Ангельскаго образа и невозжелѣвшихъ прелестнаго мимотекущаго житія иноковъ и инокинь всѣхъ подъ мечь подклонити, и вся быша злая въ сей недѣльный день онъ окаянный сотворити“ [1]).

Возвращаясь опять къ характеристикѣ В. Шуйскаго, должно замѣтить, что въ ней Островскій шелъ вслѣдъ Карамзину. Вотъ что говоритъ историкъ объ этомъ лицѣ: „Всѣми уважаемый какъ первостепенный мужъ государственный и потомокъ Рюриковъ, Василій Шуйскій былъ тогда идоломъ народа, прославивъ себя неустрашимою твердостію въ обличеніи Самозванца: пытки и плаха дали ему, въ глазахъ Россіянъ, блистательный вѣнецъ Героя-мученика, и никто изъ Бояръ не могъ, въ случаѣ народнаго движенія, имѣть столько

[1]) Временникъ 1853 г. кн. 16-ая. „Иное сказаніе“, стр. 33.

власти надъ умами, какъ сей Князь, равно честолюбивый, лукавый и смѣлый. Давъ на себя письменное обязательство въ вѣрности Лжедимитрію, онъ возвратился въ столицу, повидимому инымъ человѣкомъ: казался усерднѣйшимъ его слугою, и снискалъ въ немъ особенную довѣренность, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ ближнихъ людей Самозванца, которые говорили, что можно изъ милосердія, иногда одобряемаго Политикою, не казнить измѣнника и клятвопреступника, но безразсудно вѣрить его новой клятвѣ; что Шуйскій, не видавъ отъ Димитрія ничего кромѣ благоволенія, замышлялъ его гибель, а претерпѣвъ отъ него безчестіе, муки, ужасъ смерти, конечно не исполнился любви къ своему карателю, хотя и правосудному: исполнился, вѣроятнѣе, злобы и мести, скрываемыхъ подъ личиною раскаянія. Но легкоумный, гордый Самозванецъ..... хотѣлъ, чтобы князь Василій, подобно Мстиславскому, избралъ себѣ знатную невѣсту: Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову Ростовскую, свойственницу Нагихъ, и долженъ быть жениться черезъ нѣсколько дней послѣ Царской свадьбы—однимъ словомъ, бывъ угодникомъ Іоанновымъ и Борисовымъ, обворожилъ Разстригу нехитраго, сдѣлался его совѣтникомъ, и не для того, чтобы совѣтовать ему доброе!“ [1]).

Такимъ является Шуйскій и въ хроникѣ: припомните его льстивыя слова Масальскому, который привезъ ему помилованіе отъ царя, его слова своему брату Димитрію, что теперь для нихъ выбора нѣтъ: или плаха, или шапка Мономаха, припомните его лукавые совѣты Самозванцу, который совершенно справедливо считаетъ его умнѣе всѣхъ бояръ, но только совершенно напрасно довѣряется ему. Наконецъ онъ глава заговора. Не упустилъ драматургъ случая упомянуть и о предстоящей свадьбѣ Шуйскаго.

Обратимся теперь къ сценѣ второго заговора (ч. II, сц. 3-я). Вотъ что говоритъ о немъ Карамзинъ: „Въ то время какъ онъ (Самозванецъ) безпечно тѣшился и плясалъ со своими Ляхами—когда головы кружились отъ веселія и мысли затмѣвались парами вина—Шуйскій, неусыпно наблюдая, рѣшился уже не медлить, и въ тишинѣ ночи призвалъ къ себѣ не только сообщниковъ (изъ коихъ главными именуются Князь Василій Голицынъ и Бояринъ Иванъ Куракинъ)—не только друзей, клевретовъ, но и многихъ людей стороннихъ: Дворянъ Царскихъ, чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, Сотниковъ и Пятидесятниковъ, которые еще не были въ заговорѣ, благопріятствуя оному

---

[1]) *Карамзинъ*, т. XI, стр. 142—143.

единственно въ тайнѣ мыслей“ [1]). У Островскаго сцена заговора также происходитъ ночью: Калачникъ выходитъ съ восковой свѣчкой, такъ какъ на сценѣ темно. Составъ дѣйствующихъ лицъ соотвѣтствуетъ вполнѣ сказанному у Карамзина. Но, конечно, драматургъ ввелъ нѣкоторыя подробности, необходимыя съ сценической точки зрѣнія: такъ напр. прибавленъ разговоръ Шуйскаго съ дворецкимъ и Калачникомъ о томъ, крѣпко ли они живутъ, далѣе разговоръ бояръ о томъ, что пора положить конецъ панству поляковъ, свергнуть Дмитрія и выбрать себѣ боярскаго царя. Далѣе слѣдуетъ рѣчь Шуйскаго, изрѣдка прерываемая репликами другихъ лицъ. Сопоставимъ эту рѣчь въ хроникѣ съ тѣмъ, что сказано у Карамзина.

„Шуйскій смѣло открылъ имъ свою душу; сказалъ, что отечество и Вѣра гибнутъ отъ Лжедимитрія; извинялъ заблужденіе Россіянъ; извинялъ и тѣхъ, которые знали истину, но приняли обманщика, желая низвергнуть ненавистныхъ Годуновыхъ, и въ надеждѣ, что сей юный витязь, хотя и разстрига, будетъ добрымъ властителемъ. «Заблужденіе скоро исчезло», продолжалъ онъ—«и вы знаете, кто первый дерзнулъ обличать Самозванца; но голова моя лежала на плахѣ, а злодѣй спокойно величался на престолѣ: Москва не тронулась!» Шуйскій извинялъ и сіе бездѣйствіе: ибо многіе еще не имѣли тогда полнаго удостовѣренія въ обманѣ и въ злодѣйствѣ мнимаго Димитрія. Представивъ всѣ улики и доказательства его самозванства, всѣ его дѣла неистовыя, измѣну Вѣрѣ, Государству и нашимъ обычаямъ, нравственность гнусную, оскверненіе храмовъ и святыхъ Обителей, расхищеніе древней казны Царской, беззаконное супружество и возложеніе вѣнца Мономахова на Польку некрещеную—изобразивъ сѣтованіе Москвы, какъ бы плѣненной сонмами Ляховъ,—ихъ дерзость и насилія — Шуйскій спрашивалъ, хотятъ ли Россіяне, сложивъ руки,

„Честной народъ, Господнимъ попущеньемъ,
Мы нажили бѣду себѣ на плечи,
Великую и земскую бѣду.
Намъ жить нельзя. А еслибъ можно было,
Не стали-бъ мы—бояре—собираться,
Совѣтъ держать украдкой, по ночамъ,
Не стали-бъ мы и людъ честной тревожить.
. . . .
Діавольской мечтой и омраченьемъ
И нашимъ воровствомъ, у насъ на царствѣ
Не царь, а воръ, разстрига утвердился.
За воровство простите насъ! Я первый
Прошу у васъ прощенья (*Кланяется*).
Мнѣ царевичъ
Извѣстенъ былъ,—я хоронилъ его.
. . . .
. . . .
Когда Борисъ холопамъ за доносы
Сталъ вотчины боярскія давать,
Давилъ, какъ мухъ, боярство, половину
Извелъ его, а чернаго народу
И счету нѣтъ,—терпѣнья намъ не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его и намъ Господь помогъ.
Явился воръ въ Украйнѣ, объявился
Димитріемъ, Литва заликовала,
Вся Сивера безъ бою отдалась,

[1]) Тамъ же, стр. 164.

ждать гибели неминуемой: видѣть костелы Римскіе на мѣстѣ церквей православныхъ, границу Литовскую подъ стѣнами Москвы, и въ самыхъ стѣнахъ ея злое господство инородцевъ? или хотятъ дружнымъ возстаніемъ спасти Россію и Церковь, для коихъ онъ снова готовъ итти на смерть безъ ужаса?“ [1]).

За ней Рязань, казачество толпами
Пошло къ нему,—войска и воеводы
Борисовы служили неохотно
И скоро всѣ передались за вора,
Винясь ему въ измѣнѣ небывалой.
Вздохнула Русь. Грѣха таить не стану,
Завѣдомо мы вору покорились;
Кто волей шелъ къ нему, а кто отъ страха...

Голицынъ.

И воля намъ невольная была.
Небось, своя рубашка къ тѣлу ближе.
Мы вѣдали, что волей, что неволей
Безчестною, съ веревкою на шеѣ,
А быть за нимъ; такъ лучше волей съ честью
Служить ему, и шли къ нему охотой.

Василій Шуйскій.

Разуменъ онъ и молодъ; мы гадали
И чаяли, что будетъ онъ боярскій
Совѣтъ любить и насъ держать въ почетѣ,
Блюсти законъ и чтить святую церковь,
Обычаевъ отеческихъ держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами,
Таковъ-ли онъ! Среди церквей соборныхъ
Поставилъ онъ костелы езовитамъ,
Навелъ орду гостей разноязычныхъ,
Еретиками Кремль заполонилъ,
Священниковъ и насъ, бояръ, повыгналъ,
Забралъ дворы и отдалъ ихъ полякамъ.
Изъ Польши взялъ латинской вѣры дѣвку,
И, не крестя ея, вѣнчался съ нею
Подъ пятницу, подъ праздникъ годовой.
Въ монастырѣ держалъ ее до свадьбы;
Суреньщиковъ съ гудками, трубачеевъ
Водилъ туда и всякихъ скомороховъ.
Толпы бродягъ съ ругательствомъ и шумомъ,

[1]) Тамъ же, стр. 164—165.

Оружіемъ звеня, по храмамъ бродятъ,
Безчинствуя надъ нашею святыней,
Такъ вотъ дѣла! Какъ знаете, судите,
Друзья мои.
. . . .
Ограбилъ всю и промоталъ до тла
Копленую казну царей московскихъ.
То въ Польшу шлетъ, то здѣсь даритъ полякамъ
Безъ разума, безъ счета,—точно ворогъ
Землѣ своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрѣпили государство,
А онъ его опять разноситъ врозь.
Всю Сиверу за дочь сулитъ онъ тестю,
А королю за сватовство—Смоленскъ.
А васъ, друзья мои, новогородцы,
Со всей землей и Псковъ еще въ придачу—
Женѣ своей, Маринѣ отдаетъ,
И вольно ей латинскіе костелы
По городамъ новогородскимъ ставить.
. . . .
. . . .
. . . .
Терпѣть-ли намъ и ждать сложивши руки,
Пока бояръ поляки изведутъ,
И волости московскія подѣлятъ,
Погонятъ васъ, какъ стадо на убой,
Латинскія обѣдни слушать силой!
Терпѣть-ли намъ? Судите, какъ хотите!"
. . . .
. . . .
(Ч. II, сц. 3-я).

Изъ сдѣланнаго сопоставленія легко можно видѣть, что Карамзинъ далъ какъ бы канву, какъ бы планъ, по которому Островскій и построилъ рѣчь Шуйскаго, подробно развивъ краткія указанія историка, при чемъ онъ пользовался, конечно, въ этихъ случаяхъ и другими источниками, напримѣръ „Инымъ сказаніемъ", какъ это уже было указано по отношенію къ репликѣ Голицына, или же для рѣчи Шуйскаго грамотами, которыя послѣдній разсылалъ, будучи уже царемъ [1]). Дальше мы увидимъ, что въ этой сценѣ, именно въ нѣкоторыхъ

[1]) С. Г. Г. и Д. т. II, см. грам. №№ 144, 147; или же грамоты вошедшія въ „Иное сказаніе".

пропущенныхъ нами подробностяхъ, источникомъ былъ и другой историкъ, именно С. М. Соловьевъ.

Въ дальнѣйшемъ, по окончаніи рѣчи В. Шуйскаго, сцена развивается согласно съ Карамзинымъ. „Не было ни разгласія ни безмолвія сомнительнаго, говоритъ послѣдній: кто не принадлежалъ, тотъ присталъ къ заговору въ семъ сборищѣ многолюдномъ, но единодушномъ силою ненависти къ Самозванцу. Положили избыть Разстригу и Ляховъ, не боясь ни клятвопреступленія ни безначалія: ибо Шуйскій и друзья его, овладѣвъ умами, смѣло брали на свою душу, именемъ отечества, Вѣры, Духовенства, всѣ затрудненія людей совѣстныхъ, и смѣло обѣщали Россіи царя лучшаго. Условились въ главныхъ мѣрахъ. Градскіе Сотники и Пятидесятники отвѣтствовали за народъ, воинскіе чиновники за воиновъ, господа за слугъ усердныхъ..... Назначили день и часъ; ждали, готовились“.... [1]). Послѣ того какъ всѣ дали клятву и поручились за другихъ, Шуйскій говоритъ:

„Недѣлю вамъ я сроку дамъ; въ субботу
Зарю встрѣчай и поджидай работу!“

Одна изъ мѣръ, принятыхъ, вѣроятно, во время заговора, касалась вопроса, „кого искать, съ кого начать“. По этому поводу было предложено:

„Намажемъ
Дворы чужихъ, кресты на нихъ напишемъ“.

Опять-таки у того же Карамзина Островскій могъ прочитать: „Самые Поляки, хотя и не чуждые опасенія, мирно спали въ домахъ, уже ознаменованныхъ для кровавой мести: Россіяне скрытно поставили знаки на иныхъ, въ цѣль удара“ [2]).

Одна подробность свидѣтельствуетъ, что въ числѣ источниковъ для данной сцены была и „Лѣтопись Московская“ М. Бера. В. Шуйскій говоритъ между прочимъ:

„И разомъ въ сходъ, какъ загудетъ набатный!“

Но у Карамзина въ данномъ мѣстѣ ничего не говорится о набатѣ, какъ условномъ знакѣ, а говорится это у Бера, у котораго читаемъ: „Тогда условились въ планѣ: по первому набату, Москвитяне долженствовали броситься во дворецъ съ воплемъ: «Поляки губятъ царя», и, окруживъ государя, будто бы для защиты, предать его смерти;

---

[1]) *Карамзинъ*, т. XI, стр. 165.
[2]) Тамъ же, стр. 167.

потомъ ворваться въ Польскія жилища, которыя наканунѣ будутъ означены Русскими буквами, и всѣхъ чужестранцевъ истребить, не трогая однакожъ Нѣмцевъ, всегда преданныхъ Россіи" [1]).

Согласно Карамзину же развивается ходъ дѣйствія и въ слѣдующей сценѣ (ч. II, сц. 4-ая), которая, какъ гласитъ авторская ремарка, происходитъ 12-го мая 1606 года на улицѣ въ Китай-городѣ. А вотъ что читаемъ у историка за тѣмъ, что было сказано у него о подготовленіи заговора Шуйскимъ: „12 мая говорили торжественно на площадяхъ, что мнимый Димитрій есть Царь поганый: не чтитъ святыхъ иконъ, не любитъ набожности, питается гнусными яствами, ходитъ въ церковь нечистый, прямо съ ложа сквернаго, и еще ни однажды не мылся въ банѣ съ своею поганою Царицею; что онъ безъ сомнѣнія еретикъ, и не крови Царской. Лжедимитріевы тѣлохранители схватили одного изъ такихъ поносителей и привели во дворецъ: Разстрига велѣлъ Боярамъ допросить его; но Бояре сказали, что сей человѣкъ пьянъ и бредитъ; что Царю не должно уважать рѣчей безумныхъ и слушать нѣмцевъ-наушниковъ. Самозванецъ успокоился. Въ слѣдующіе три дня примѣтно было сильное движеніе въ народѣ: разглашали, что Лжедимитрій для своей безопасности мыслитъ изгубить Бояръ, знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ; что 18 мая, въ часъ мнимой воинской потѣхи внѣ Москвы, на лугу Срѣтенскомъ, ихъ всѣхъ перестрѣляютъ изъ пушекъ; что столица Россійская будетъ добычею Ляховъ, коимъ Самозванецъ отдастъ не только всѣ домы Боярскіе, Дворянскіе и купеческіе, но и святыя Обители, выгнавъ оттуда Иноковъ и женивъ ихъ на Инокиняхъ. Москвитяне вѣрили; толпились на улицахъ днемъ и ночью; совѣтовались другъ съ другомъ, и не давали подслушивать себя иноземцамъ, отгоняя ихъ какъ лазутчиковъ, грозя имъ словами и взорами. Были и драки: уже не спускали гостямъ буйнымъ, народъ прибилъ людей Князя Вишневецкаго и едва не вломился въ его домъ, изъявляя особенную ненависть къ сему Пану, старшему изъ друзей Разстригиныхъ" [2]).

Легко можно видѣть опять, что Карамзинъ и на этотъ разъ далъ драматургу планъ, который, однако, послѣднимъ былъ переработанъ, именно не только прибавлены нѣкоторыя подробности, которыхъ не было у Карамзина, но и отмѣченныя историкомъ поставлены на другое мѣсто. Такъ напримѣръ указаніе, что Лжедимитріевы тѣло-

---

[1]) *Устряловъ,* Сказ. соврем. о Самозв., изд. 3-е, ч. I, стр. 57. С.-Пб. 1859
[2]) *Карамзинъ,* т. XI, стр. 165—166.

хранители схватили одного изъ лицъ, поносившихъ царя, сдѣланное историкомъ почти въ самомъ началѣ, перенесено драматургомъ въ конецъ, благодаря чему сцена заканчивается очень естественно и удачно въ томъ смыслѣ, что данный фактъ связываетъ ее съ слѣдующей сценой, гдѣ захваченный Иванушка-дурачокъ вновь появляется уже предъ Дмитріемъ.

Относительно этого Иванушки должно замѣтить слѣдующее. Вотъ что говоритъ М. Беръ по этому поводу: „Двое алебардщиковъ, схвативъ одного изъ такихъ говоруновъ, привели его во дворецъ и донесли государю, какой умыселъ затѣяли измѣнники. Димитрій сдѣлался осторожнѣе, собралъ всю гвардію, велѣлъ ей быть во дворцѣ безотлучно и приказалъ допросить возмутителя; но коварные бояре смотрѣли на бездѣльника сквозь пальцы и увѣрили царя, что виновный болталъ дерзкія рѣчи отъ глупости, въ пьяномъ видѣ, что и трезвый онъ умнѣе не бываетъ...“ [1]). Вполнѣ возможно, что, исходя изъ послѣднихъ словъ, которыхъ у Карамзина нѣтъ, Островскій и вводитъ въ пьесу блаженнаго, котораго и захватываютъ нѣмцы въ данной сценѣ. Замѣчаніе о коварныхъ боярахъ (опять-таки у Карамзина слово „коварный“ пропущено) естественно заставляло вложить эти слова въ уста самаго коварнаго изъ нихъ, т. е. Шуйскаго, что мы и видимъ, хотя уже въ слѣдующей пятой сценѣ II-й части хроники.

Замѣчаніе о томъ, что Самозванецъ „питается гнусными яствами“, конечно, могло и побудить ввести въ число дѣйствующихъ лицъ въ этой сценѣ и царскаго повара, хотя должно оговориться, что въ „Лѣтописи Московской“ М. Бера драматургъ прочиталъ слѣдующее сообщеніе: „Въ субботу, 10-го мая, царь приказалъ изготовить всѣ мясныя кушанья изъ телятины, презрѣвъ народный обычай: такую пищу Русскіе признаютъ заповѣдною. Русскіе повара не упустили разгласить о томъ въ народѣ, и Москвитяне еще болѣе убѣдились, что царь ихъ полякъ; но скрыли свое негодованіе, выжидая удобнаго случая“ [2]). Выше уже было упомянуто, откуда взяты названія кушаній, перечисляемыхъ въ этой сценѣ поваромъ.

Не касаясь другихъ подробностей этой сцены, о которыхъ большею частью у насъ была уже рѣчь, остановлюсь лишь на одной. Среди дѣйствующихъ лицъ появляется глубокій старикъ, пришедшій

---

[1]) *Устряловъ,* назв. соч., стр. 58—59.
[2]) Тамъ же, стр. 58.

изъ Углича поклониться угодникамъ московскимъ. На вопросъ Калачника онъ разсказываетъ о царевичѣ, котораго онъ даже няньчилъ. Въ свою очередь эта подробность опять-таки оправдывается историческими источниками, именно той же „Лѣтописью Московской" М. Бера, который разсказываетъ: „Вскорѣ по убіеніи Димитрія, я отправился въ Угличъ, съ Нѣмецкимъ купцомъ Берндтомъ Хеперомъ, родомъ изъ Риги. На пути, въ одной деревнѣ, мы встрѣтили стопятилѣтняго старца, служившаго въ Угличѣ дворцовымъ сторожемъ. Разговорясь съ нимъ о умерщвленномъ государѣ, мы просили его неотступно объяснить намъ, дѣйствительно ли царь былъ сынъ Іоанновъ? Старикъ, убѣжденный нашимъ обѣщаніемъ никому не открывать словъ его, всталъ съ своего мѣста и перекрестившись сказалъ: «Убитъ государь весьма храбрый; въ теченіе одного года онъ заставилъ трепетать всѣхъ сосѣдей. Умертвивъ его, Москвитяне поступили очень неблагоразумно: ибо сами возвели его на престолъ; конечно, онъ не всегда наблюдалъ наши обычаи, но тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать осторожнѣе. Онъ былъ человѣкъ разумный; однако не сынъ Іоанна Васильевича: тотъ зарѣзанъ въ Угличѣ, уже 17 лѣтъ, и вѣрно истлѣлъ давнымъ давно. Я самъ видѣлъ его мертваго, лежавшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всегда игрывалъ. Суди Богъ князей и бояръ нашихъ, погубившихъ двухъ царей сряду: время покажетъ, будемъ ли счастливѣе!»" [1]). Конечно, старикъ хроники отличается отъ старика „Лѣтописи Московской", но несомнѣнно, что разсказъ послѣдней навелъ драматурга на мысль ввести этого старика въ пьесу, тѣмъ болѣе что можно указать и точное соотвѣтствіе. Сравни, напримѣръ, послѣднія строки лѣтописнаго разсказа съ слѣдующими словами старика въ хроникѣ:

„Я въ самый день безбожнаго убійства,
Его живого видѣлъ у обѣдни;
Къ убитому всѣхъ прежде прибѣжалъ,
Стоялъ надъ нимъ, зарѣзаннымъ, и плакалъ;
При мнѣ его въ могилу опустили.
И съ той поры нашъ Угличъ запустѣлъ;
Унесъ съ собой царевичъ наше счастье" (ч. II, сц. 4-ая).

Но опять-таки несомнѣнно, что и тутъ Островскій не обошелся безъ Карамзина. Разсказъ объ убійствѣ царевича согласенъ съ тѣмъ, что говорится у историка, и первая изъ двухъ послѣднихъ только

[1]) Тамъ же, стр. 75.

что приведенныхъ строкъ разсказа старика напоминаетъ слѣдующія слова Карамзина: „древній, обширный Угличъ, гдѣ было, если вѣрить преданію 150 церквей и не менѣе тридцати тысячъ жителей, опустѣлъ навѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей его дѣла. Остались развалины, вопія къ Небу о мести!“ [1]). Островскому принадлежитъ то искусство, съ которымъ онъ скомбинировалъ данныя двухъ источниковъ и создалъ изъ нихъ трогательный разсказъ старика.

Двѣ только что разобранныя сцены, третья и четвертая II части хроники, сцена заговора у Шуйскаго и сцена на улицѣ въ Китай-городѣ тѣсно связаны другъ съ другомъ, такъ какъ вторая такъ сказать неизбѣжно вытекаетъ изъ первой. Точно также тѣсно связана съ ней слѣдующая пятая сцена, мѣстомъ дѣйствія которой является „зала въ новомъ дворцѣ“ и которая обрисовываетъ отношеніе противоположной стороны, т. е. Димитрія, къ мятежу. У Карамзина драматургъ нашелъ довольно обстоятельное описаніе свадебныхъ пировъ Самозванца, и вполнѣ естественно, что онъ ввелъ въ свою хронику и сцену пира, которая давала такой широкій просторъ творческой фантазіи автора. Матеріалъ для нея, конечно, доставилъ или Карамзинъ, или же другіе извѣстные намъ источники. Такъ напримѣръ, разговоръ Димитрія съ Олесницкимъ объ уменьшеніи его титуловъ польскимъ королемъ навѣянъ не только Карамзинымъ, но и грамотами, дневникомъ Марины, при чемъ имя пана Мологоссаго взято изъ „Дневника польскихъ пословъ“. Разговора Шуйскаго съ Олесницкимъ, который проситъ его поручиться за ихъ безопасность, ни у Карамзина ни въ другихъ источникахъ не имѣется, но въ параллель ему можно привести цитированный историкомъ разсказъ изъ „Дневника Марины“: „К. Вишневецкій стрѣлялъ въ толпу изъ лука и не давалъ промаху... Шуйскій кричалъ ему, чтобы онъ не стрѣлялъ: вынувъ крестъ, сей будущій Царь поцѣловалъ его въ удостовѣреніе нашей безопасности“ [2]). Замѣчаніе же Олесницкаго:

„Безъ шапки воевода Сандомирскій
И спину гнетъ на старости кольцомъ“

находитъ себѣ соотвѣтствіе у Карамзина, который говоритъ, что воевода сандомирскій, „забывъ свою дряхлость, не хотѣлъ сидѣть:

---

[1]) *Карамзинъ*, т. X, стр. 83—84.
[2]) *Карамзинъ*, т. XI, примѣч. 558 къ гл. IV.

держа же шапку въ рукахъ, стоялъ предъ царицею, и служилъ ей не какъ отецъ, а какъ подданный, къ удивленію всѣхъ" [1]).

Можно думать, что тѣмъ же „Дневникомъ польскихъ пословъ" навѣянъ разговоръ Вишневецкаго и Мнишка по поводу нападенія русскихъ на домъ перваго.

„Кацаповъ глупыхъ тысячи четыре
Вчера сошлось къ моимъ воротамъ",

говоритъ Вишневецкій, а въ указанномъ „Дневникѣ" разсказывается слѣдующее: „Намъ совѣтовали быть осторожными, говоря, что бояре сговорились съ народомъ погубить царя и всѣхъ поляковъ. Въ самомъ дѣлѣ уже былъ заговоръ: положено было напасть на насъ ночью съ среды на четвертокъ; болѣе всѣхъ злились на князя Вишневецкаго; около квартиры его собралось до четырехъ тысячъ черни съ намѣреніемъ начать бунтъ" [2]).

Не останавливаясь на тѣхъ подробностяхъ этой сцены, о которыхъ уже было говорено раньше, я отмѣчу еще нѣкоторыя, источникомъ которыхъ служитъ Карамзинъ. Напримѣръ, хвастливыя слова польскихъ пановъ о томъ, что они дали русскимъ царя, взяты несомнѣнно изъ „Исторіи государства Россійскаго", гдѣ читаемъ: „На самыхъ пирахъ свадебныхъ, во дворцѣ, разгоряченные виномъ Ляхи укоряли Воеводъ нашихъ трусостію и малодушіемъ, хваляся: «мы дали вамъ Царя!»" [3]). Здѣсь особенно интересно указаніе на то, что эти слова говорились панами „на самыхъ свадебныхъ пирахъ", какъ это видимъ и въ хроникѣ.

Слова Марины:

„Зови гостей ко мнѣ, въ мои покои,
Я приказала маски приготовить"

основаны на слѣдующемъ замѣчаніи Карамзина: „Марина также замышляла особенное увеселеніе для Царя и людей ближнихъ во внутреннихъ комнатахъ дворца: думала съ своими Польками плясать въ личинахъ" [4]).

Особенно интересны двѣ подробности. На вопросъ Басманова о перемѣнѣ, происшедшей въ простомъ народѣ московскомъ, В. Шуйскій отвѣчаетъ:

---

[1]) Тамъ же, т. XI, стр. 161—162.
[2]) *Устряловъ*, назв. соч., ч. II, стр. 235.
[3]) *Карамзинъ*, т. XI, стр. 164.
[4]) Тамъ же, стр. 163.

„А какъ мнѣ знать! Съ утра до поздней ночи
Я во дворцѣ толкусь у государя;
Сегодня пьянъ, а завтра пью съ похмѣлья—
Я ничего не вижу и не слышу" (ч. II, сц. 5-ая).

Въ соотвѣтствіе этимъ его словамъ у Карамзина можно указать слѣдующее: „Шуйскій умѣлъ, въ глазахъ Самозванца, ежедневно съ нимъ веселясь и пируя, составить заговоръ" [1]).

Дмитрій, успокаивая Мнишка и Вишневецкаго, говоритъ имъ:

„Мой глазъ вездѣ, мнѣ тотчасъ все извѣстно;
Безъ вѣдома и воли нашей царской,
Ничто въ Москвѣ не можетъ совершиться.
Вамъ можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Развѣдайте, бояре,
О чемъ шумитъ народъ, чего онъ хочетъ?"

А вотъ что говоритъ Карамзинъ на основаніи своихъ источниковъ: „Самозванецъ, желая болѣе всего казаться неустрашимымъ и твердымъ на тронѣ въ глазахъ Поляковъ, шутилъ, смѣялся, искренно или притворно, и сказалъ испуганному Воеводѣ Сендомирскому: «какъ вы Ляхи, малодушны!» а Посламъ Сигизмундовымъ: «я держу въ рукѣ Москву и Государство; ничто не смѣетъ двинуться безъ моей воли»" [2]).

Эти совпаденія любопытны въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ старался Островскій въ рѣчахъ и поступкахъ своихъ дѣйствующихъ лицъ быть возможно болѣе близкимъ къ своимъ источникамъ.

Кстати здѣсь же, въ связи съ характеристикой Самозванца, остановлюсь еще на одномъ его замѣчаніи. Въ своемъ длинномъ монологѣ въ третьей сценѣ I части хроники Дмитрій, обращаясь мысленно къ своему „отцу названному", между прочимъ говоритъ:

„А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вскормленный,
Царемъ рожденъ?"

Эти слова его опять-таки находятъ себѣ подтвержденіе въ источникахъ, которыми пользовался драматургъ. Именно у Карамзина онъ нашелъ такое замѣчаніе: „Лубѣнскій пишетъ, что Самозванецъ сказалъ Королю: «Киръ и Ромулъ, воспитанные пастухами, но будучи также Царскаго племени, сдѣлались основателями Государствъ великихъ»" [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 146.
[2]) Тамъ же, стр. 166.
[3]) Тамъ же, т. XI, примѣч. 212 къ гл. II.

Въ хроникѣ Островскаго есть одна сцена, въ которой, казалось, всего менѣе можно было бы найти точки соприкосновенія съ „Исторіей Государства Россійскаго" и другими историческими источниками, за исключеніемъ именъ дѣйствующихъ лицъ да, можетъ быть, нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ. Рѣчь идетъ о второй сценѣ II-й части хроники, свиданіи Дмитрія и Марины въ ея кельѣ въ Москвѣ. И все-таки связь этой сцены съ „Исторіей" Карамзина можно установить безъ особой натяжки. Послушаемъ, что разсказываетъ историкъ о Маринѣ. Начнемъ съ ея пріѣзда въ Москву: „Колесница остановилась въ Кремлѣ у Дѣвичьяго монастыря; тамъ невѣста была принята Царицею-Инокинею; тамъ увидѣла и жениха—и жила до свадьбы.....» А вотъ какъ описывается ея жизнь „въ уединенныхъ, недоступныхъ келліяхъ": „Марина имѣла при себѣ одну служанку, никуда не выходила изъ келлій, не ѣздила даже и къ отцу; но ежедневно видѣла страстнаго Лжедимитрія, сидѣла съ нимъ наединѣ, или была увеселяема музыкою, пляскою и пѣснями не духовными". Наконецъ остановимся на описаніи коронаціи царской невѣсты: „Въ церкви Марина приложилась къ образамъ—и началося священнодѣйствіе, дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: Царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбію, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и, можетъ быть, дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на Державство... Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою Царя, уже была вѣнчанною Царицею (не имѣла только державы и скиптра). Духовенство и Бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности" [1]).

Въ дополненіе къ этому приведемъ нѣкоторыя подробности изъ „Дневника польскихъ пословъ": „17-го мая, (сказано тамъ) въ среду, въ третьемъ часу ночи, русскіе проводили царицу изъ того монастыря, гдѣ она жила пять дней, въ покои, приготовленные для нея вмѣстѣ съ царскими... Того же дня вечеромъ дано знать посламъ, что завтра будетъ коронація и что ихъ приглашаютъ присутствовать... Въ заключеніе (коронаціи) принесли на золотомъ блюдѣ царскій вѣнецъ, т. е. корону: патріархъ, надѣвъ его на голову царицы, благословилъ ее и поцѣловалъ ея руку, обернутую въ одежду. За нимъ подходили другъ за другомъ къ царицыной рукѣ всѣ духовныя особы; а сенаторы привѣтствовали ее чрезъ князя Мстислав-

---

[1]) Тамъ же, т. XI, стр. 153, 154, 158 и 159.

скаго, какъ свою государыню: они цѣловали ей крестъ, т. е. присягали, прежде въ теченіи двухъ дней, въ понедѣльникъ и вторникъ" [1]).

Если сопоставить съ этими данными указанную сцену, то легко увидѣть, что она построена именно на нихъ. Нечего и говорить о томъ, что внѣшняя обстановка одна и та же: и тутъ и тамъ свиданіе произошло въ деревянной кельѣ, гдѣ жила Марина, что кромѣ отца да Димитрія никто не посѣщалъ ее. Главное то, что вся рѣчь Марины въ хроникѣ клонится къ тому, чтобы заставить Димитрія короновать ее прежде брака: очевидно, и здѣсь дѣйствовало ея честолюбіе, о которомъ говорилъ Карамзинъ. Въ этомъ случаѣ особенно цѣнна слѣдующая ея реплика:

„Нѣтъ! Русскія царицы только жены
Мужей-царей,—по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья ихъ живы,
По смерти ихъ живые мертвецы,
Монахини безъ власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Дѣвицею, и мнѣ твои бояре
И воинство пусть также крестъ цалуютъ
На подданство, какъ и тебѣ" (ч. II, сц. 2-ая).

Я вовсе не хочу умалить самостоятельности Островскаго въ созданіи этой сцены. Я хочу лишь указать, изъ какихъ источниковъ черпала возбужденіе его творческая фантазія.

Кстати отмѣтимъ еще одну подробность въ этой же сценѣ. Марина между прочимъ замѣчаетъ о Дмитріи:

„А мой женихъ рядиться очень любитъ:
На дню пять разъ перемѣняетъ платье".

Объ этомъ говорится и у Карамзина, который въ свою очередь воспользовался слѣдующимъ замѣчаніемъ „Дневника Марины": „Царь выслалъ къ нимъ Басманова, приглашая веселиться. Самъ онъ нѣсколько разъ переодѣвался то по-гусарски, то по-московски. Гусарскій нарядъ состоялъ изъ парчеваго полукафтанья, изъ краснаго бархатнаго доломана, унизаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ и сафьянными башмаками" [2]).

Итакъ, надѣюсь, ясно, что „Исторія Государства Россійскаго"

---

[1]) *Устряловъ*, назв. соч., ч. II, стр. 218, 221.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 146.

была однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для нашего драматурга. Но все-таки не слѣдуетъ думать, чтобы Островскій во всемъ слѣпо шелъ за Карамзинымъ. Такъ напр., если мы возьмемъ кардинальный вопросъ о личности Лжедимитрія, былъ ли онъ сознательный самозванецъ или нѣтъ, то даже при поверхностномъ его разсмотрѣніи окажется, что нашъ драматургъ въ этомъ случаѣ шелъ не за историкомъ государства Россійскаго. Карамзинъ не только рѣшительно высказывается за сознательное самозванство Дмитрія, котораго онъ называетъ обманщикомъ и въ обманѣ котораго онъ не считаетъ нужнымъ увѣрять внимательныхъ читателей. Мало того, онъ ставитъ другой вопросъ, кто же былъ Лжедимитрій, дѣйствительно ли Разстрига Отрепьевъ, и рѣшаетъ его именно въ этомъ смыслѣ. Стоитъ только прочесть въ хроникѣ отзывъ Василія Шуйскаго о Лжедимитріи, чтобы увидѣть разницу во взглядахъ историка и драматурга на этого послѣдняго.

„Ну, нѣтъ, не чернецомъ онъ смотритъ",

отвѣчаетъ Шуйскій Осипову на его вопросъ о Самозванцѣ.

„Ошиблись мы съ Борисомъ", продолжаетъ онъ. „Монастырской
Повадки въ немъ не видно. Рѣчи быстры
И дерзостны, и поступью проворенъ,
Войнолюбивъ и смѣлъ, очами зорокъ,
Орудуетъ доспѣхомъ пуще ляховъ
И на коня взлетаетъ какъ татаринъ;
А чернеца не скоро ты обучишь
Вертѣть конемъ ногайскимъ или саблей" (Ч. I, сц. 1-ая).

Въ этихъ словахъ Шуйскаго прежде всего замѣтны слѣды такъ называемаго хронографа Кубасова.

Конечно, и Островскій признаетъ Дмитрія Самозванцемъ, что видно изъ дальнѣйшихъ словъ Шуйскаго тому же Осипову:

„Онъ—воръ, не царь, и сходства очень мало
Съ покойникомъ; не царская осанка,
Вертлявъ и говорливъ, и безбородъ,
Обличіе и поступь препростыя,
Не сановитъ, да и лѣтами старше" (Ч. I, сц. 1-ая).

Но опять-таки замѣчается глубокая разница между драматургомъ и историкомъ, хотя они касаются одной и той же черты въ личности Лжедимитрія. Сопоставьте съ только что цитированными словами Шуйскаго слѣдующій отзывъ Карамзина: „Съ умомъ естественнымъ, легкимъ, живымъ и быстрымъ, даромъ слова, знаніями школьника и

грамотѣя соединяя рѣдкую дерзость, силу души и воли, Самозванецъ былъ однакожъ худымъ лицедѣемъ на престолѣ, не только безъ основательныхъ свѣдѣній въ государственной наукѣ, но и безъ всякой сановитости благородной: сквозь великолѣпіе Державства проглядывалъ въ Царѣ бродяга“ [1]). Легко здѣсь бросается въ глаза какое-то неумѣстное пристрастіе историка: точно ему необходимо было во что бы то ни стало не только доказать, но даже особенно подчеркнуть, что Димитрій былъ бродяга, а не царь. Драматургъ, высказывая ту же самую мысль, сумѣлъ сохранить больше спокойствія и объективности, чѣмъ самъ историкъ, которому это особенно надлежало.

На этомъ я покончу сопоставленіе хроники Островскаго съ „Исторіей Государства Россійскаго“, чтобы обратиться къ другому историку, С. М. Соловьеву, трудъ котораго „Обзоръ событій русской исторіи, отъ кончины царя Феодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ“, вошедшій потомъ въ „Исторію Россіи“, началъ печататься въ „Современникѣ“ еще въ 1848 г. (кн. 1, 2, 3, 4 и 1849, кн. 1). Не отличаясь такой картинностью и художественностью изложенія и изображенія, трудъ С. М. Соловьева, въ качествѣ источника для драматурга, конечно, не могъ играть такой роли, какъ „Исторія Государства Россійскаго“. Быть можетъ, онъ могъ болѣе глубоко выяснить причины совершавшихся событій, но матеріала для непосредственнаго внесенія его въ пьесу этотъ трудъ могъ предоставить не много. Но все-таки и здѣсь дѣло не обошлось безъ такого рода заимствованія. Обратимъ вниманіе на послѣднюю сцену хроники, именно на ту ея часть, которая слѣдуетъ за убіеніемъ Басманова.

Василій Шуйскій убѣждаетъ своихъ сторонниковъ:

„Проворнѣе, ребята!
Не забывать, зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ разстригу!
Уйти нельзя. Тащите къ намъ живого
Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ. Они впередъ годятся.
Спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай! Не съ бабами воюемъ!“

На замѣчаніе вбѣжавшаго Калачника, что они нигдѣ не могутъ найти еретика, Шуйскій продолжаетъ:

[1]) *Карамзинъ*, т. XI, стр. 183.

„Ищите, какъ иголку.
Уйдетъ отъ насъ, тогда не ждать пощады,
Огнемъ спалитъ, живыхъ зароетъ въ землю".

Услыхавъ, что Самозванецъ на Житномъ дворѣ, что его защищаютъ московскіе стрѣльцы, Шуйскій спѣшитъ туда и съ нимъ Калачникъ. Черезъ нѣсколько времени стрѣльцы вносятъ на сцену Дмитрія, впавшаго въ обморокъ, и отстраняютъ его противниковъ.

„Не подходите близко!" говорятъ они:
„Стрѣлять начнемъ не разбирая.—Право
Хорошаго немного: братъ на брата!..
Крещеные!—Заставите неволей,—
Такъ на себя пеняйте!—Отойдите!
Начнемъ стрѣлять: пожалуй и боярамъ
Достанется".

Калачникъ грозитъ имъ положить ихъ всѣхъ на мѣстѣ, если они будутъ стрѣлять. Стрѣльцы указываютъ на данное имъ крестное цѣлованіе и долгъ службы. „Такая наша служба, что умирать".

Василій Шуйскій убѣждаетъ ихъ, что они напрасно будутъ жертвовать своей жизнью, и ссылается на разговоръ съ царицей-инокиней, къ которой ходилъ кн. Ив. Вас. Голицынъ и которая не признаетъ Дмитрія своимъ сыномъ. Но все это мало еще убѣждаетъ стрѣльцовъ. Тогда Калачникъ пригрозилъ имъ „изгубить" ихъ женъ и дѣтей, пока они будутъ здѣсь беречь и защищать Самозванца. Угроза подѣйствовала, и они ушли.

Тѣмъ временемъ Дмитрій очнулся и на вопросъ Д. Шуйскаго, кто онъ, называетъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича и предлагаетъ Василію Шуйскому итти къ народу, на Лобное, судиться предъ народомъ.

„Намъ судиться поздно!" отвѣчаетъ Шуйскій.
„Ты осужденъ!.. Кончайте съ нимъ, робята!
(Нагибаясь къ Дмитрію Самозванцу).
У насъ народъ для звѣря ямы роетъ
И въ ямѣ бьетъ, а выпусти—уйдетъ".

В. Шуйскій, оставивъ своего брата Дмитрія, чтобы приглядѣть за происходящимъ тутъ, уходитъ. Самозванецъ въ бреду мечтаетъ о взятіи какого-то города, какъ оказывается потомъ Царяграда. Входитъ Татищевъ съ двумя дворянами, Валуевымъ и Воейковымъ, и сообщаетъ, что народъ бѣжитъ спасать царя: „Сболтнулъ имъ кто-то, что бьютъ его поляки". Дмитрій Шуйскій кричитъ въ окно народу, что во всемъ разстрига повинился. Въ концѣ концовъ Валуевъ стрѣ-

ляетъ въ Самозванца. Тѣмъ временемъ за сценой слышны голоса, провозглашающіе В. Шуйскаго царемъ, и соперникъ его Голицынъ такъ характеризуетъ его въ послѣдней своей репликѣ:

„Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему-бъ и оставаться,
Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Димитрій силой:
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ недовольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно,—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный".

Посмотримъ, какъ изображается дѣло у Соловьева. „Смерть Басманова, говоритъ историкъ, придала духу толпѣ, потому что, какъ обыкновенно бываетъ при возстаніяхъ, народъ ждетъ первой крови; заговорщики стали смѣлѣе напирать на тѣлохранителей". Далѣе говорится о томъ, какъ Димитрій спасаясь выпрыгнулъ изъ окна на Житный дворъ, вывихнулъ себѣ ногу и разбилъ грудь, въ какомъ отчаянномъ положеніи находилась Марина, убѣгая отъ заговорщиковъ и спрятавшись будто бы подъ юбку своей гофмейстерины, между тѣмъ какъ заговорщики даже ворвались въ ея комнату. „Прибытіе бояръ, главъ заговора, положило конецъ отвратительнымъ сценамъ грабежа и безстыдства; они выгнали толпу и приставили стражу, чтобъ не пускать никого къ женщинамъ; Марину, которая вышла изъ своего убѣжища, проводили въ другую комнату. Распорядившись насчетъ Марины, бояре спѣшили предотвратить страшную опасность, которая начинала было грозить имъ: стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ близъ того мѣста, куда упалъ Димитрій, услышали стоны раненаго, узнали Димитрія, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ сломаннаго дворца Борисова. Придя въ себя, Димитрій сталъ умолять стрѣльцовъ, чтобъ они приняли его сторону, обѣщая имъ въ награду женъ и имѣніе измѣнниковъ-бояръ. Стрѣльцамъ понравилось обѣщаніе, и они рѣшились стоять за Димитрія, такъ что когда заговорщики приблизились къ нему, то были встрѣчены ружейными выстрѣлами. Главы заговора поняли всю опасность, которая грозила имъ въ томъ случаѣ, если бъ заступничествомъ стрѣльцовъ Димитрій остался живъ и на престолѣ; вотъ почему князь В. И. Шуйскій горячо убѣждалъ своихъ докончить начатое дѣло убійствомъ Самозванца; онъ говорилъ: «мы имѣемъ дѣло не съ такимъ человѣкомъ, который бы могъ забыть малѣйшую обиду..., только дайте

ему волю, онъ запоетъ другую пѣсню: передъ своими глазами погубитъ насъ въ жесточайшихъ мукахъ! Мы имѣемъ дѣло не просто съ коварнымъ плутомъ, но съ свирѣпымъ чудовищемъ, задушимъ его, пока оно въ ямѣ. Горе намъ, горе женамъ и дѣтямъ нашимъ, если бестія выползетъ изъ пропасти!» Эти слова произвели свое дѣйствіе; заговорщики придумали самое вѣрное средство испугать стрѣльцовъ и заставить ихъ покинуть Димитрія; они закричали: «Пойдемъ въ стрѣлецкую слободу, истребимъ семейства стрѣльцовъ, если они не хотятъ выдать намъ измѣнника, плута, обманщика». Стрѣльцы точно испугались этой угрозы и предали Димитрія на жертву врагамъ его, которые потащили его въ новый деревянный дворецъ, уже разграбленный и опустошенный. Въ передней Димитрій прослезился, увидѣвъ вѣрныхъ своихъ алебардщиковъ, стоявшихъ безъ оружія, съ поникшими головами. Принесшіе его заговорщики, съ ругательствомъ и съ побоями спрашивали его: «кто ты, кто твой отецъ, откуда ты родомъ?» Онъ отвѣчалъ: «вы всѣ знаете, что я царь вашъ, сынъ Ивана Васильевича. Спросите обо мнѣ мать мою или выведите меня на лобное мѣсто и дайте объясниться». Но ясно, что бояре не могли допустить его до этого объясненія; ... на трогательное обращеніе къ матери, кн. Ив. Вас. Голицынъ отвѣчалъ, что онъ уже былъ у нея, спрашивалъ, и что она отрекается отъ мнимаго сына, утверждая, что истинный убитъ въ Угличѣ; то же самое было повѣщено народу, съ прибавкою, что самъ Димитрій винится въ своемъ самозванствѣ, и что Нагіе подтверждаютъ показаніе Мареы; тогда отовсюду раздались крики: „бей его, руби его!“ Изъ толпы выскочилъ сынъ боярскій, какой-то Григорій Валуевъ, и выстрѣлилъ въ Димитрія, сказавъ: «Что толковать съ еретикомъ, я благословлю польскаго свистуна!» Другіе дорубили несчастнаго и бросили трупъ его на тѣло Басманова, приговаривая: «Ты любилъ его живого, не разставайся и съ мертвымъ». Тогда чернь овладѣла трупами и, обнаживъ ихъ, потащила черезъ Спасскія ворота на Красную площадь; поровнявшись съ Вознесенскимъ монастыремъ, толпа остановилась и спрашивала у Мареы: «твой ли это сынъ?» Старуха, одинаково притворная въ печали и радости, отвѣчала: «Вы бы спрашивали меня объ этомъ, когда онъ еще былъ живъ; теперь уже онъ, разумѣется, не мой». На Красной площади выставлены были оба трупа, причемъ не пощадили никакого рода ругательствъ“ [1]).

---

[1]) *Соловьевъ, С. М.* „Обзоръ событій“... Современникъ 1848, IV, стр. 80—82.

Вотъ разсказъ С. М. Соловьева. Не говорю уже о томъ, что у Карамзина нѣтъ ни слова о томъ, будто В. И. Шуйскій убѣждалъ своихъ приверженцевъ покончить съ Самозванцемъ, который въ противномъ случаѣ могъ погубить ихъ всѣхъ и котораго Шуйскій сопоставлялъ съ звѣремъ въ ямѣ. Слѣдовательно, реплика Шуйскаго съ подобными же словами имѣетъ своимъ источникомъ трудъ Соловьева. Но дѣло не только въ этомъ. По разсказу Карамзина вѣрные стрѣльцы не выдавали Самозванца и требовали свидѣтельства Мареы, и это условіе было принято: царица-инокиня была вызвана и отреклась отъ Дмитрія передъ народомъ. У Соловьева, какъ мы видѣли, дѣло представлено иначе: царицу Мареу въ данномъ случаѣ не вызывали, такъ какъ стрѣльцы не требовали этого. Но все-таки нельзя сказать, что конецъ послѣдней сцены у Островскаго созданъ только по Соловьеву. Точнѣе, онъ представляетъ самостоятельное созданіе на основаніи трудовъ обоихъ историковъ, да и тутъ драматургъ допустилъ нѣкоторыя отступленія. Такъ, напр., разговоръ со стрѣльцами происходилъ на Житномъ дворѣ, гдѣ нашли Самозванца и откуда заговорщики потащили его, уже покинутаго стрѣльцами, въ Новый дворецъ. У Островскаго вся эта сцена происходитъ въ Новомъ дворцѣ, что, конечно, сдѣлано для того, чтобы не мѣнять лишній разъ декорацій, и за что понятно никто не будетъ упрекать драматурга. Затѣмъ также самостоятельное созданіе представляетъ собою бредъ Самозванца, о чемъ ни у Карамзина, ни у Соловьева нѣтъ ни слова. Что касается заимствованій у Карамзина, то можно указать слѣдующее. В. Шуйскій въ хроникѣ приказываетъ своимъ сторонникамъ обезоружить нѣмцевъ, но „не трогать ихъ, они впередъ годятся“. У Соловьева же сказано, что убили какого-то ливонца Фирстенберга, какъ опаснаго свидѣтеля, но ничего не находимъ о другихъ нѣмцахъ. Карамзинъ же разсказываетъ, что помимо Фирстенберга „хотѣли умертвить и другихъ тѣлохранителей: но бояре не велѣли трогать сихъ честныхъ людей“ [1]). Итакъ, на основаніи Соловьева и Карамзина, давшихъ, конечно, прежде всего канву, драматургъ создаетъ въ высокой степени правдоподобную, яркую и художественную сцену смерти Самозванца.

Выше мною было указано, что сцена заговора у Шуйскаго создана подъ вліяніемъ Карамзина. Но въ ней есть нѣкоторыя подробности, а именно реплики новгородскихъ и псковскихъ стрѣльцовъ,

---

[1]) *Карамзинъ*, И. Г. Р., т. XI, стр. 170.

ясно свидѣтельствующія, что тутъ на помощь драматургу пришелъ другой историкъ, т. е. С. М. Соловьевъ. У Карамзина ничего не сказано объ участіи въ заговорахъ новгородцевъ и псковитянъ, хотя, правда, въ примѣчаніи 524-мъ у него приведена цитата изъ „Сказанія еже содѣяся", гдѣ говорится между прочимъ, что къ Шуйскому собрались и служилые люди „изъ Вел. Новаграда и Пскова". Но обратимся къ Соловьеву. У него мы читаемъ: „...Когда дѣло доходило до народнаго возстанія, граждане старыхъ вѣчевыхъ городовъ, новгородцы и псковитяне заняли первое мѣсто; новгородцы не измѣнили и тутъ прежнимъ связямъ: Шуйскій былъ послѣднимъ воеводою вольныхъ людей, за Шуйскаго стояли новгородцы всѣмъ городомъ противъ Бѣльскаго въ малолѣтство Грознаго, и теперь первые пришли на призывъ Шуйскаго" [1]). А вотъ что говорятъ у Островскаго новгородскіе стрѣльцы въ отвѣтъ на слова Шуйскаго, что самозванецъ ихъ, новгородцевъ, со всей землей и Псковъ еще въ придачу отдастъ своей женѣ Маринѣ:

„О, Господи! Вотъ грѣхъ какой! Бояринъ,
Вступись за насъ! Василій, княжъ Иванычъ,
Твой родъ служилъ новгородской волѣ
До самаго конца ея".

Какъ видимъ, мысль та же, что и у Соловьева.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно точно сказать, какой изъ двухъ историковъ былъ источникомъ для драматурга, такъ какъ оба они говорятъ одно и то же: напримѣръ оба они передаютъ одинъ и тотъ же разсказъ о Татищевѣ, какъ онъ по поводу замѣчанія В. Шуйскаго о телятинѣ, что ею не должно угощать русскихъ, „взялъ сторону Шуйскаго и наговорилъ царю такихъ вещей, что тотъ долженъ былъ выгнать его изъ-за стола и хотѣлъ было сослать въ Вятку, но былъ упрошенъ Басмановымъ" [2]). Согласно съ этимъ разсказомъ Мстиславскій въ хроникѣ говоритъ Татищеву (ч. II, сц. 1-я):

„Басманову ты кланялся, а то бы
Гулять тебѣ за Вологду иль Вятку,
Куда Макаръ телятъ не загонялъ".

Исходя изъ этого разсказа, Островскій создаетъ и весь характеръ Татищева, недовольнаго ничѣмъ въ Дмитріи и все въ немъ

[1]) *Соловьевъ*, „Обзоръ событій". Современникъ, 1848 г., кн. IV, стр. 77.
[2]) Тамъ же, стр. 75.

осуждающаго, и въ этомъ случаѣ его, конечно, поддерживаетъ Соловьевъ, говоря, что „вольная, нарушавшая обычаи предковъ жизнь Димитрія также находила усердныхъ и явныхъ порицателей среди самыхъ царедворцевъ“ [1]). Такого царедворца драматургъ и рисуетъ намъ въ лицѣ Татищева, при чемъ матеріалъ для его характеристики, иными словами для его рѣчей, Островскій черпаетъ одинаково у обоихъ историковъ.

Еще болѣе, повидимому, сказалось вліяніе Соловьева на характеристикѣ Мстиславскаго. Вотъ какъ отзывается о немъ въ хроникѣ Голицынъ, отвѣчая на слова Куракина: „А послѣ что? На тронъ Мстиславскій сядетъ“:

„Мстиславскій? Нѣтъ! Его на то не хватитъ;
Ума не нажилъ, смѣлости подавно;
А сѣсть на царство—мудрена наука“.

Трудно сопоставить съ этими словами такой отзывъ о немъ Карамзина, отчасти основанный на свидѣтельствѣ Маржерета: „Годунова не было между тогдашними вельможами. Старѣйшій изъ нихъ, Князь Ѳедоръ Мстиславскій, отличаясь добродушіемъ, честностію, мужествомъ, еще болѣе отличался смиреніемъ или благоразуміемъ; не хотѣлъ слышать о Державномъ санѣ и говорилъ друзьямъ: «если меня изберутъ въ Цари, то немедленно пойду въ Монахи»“ [2]). Болѣе подходящимъ является въ данномъ случаѣ отзывъ С. М. Соловьева о Мстиславскомъ. „Начальниками заговора, читаемъ мы, у него, были князья: Василій Ив. Шуйскій и Василій Вас. Голицынъ, оба хотѣвшіе престола для себя; князь Мстиславскій, первый въ думѣ, былъ послѣднимъ при каждомъ движеніи по недостатку энергіи“ [3]).

Есть нѣкоторыя мелкія черточки, въ которыхъ замѣтно вліяніе С. М. Соловьева. Такъ, напр., Дмитрій хроники, разсѣянно слушая рѣчи іезуита, велитъ позвать къ себѣ своего секретаря Бучинскаго, на что его собесѣдникъ, пожимая плечами, говоритъ: „Онъ — лютеранинъ“ и уходитъ. А вотъ что сообщаетъ Соловьевъ: „видно, что Лавицкій привезъ папѣ не однѣ только утѣшительныя вѣсти; Павла V-го безпокоило то, что Димитрій составилъ гвардію изъ иностранцевъ, исповѣдывавшихъ протестантизмъ, и приблизилъ къ себѣ двоихъ поляковъ, братьевъ Бучинскихъ, которые не были католиками“ [4]). Ка-

[1]) Тамъ же, стр. 75.
[2]) *Карамзинъ*, т. VI, стр. 174.
[3]) *Соловьевъ*, назв. соч., стр. 76.
[4]) Тамъ же, стр. 69.

рамзинъ, сообщая наоборотъ, что „Димитрій распустилъ своихъ иностранныхъ тѣлохранителей, но исключительно ласкалъ поляковъ, только имъ давалъ всегда свободный къ себѣ доступъ, съ ними обходился дружески и совѣтовался какъ съ ближними; взялъ даже въ Тайные Царскіе Секретари двухъ Ляховъ Бучинскихъ“ [1]), ни слова не говоритъ объ ихъ лютеранствѣ, и такимъ образомъ ясно, что Островскій шелъ здѣсь вслѣдъ за Соловьевымъ.

Точно также возьмемъ самое начало возстанія. Вотъ между прочимъ что сообщаетъ Карамзинъ: послѣ того какъ „Загремѣлъ набатъ въ цѣлой Москвѣ, жители устремились изъ домовъ на Красную площадь, съ копьями, мечами, самопалами, Дворяне, Дѣти Боярскіе, Стрѣльцы, люди Приказные и торговые, граждане и чернь“ [2]). Соловьевъ вноситъ сюда одну любопытную подробность. „Толпы народа, говоритъ онъ, между прочимъ и преступники, освобожденные изъ темницъ, вооруженные чѣмъ ни попало, хлынули на Красную площадь“ [3]). А вотъ какъ использовалъ эту подробность Островскій. Въ уста Калачника онъ вложилъ такія слова, обращенныя къ В. Шуйскому (ч. II, сц. 3-я):

„Мы кольчуги,
По твоему приказу, отобрали
Изъ кладовой. Кому раздать, я знаю.
Кого не жаль, кому и жизнь копѣйка,
И голова не стоитъ ничего,
На нихъ-то я кольчуги и надѣну.
Я рать сберу изъ вольницы московской;
Мы выпустимъ сидѣльцевъ бражныхъ тюремъ,
Цѣпныхъ воровъ съ Варварскаго крестца!
И эту рать удалую на встрѣчу
Пищальнаго огня я поведу.
Мы вашу грудь своею загородимъ;
За головы разумныя бояръ
Мы головы дешевыя положимъ...“

„Сидѣльцы бражныхъ тюремъ“ хроники—это несомнѣнно „преступники, освобожденные изъ темницъ“ у историка. Драматургъ расцвѣтилъ эту подробность, воспользовавшись, конечно, и другими данными, именно относительно бражныхъ тюремъ. Здѣсь любопытно отмѣтить, какъ всѣ эти подробности претворялись въ горнилѣ творче-

[1]) *Карамзинъ*, т. XI, стр. 167.
[2]) *Карамзинъ*, т. XI, стр. 167.
[3]) *Соловьевъ*, тамъ же, стр. 79.

ства и воплощались подъ перомъ драматурга въ живые и яркіе картины и образы. Въ этомъ случаѣ драматургъ былъ самостоятеленъ, тутъ ему не помогалъ ни одинъ историкъ, да и никто не могъ помочь, кромѣ его собственнаго творческаго таланта. Онъ бралъ у историковъ лишь матеріалъ, но какъ использовать этотъ матеріалъ, что изъ него создать, этого не могъ подсказать ему ученый. Это загадки творчества, которыя мы и не беремся разгадывать, ставя себѣ болѣе скромную цѣль:—по возможности объяснить ихъ, указавъ тотъ матеріалъ, изъ котораго творилъ драматургъ.

На этомъ можно покончить изученіе вопроса объ историческихъ источникахъ хроники Островскаго. Врядъ ли можно теперь говорить, примѣнительно къ „Дмитрію Самозванцу", что „историческія драмы Островскаго лишены всякой историчности", какъ это беретъ на себя смѣлость утверждать одинъ изъ новѣйшихъ его критиковъ, правда, не считаясь съ тѣмъ, что уже сдѣлано наукой для разрѣшенія этого вопроса [1]). Настоящая хроника, можно сказать, насыщена историчностью. Въ ней всякое слово, каждая реплика подтверждается или объясняется точными историческими данными, не заимствованными изъ вторыхъ рукъ, и потому нерѣдко искаженными, а добытыми путемъ обстоятельнаго изученія историческихъ документовъ.

Какъ шло это изученіе и какъ шла работа надъ изученнымъ матеріаломъ, покажетъ дальнѣйшее.

Н. Кашинъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) *Ю. Слонимская:* „Театръ Островскаго". Ежег. Имп. Театровъ 1915 г., стр. 69. См. также *Б. Варнеке:* „Замѣтки объ Островскомъ". Рус. Фил. Вѣстн. 1916 г., кн. 1—2, стр. 204.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ *).

*Горюнковъ, А. О. Краткій курсъ элементарной геометріи съ 270 чертежами для высшихъ начальныхъ училищъ. Книгоизд-во В. С. Спиридонова. М. 1916. Стр. 190+2 нен. Цѣна 1 р. 20 коп.

Учебникъ г. Горюнкова былъ разсмотрѣнъ ученымъ комитетомъ еще въ рукописи. Сличая тогдашній отзывъ съ представленной теперь книгой, я убѣдился, что авторъ воспользовался нѣкоторыми замѣчаніями рецензента, но повидимому не обратилъ вниманія на то, что это были только *примѣры* дефектовъ, замѣченныхъ рецензентомъ, а вовсе не полное перечисленіе ихъ. Поэтому въ представленной теперь книгѣ имѣется еще множество другихъ недочетовъ. Я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы учебникъ г. Горюнкова былъ лишенъ всякихъ достоинствъ. Въ частности, напримѣръ, я долженъ отмѣтить простой и ясный слогъ автора. Въ этомъ отношеніи учебникъ г. Горюнкова стоитъ гораздо выше, нежели, напримѣръ, курсъ г. Звѣрева. Тѣмъ болѣе приходится сожалѣть, что въ книгѣ осталось столько промаховъ, иногда даже прямо фактическихъ. Приведу примѣры:

Стр. 6. „Общая форма теоремы такова: Если существуетъ А, то существуетъ и В. Первая часть теоремы (*до запятой*) называется условіемъ, а вторая—заключеніемъ". Не буду останавливаться на странномъ опредѣленіи условія, какъ того, что стоитъ до запятой. Для меня гораздо важнѣй то, что ученики на этой стадіи развитія (по новой программѣ 1916 г.—II класса высшихъ начальныхъ училищъ), вѣроятно, совсѣмъ не поймутъ, что такое эти А и В (вѣдь у автора ни малѣйшихъ разъясненій не дано) и въ особенности будутъ

---

*) Отзывы, отмѣченные звѣздочкою, составлены для ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, какъ по основному его отдѣлу, такъ и по отдѣлу начальнаго образованія, а также и по отдѣлу техническихъ и промышленныхъ училищъ.

поражены послѣ, когда увидятъ, что множество теоремъ въ редакціи самого же автора совсѣмъ не подходятъ подъ эту „общую форму“. Ср., напримѣръ, стр. 28 „въ треугольникѣ одна сторона всегда меньше суммы двухъ другихъ сторонъ“, стр. 33 „Гипотенуза прямоугольнаго треугольника больше каждаго изъ катетовъ“, стр. 50 „Діагональ дѣлитъ параллелограммъ на два равныхъ треугольника“ и т. д. постоянно.

Стр. 7. „Но отдѣлить линію отъ поверхности нельзя, поэтому, вмѣсто геометрическихъ линій, *изучаютъ предметы, похожіе по виду на нихъ*, напримѣръ, вытянутую нить, черту, сдѣланную мѣломъ, карандашомъ и т. п.“. Это уже совершенно невѣрно: мы изучаемъ, конечно, именно *линіи*, а не вышеупомянутые „предметы“, которые служатъ только пособіемъ для нашего воображенія.

Стр. 8 „Если требуется начертить неограниченную линію, то просто прикладываютъ, напримѣръ, къ бумагѣ линейку и проводятъ черту по ея краю; если же нужно начертить отрѣзокъ, то отмѣчаютъ двѣ его крайнія точки, а затѣмъ соединяютъ ихъ прямой линіей“. Полагаю, что и при черченіи „отрѣзка“ придется тоже приложить къ бумагѣ линейку и провести черту по ея краю. Но, конечно, наиболѣе удивительно то, что авторъ считаетъ возможнымъ начертить „неограниченную линію“. Или онъ просто не сумѣлъ толково объяснить самую простую вещь?

На той же страницѣ въ число буквъ *латинскаго* алфавита попала и буква „ашъ“.

Стр. 9 „....значитъ, въ *сущности*, между двумя точками можно провести только одну прямую линію“. Что значитъ оговорка „въ сущности“? Или когда нибудь между двумя точками можно провести двѣ прямыя линіи“.

Ibid. „Если между двумя точками проведена прямая и какія нибудь еще линіи (чер. 7) то, разсматривая ихъ относительно величины (хорошее выраженіе) *мы должны заключить*, что во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ линій, проведенныхъ между двумя точками, прямая самая короткая“.

Что значитъ опять это нерѣшительное утвержденіе „мы должны заключить“? Вѣдь всякое „заключеніе“ должно изъ чего нибудь выводиться. Почему же авторъ умалчиваетъ, на чемъ онъ хочетъ строить это разсматриваніе относительно величины? Вѣдь дѣти еще не имѣютъ никакого понятія объ измѣреніи линіи.

Стр. 11, § 11 озаглавленъ „Дѣленіе отрѣзка на равныя части“ а

въ дѣйствительности содержитъ только указаніе, какъ дѣлить отрѣзокъ пополамъ, на 4 части, на 8 частей и т. д. Что нужно дѣлать, когда число частей не есть степень двухъ—авторъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ. То же самое при дѣленіи угла на стр. 15.

Стр. 12 „Примѣчаніе. Ломаной линіей называется такая, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ пересѣкающихся прямыхъ“ (?).

Стр. 13 „Углы считаются равными, если у нихъ повороты однѣхъ сторонъ относительно другихъ одинаковы“. Послѣ этого говорится объ обычномъ наложеніи угловъ другъ на друга, такъ что всѣ эти „повороты“ въ сущности ни для чего не нужны.

Ученый комитетъ можетъ усмотрѣть изъ этого разбора первыхъ страницъ книги г. Горюнкова, сколько возраженій можно сдѣлать противъ нея. Не считаю нужнымъ приводить всѣхъ ихъ. Упомяну развѣ еще, что на стр. 83 сказано „Ученые доказали, что точнаго значенія π опредѣлить нельзя“. Тамъ же (§ 137) находимъ удивительное разсужденіе: „опредѣлить длину окружности непосредственнымъ сравненіемъ съ отрѣзкомъ прямой нельзя. *Въ виду этого* (курсивъ мой) длину окружности вычисляютъ при помощи π“ (!). Совершенно недопустимое разсужденіе на стр. 115. „Предположимъ, что въ кругъ вписанъ правильный многоугольникъ *съ безконечно большимъ* числомъ сторонъ (ученикамъ начальныхъ училищъ говорить о безконечно большихъ числахъ!). *Тогда за площадь круга съ безконечно малой погрѣшностью* можно принять площадь этого вписаннаго многоугольника“ и тоже самое повторяется дальше множество разъ. На стр. 119 рѣшена задача о квадратурѣ круга. Пришлось всего только положить $\pi = 3^1/_7$.

Б. Кояловичъ.

*Первый русскій историкъ Н. М. Карамзинъ (1766—1826). Очеркъ профессора *И. А. Шляпкина.* Съ 21 рисунками въ текстѣ, 1 красочнымъ рисункомъ и факсимиле Н. М. Карамзина. 1916 г. Петроградъ. Изданіе П. П. Сойкина „Знаніе для всѣхъ“. 48 стр. Цѣна 75 коп.

Ко времени стопятидесятилѣтія со дня рожденія Н. М. Карамзина книгоиздательство Сойкина въ серіи „Знаніе для всѣхъ“ издало брошюру профессора Шляпкина, посвященную жизни и дѣятельности знаменитаго писателя и исторіографа. Изданная очень изящно, съ большимъ вкусомъ, брошюра профессора Шляпкина отличается въ то же время и внутренними достоинствами. Авторъ въ живой и ясной формѣ изложилъ біографію Н. М. Карамзина и сумѣлъ превосходно выяснить все значеніе писательской и научной

дѣятельности „перваго русскаго историка“. При этомъ профессоръ Шляпкинъ счастливо избѣжалъ и панегирическаго тона и умаленія огромныхъ заслугъ Карамзина, какъ изслѣдователя родной старины.

Очень хорошо выясненъ авторомъ брошюры, привлекательный обликъ Карамзина, какъ человѣка стойкаго и нравственно чистаго. Нельзя, познакомившись съ брошюрой г. Шляпкина, не согласиться съ его выводами: „образъ Карамзина, какъ человѣка чистаго сердцемъ и беззавѣтно любившаго свою родину и человѣчество, всегда сохранитъ свое обаяніе. Россія не забудетъ имени Карамзина, какъ человѣка и гражданина.“

Прекрасная брошюра профессора Шляпкина и въ типографскомъ отношеніи издана вполнѣ хорошо. Приходится все же указать на досадную опечатку, встрѣтившуюся намъ на 23 стр. (князь А. И. Вяземскій умеръ въ 1807, а не въ 1870 году).

Слѣдуетъ отъ души пожелать превосходному и полезному труду профессора Шляпкина самаго широкаго распространенія.

Пл. Васенко.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ три высшихъ учебныхъ заведенія: 1) Томскій университетъ, 2) Томскій технологическій институтъ и 3) Сибирскіе высшіе женскіе курсы.

Законъ объ открытіи Томскаго университета въ составѣ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго состоялся въ 1878 г. Университетъ заложенъ 26-го августа 1880 г. и открытъ 22-го іюля съ однимъ факультетомъ—медицинскимъ, такъ какъ въ лекарскомъ персоналѣ Сибирь ощущала большую нужду и легче было заполнить каѳедры по медицинскому факультету. Дѣятельность университета началась въ составѣ 8 профессоровъ, 7 консерваторовъ и лаборантовъ, 72 студентовъ и 2 вольнослушателей. Ему предоставлено было право принимать въ число студентовъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, причемъ послѣдніе не могли переходить въ студенты Европейской Россіи.

Въ 1899 г. открыли юридическій факультетъ. Главнымъ побудительнымъ основаніемъ къ учрежденію именно этого, а не другого факультета послужило, надо полагать, распространеніе на Сибирь въ 1897 г. дѣйствія Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, ибо эта судебная реформа естественно должна была потребовать большаго количества дѣятелей съ высшимъ образованіемъ.

„Открытіе юридическаго факультета въ составѣ Томскаго университета было“,—по выраженію проф. М. Ѳ. Попова [1]),—„радостнымъ и благодѣтельнымъ событіемъ для обширной Сибирской окраины, отли-

[1]) Ректоръ Томскаго университета 1914—1916 гг.

чавшейся крайней отсталостью по судебной и административной частямъ и феноменальнымъ проявленіямъ безправія временъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ»".

На постройку университетскихъ зданій употреблено свыше 760.000 р., въ томъ числѣ изъ государственнаго казначейства 400.000 р., капитала Демидова 182.000 р., Цибульскаго 158.000 р. и пожертвованій разныхъ другихъ лицъ и городовъ до 53.000 р. Для студентовъ устроено общежитіе.

Наибольшее участіе въ строительномъ дѣлѣ принимали участіе два попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа—В. М. Флоринскій и Л. И. Лаврентьевъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя при Томскомъ университетѣ библіотека, которая помѣщается въ спеціально построенномъ для нея прекрасномъ зданіи. Составилась она въ большей своей части путемъ пожертвованій. Первый и самый дорогой подарокъ университету былъ сдѣланъ въ 1879 г. графомъ А. Г. Строгоновымъ, пожертвовавшимъ обширную и роскошную коллекцію книгъ по всѣмъ отраслямъ знанія, состоявшую изъ 7.523 названій въ 22.626 томахъ и оцѣненную въ 300.000 р. Пріобрѣтеніемъ этой библіотеки университетъ обязанъ исключительно Флоринскому, который обладалъ рѣдкимъ даромъ находить щедрыхъ жертвователей. Состоя въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ Д. А. Толстымъ, онъ указалъ ему на библіотеку Строгоновыхъ, предназначенную въ то время къ раздѣлу между наслѣдниками, и убѣдилъ его повліять на графа А. Г. Строгонова пожертвовать эту библіотеку Томскому университету. Свою собственную библіотеку—до 3.000 томовъ—Флоринскій подарилъ тому же университету. Потомъ, при непосредственномъ его же содѣйствіи, поступили и другія пожертвованія, какъ библіотека князя С. М. Голицына—5.000 томовъ, стоющая 6.000 р., поэта В. А. Жуковскаго въ 2.000 р., академика А. В. Никитскаго—2.000 томовъ, стоимостью до 2.000 р. и А. И. Артемьева—1.500 томовъ. Всѣ эти пожертвованія относятся къ 1879 г. Въ слѣдующіе годы пожертвованы: коллекція книгъ изъ Петроградской публичной библіотеки — 3.000 томовъ, библіотеки профессоровъ Карпова, Ростиславлева, Федорова, Орлова, Орнатскаго, Тютчева, Эвальда, Васильева, Басова, Флоринскаго, Загорскаго, Глѣбова, графа Ѳ. П. Литке, графа П. А. Валуева, Никитенки и др. Благодаря такому весьма счастливому стеченію обстоятельствъ, Томскій университетъ даже въ годъ открытія имѣлъ уже весьма обширную и цѣнную библіотеку, заключавшую въ себѣ самыя

рѣдкія изданія. Дальнѣйшее пополненіе библіотеки шло отчасти путемъ пожертвованій, отчасти путемъ покупки книгъ на счетъ казны, а также на счетъ пожертвованныхъ капиталовъ и главнымъ образомъ—на капиталъ А. М. Серебрякова. Изъ болѣе крупныхъ пожертвованій за это время можно назвать богатую медицинскую библіотеку проф. В. А. Манасеина, содержавшую болѣе 25.000 названій, и юридическую проф. Малышева, затѣмъ д-ра Пфейера по оспопрививанію, подаренную А. М. Серебряковымъ, д-ра Бѣлоголоваго, проф. Н. Ф. Здекауера, министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, проф. Салищева и др. Въ числѣ пожертвованій имѣется коллекція книгъ, подаренная въ 1895 г. бывшимъ императоромъ, почетнымъ членомъ Томскаго университета, изъ библіотекъ въ Зимнемъ и Аничковымъ дворцахъ. Немало поступило также изданій рѣдкихъ и цѣнныхъ отъ правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. При открытіи къ 1898 г. юридическаго факультета были пріобрѣтены двѣ крупныхъ библіотеки по юриспруденціи проф. Неклюдова и проф. Гнейста. На ряду съ поступленіемъ пожертвованій и пріобрѣтеніемъ цѣлыхъ библіотекъ происходила выписка книгъ и періодическихъ изданій по естествовѣдѣнію, медицинѣ и всѣмъ отраслямъ права отъ книгопродавцевъ, въ среднемъ, на 7.200 р. ежегодно. Въ настоящее время библіотека имѣетъ 226.167 названій въ 953.600 томахъ, оцѣниваемыхъ суммою въ 620.948 р. И этимъ замѣчательнымъ книжнымъ богатствомъ имѣютъ возможность пользоваться не только служащіе въ университетѣ и студенты, но и постороннія лица, получившія разрѣшеніе отъ ректора и внесшія установленный залогъ.

Затѣмъ при университетѣ находятся слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія—кабинеты: физическій, минералогическій, ботаническій, общей химіи, нормальной анатоміи, гистологическій, физіологическій, медицинской химіи, фармацевтическій, гигіеническій, общей патологіи, фармакологіи, судебной медицины, патологической анатоміи, оперативной хирургіи; есть ботаническій садъ, зоологическій институтъ; клиники: терапевтическая, хирургическая, для нервно-больныхъ, офталмологическая, акушерская, дѣтская, дерматологическая, госпитально-хирургическая, госпитально-терапевтическая; имѣется клиническая аптека; есть музей археологіи, этнографіи и нумизматики, а также юридическій кабинетъ.

Изъ ученыхъ обществъ при университетѣ находятся: 1) Юридическое, 2) Акушерско-Гинекологическое и 3) Общество естествоиспытателей и врачей.

Каѳедры при юридическомъ факультетѣ слѣдующія: гражданскаго права и гражданскаго судопроизводства, международнаго права, уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства, политической экономіи и статистики, церковнаго права, исторіи русскаго права, энциклопедіи права и исторіи философіи, полицейскаго права, государственнаго и финансоваго. При медицинскомъ: судебной медицины, діагностики и терапевтической факультетской клиники, акушерства и женскихъ болѣзней, гистологіи и эмбріологіи, медицинской химіи, физіологіи, дѣтскихъ болѣзней, фармаціи и фармакогнозіи, теоретической хирургіи, общей химіи, госпитальной хирургической клиники, общей патологіи, гигіены, зоологіи и сравнительной анатоміи, физіологіи, дерматологіи и сифилидологіи, хирургической клиники, минералогіи и геологіи, фармакологіи, патологической анатоміи, оперативной хирургіи и топографической анатоміи, физики, офталмологіи, нормальной анатоміи, патологической, кожныхъ и венерическихъ болѣзней, частной патологіи и терапіи и терапевтической госпитальной клиники.

При открытіи университета въ 1888 г., ректоромъ его, въ качествѣ исправляющаго должность, назначенъ былъ ординарный профессоръ по каѳедрѣ физики Н. А. Гезехусъ; затѣмъ эту должность послѣдовательно занимали В. Н. Великій, А. И. Судаковъ, М. Г. Курловъ, В. В. Сапожниковъ, И. А. Базановъ и М. Ф. Поповъ.

На юридическомъ факультетѣ имѣется 9 профессоровъ и 2 ассистента, а на медицинскомъ—26 профессоровъ, въ томъ числѣ 6 внѣштатныхъ; кромѣ того при университетѣ находится 13 приватъ-доцентовъ и 56 помощниковъ по преподаванію, посвятившихъ себя также наукамъ, подъ наименованіемъ прозекторовъ, ихъ помощниковъ, лаборантовъ, ассистентовъ, хранителей кабинетовъ и ординаторовъ клиникъ.

Число лекцій и занятій въ Томскомъ университетѣ колеблется, но очень незначительно. Въ общемъ, на медицинскомъ факультетѣ на всѣхъ пяти курсахъ въ теченіе весенняго полугодія посвящается въ недѣлю теоретическимъ чтеніямъ около 140 часовъ и практическимъ занятіямъ около 135 часовъ; въ осеннемъ полугодіи теоретическимъ чтеніямъ посвящается около 150 часовъ въ недѣлю, а практическимъ занятіямъ около 130 часовъ. На юридическомъ факультетѣ на всѣхъ четырехъ курсахъ въ теченіе недѣли въ оба полугодія читается около 70 теоретическихъ лекцій и около 15—20 часовъ посвящается практическимъ занятіямъ.

Профессора и младшіе преподаватели, помимо учебной работы,

развиваютъ по мѣрѣ силъ и возможности также ученую дѣятельность. При самомъ открытіи университета министерство народнаго просвѣщенія возлагало въ этомъ отношеніи большія надежды на естественно-историческія каѳедры, входящія въ составъ медицинскаго факультета, и поэтому внесло въ штаты его ассигнованіе въ 3.000 р. на научныя экспедиціи и на изданіе трудовъ по этимъ экспедиціямъ. И дѣйствительно, съ первыхъ же годовъ жизни университета представители естественныхъ каѳедръ каждое лѣто начали экскурсировать въ неизвѣданныя еще въ научномъ отношеніи мѣстности и изучать физическія и географическія условія, почву, растительность, фауну, минеральныя богатства, ледники и глетчеры, цѣлебныя свойства озеръ, археологическіе остатки и проч. Особенно много сдѣлано для изученія географіи и растительности Алтая, Сѣверной Монголіи и Семирѣченской области докторомъ ботаники проф. В. В. Сапожниковымъ. Результатомъ его 15 путешествій былъ рядъ работъ, за которыя авторъ избранъ Берлинскимъ Географическимъ Обществомъ почетнымъ членомъ.

На г. Сапожниковѣ я считаю себя обязаннымъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Родился онъ въ 1861 г. и среднее образованіе получилъ въ Пермской гимназіи. По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ Московскаго университета, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ анатоміи и физіологіи растеній. Въ 1890 г. В. В. Сапожниковъ получилъ степень магистра ботаники; съ 1893 г. онъ является уже профессоромъ Томскаго университета и Томскаго технологическаго института, со времени открытія послѣдняго. Главныя научныя работы Сапожникова слѣдующія: „Къ вопросу о геотропизмѣ“ („Труды Московскаго университета“ 1885 г.); „Образованіе углеводовъ въ листьяхъ“, магистерская диссертація (Москва, 1890 г.); три статьи объ образованіи углеводовъ въ Ber. d. Deutschen Botan. Gesellsch.“, 1891 и 1893 гг.; „Бѣлки и углеводы зеленыхъ листьевъ, какъ продукты ассимиляціи“, докторская диссертація („Труды Общ. Естествоисп. и врачей“, 1894 г.). Результатомъ предпринимавшихся имъ путешествій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научныхъ изслѣдованій явились сочиненія: „По Алтаю“, „Катунь и ея притоки“, „Очерки Семирѣчья“ (I. Джунгарскія степи, Иссыкъ-Куль и Тяньшань. II. Джунгарскій Ала-тау), „Монгольскій Алтай въ истокахъ Иртыша и Кобдо“, „Семирѣченская область. Экспедиція въ Джаркентскій и Пржевальскій уѣзды“ и др. Трудъ г. Сапожникова „Катунь и ея истоки“ удостоенъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ медали Пржевальскаго. Въ предѣлахъ Рус-

скаго Алтая ему удалось изслѣдовать альпійскую область горной страны, открыть много горныхъ ледниковъ и измѣнить наши представленія о высотѣ главныхъ вершинъ; то же сдѣлано г. Сапожниковымъ и для Монгольскаго Алтая въ истокахъ р. Кобдо.

Приватъ-доцентъ П. Н. Крыловъ совершилъ за свою долголѣтнюю службу въ Томскомъ университетѣ, съ 1885 г. 14 экскурсій для ботаническихъ изслѣдованій Алтая, Томской губерніи, Урянхайской земли и Сѣверной Монголіи и издалъ 7 выпусковъ „Флоры Алтая". Проф. Н. Ф. Кащенко, консерваторы Анпкинъ и Іоганзенъ предпринимали также неоднократныя экскурсіи для зоологическихъ изслѣдованій Алтая, Барабы, Туркестана и Нарымскаго края, давшія рядъ цѣнныхъ работъ и обогатившія зоологическій музей университета. Проф. А. М. Зайцевъ много лѣтъ путешествовалъ для зоологическихъ изслѣдованій Кузнецкаго Ала-тау и южной части Енисейской губерніи, а приватъ-доцентъ Пилипенко—для минералогическихъ изслѣдованій западнаго и центральнаго Алтая. Проф. С. І. Залѣсскій и приватъ-доцентъ Косторскій занимались изученіемъ соленыхъ озеръ въ Минусинской степи и Барабѣ, а проф. П. П. Орловъ—изученіемъ радіоактивныхъ свойствъ нѣкоторыхъ озеръ и рудныхъ мѣсторожденій Восточной Сибири. Экскурсировали затѣмъ проф. С. П. Коржинскій на Амуръ для ботаническихъ изслѣдованій и проф. Ф. Я. Капустинъ въ Енисейскую губернію, для наблюденія солнечнаго затменія и магнитныхъ изслѣдованій. Не были оставлены безъ изученія этнографія, антропологія и археологія края. Въ экскурсіяхъ принимали участіе многіе изъ студентовъ—любители естествознанія.

Въ другихъ сферахъ научной жизни университетомъ сдѣлано также не мало. Въ числѣ бывшихъ профессоровъ медицинскаго факультета мы должны отмѣтить такія видныя имена въ наукѣ, какъ хирургъ Ѳ. Г. Салищевъ, память коего почтена состоящимъ при университетѣ „Обществомъ естествоиспытателей и врачей" учрежденіемъ преміи его имени, гистологъ А. Е. Смирновъ, химикъ Вернеръ, хирургъ Роговичъ и ботаникъ С. И. Коржинскій. Въ настоящее время обращаютъ вниманіе своею дѣятельностью М. Г. Курловъ, С. М. Тимашевъ, В. М. Мышъ, А. А. Линдстремъ и др. [1]).

---

[1]) Заслуженный ординарный профессоръ Михаилъ Георгіевичъ Курловъ родился въ 1859 г. и, по окончаніи въ 1878 г. обученія въ Вятской гимназіи, поступилъ въ Медико-Хирургическую академію, къ которой окончилъ курсъ съ отличіемъ въ 1883 г. Въ 1886 г. Курловъ удостоенъ степени доктора медицины за диссертацію—„Усвоеніе и обмѣнъ азотистыхъ веществъ при кормленіи чахоточныхъ по способу Дебова".

Нѣкоторые изъ профессоровъ университета выступали неоднократно передъ обществомъ въ гор. Томскѣ и другихъ городахъ Сибири съ цѣлью популяризаціи науки, съ благотворительными цѣлями и по вопросамъ, составлявшимъ такъ или иначе злобу дня, но эта ихъ дѣятельность сопровождалась нерѣдко пропускомъ очередныхъ лекцій и получить значительнаго развитія не могла.

Выше уже говорилось, что университетъ открытъ былъ при 72 студентахъ. Съ теченіемъ времени число учащихся постепенно возрастало и главнымъ образомъ за счетъ семинаристовъ, не принимавшихся въ другіе университеты; число семинаристовъ простиралось до 70% и клало особый отпечатокъ на физіономію университета. Съ открытіемъ юридическаго факультета и особенно съ допущеніемъ съ 1906 г. въ университетъ „захватнымъ правомъ" вольнослушательницъ общее число учащихся достигло 1.300 человѣкъ, но потомъ стало падать и къ 1 января 1914 г. остановилось на 980.

Количество студентовъ по годамъ выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

ГОДА.	На медицинскомъ факультетѣ.	На юридическомъ факультетѣ.	ВСЕГО.
1888	72	—	72
1889	190	—	190
1890	262	—	262
1891	289	—	289
1892	332	—	332
1893	377	—	377
1894	397	—	397
1895	413	—	413

Командированный за границу для усовершенствованія, Михаилъ Георгіевичъ занимался въ Мюнхенѣ у проф. Цимсена, Боллингера, Эммериха, въ Берлинѣ у Эрлиха и Гергардта; по возвращеніи избранъ приватъ-доцентомъ по клиникѣ внутреннихъ болѣзней; въ 1890 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Томскаго университета по частной патологіи и терапіи. Курловъ опубликовалъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ свыше 40 работъ по внутреннимъ болѣзнямъ и бактеріологіи. Между прочимъ обращаетъ вниманіе совмѣстная его работа съ проф. Коркуновымъ объ упрощеніи Кіельдаль-Бородинскаго способа опредѣленія азота органическихъ веществъ, облегчившая возможность многочисленныхъ изслѣдованій объ обмѣнѣ веществъ при различныхъ нормальныхъ и патологическихъ условіяхъ.

1896	446	—	446
1897	374	—	374
1898	310	137	447
1899	225	156	381
1900	327	222	549
1901	281	259	540
1902	301	294	595
1903	333	332	665
1904	432	347	779
1905	431	285	716
1906	438	302	740
1907	575	423	998
1908	633	438	1.071
1909	651	459	1.110
1910	663	425	1.088
1911	589	316	962
1912	576	373	892
1913	716	264	980

Государственными испытательными комиссіями при медицинскомъ факультетѣ Томскаго университета удостоено въ разсматриваемый мною періодъ—съ 1893 по 1913 гг. степени лекаря 1.167 лицъ, въ томъ числѣ 1.081 мужчина и 86 женщинъ, а при юридическомъ факультетѣ съ 1902 по 1912 гг. подверглись испытанію и получили дипломы первой и второй степени 513 лицъ.

Для недостаточныхъ студентовъ при университетѣ имѣется значительное количество стипендій.

Еще до открытія Томскаго университета, начиная съ 1877 г., на капиталы, пожертвованные разными обществами и лицами, было учреждено для студентовъ 20 стипендій; послѣ открытія до настоящаго времени образовано 58 стипендій, т. е. болѣе чѣмъ по двѣ стипендіи учреждалось въ годъ. Размѣры стипендій колеблются отъ 100 до 247 р. Жертвователями были преимущественно сибиряки. Такъ, четыре стипендіи пожертвованы коммерціи совѣтникомъ З. М. Цибульскимъ, 8 стипендій кяхтинскимъ купцомъ А. А. Соломоновымъ, 12 стипендій потомственной почетной гражданкой А. Н. Портновой, 9 стипендій почетнымъ гражданиномъ Л. П. Кузнецовымъ и т. д. Всего стипендіальнаго неприкосновеннаго капитала имѣется 599.702 р. 81 коп., и студентамъ выдается ежегодно свыше 21.000 р. Затѣмъ, въ распоряженіи университета имѣется 20 стипендій казенныхъ и 10

главнаго переселенческаго управленія. Многіе студенты состоятъ, кромѣ того, стипендіатами городскихъ и общественныхъ управленій или получаютъ казачьи стипендіи. Несостоятельные студенты, не имѣющіе стипендій, частью освобождаются отъ платы за слушаніе лекцій, частью получаютъ ссуды и пособія, преимущественно на взносъ платы, изъ благотворителныхъ капиталовъ, достигающихъ въ общей сложности 10.000 р., а также изъ переходящихъ суммъ, находящихся въ распоряженіи университета, и изъ суммъ мѣстнаго Общества вспомоществованія учащимся.

Образовавшіяся съ 1907 г. среди студентовъ землячества, которыхъ насчитывается 24, также собираютъ въ свою пользу нѣкоторыя суммы съ вечеровъ и концертовъ, спектаклей и пр. Такъ, въ 1908 г. землячествами было получено черезъ правленіе университета 2.316 р. 48 коп., въ 1909 г.—3.686 р. 23 коп., въ 1910 г.—7.211 р. 68 коп., въ 1911 г. — 8.290 р. 42 к., въ 1912 г.— 7.452 р. 43 к. и въ 1913 г. — 5.761 р. 42 к., а всего за 6 лѣтъ 33.818 р. 73 коп.

Той же благотворительной цѣли служитъ *общежитіе студентовъ*, выстроенное бывшимъ попечителемъ учебнаго округа В. М. Флоринскимъ, преимущественно на пожертвованныя — 31.009 р. и отчасти казенныя—6.139 р. суммы. Въ немъ помѣщается 75 человѣкъ, за умѣренную плату, въ 43 комнатахъ. Въ распоряженіи живущихъ здѣсь студентовъ имѣется библіотека. Общежитіе владѣетъ неприкосновеннымъ капиталомъ, образовавшимся изъ пожертвованій, въ 23.800 рублей.

На содержаніе университета ассигнуется изъ средствъ государственнаго казначейства по утвержденному 25-го мая 1888 г. штату университета 172.650 р. и на стипендіи — 6.000 р.; по закону 1-го марта 1893 г. на содержаніе второго помощника инспектора отпущено 1.500 р.; по закону 28-го января 1894 г. на должности казначея и секретаря правленія и на увеличеніе содержанія секретаря—1.600 р.; по закону 29-го декабря 1897 г. на содержаніе юридическаго факультета назначено 69.000 р.; по закону 4-го іюня 1889 г. ассигновано дополнительно: на содержаніе двухъ ординарныхъ профессоровъ медицинскаго факультета 9.000 р., двухъ лекторовъ иностранныхъ языковъ — 3.000 р., на добавочное содержаніе библіотекарю — 400 р. и на выдачу экипировочныхъ денегъ и пріобрѣтеніе карманныхъ хирургическихъ и офталмологическихъ инструментовъ врачамъ, опредѣляемыхъ ординаторами клиникъ, — 793 р. 20 коп.; по закону 6-го марта 1900 г. на усиленіе личнаго состава инспекціи университета и

наемъ низшихъ служителей 5.100 р.; по закону 29 декабря 1901 г. на хозяйственныя нужды университета—7.000 р.; по утвержденному 3-го іюля 1908 г. штату госпитальныхъ клиникъ 58.232 р. и, кромѣ того, на основаніи Высочайшихъ повелѣній 31-го января 1906 г. и 5-го апрѣля 1908 г. изъ спеціальныхъ средствъ университета на содержаніе бактеріологическаго института Чуриныхъ — 6.000 р. Увеличеніе ассигнованій постепенно шло и далѣе. Въ настоящее время бюджетъ университета опредѣляется ассигнованіемъ изъ средствъ государственнаго казначейства около 450.000 р. и спеціальныхъ средствъ—сбора со студентовъ — до 50.000 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ на содержаніе госпитальныхъ клиникъ отпускается изъ казны около 58.000 р. и выручается съ больныхъ до 7.000 р; на содержаніе бактеріологическаго института министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—6.600 р. и изъ спеціальныхъ средствъ — 14.500 р. Кромѣ того, университетъ владѣетъ пожертвованными капиталами въ суммѣ до 900.000 р., въ томъ числѣ капиталомъ Сибирякова — 79.100 р., Занадворова—123.300 р., Падерина—около 120.000 р., Малышева—25.875 р. и др. Капиталы Кузнецова и Сибирякова, въ суммѣ 52.300 р., назначены на преміи за ученыя сочиненія: премія Кузнецова за сочиненіе по исторіи соціологіи и антропологіи Сибири, премія Сибирякова — за сочиненіе по исторіи Сибири.

Изъ помѣщенной ниже таблицы видно постепенное возрастаніе суммъ на содержаніе Томскаго университета, при чемъ за послѣднее время (1913 г.) количество ассигнованій почти утроилось (см. табл. на стр. 75).

Въ 1896 г., когда въ новооткрытомъ разсадникѣ наукъ установилась нормальная университетская жизнь, министерство народнаго просвѣщенія возбудило вопросъ объ учрежденіи физико-математическаго факультета, но непремѣнно съ технологическимъ отдѣленіемъ, для подготовки людей, свѣдущихъ въ разработкѣ естественныхъ богатствъ Сибири и въ развитіи ея промышленности. Изъ этой идеи выросъ рядомъ съ университетомъ и отчасти на его землѣ Томскій технологическій институтъ, а мысль о физико-математическомъ факультетѣ была пока оставлена. И только въ 1908 г. проф. Сапожниковымъ, занимавшимъ тогда должность ректора, вновь поднимается вопросъ о расширеніи Томскаго университета, на этотъ разъ, однакоже, не физико-математическимъ, а историко-филологическимъ факультетомъ. Представленіе въ учебно-окружное управленіе со стороны г. Сапожникова послѣдовало отъ 24-го мая за № 3345. Попе-

ГОДЫ.	Изъ суммъ государственнаго казначейства.		Изъ специальныхъ средствъ университета, сборъ за лекціи со студентовъ.		Изъ другихъ источниковъ.		ВСЕГО.	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
1888	42.717	86	721	66	45.676	62	89.116	14
1889	107.252	10	4.134	73	105.974	18	217.334	1
1890	137.862	47	8.877	—	91.197	7	237.930	54
1891	166.183	47	8.474	93	56.744	57	231.403	2
1892	209.324	56	19.055	25	120.870	74	349.250	55
1893	212.077	63	6.960	57	53.025	25	291.457	76
1894	212.077	63	16.822	82	54.111	77	283.012	22
1895	215.694	75	29.392	47	63.452	71	308.539	93
1896	214.915	97	31.262	1	60.544	77	306.722	75
1897	208.968	5	11.524	97	43.507	75	264.000	77
1898	221.404	34	16.575	64	45.903	76	283.883	74
1899	247.218	57	30.046	45	86.534	3	363.799	5
1900	283.389	21	41.467	36	71.407	73	396.264	30
1901	320.964	29	32.795	7	86.232	88	439.992	24
1902	320.676	51	32.201	17	85.856	2	438.733	70
1903	399.310	65	26.610	69	85.004	54	510.925	88
1904	377.589	90	38.017	99	140.254	90	555.862	79
1905	382.197	61	14.438	98	118.746	12	515.382	71
1906	409.330	12	30.224	55	96.721	40	536.276	7
1907	416.100	3	61.895	70	188.320	70	666.316	43
1908	501.727	8	73.658	75	188.046	18	763.432	1
1909	448.976	43	73.430	87	215.128	48	737.535	78
1910	417.466	3	68.492	60	219.804	10	705.762	73
1911	474.500	72	49.921	97	228.047	21	749.469	90
1912	474.233	39	66.192	7	199.403	17	739.828	63
1913	629.511	85	90.521	12	96.378	90	816.411	87

читель учебнаго округа Л. И. Лаврентьевъ отнесся къ ходатайству весьма сочувственно и въ донесеніи на имя г. министра народнаго просвѣщенія отъ 12-го іюня 1908 г. за № 3965 поддержалъ его, насколько было это возможно. Началась переписка, достигшая обширныхъ размѣровъ, которая не привела, однако же, дѣла къ благополучному разрѣшенію. Въ то же время директоръ Томскаго технологическаго института началъ хлопоты объ открытіи при подвѣдомомъ ему учебномъ заведеніи физико-математическаго отдѣленія. Для института такой факультетъ былъ бы, разумѣется, искусственнымъ придаткомъ и только усложнилъ тамъ дѣло, съ которымъ и безъ того плохо справлялась ученая корпорація. И В. В. Сапожниковъ, и Л. И. Лаврентьевъ высказались противъ открытія физико-математическаго отдѣленія при технологическомъ институтѣ и за открытіе его при университетѣ, вмѣстѣ съ историко-филологическимъ факультетомъ. Министерство, какъ видно изъ предложенія А. Н. Шварца отъ 18-го іюня 1909 г. за № 14099, „признало болѣе раціональнымъ открытіе физико-математическаго факультета, *если сіе представится возможнымъ*, при Императорскомъ Томскомъ университетѣ, а не при Томскомъ технологическомъ институтѣ Императора Николая II". Вскорѣ отъ 5-го сентября 1909 г. за № 21.326, за министра народнаго просвѣщенія товарищъ министра г. Ульяновъ запросилъ о движеніи студентовъ Томскаго университета за послѣднія 10 лѣтъ съ указаніемъ ихъ образовательнаго ценза и данныя о числѣ лицъ, оканчивающихъ курсъ гимназій и реальныхъ училищъ въ Западно-Сибирскомъ учебномъ округѣ за послѣднія пять лѣтъ. Свѣдѣнія эти необходимы были, по разъясненію г. Ульянова, для рѣшенія вопроса, насколько существующіе въ Томскѣ два факультета удовлетворяютъ потребности населенія Сибири въ университетѣ вообще, насколько является необходимымъ открытіе новыхъ факультетовъ и можетъ ли быть обезпеченъ комплектъ слушателей на нихъ безъ примѣненія льготныхъ условій пріема. Требованіе было исполнено попечителемъ Лаврентьевымъ обстоятельно и своевременно, но никакого отвѣта изъ министерства не послѣдовало; очевидно, контингентъ оканчивающихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ признанъ недостаточнымъ для пополненія вновь открываемыхъ факультетовъ. Въ 1905 г. окончившихъ курсъ было въ гимназіяхъ 110, въ реальныхъ училищахъ—30; въ 1906 г. 158 и 50; въ 1907 г.—143 и 58; въ 1908 г.—126 и 67 и въ 1909 г. — 80 и 70. Всего за 5 лѣтъ въ гимназіяхъ окончило курсъ 617 человѣкъ, а въ реальныхъ училищахъ — 275.

Не помогли дѣлу и представленная 28-го декабря 1909 г. за № 9942 за ректора университета проф. Базановымъ обширная докладная записка объ открытіи при Томскомъ университетѣ физико-математическаго факультета и новое представленіе попечителя учебнаго округа отъ 24-го ноября 1910 г. за № 10339, сущность котораго по отношенію къ физико-математическому и историко-филологическому факультетамъ сводилась къ слѣдующимъ положеніямъ:

1. Безъ недостающихъ факультетовъ во многомъ парализуется дѣятельность факультетовъ уже открытыхъ. Такъ, вслѣдствіе отсутствія физико-математическаго факультета, къ медицинскому въ Томскѣ пріурочено преподаваніе физики, химіи, геологіи, ботаники, зоологіи, и въ виду того, что предметы эти на медицинскомъ факультетѣ не первостепенные, обстановка учебно-вспомогательныхъ учрежденій при этихъ каѳедрахъ была и остается крайне скромной. Юридическій факультетъ, въ свою очередь, также нуждается въ содѣйствіи факультета историко-филологическаго, такъ какъ многія каѳедры юридическаго факультета находятся въ самой тѣсной связи съ каѳедрами факультета историко-филологическаго.

2. Безъ недостающихъ факультетовъ Томскій университетъ не можетъ выполнить возложенной на него высокой задачи — быть разсадникомъ чистой науки въ обширной Сибири, богато одаренной и представляющей обильный матеріалъ для всѣхъ видовъ научнаго изслѣдованія, такъ какъ въ общей системѣ знаній научныхъ естественно-историческія и филологическія играютъ первостепенную роль.

3. Открытіе недостающихъ факультетовъ необходимо въ интересахъ обезпеченія среднихъ учебныхъ заведеній Сибири преподавательскимъ персоналомъ.

4. Въ недалекомъ будущемъ обязательное начальное обученіе, какъ можно полагать, будетъ совершившимся фактомъ, за которымъ долженъ послѣдовать усиленный спросъ на среднее образованіе и усиленное открытіе среднихъ учебныхъ заведеній. Послѣднее въ свою очередь вызоветъ большой спросъ на преподавательскія силы. Если и въ настоящее время, когда начальное обученіе въ Сибири слабо развито, когда количество среднихъ школъ совершенно не отвѣчаетъ потребностямъ въ нихъ, повсемѣстно въ Сибири наблюдается большой недостатокъ надлежаще подготовленныхъ преподавателей, то при новыхъ условіяхъ этотъ недостатокъ будетъ трудно устранимымъ.

Время шло,—отвѣта не было. И вотъ Л. И. Лаврентьевъ соста-

вляетъ докладную записку о необходимости открыть для Сибири, по крайней мѣрѣ, еще филологическій факультетъ. Записка эта интересна во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ проливаетъ свѣтъ на многія стороны сибирской жизни.

Въ населеніи Сибири,—говорится здѣсь,—какъ и во всякомъ человѣческомъ обществѣ, и ранѣе существовала, и теперь продолжаетъ жить духовная потребность не только въ спеціальныхъ практическихъ знаніяхъ, а и въ знаніяхъ чистыхъ, не матеріальныхъ, доставляемыхъ, именно, факультетами историко-филологическимъ и физико-математическимъ, въ стремленіяхъ къ разностороннему изученію своей родины, ея природы и исторіи.

О сочувствіи этого рода образованію, между прочимъ, свидѣтельствуетъ назначеніе трехъ капиталовъ — А. М. Сибирякова, Л. П. Кузнецова и Н. А. Бѣлоголоваго, пожертвованныхъ Томскому университету на выдачу преміи за сочиненія по исторіи, антропологіи и соціологіи Сибири и за сочиненія, относящіяся къ изученію ея природы. На это же указываетъ давно сдѣланное А. И. Портновой пожертвованіе на 12 стипендій для студентовъ будущаго физико-математическаго факультета. Объ этомъ же говоритъ образованіе среди студентовъ Томскаго университета организацій и кружковъ для изученія исторіи, археологіи, антропологіи и этнографіи Сибири, ея флоры и фауны и проч., а также нерѣдко наблюдаемое среди студентовъ Томскаго университета явленіе, что медики, по окончаніи курса, не занимаются медициной, а естествознаніемъ, юристы же, получившіе дипломъ 1-й и 2-й степени, становятся учителями гимназій.

Реально стремленіе сибирскаго юношества къ чистому знанію выражается въ томъ, что часть воспитанниковъ сибирскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, имѣющая средства, минуя Томскій университетъ, уѣзжаетъ за тысячи верстъ въ университеты Европейской Россіи и поступаетъ на факультеты филологическій или естественный. По статистическимъ даннымъ за 1913 г. въ университетахъ Европейской Россіи состояло воспитанниковъ сибирскихъ гимназій и реальныхъ училищъ на факультетахъ—физико-математическомъ до 300 человѣкъ, историко-филологическомъ до 50 человѣкъ. Цифры эти, конечно, не выражаютъ дѣйствительныхъ размѣровъ стремленія молодыхъ людей къ пріобрѣтенію филологическаго или естественно-историческаго образованія и являются минимальными, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ учащихся и громадныхъ разстояній. Съ

быстро прогрессирующимъ увеличеніемъ образованнаго населенія Сибири, въ видѣ служилаго сословія на поприщахъ административномъ, судебномъ, народнаго просвѣщенія, желѣзнодорожномъ, переселенческомъ, горномъ и проч., приведенныя цифры несомнѣнно должны возрасти. Къ сожалѣнію, молодежь, уѣзжая въ Европейскую Россію, для поступленія на факультеты филологическіе и физико-математическіе, по окончаніи курса, привыкнувъ къ болѣе культурнымъ условіямъ жизни, весьма часто на родину не возвращается и, такимъ образомъ, исчезаетъ безъ пользы для края. Необходимо поддержать стремленіе извѣстной части воспитанниковъ сибирскихъ гимназій и реальныхъ училищъ къ чистому знанію и облегчить къ нему доступъ для тѣхъ, кто лишенъ возможности уѣзжать въ Европейскую Россію, учрежденіемъ въ составѣ Томскаго университета недостающихъ факультетовъ—историко-филологическаго и физико-математическаго.

Только съ открытіемъ этихъ факультетовъ высшая медико-юридическая школа въ Томскѣ сдѣлается настоящимъ университетомъ, сосредоточившимъ въ себѣ совокупность всѣхъ наукъ, въ томъ числѣ лежащихъ въ основаніи юриспруденціи, медицины и технологіи. Вмѣстѣ съ этимъ устранится та односторонность съ соблюденіемъ практическаго, утилитарнаго характера, которую приняло насажденіе высшаго образованія въ Сибири въ настоящее время.

Не менѣе важное значеніе въ пользу открытія недостающихъ факультетовъ въ Томскомъ университетѣ имѣютъ соображенія практическаго характера. Нужно имѣть въ виду, говоритъ попечитель учебнаго округа, что однимъ изъ главныхъ основаній для учрежденія Сибирскаго университета послужила необходимость имѣть достаточное количество учителей изъ мѣстнаго населенія для сибирскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, такъ какъ правительство въ 1878 году было озабочено распространеніемъ въ Сибири прежде всего средняго образованія, которое было весьма слабо развито и плохо поставлено. Хроническій недостатокъ въ преподавателяхъ для существовавшихъ тогда немногихъ гимназій въ Сибири, необходимость выписывать ихъ изъ Россіи съ большими издержками и при томъ не лучшаго качества, парализовали возможность открытія новыхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Поэтому при учрежденіи Сибирскаго университета, вмѣстѣ съ другими факультетами и даже ранѣе, предполагалось открыть факультеты, подготовляющіе учителей,—историко-филологическій и физико-математическій. Но отъ этого, повидимому, разумнаго плана,

преслѣдовавшаго насажденіе на обширной окраинѣ прежде всего средняго образованія, было сдѣлано отступленіе сначала въ интересахъ министерства внутреннихъ дѣлъ (открытъ первымъ медицинскій факультетъ), а потомъ министерства юстиціи (открытъ юридическій факультетъ); министерство же народнаго просвѣщенія до сего времени не воспользовалось своимъ преимущественнымъ правомъ и не могло настоять на открытіи факультетовъ, необходимыхъ для развитія и улучшенія средне-образовательныхъ школъ въ Сибири, которыя продолжаютъ пребывать въ прежнемъ неудовлетворительномъ состояніи.

Конечно, Сибирь, благодаря времени, съ 1880 года, когда былъ основанъ Сибирскій университетъ, сдѣлала значительные успѣхи въ области народнаго просвѣщенія. Тогда на 5.000.000 населенія существовало всего четыре классическихъ гимназіи (въ Иркутскѣ, Тобольскѣ, Томскѣ и Красноярскѣ) съ 38-ю выдержавшими испытанія на аттестатъ зрѣлости и четыре духовныхъ семинаріи (въ Тобольскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ и Благовѣщенскѣ) съ 65-ю учениками, оканчивавшими четвертый общеобразовательный классъ; всѣхъ же учебныхъ заведеній (гимназій, семинарій, уѣздныхъ, приходскихъ и сельскихъ мужскихъ училищъ и женскихъ) къ 1879 году было въ Западной Сибири 613 съ 21.244 чел. учащихся, въ томъ числѣ 16.344 мужчинъ и 4.900 женщинъ. Въ Восточной Сибири народное образованіе было поставлено менѣе удовлетворительно. Такъ, въ Енисейской губ. въ 1879 году было всего 72 учебныхъ заведенія съ числомъ учащихся въ 2.410 чел. Нѣсколько лучшіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ были достигнуты Иркутскою губ. Въ остальныхъ частяхъ Восточной Сибири народное образованіе, можно сказать, находилось въ зачаточномъ состояніи.

Въ настоящее время, какъ видно изъ всеподданнѣйшаго отчета по министерству народнаго просвѣщенія за 1911 годъ, по всей Сибири и Туркестанѣ на 20.000.000 населенія состояло: мужскихъ гимназій—19, окончило въ нихъ курсъ съ аттестатомъ зрѣлости 379 чел.; реальныхъ училищъ—14, выдержало окончательное испытаніе 130 чел.; среднихъ и низшихъ техническихъ училищъ—2, окончило курсъ—33 человѣка; женскихъ гимназій и прогимназій—52, удостоено аттестатовъ 1.009 лицъ; учительскихъ институтовъ—2, удостоено аттестатовъ 27 чел.; учительскихъ семинарій—9, удостоено свидѣтельствъ 122 чел.; городскихъ училищъ—103, окончило въ нихъ курсъ 1.411 лицъ; начальныхъ училищъ (городскихъ и сель-

скихъ)—4.093, окончило курсъ 19.209 чел.; ремесленныхъ училищъ—13, окончило курсъ 85 чел.; и частныхъ учебныхъ заведеній I, II и III разрядовъ—120, съ 6.818 учащимися. Кромѣ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, съ 1880 года въ Сибири увеличилось или возникло вновь много школъ, принадлежащихъ другимъ вѣдомствамъ: прибавилось много духовныхъ семинарій, коммерческихъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ и проч.

Далѣе Лаврентьевъ свидѣтельствуетъ, что среднее образованіе въ Сибири и въ настоящее время развито еще слабо и поставлено неудовлетворительно сравнительно съ Европейской Россіей. Главная причина этого явленія лежитъ, по его мнѣнію, въ недостаткѣ хорошихъ преподавателей. Послѣднихъ и теперь приходится, по прежнему ненормальному и убыточному порядку, выписывать изъ Россіи, за тысячи верстъ. Коренные жители Европейской Россіи неохотно ѣдутъ на службу въ Сибирь, боясь суроваго климата и непривычныхъ жизненныхъ условій и, прибывъ на мѣсто, думаютъ о томъ, какъ бы послѣ трехлѣтняго обязательнаго служенія возвратиться на родину. Природные же сибиряки, уѣзжающіе для полученія высшаго образованія въ университетахъ Европейской Россіи, въ большинствѣ случаевъ, какъ уже было сказано, исчезаютъ безслѣдно для края. Такимъ образомъ, создается большое затрудненіе въ снабженіи преподавателями уже существующихъ среднихъ учебныхъ заведеній и формированіи новыхъ. Чувствуется недостатокъ въ учителяхъ древнихъ языковъ, особенно при обнаружившейся въ послѣднее время необходимости увеличенія количества гимназій съ преподаваніемъ, кромѣ латинскаго, и греческаго языка; недостаетъ также преподавателей русскаго языка и словесности, исторіи съ географіей, естественной исторіи, математики и физики. Многія штатныя преподавательскія должности остаются вакантными или вынужденно замѣщаются лицами не вполнѣ желательными или неправоспособными, или же безъ соотвѣтствующей спеціальной подготовки, напр., юристами, технологами, окончившими курсъ въ университетахъ, но не державшими экзаменовъ въ государственныхъ комиссіяхъ, учителями городскихъ училищъ и проч. Число такихъ неправомочныхъ преподавателей въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа простирается до 50%. Въ Восточной Сибири и Туркестанскомъ краѣ дѣло стоитъ еще хуже. Это вредно отражается на достоинствѣ преподаванія. Наличный преподавательскій персоналъ иногда переобремененъ, вопреки правиламъ, уроками, что также не-

благопріятно вліяетъ на успѣшность занятій. Особенно сильно сказалась нужда въ преподавательскомъ персоналѣ за послѣдніе годы усиленнаго распространенія средняго и низшаго образованія, общаго и спеціальнаго. Потребность въ учрежденіи новыхъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній въ Сибири растетъ вмѣстѣ съ усиленнымъ стремленіемъ къ образованію коренного населенія и значительнымъ увеличеніемъ пришлаго интеллигентнаго, чиновнаго и торгово-промышленнаго сословій. Существованіе факультетовъ медицинскаго и юридическаго, а также технологическаго института въ Томскѣ всѣми признается недостаточнымъ; проектируется основаніе сельско-хозяйственнаго института въ Омскѣ, ветеринарнаго института, предполагается учрежденіе въ краѣ большого числа гимназій классическихъ и реальныхъ училищъ. Нельзя открывать въ Сибири высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній и въ то же время оставлять въ неудовлетворительномъ состояніи среднее образованіе въ ней.

Все это приводитъ къ убѣжденію, что для распространенія образованія въ Сибири и поднятія ея уровня на болѣе значительную высоту необходимо въ составѣ Томскаго университета, какъ предполагалось еще въ 1878 году, открыть факультеты историко-филологическій и физико-математическій, дабы эта обширная окраина изъ своего населенія могла воспитывать достаточное число учителей, которые посвящали бы ей, какъ родному мѣсту, свои силы и знанія. Совѣтъ Томскаго университета въ своихъ ходатайствахъ объ открытіи недостающихъ факультетовъ, между прочимъ, неоднократно указывалъ, какъ на основательные практическіе мотивы: 1) на значеніе этихъ факультетовъ для правильной дѣятельности уже существующихъ—медицинскаго и юридическаго, 2) на потребности переселенческаго управленія въ естественникахъ, знакомыхъ съ природой Сибири, для формированія партій, изслѣдующихъ районы, пригодные для переселенія, 3) на нужды главнаго управленія землеустройства и сельскаго хозяйства и 4) вообще на необходимость научнаго изслѣдованія Сибири, ея природы и населенія въ различныхъ отношеніяхъ, а также сопредѣльныхъ странъ.

Опытъ открытыхъ уже факультетовъ, а также Томскаго технологическаго института показываетъ, что нѣтъ серьезныхъ основаній опасаться, что новые факультеты, историко-филологическій и физико-математическій, останутся безъ студентовъ. Вышеприведенныя цифры сибиряковъ, обучающихся на этихъ факультетахъ въ университетахъ

Европейской Россіи, вовсе нельзя считать показателями будущей малолюдности этихъ факультетовъ въ Томскомъ университетѣ. Кромѣ филологовъ и естественниковъ, обучающихся въ Россіи, на эти факультеты въ томъ же приблизительно количествѣ должны поступить студенты, нынѣ обучающіеся, вопреки призванію, на факультетахъ медицинскомъ и юридическомъ и въ Томскомъ технологическомъ институтѣ, а также не уѣзжающіе въ Россію по окончаніи гимназіи, вслѣдствіе матеріальной необезпеченности, но склонные къ философскимъ или чисто-естественнымъ наукамъ. Не нужно, говоритъ далѣе Л. И. Лаврентьевъ, упускать изъ виду и того, что Томскій университетъ съ самаго основанія служилъ и служитъ средствомъ для переселенія въ Сибирь, на ряду съ крестьянами, образованныхъ людей, такъ какъ изъ поступающихъ въ него ежегодно 50—60 воспитанниковъ духовныхъ семинарій Европейской Россіи болѣе половины (60%) навсегда осѣдаютъ въ Сибири. Вновь открытые въ Томскѣ факультеты, особенно филологическій, должны привлечь эту лучшую въ составѣ Томскаго студенчества категорію слушателей еще въ большемъ количествѣ. Л. И. Лаврентьевъ не сомнѣвался, что на первый курсъ историко-филологическаго факультета по его открытіи, поступитъ не менѣе 30—40 слушателей, а на физико-математическій вдвое больше.

Останавливаясь на выборѣ факультета, который могъ бы быть открытъ въ самомъ ближайшемъ времени и съ наименьшими затратами, попечитель учебнаго округа приходилъ къ мысли, что такимъ факультетомъ долженъ быть, именно, историко-филологическій, какъ не требующій дорого стоющихъ учебно-вспомогательныхъ установленій и при томъ наиболѣе необходимый. Этотъ факультетъ могъ бы быть открытъ даже съ начала 1915—16 учебнаго года по слѣдующимъ основаніямъ. Лѣтомъ 1914 года въ іюнѣ мѣсяцѣ при Томскомъ университетѣ оканчивается постройка зданія библіотеки и актоваго зала, и въ новое зданіе должна перейти библіотека изъ главнаго университетскаго корпуса. Тогда въ этомъ корпусѣ, въ центральной его части, освободятся четыре зала по 40 кв. саж. каждый (5 саж. ширины и 8 саж. длины), изъ коихъ два зала имѣютъ въ вышину 6 аршинъ и два зала около $12^1/_2$ аршинъ. Эти послѣднія два зала путемъ устройства желѣзо-бетонныхъ половъ могли бы быть раздѣлены каждый на два, вышиною около 6 аршинъ. Кромѣ того, необходимо будетъ замѣнить въ двухъ же залахъ полы, устроенные на 5-саж. деревянныхъ балкахъ, какъ не-

достаточно прочные, желѣзо-бетонными. Такимъ образомъ въ главномъ зданіи университета, по выходѣ библіотеки, освободится 240 кв. саж. площади пола въ 6 залахъ; изъ нихъ можно устроить для историко-филологическаго факультета четыре или (если потребуется) шесть аудиторій въ 20 кв. саж. каждая (длиною около 5 саж. и шириною около 4 саж. при 6 аршинахъ высоты). Кромѣ того, останется еще значительная свободная площадь помѣщеній для другихъ неотложныхъ нуждъ университета. На устройство и приспособленіе помѣщеній (четыре желѣзо-бетонныхъ пола, перегородки, передѣлка до 15 оконъ, устройство новыхъ дверей, устройство отопленія, котораго двѣ трети библіотеки не имѣло, покраска, побѣлка и проч.), на обзаведеніе аудиторій скамьями, каѳедрами, проч. мебелью по приблизительному расчету потребуется около 22.097 р. Самое приспособленіе и оборудованіе можетъ быть исполнено отчасти лѣтомъ 1914 года, отчасти лѣтомъ 1915 г., во всякомъ случаѣ— къ осени 1915 года, т. е. ко времени предположеннаго открытія историко-филологическаго факультета. Что касается средствъ, то, чтобы не затягивать столь нужнаго дѣла, г. Лаврентьевъ находилъ возможнымъ израсходовать на приспособленіе и оборудованіе помѣщеній остатки капитала на устройство Сибирскаго университета П. Г. Демидова, въ количествѣ 2.500 руб., и воспользоваться, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, остатками отъ содержанія личнаго состава Томскаго университета 1914 и 1915 годовъ, а если таковыхъ будетъ недостаточно, изъ кредита на ремонтъ зданій (§ 31 см. мин. нар. просв. 1914 и 1915 гг.) въ суммѣ до 19.597 р.

Для первоначальнаго обзаведенія историко-филологическаго факультета книгами и прочими литературными пособіями, для устройства и обзаведенія потребныхъ для этого факультета кабинетовъ и музеевъ университетъ могъ воспользоваться капиталомъ, пожертвованнымъ А. М. Сибиряковымъ, котораго имѣется въ наличности 86.155 р. 70 к.

Что касается штатовъ, то представлялось цѣлесообразнымъ принять для факультета штаты, установленные уставомъ 1884 года для университетовъ Европейской Россіи, т. е. учредить тѣ же 11 каѳедръ, которыя поименованы въ ст. 455 т. II ч. 1 Св. Зак., съ указаннымъ въ 460 ст. того же тома и части числомъ профессоровъ— 12 ординарныхъ и 5 экстраординарныхъ (см. табл. на стр. 85).

Представляя отъ 13-го апрѣля 1914 г. за № 5466 записку на

Проектъ штатовъ историко-филологическаго факультета Томскаго университета.

I.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ. ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ. Одному. Жалованья.	Столовыхъ.	Квартирныхъ.	Всего.	Классы и разряды. По должности.	По шитью на мундирѣ.	По пенсіи.
		Рубли.						
Ординарныхъ профессоровъ	12	2.400	1.050	1.050	54.000	V	V	По учебной части.
Экстраординарныхъ профессоровъ	5	1.600	700	700	15.000	VI	VI	
Деканъ	1	—	—	—	—	—	—	
Ему добавочныхъ	—	600	—	—	600	V	V	
Секретарь факультета	1	—	—	—	—	—	—	
Ему добавочныхъ	—	300	—	—	300	VIII	VIII	
Лекторовъ	2	800	350	350	3.000	—	—	
На устройство практическихъ занятій студентовъ	—	—	—	—	4.000	—	—	
Итого	21	—	—	—	76.900	—	—	—

II.

Учебно-вспомогательныя установленія, канцелярскіе и хозяйственные расходы.	Рубли.
На содержаніе археологическаго музея, кабинетовъ географіи, изящныхъ искусствъ и другихъ	4.000
На библіотеку, выписку книгъ и періодическихъ изданій	3.000
На наемъ писцовъ и канцелярскіе расходы по библіотекѣ, историко-филологическому факультету и правленію	7.100
На отопленіе, освѣщеніе, внутренній ремонтъ и на содержаніе низшихъ служителей	4.748
На печатаніе ученыхъ трудовъ и научныя командировки по Сибири	3.000
На 20 казенныхъ стипендій	6.000
Итого	27.848
ВСЕГО	104.748

усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія, г. Лаврентьевъ ходатайствовалъ:

1. Разрѣшить ему употребить изъ предвидимыхъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава Томскаго университета 1914 и 1915 годовъ, а если таковыхъ будетъ недостаточно, назначить изъ кредита на ремонтъ зданій (§ 31 см. мин. нар. просв. 1914 и 1915 гг.) сумму до 19.597 р. на переустройство и приспособленіе освобождающихся лѣтомъ 1914 года въ главномъ университетскомъ корпусѣ помѣщеній библіотеки, за переходомъ ея въ собственное зданіе, для нуждъ предположеннаго къ открытію въ составѣ Томскаго университета историко-филологическаго факультета.

2. Предполагаемый проектъ штатовъ факультета представить къ утвержденію съ такимъ расчетомъ, чтобы факультетъ могъ быть открытъ съ 1915—16 учебнаго года и

3. Уполномочить его образовать комиссію, подъ его же предсѣдательствомъ, изъ членовъ совѣта Томскаго университета и архитекторовъ университета и Западно-Сибирскаго учебнаго округа, для составленія плановъ и смѣтъ зданій предполагаемаго къ открытію въ 1918 году въ составѣ Томскаго университета физико-математическаго факультета.

Зная по своему долговременному опыту, какое *малое* значеніе имѣетъ переписка въ *большихъ* дѣлахъ, Лаврентьевъ лично отправился въ Петроградъ хлопотать объ открытіи при Томскомъ университетѣ историко-филологическаго факультета, при чемъ дѣйствовалъ со свойственной ему энергіей и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и между членами государственной думы. Въ Томскъ онъ возвратился уже послѣ того, какъ въ государственную думу поступило законодательное предположеніе слѣдующаго содержанія: „Мы, нижеподписавшіеся члены государственной думы, прилагая при семъ основныя положенія проекта учрежденія при Императорскомъ Томскомъ университетѣ историко-филологическаго факультета и его штатовъ, имѣемъ честь представить о семъ законодательное предположеніе, на основаніи ст. ст. 55—57 учр. гос. думы и §§ 63—68 Наказа. Предлагая государственной думѣ признать желательною разработку означеннаго предположенія, просимъ передать его въ комиссію по направленію законодательныхъ предположеній".

Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Лаврентьева. Война съ Германіей и Австро-Венгріей, а затѣмъ и съ Турціей помѣшала наи-

болѣе быстрому осуществленію столь энергично поднятаго имъ вопроса.

Сибирская и столичная прогрессивная печать считала попечителя учебнаго округа Лаврентьева консерваторомъ и даже реакціонеромъ и называла его не иначе, какъ „черносотенцемъ". На самомъ же дѣлѣ, это былъ исключительно человѣкъ долга, имѣвшій въ виду только пользу для дѣла и благо для дорогой своей родины. Отъ кого бы ни исходилъ какой либо полезный проектъ для безконечно любимой имъ Россіи, онъ привѣтствовалъ его одинаково. Онъ первый пробилъ брешь въ крѣпкихъ стѣнахъ университета для доступа туда *законнымъ путемъ* лицамъ женскаго пола. Пошелъ ли бы на такое дѣло реакціонеръ? Конечно, нѣтъ. Между тѣмъ въ представленіи на имя министра народнаго просвѣщенія отъ 8-го февраля 1912 г. за № 1477 г. Лаврентьевъ собственноручно писалъ нижеслѣдующее: „Въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, за отсутствіемъ женщинъ-врачей, при этихъ учебныхъ заведеніяхъ должности врачей обыкновенно занимаютъ мужчины, что представляетъ собою на практикѣ, какъ извѣстно, громадныя неудобства, сопряженныя иногда съ прискорбными въ высшей степени послѣдствіями во многихъ отношеніяхъ. Доказывать это положеніе совершенно излишне, такъ какъ оно общеизвѣстно и никакому сомнѣнію не подлежитъ. Одно уже то обстоятельство, что многія дѣвицы изъ врожденнаго чувства стыдливости не только боятся подвергаться необходимому подчасъ осмотру, но даже и говорить о своей болѣзни, не можетъ насъ не убѣждать, что во многихъ случаяхъ безъ женщины-врача обойтись положительно невозможно. Независимо отъ сего преподаваніе гигіены въ высшихъ классахъ женскихъ гимназій можетъ быть съ успѣхомъ возложено только на женщинъ-врачей. Давать разумныя наставленія для сохраненія своего здоровья и излагать твердо установленныя научныя требованія гигіены молодымъ дѣвицамъ, будущимъ женамъ и матерямъ, можетъ *только* женщина-врачъ. А между тѣмъ для дѣвушки, жены и матери знаніе гигіены необходимо. Положеніе это тоже никакихъ доказательствъ не требуетъ.

Но не только учебныя заведенія страдаютъ отъ отсутствія въ Сибири женщинъ-врачей, а и все населеніе этой обширной окраины, переполненной инородцами-магометанами, которые по правиламъ своей религіи не допускаютъ мужчинъ лѣчить своихъ женъ и дочерей, часто

преждевременно гибнущихъ или при своей жизни кругомъ себя распространяющихъ заразу. Притти на помощь этому населенію—прямая обязанность государства и, по возможности, христіанскій долгъ каждаго вѣрноподданнаго.

Все изложенное вызываетъ настоятельную необходимость обзавестись въ Сибири своими женщинами-врачами, такъ какъ на привлеченіе таковыхъ изъ Европейской Россіи, гдѣ и безъ того ихъ немного, не представляется ни малѣйшей возможности, какъ по недостатку для того денежныхъ средствъ, такъ и по особымъ бытовымъ и климатическимъ условіямъ здѣшней жизни. Привести, однако, въ исполненіе это благое пожеланіе въ высшей степени затруднительно, а на первый взглядъ кажется даже и невозможнымъ. Открыть двери университета для всѣхъ желающихъ поступить на медицинскій факультетъ въ высшей степени по многимъ соображеніямъ не желательно. Открыть же при существующихъ въ Томскѣ высшихъ женскихъ курсахъ медицинскій факультетъ является дѣломъ въ настоящее время совершенно невозможнымъ. Для этого потребовалось бы устройство и анатомическаго института, и химической лабораторіи, и клиникъ, что вызоветъ затраты въ сотняхъ тысячъ рублей. Разсчитывать на такой притокъ денежныхъ средствъ даже и въ ближайшемъ будущемъ возможности не представляется. Нѣтъ, такимъ образомъ, казалось, и выхода изъ создавшагося затруднительнаго положенія.

Однако, по счастью, благодаря Бога, такой выходъ найденъ.

Изъ прилагаемаго при семъ на мое имя письма вдовы коммерціи совѣтника Александры Архиповны Кухтериной ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть, что въ цѣляхъ распространенія высшаго медицинскаго образованія среди женщинъ-сибирячекъ г-жа Кухтерина рѣшила завѣщать имѣющійся у нея капиталъ—восемьдесятъ тысячъ рублей Томскому университету съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала шли на расширеніе и улучшеніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета, съ условіемъ, чтобы на этотъ факультетъ принимались, хотя бы въ ограниченномъ числѣ, наиболѣе способныя дѣвушки изъ оканчивающихъ въ Сибирскихъ женскихъ гимназіяхъ.

Въ приложенной къ сему письму нотаріальнымъ порядкомъ засвидѣтельствованной копіи духовнаго завѣщанія г-жи Кухтериной изложено нижеслѣдующее:

„Желая, чтобы въ первый разсадникъ высшаго медицинскаго

образованія въ Сибири, Томскій университетъ, въ цѣляхъ болѣе широкаго обезпеченія медицинскою помощью населенія огромной Сибири, а главное въ цѣляхъ предоставленія врачебной помощи сибирской женщинѣ-инородкѣ, не имѣющей нынѣ по своимъ обычаямъ возможности обращаться къ врачу-мужчинѣ, принимались на ряду со студентами лица женскаго пола, я завѣщаю Томскому университету изъ принадлежащихъ мнѣ средствъ, капиталъ въ суммѣ восьмидесяти тысячъ рублей, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) капиталу должно быть присвоено наименованіе „капиталъ имени Алексѣя Евграфовича и Александры Архиповны Кухтериныхъ на расходъ по медицинскому образованію лицъ женскаго пола въ Томскомъ университетѣ", б) капиталъ, составляя неотъемлемую собственность Томскаго университета, долженъ заключаться въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ и находиться въ числѣ спеціальныхъ средствъ Томскаго университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, в) всѣ ежегодно поступающіе на капиталъ проценты должны идти на покрытіе расходовъ по содержанію учебно-вспомогательныхъ учрежденій медицинскаго факультета Томскаго университета, г) распредѣленіе процентовъ съ капитала между отдѣльнаго рода учебно-вспомогательными учрежденіями должно производиться ежегодно медицинскимъ факультетомъ Томскаго университета и утверждаться попечителемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа и д) если высшая власть не сочтетъ возможнымъ въ ближайшее время разрѣшить поступленіе женщинъ на медицинскій факультетъ Томскаго университета, то капиталъ мой съ наростающими процентами остается въ университетѣ неприкосновеннымъ до тѣхъ поръ, пока послѣдуетъ указанное распоряженіе".

Вышеприведеннымъ письмомъ на мое имя Александра Архиповна Кухтерина проситъ меня притти на помощь родному краю, оказать мое содѣйствіе ея начинанію и убѣдить министерство принять ея завѣщаніе на указанныхъ въ немъ условіяхъ.

Весьма охотно исполняя это желаніе г-жи Кухтериной, считаю своимъ самымъ пріятнымъ долгомъ почтительнѣйше и усерднѣйше ходатайствовать передъ вашимъ высокопревосходительствомъ о разрѣшеніи съ начала будущаго 1912—13 учебнаго года открыть пріемъ на медицинскій факультетъ Томскаго университета лицъ женскаго пола на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

1. На медицинскій факультетъ Томскаго университета принимаются наиболѣе способныя дѣвушки изъ оканчивающихъ восемь

классовъ сибирскихъ женскихъ гимназій, православнаго исповѣданія, числомъ ежегодно не болѣе 20.

2. Желающія поступить въ университетъ предварительно подаютъ прошеніе въ управленіе Западно-Сибирскаго учебнаго округа, съ приложеніемъ всѣхъ требуемыхъ правилами испытательнаго комитета при округѣ документовъ, о допущеніи ихъ къ провѣрочнымъ испытаніямъ въ объемѣ гимназическаго курса по предметамъ: русскому языку, математикѣ, физикѣ и одному изъ новыхъ иностранныхъ языковъ.

3. Въ университетъ принимаются только лица, выдержавшія экзаменъ по всѣмъ предметамъ (неудовлетворительная отмѣтка, хотя бы по одному изъ нихъ, лишаетъ права поступленія). Изъ всѣхъ выдержавшихъ, если таковыхъ окажется болѣе 20, принимаются получившія наибольшее количество балловъ.

Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что если разрѣшеніе пріема послѣдуетъ на этихъ условіяхъ теперь же, то г-жа Кухтерина изъявила желаніе еще при жизни исполнить завѣщаніе, внося въ университетъ ежегодно по 15 тысячъ рублей и такимъ образомъ въ 5 лѣтъ съ небольшимъ она внесетъ всю сумму въ 80 тысячъ.

Въ виду такого слишкомъ крупнаго пожертвованія съ благотворительною, въ высшей степени симпатичною цѣлью, я смѣю надѣяться, что вы, ваше высокопревосходительство, снисходя къ настоятельнымъ нуждамъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа, не пожелаете въ то же время огорчить просвѣщенную и благожелательную благотворительницу, извѣстную въ городѣ Томскѣ Александру Архиповну Кухтерину и разрѣшите теперь же пріемъ 20 вольнослушательницъ на медицинскій факультетъ Томскаго университета на вышеизложенныхъ условіяхъ".

Бумага писалась весьма осторожно, да иначе и быть не могло. Уже само министерство раздвинуло затѣмъ рамки. Но для этого Лаврентьеву пришлось отправиться въ Петроградъ и жить тамъ не малое время. Поѣздка увѣнчалась, сравнительно, быстрымъ успѣхомъ, такъ какъ министръ народнаго просвѣщенія Л. А. Кассо отнесся къ проекту попечителя учебнаго округа благожелательно.

Въ 9-й день февраля мѣсяца 1913 г. бывшій императоръ утвердилъ положеніе совѣта министровъ о временномъ разрѣшеніи пріема на свободныя вакансіи медицинскаго факультета Томскаго университета сибирячекъ христіанскаго исповѣданія на нижеслѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1. Разрѣшить, начиная съ 1913/1914 учебнаго года, пріемъ на медицинскій факультетъ Томскаго университета лицъ женскаго пола сибирячекъ христіанскихъ исповѣданій, представившихъ свидѣтельство, предусмотрѣнное въ п. 1 ст. 2 правилъ объ испытаніи лицъ женскаго пола въ знаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній (Собр. узак. и распоряж. правит. 30-го декабря 1911 г., № 237).

Примѣчаніе. Сибирячками, упомянутыми въ сей статьѣ, считаются:

а) прошедшія полный курсъ одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній Сибири и

б) живущія съ своими семьями въ Сибири и здѣсь же окончившія курсъ средняго женскаго учебнаго заведенія, пробывъ въ немъ не менѣе 3 лѣтъ.

2. Пріемъ означенныхъ въ ст. 1 лицъ производить на остающіяся послѣ пріема лицъ мужескаго пола вакансіи въ предѣлахъ комплекта, установленнаго министромъ народнаго просвѣщенія для медицинскаго факультета Томскаго университета.

3. Принятыхъ въ число слушательницъ Томскаго университета въ отношеніи порядка прохожденія курса, полученія выпускного свидѣтельства, допущенія къ экзаменамъ въ медицинскихъ испытательныхъ комиссіяхъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ подчинить дѣйствію правилъ, установленныхъ для студентовъ Россійскихъ университетовъ.

Отъ 8-го іюня 1913 г. за № 24580 послѣдовало дополнительное сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, что для пріема на свободныя вакансіи медицинскаго факультета Томскаго университета сибирячекъ христіанскаго исповѣданія установлены тѣ же требованія въ отношеніи среднеобразовательнаго ценза названныхъ лицъ, какія предъявляются при пріемѣ въ Петроградскій женскій медицинскій институтъ, въ слушательницы котораго 1) принимаются лица, окончившія курсъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и епархіальныхъ училищъ съ *дополнительнымъ испытаніемъ по предметамъ: русскаго языка (сочиненіе на заданную тему), математики, физики, латинскаго языка и одного изъ новыхъ языковъ, въ объемѣ курса мужскихъ гимназій*; 2) отъ испытанія по одному изъ новыхъ языковъ освобождаются окончившія курсъ гимназій и институтовъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; 3) независимо отъ сего въ слушательницы института принимаются также лица, окончившія

курсъ высшихъ женскихъ курсовъ съ сокращеннымъ испытаніемъ, а именно: окончившія по историко-филологическому отдѣленію сдаютъ таковые экзамены по математикѣ и физикѣ, окончившія курсъ по физико-математическому отдѣленію сдаютъ сокращенный экзаменъ по русскому языку (сочиненіе на заданную тему) и латинскому языку, въ объемѣ курса мужскихъ гимназій. *Означенные дополнительные экзамены производятся при мужскихъ гимназіяхъ или въ испытательномъ комитетѣ при управленіи учебнаго округа.*

Въ томъ же 1913 г. въ Томскій университетъ на медицинскій факультетъ на первый курсъ поступило 8 женщинъ: Безпалова, Бурматова, Дубровина, Матвѣева, Меньшикова, Пачгина, Пирожникова и Скорюкъ; кромѣ того, изъ Петроградскаго медицинскаго института перешли на III курсъ Архипова, Зяблицкая и Кочнева.

Дѣло на этомъ не остановилось. Въ представленіи отъ 28-го іюля 1914 г. за № 10730, попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа возбудилъ вопросъ о пріемѣ въ Томскій университетъ на медицинскій факультетъ и лицъ женскаго пола, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Туркестана и Манчжуріи. 29-го августа 1914 г. положеніе 9-го февраля 1913 г. относительно пріема въ слушательницы медицинскаго факультета Томскаго университета сибирячекъ было распространено также на лицъ, окончившихъ курсъ одного изъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній Туркестана и Манчжуріи.

Исходнымъ пунктомъ въ исторіи возникновенія Томскаго технологическаго института является письмо бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Делянова къ бывшему попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскому. Письмо это датировано 25-мъ іюня 1895 г., и въ немъ говорится о необходимости, въ виду окончанія постройки Сибирской желѣзной дороги, подготовки въ Сибири свѣдущихъ людей, которые могли бы руководить добываніемъ и разработкой естественныхъ богатствъ этой обширной окраины. Переходя къ практической сторонѣ дѣла, графъ Деляновъ полагалъ своевременнымъ возбудить вопросъ объ учрежденіи при Томскомъ университетѣ физико-математическаго факультета, съ нѣкоторыми, однако, сообразно мѣстнымъ потребностямъ, видоизмѣненіями въ преподаваніи входящихъ въ составъ факультета предметовъ. 11-го августа того же 1895 года состоялось совѣщаніе попечителя учебнаго округа В. М. Флоринскаго съ профессорами Томскаго университета: Судаковымъ, Вернеромъ, Кащенко и Зайцевымъ. Согласившись

принципіально съ письмомъ министра, названныя лица выработали довольно подробный проектъ предполагавшагося факультета. По этому проекту предполагалось учрежденіе при новомъ факультетѣ особыхъ техническихъ отдѣленій для подготовки инженеровъ. Затѣмъ вопросъ этотъ возбуждался въ особой комиссіи, образованной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра проф. Московскаго университета Любимова. Комиссія пришла къ заключенію, что для подготовки необходимыхъ Сибири инженеровъ и техниковъ долженъ быть учрежденъ въ Томскѣ самостоятельный технологическій институтъ съ двумя отдѣленіями: инженерно-строительнымъ и химико-техническимъ и съ усиленнымъ преподаваніемъ электротехники и металлургіи въ виду быстро усиливающагося значенія первой для всѣхъ отраслей фабричной и заводской дѣятельности и важности второй для развитія горнаго дѣла въ Сибири.

Одновременно съ рѣшеніемъ этого вопроса въ Петроградѣ, въ Томскѣ шла переписка между управленіемъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Томской городской думой объ уступкѣ городомъ необходимаго для построекъ участка земли, при чемъ было поставлено непремѣннымъ условіемъ, чтобы городъ отвелъ мѣсто вблизи университета. Переписка закончилась тѣмъ, что въ засѣданіи 15-го января 1896 г. городской думой постановлено было отвести подъ постройку технологическаго института 6.634 кв. саж. пустопорожней площади на Садовой улицѣ, противъ университетскаго ботаническаго участка. 14-го марта 1896 г. вопросъ объ институтѣ благопріятно прошелъ въ государственномъ совѣтѣ, а 26-го апрѣля того же года получилъ Высочайшее утвержденіе. Было отпущено изъ государственныхъ суммъ 200.000 рублей кредита на первые предстоящіе расходы по сооруженію зданій, и 6-го іюля состоялась торжественная закладка перваго лекціоннаго корпуса технологическаго института. Строительныя работы лѣтомъ 1896 г. ограничились огражденіемъ мѣста и заготовкой строительныхъ матеріаловъ. Въ 1897 г. были вырыты рвы и положенъ фундаментъ по фасаду. Въ 1898 г., вслѣдствіе отсутствія плана отопленія, была произведена лишь кладка цоколя по фасаду главнаго корпуса.

Отъѣздъ попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскаго въ августѣ 1898 г. изъ Томска, а затѣмъ и смерть его въ Петроградѣ 3-го января 1899 г. побудили министерство народнаго просвѣщенія озаботиться назначеніемъ директора Томскаго

технологическаго института, каковымъ и былъ назначенъ профессоръ Харьковскаго технологическаго института по каѳедрѣ технологіи питательныхъ веществъ инженеръ-технологъ Е. Л. Зубашевъ, на котораго вскорѣ возложено было и предсѣдательство въ строительномъ комитетѣ. На основаніи личнаго ознакомленія на мѣстѣ въ теченіе лѣта 1899 г. съ технологическими и промышленными условіями и потребностями Сибири, Е. Л. Зубашевымъ былъ выработанъ новый проектъ учебнаго плана технологическаго института, согласно которому институтъ долженъ состоять изъ четырехъ отдѣленій: 1) механическаго съ подъотдѣлами фабрично-заводскимъ, желѣзнодорожнымъ и электротехническимъ, 2) химическаго съ особеннымъ развитіемъ металлургіи и съ возможнымъ раздѣленіемъ на подъотдѣлы сельскохозяйственной заводской промышленности и металлургической, 3) инженерно-строительнаго и 4) горнаго. Раздѣленіе студентовъ по отдѣленіямъ предположено было съ перваго же курса, а продолжительность учебнаго курса устанавливалась въ 5 лѣтъ. Что касается системы преподаванія, то на ряду съ лекціями предположено было, въ замѣну репетицій, широкое развитіе практическихъ занятій, какъ по теоретическимъ, такъ и по техническимъ наукамъ, которыя передъ окончаніемъ курса должны были завершиться, помимо обычнаго защищаемаго въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ проекта, дипломной работой.

Этотъ проектъ учебнаго плана и штата института былъ разсмотрѣнъ въ октябрѣ 1899 г. особой комиссіей въ Петроградѣ. Комиссія согласилась съ основными доводами Е. Л. Зубашева, и вопросъ объ институтѣ, получивъ, такимъ образомъ, ростъ въ ширь и глубь, получилъ и дальнѣйшее движеніе,—прошелъ снова черезъ государственный совѣтъ, и 12-го іюня 1900 г. мнѣніе государственнаго совѣта вновь было утверждено. Были отпущены нужные кредиты, закончена постройка зданій, приглашены профессора и преподаватели, и 9-го октября 1900 г. въ 10 часовъ утра послѣдовало торжественное открытіе учебныхъ занятій; офиціальное же открытіе института было совершено 6-го декабря того же года въ присутствіи товарища министра народнаго просвѣщенія Звѣрева [1]).

На постройку всѣхъ зданій института израсходовано г. Зубашевымъ около 2.650.000 р. и на внутреннее оборудованіе свыше 500.000 рублей. Веденіе хозяйственной части, по открытіи этого

---

[1]) „Сибирскіе Отголоски“ 1910 г., № 56.

учебнаго заведенія, возложено на особый хозяйственный комитетъ, который состоитъ изъ предсѣдателя-директора и четырехъ членовъ-декановъ отдѣленій.

Томскій технологическій институтъ имѣетъ въ настоящее время четыре отдѣленія:

1. Механическое.
2. Химическое.
3. Горное.
4. Инженерно-строительное.

Первыя два отдѣленія открыты 9-го октября 1900 г., горное съ августа 1901 г., инженерно-строительное съ августа 1902 года.

Въ институтѣ по штатамъ 4-го января 1901 г. состоятъ преподаватель богословія, 19 ординарныхъ профессоровъ, 11 экстраординарныхъ, 16 лаборантовъ и нѣсколько преподавателей, число которыхъ штатами не ограничено. Замѣщеніе каѳедръ производится только лицами, выдержавшими соотвѣтствующія испытанія и защитившими диссертацію на право занятія каѳедры. Это — особенность положенія Томскаго технологическаго института, отличающая его отъ всѣхъ уставовъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія, по которымъ для полученія каѳедры надо только окончить какое либо высшее учебное заведеніе. Замѣщеніе каѳедръ, по положенію Томскаго института, можетъ производиться исключительно по конкурсу. Этимъ положеніемъ институтъ также отличается отъ уставовъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и отъ университетскаго устава, по которымъ замѣщеніе каѳедръ можетъ производиться не только по конкурсу, но также и по назначенію министерства народнаго просвѣщенія.

Наблюденіе за студентами въ отношеніи исполненія ими установленныхъ правилъ возложено на инспектора и четырехъ его помощниковъ. Для разсмотрѣнія студенческихъ дѣлъ учрежденъ особый комитетъ, въ составъ котораго, кромѣ директора института, какъ предсѣдателя, входятъ, въ качествѣ членовъ, всѣ деканы и секретари отдѣленій, а также инспекторъ студентовъ.

Правомъ поступленія пользуются всѣ окончившіе курсъ средняго учебнаго заведенія въ Россіи. Къ такимъ учебнымъ заведеніямъ относятся гимназіи, реальныя училища, коммерческія, кадетскіе корпуса, духовныя семинаріи православнаго исповѣданія, средне-техническія учебныя заведенія. Въ случаѣ, если число прошеній желающихъ

поступить въ институтъ превышаетъ число имѣющихся вакансій, которое устанавливается министерствомъ, между подавшими прошенія назначаются конкурсныя испытанія по русскому языку, математикѣ и физикѣ въ предѣлахъ гимназическаго курса. По конкурсу принимаются получившіе большую сумму балловъ по всѣмъ предметамъ. Студентами внѣ курса зачисляются 1) лица, окончившія высшія учебныя заведенія, и 2) уроженцы Азіатской Россіи, или же окончившіе курсъ средняго учебнаго заведенія въ Азіатской Россіи, если они имѣютъ въ аттестатѣ средняго учебнаго заведенія по русскому языку, математикѣ и физикѣ въ среднемъ четыре балла.

Руководство учебной частью въ институтѣ возложено на совѣтъ и собранія отдѣленій. Въ составъ совѣта входятъ всѣ профессора, въ составъ собраній отдѣленій—профессора, преподающіе на данномъ отдѣленіи. Предсѣдателемъ совѣта состоитъ директоръ, избираемый изъ профессоровъ на три года. Предсѣдателями собраній отдѣленій состоятъ деканы, избираемые изъ профессоровъ на четыре года. Должности секретарей отдѣленій и совѣта замѣщаются профессорами также на четыре года.

Преподаваніе въ институтѣ вначалѣ было по курсовой системѣ, но затѣмъ, съ 1906 г., введена предметная система, при которой студенту предоставляется выборъ занятій по своему усмотрѣнію, но съ соблюденіемъ извѣстнаго порядка прохожденія предметовъ. Порядокъ прохожденія предметовъ установленъ особыми выработанными отдѣленіями графиками и поддерживается требованіемъ сдачи экзаменовъ въ установленномъ графиками порядкѣ. Въ теченіе перваго года студентъ обязанъ исполнить всѣ графическія работы, установленныя на этотъ годъ, и сдать экзамены по тремъ предметамъ (минимумъ А). Въ теченіе послѣдующихъ двухъ, а на химическомъ отдѣленіи трехъ лѣтъ студентъ обязанъ выполнить всѣ графическія и лабораторныя работы и сдать экзамены по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ програму первыхъ двухъ курсовъ (минимумъ Б), и затѣмъ въ теченіе времени, не превышающемъ 7 лѣтъ прибыванія въ институтѣ, обязанъ выполнить всѣ графическія работы и сдать экзамены по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ програму отдѣленія (минимумъ В). Послѣ этого студентъ приступаетъ къ составленію спеціальнаго проекта, который и представляется къ защитѣ, для полученія степени инженера. Студенты, не выполнившіе своевременно установленныхъ требованій, увольняются изъ института. Програмы Томскаго технологическаго института составлены примѣнительно къ

программамъ другихъ однородныхъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Особенное значеніе придается занятіямъ въ лабораторіяхъ. Кромѣ спеціальнаго проекта, установлено требованіе отъ всякаго студента, ищущаго диплома инженера, выполненіе, такъ называемой, дипломной работы, представляющей собою самостоятельное научное изслѣдованіе по соотвѣтствующей спеціальности.

Министерствомъ народнаго просвѣщенія для вновь поступающихъ ежегодно устанавливается по 300 вакансій.

Ниже помѣщаются свѣдѣнія о количествѣ обучавшихся и окончившихъ курсъ въ Томскомъ технологическомъ институтѣ студентовъ и о суммахъ, израсходованныхъ на содержаніе названнаго учебнаго заведенія (см. табл. на стр. 98).

Ни одно учебное заведеніе не надѣлало столько хлопотъ, заботъ и безпокойства, не испортило столько крови и не унесло столько здоровья у попечителя Лаврентьева, какъ Томскій технологическій институтъ, который до 1911—1912 учебнаго года именовалъ онъ всегда, даже въ офиціальной перепискѣ, высшимъ *неучебнымъ* заведеніемъ.

На институтъ этотъ, при открытіи его, возлагались большія надежды. Думали, что онъ вскорѣ же дастъ отличныхъ горныхъ инженеровъ, особенно нужныхъ для Сибири, богатой серебромъ и золотомъ, мѣдью и желѣзомъ, свинцомъ и каменнымъ углемъ; думали, что институтъ дастъ инженеровъ путей сообщенія, въ которыхъ очень нуждалась сибирская магистраль и которые необходимы были для развитія подъѣздныхъ желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ путей сообщенія; думали, наконецъ, имѣть своихъ химиковъ и архитекторовъ. Надежды эти, къ сожалѣнію, долгое время не могли осуществиться. Открытъ онъ, какъ говорилось выше, 9-го октября 1900 г., а въ февралѣ мѣсяцѣ 1901 г. начались уже крупные безпорядки, подробно описанные въ приложеніи къ журналу „Прямой путь“ за декабрь мѣсяцъ 1911 г. Какая же могла проявиться успѣшность при такомъ положеніи дѣла? Лекціи профессора читали мало и нѣкоторые даже совсѣмъ не читали, а въ лабораторіяхъ составлялись химическія соединенія для обструкцій и самовоспламеняющіяся жидкости для поджоговъ студентами своей alma mater. Тяжелое было то время и, надо полагать, болѣе оно не возвратится.

Въ виду ненормальнаго положенія дѣлъ, о чемъ Лаврентьевъ неустанно писалъ въ министерство и говорилъ при поѣздкахъ въ Петроградъ лично, Томскій технологическій институтъ подвергался

ГОДЫ.	Число.		Израсходованная сумма.						Средняя стоимость.			
	Учившихся.	Окончившихъ курсъ.	Изъ государственнаго казначейства.		Изъ спеціальныхъ средствъ института.		ИТОГО.		Одного учащагося.		Окончившаго курсъ.	
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1906	1.440	16	340.161	40	83.108	12	423.269	52	293	93	26.454	44
1907	1.513	14	354.791	90	88.718	37	443.510	27	293	13	31.679	30
1908	1.597	47	357.787	75	132.421	40	490.210	15	313	85	9.769	73
1909	1.607	38	330.385	19	101.970	13	459.177	36	275	73	14.715	19
1910	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1911	1.112	70	310.400	73	107.463	93	417.864	66	375	77	5.969	49
1912	1.171	67	331.526	76	101.613	17	433.139	93	369	88	6.454	77
1913	1.167	110	332.000	—	104.580	92	436.580	92	374	11	3.968	91

неоднократно ревизіи. Въ 1907 г., въ порядкѣ, установленномъ ст. 1085 Уст. Угол. Суд., поручено было произвести предварительное изслѣдованіе о безпорядкахъ въ Томскомъ технологическомъ институтѣ члену совѣта министра народнаго просвѣщенія Спѣшкову и въ помощь ему командированъ былъ помощникъ юрисконсульта министерства Даевъ.

Въ 1911 г., уже при Л. А. Кассо, ревизію поручено было произвести управляющему отдѣломъ промышленныхъ училищъ министерства Жданову, теперь покойному, члену ученаго комитета проф. С.-Петербургскаго технологическаго института Гатцуку и вице-директору департамента общихъ дѣлъ Даеву. Къ исполненію своихъ обязанностей названныя лица отнеслись весьма серьезно и самымъ тщательнымъ образомъ прослѣдили всю жизнь института въ разныхъ ея проявленіяхъ.

Между прочимъ, ревизія установила, что на успѣшный ходъ занятій въ институтѣ оказала въ значительной степени неблагопріятное вліяніе предметная система и слабая посѣщаемость лекцій. При предметной системѣ представляется затруднительнымъ организовать правильную постановку руководства занятіями студентовъ. Невозможность учесть заранѣе количество студентовъ, которые будутъ исполнять опредѣленный проектъ въ данное полугодіе, заставляетъ назначать вознагражденіе руководителямъ предположительно: поэтому трудъ однихъ руководителей является чрезвычайно легкимъ, трудъ же другихъ — обременительнымъ, вслѣдствіе чего послѣдніе не могли относиться къ занятіямъ студентовъ такъ внимательно, какъ слѣдуетъ.

Свободно вздохнулъ по отношенію къ технологическому институту попечитель учебнаго округа только съ утвержденіемъ въ должности директора Н. И. Карташева, который по счету былъ третьимъ. Въ высшей степени корректный и строгій законникъ, въ то же время человѣкъ, обладающій громадною энергіей и справедливый, проф. Карташевъ оказался на высотѣ своего положенія. И вотъ высшее *неучебное* заведеніе быстро превратилось въ *учебное*. Профессора исправно стали бывать на лекціяхъ, и закипѣла работа въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ.

1911—12 уч. годъ прошелъ при весьма благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ правильный ходъ учебныхъ занятій совершенно не нарушался, даже на ½ дня. Установившійся порядокъ отозвался настолько благопріятно на занятіяхъ студентовъ, что успѣшность ихъ въ 1911—12 уч. году поднялась въ нѣсколько разъ сравнительно

съ предыдущими годами и достигла небывалой въ институтѣ высоты, что видно изъ ниже приводимыхъ цифровыхъ данныхъ.

I. Несмотря на то, что число студентовъ въ институтѣ понизилось болѣе, чѣмъ на 400 человѣкъ (приблизительно, въ среднемъ, упало съ 1.550 до 1.150)—общее число зачетовъ съ 5.667 въ 1910-11 уч. году возрасло до 9.916, т. е., въ среднемъ, для всего института—число зачетовъ на одного студента съ 3,6 въ годъ поднялось до 8,7.

Указанныя цифры распредѣлялись слѣдующимъ образомъ между отдѣленіями.

	ОТДѢЛЕНІЯ.							
	Механическое.		Горное.		Инженерно-строительное.		Химическое.	
	УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.							
	10/11	11/12	10/11	11/12	10/11	11/12	10/12	11/12
Число сданныхъ экзаменовъ	895	2.165	1.058	1.583	693	1.451	413	823
Число исполненныхъ графическихъ работъ	629	913	269	426	358	582	119	194
Число исполненныхъ лабораторныхъ работъ	543	900	321	356	152	217	206	306
Общее число зачетовъ	2.067	3.978	1.648	2.365	1.214	2.250	738	1.323
Число зачетовъ одного студента	2,97	8,52	4,92	9,4	3,9	10,0	3,58	6,8

II. Студентовъ института приходится разбивать на 3 категоріи:

1. Малоуспѣшныхъ, т. е. получившихъ въ году отъ 0 до 4-хъ зачетовъ,

2. Со среднею успѣшностью—получившихъ отъ 5 до 9 зачетовъ и

3. Весьма успѣшныхъ, получившихъ 10 зачетовъ и выше.

За послѣдніе два года студенты по этимъ категоріямъ распредѣлялись такимъ образомъ:

	ОТДѢЛЕНІЯ.							
	Механическое.		Горное.		Инженерно-строительное.		Химическое.	
	УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.							
	10/11	11/12	10/11	11/12	10/11	11/12	10/11	11/12
Общее число студентовъ, получившихъ 0—4 зачета (малоуспѣшныхъ).	547	98	212	52	198	50	160	57
% малоуспѣшныхъ . . .	77,5	21,0	63,3	20,6	63,8	22,0	70,2	29,5
Общее число студентовъ, получившихъ 5—9 зачетовъ (средняя успѣшность)	129	208	69	92	74	57	50	74
%	18,3	44,5	20,6	36,5	23,9	25,2	21,9	38,4
Общее число студентовъ, получившихъ 10 и выше зачетовъ (высокая успѣшность)	29	161	54	108	38	119	18	62
%	4,1	34,5	16,1	43,0	12,3	52,8	7,9	32,1

Изъ этой таблицы видно рѣзкое пониженіе числа малоуспѣшныхъ и такое же повышеніе успѣшныхъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ это обстоятельство замѣчалось особенно рельефно, напр. на механическомъ отдѣленіи число малоуспѣшныхъ съ 77,5% понизилось до 21%, а число студентовъ съ высокою успѣшностью поднялось съ 4% до 34,5%, на инженерно-строительномъ же отдѣленіи даже до 52,8%.

Для полученія болѣе полной картины ниже приводится общее число студентовъ, по ихъ категоріямъ, для всего института (см. табл. на стр. 102).

Какъ видно, число студентовъ не занимавшихся упало до 7,4% и съ среднею и высокою успѣшностью вмѣстѣ достигло до (37,9 +

	ГОДЫ.	
	1910/11	1911/12
Число студентовъ не занимавшихся (0 зачетовъ)	398	84
%	24,9	7,4
Число студентовъ малоуспѣшныхъ (1—4 зачета)	724	257
%	70,8	22,5
Число студентовъ съ среднею успѣшностью (5—9 зачетовъ)	322	431
%	20,5	37,9
Число студентовъ съ высокою успѣшностью (10 зачетовъ и выше)	139	450
%	8,8	39,5
Число зачетовъ по всѣмъ отдѣленіямъ	5.667	9.916
Общее число зачетовъ на одного студента	3,6	8,7

39,5 =)77,4%, изъ которыхъ съ высокою успѣшностью оказалось почти 40%.

III. Здѣсь необходимо прибавить, что къ студентамъ, не сдѣлавшимъ ни одного зачета или сдѣлавшимъ отъ 1 до 2 зачетовъ, отнесены всѣ тѣ, которымъ даны продолжительные отпуски по болѣзни или другимъ обстоятельствамъ или которые выбыли по тѣмъ же причинамъ изъ института, т. е. фактически не занимались регулярно въ институтѣ въ теченіе 1911/12 уч. года. Если ихъ исключить изъ общаго числа студентовъ, какъ лицъ, находившихся въ исключительномъ положеніи, то средняя успѣшность всѣхъ остальныхъ будетъ:

По механическому отдѣленію . . . 9,5 зачета
„ горному „ . . . 11,2 „

По инжен.-строит. „ . . . 11,5 зачета
„ химическому „ . . . 8,4 „

А по всѣмъ отдѣленіямъ въ среднемъ — 10,2 зачета. И при такой постановкѣ вопроса общая успѣшность получилась весьма высокая.

Теперь остановимся на 1912—1913 учебномъ годѣ и приведемъ данныя сравнительно за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ.

ОТДѢЛЕНІЕ.	Получили званіе инженера. Учебный годъ.			
	9/10	10/11	11/12	12/13
Механическое	28	28	25	45
Горное	21	21	19	25
Инженерно-строительное	13	13	17	28
Химическое	4	8	6	12
Всего	66	70	67	110

Выпускъ инженеровъ въ 1912—1913 учебномъ году былъ наибольшій за все время существованія института—110 человѣкъ, что необходимо приписать опять-таки правильному ходу занятій за послѣднее время, которыя не нарушались даже на одинъ день.

Взявши для сравненія отношеніе получившихъ званіе инженера къ наибольшему числу студентовъ института въ соотвѣтствующіе года (такъ какъ число студентовъ непрерывно мѣняется), получимъ:

	Учебный годъ.			
	9/10	10/11	11/12	12/13
Наибольшее число студентовъ. .	1.822	1.654	1.204	1.185
Число получившихъ званіе инженера	66	70	67	110
%	3,62	4,23	5,53	9,3

Такимъ образомъ, процентъ окончившихъ курсъ въ 1912—

1913 учебномъ году возросъ, сравнительно, напримѣръ, съ 1909—1910 годами почти втрое.

Для того, чтобы судить, насколько выпуски инженеровъ за послѣдніе годы приблизились къ нормальнымъ, можно привести слѣдующій расчетъ:

При вполнѣ правильномъ ходѣ занятій, ежегодная убыль студентовъ (вслѣдствіе перехода въ другія учебныя заведенія, болѣзни, малоуспѣшности и необезпеченности)—опредѣляется въ 20% на младшихъ курсахъ и 10% на старшихъ. При такихъ условіяхъ (наиболѣе благопріятныхъ)—при курсовой системѣ, т. е. при 5-лѣтнемъ пребываніи студентовъ въ институтѣ, распредѣленіе ихъ по курсамъ должно быть таково:

1-й курсъ	300
2-й „	240
3-й „	192
4-й „	172
5-й „	154
Кончаетъ около	145 (максимумъ).

Въ институтѣ примѣняется „полукурсовая“ система и на прохожденіе курса назначено 5 лѣтъ; все же время пребыванія въ институтѣ ограничено 8 годами. Студенты, приспособляясь къ этой системѣ, никогда не кончаютъ ранѣе, чѣмъ въ 6 лѣтъ (за время существованія института окончаніе института въ 5 лѣтъ имѣло мѣсто только 2 раза); обыкновенно же надо считать среднее время пребыванія каждаго изъ нихъ 7 лѣтъ, принимая во вниманіе то обстоятельство, что въ Томскій технологическій институтъ поступаютъ студенты съ значительно меньшей подготовленностью, чѣмъ въ институты Европейской Россіи. Но даже, взявши только шестилѣтнее среднее пребываніе въ институтѣ и убыль студентовъ до пункта „Б“ по 20% и дальше по 10%, получимъ такое весьма благопріятное, распредѣленіе студентовъ по годамъ:

1-й годъ	300	
2-й „	240	
3-й „	192	(пунктъ „Б“).
4-й „	154	(пунктъ „Б“).
5-й „	138	
6-й „	125	
Должно окончить курсъ около .	115—120 (максимумъ).	

Обыкновенно же число кончающихъ должно быть меньше при „полукурсовой" системѣ и, слѣдовательно, выпускъ инженеровъ въ указанномъ году долженъ считаться не только нормальнымъ, но даже высокимъ.

Общее число зачетовъ, полученныхъ студентами въ 1912—1913 учебномъ году, распредѣляется такимъ образомъ между отдѣленіями:

НАИМЕНОВАНІЕ ЗАЧЕТОВЪ.	Механическое.	Горное.	Инженерно-строительное.	Химическое.	ВСЕГО.
Число сданныхъ экзаменовъ	1.336	1.761	1.425	963	5.485
„ исполненныхъ графическихъ работъ.	886	448	557	194	2.085
„ „ лабораторныхъ	794	368	164	332	1.658
Общее число зачетовъ . . .	3.016	2.577	2.146	1.489	9.228
Число зачетовъ на одного студента . . .	6,52	9,01	8,9	8,81	8,0

Для полученія болѣе полной картины можно разбить студентовъ, по степени ихъ успѣшности, на слѣдующія категоріи (см. табл. на стр. 106).

Изъ этой таблицы видно, что число малоуспѣшныхъ студентовъ было менѣе 1/4, число незанимавшихся упало до 3,1% (въ 1911—12 было 7,4%, въ 1910—11—24,9%) и число успѣшныхъ (съ средней и высокой успѣшностью) — 73,4%, т. е. почти равняется числу успѣшныхъ въ 1911—12 году (77,4%).

Здѣсь необходимо отмѣтить, что въ 1912—13 году значительное число студентовъ не воспользовалось майскимъ экзаменаціоннымъ періодомъ, вслѣдствіе увольненія изъ института для отбыванія воинской повинности, въ виду введенія новаго воинскаго устава, и увольненія въ январѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе неисполненія учебныхъ правилъ.

Если же исключить изъ общаго числа студентовъ выбывшихъ изъ института по болѣзни или по другимъ причинамъ, а также по-

ЧИСЛО СТУДЕНТОВЪ.	ОТДѢЛЕНІЯ.				ВСЕГО.
	Механическое.	Горное.	Инженерно-строительное.	Химическое.	
I. Незанимавшихся (0 зачетовъ)	18	19	3	8	48
%	3,9	6,6	1,2	4,7	4,1
II. Малоуспѣшныхъ (1—4 зачетовъ)	130	53	50	28	261
%	28,1	18,5	20,7	16,5	22,5
III. Средней успѣшности (5—9 зачетовъ) . .	214	98	86	71	469
%	46,2	34,2	35,7	42,0	40,5
IV. Высокой успѣшности (10 и болѣе зачетовъ)	101	116	102	62	381
%	21,8	40,6	42,3	36,7	32,9

лучившихъ продолжительные отпуски, то средняя успѣшность по отдѣленіямъ будетъ:

По механическому отдѣленію . . . . . . 10,0 зачетовъ
„ инженерно-строит. „ . . . . . . 9,9 „
„ горному „ . . . . . . 10,4 „
„ химическому „ . . . . . . 10,1 „

По всѣмъ же отдѣленіямъ, въ среднемъ 10,13 зачета (въ 1910—11 г. 10,2 зачета). Такимъ образомъ, въ 1912—13 учебномъ году общая успѣшность можетъ быть опредѣлена, какъ весьма высокая.

Число лицъ, получившихъ званіе инженера въ 1913—1914 учебномъ году, наибольшее за все время существованія института и вдвое превосходитъ число лицъ, кончившихъ это учебное заведеніе въ прежніе годы, за исключеніемъ 1912—13 г., когда окончило 110 человѣкъ. Указанное обстоятельство надо приписать опять-таки тому же

спокойствію, которое установилось здѣсь въ теченіе послѣднихъ 3-хъ лѣтъ и дало возможность окончить институтъ лицамъ даже съ весьма запущенными учебными занятіями.

Особенно рельефно видна повышающаяся успѣшность студентовъ, по сравненію съ наибольшимъ числомъ студентовъ въ институтѣ за соотвѣтствующіе годы.

	УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.				
	9/10	10/11	11/12	12/13	13/14
Наибольшее число студентовъ	1.822	1.654	1.204	1.185	1.257
Число студентовъ, получившихъ званіе инженера	66	70	67	110	136
% отношеніе	3,62	4,23	5,53	9,3	10,8

Въ 1912 г. министерствомъ переработаны всѣ правила и инструкціи, касающіяся института, и вновь утверждены г. министромъ. Г. Карташевъ издалъ сборникъ правилъ и сдѣлалъ его общимъ достояніемъ.

Подобныхъ сборниковъ, имѣющихъ весьма большое практическое значеніе, Томскій технологическій институтъ ранѣе не издавалъ, да насколько извѣстно, нѣтъ ихъ и въ другихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ Европейской Россіи.

Въ 1912—1913 учебномъ году вновь разсмотрѣны, согласованы и впервые за все время существованія института изданы сборники программъ прохожденія курса для всѣхъ отдѣленій.

Изъ 30 каѳедръ—19 ординарныхъ профессоровъ и 11 экстраординарныхъ въ 1914 г., были заняты 27 и на 3 объявлены конкурсы, при чемъ на двѣ выяснились кандидаты. Такимъ образомъ, преподаваніе всѣхъ предметовъ являлось въ институтѣ обезпеченнымъ. Въ прежнее же время каѳедры пустовали по нѣскольку лѣтъ, и преподаваніе стояло; наибольшее число каѳедръ было занято въ 1910 г., а именно—20.

При такомъ положеніи вещей попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа, конечно, можно было отдохнуть отъ постоянныхъ бывшихъ волненій и работать спокойно.

Теперь слѣдуетъ остановиться на Сибирскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

Начнемъ, однако же, съ бывшихъ въ Томскѣ историко-философскихъ курсовъ.

Въ 1906 году среди нѣкоторыхъ мѣстныхъ профессоровъ возникло желаніе открыть въ г. Томскѣ высшіе женскіе курсы, чтобы предоставить сибирячкамъ возможность, не уѣзжая съ родины, получить высшее образованіе. Когда это желаніе приняло болѣе опредѣленныя формы, т. е. когда былъ выработанъ проектъ устава курсовъ, подобраны лица, пожелавшія преподавать на курсахъ, намѣчена учредительница ихъ и пр., тогда отъ имени учредительницы курсовъ П. В. Сергѣевой, окончившей Московскіе высшіе женскіе курсы, было подано попечителю Западно-Сибирскаго учебнаго округа соотвѣтствующее прошеніе о разрѣшеніи открыть въ г. Томскѣ высшіе историко-философскіе курсы для лицъ обоего пола, при чемъ одновременно съ этимъ шли хлопоты по учрежденію „Общества для доставленія средствъ высшимъ историко-философскимъ курсамъ" [1]). Попечитель округа весьма сочувственно отнесся къ идеѣ объ открытіи высшихъ курсовъ въ г. Томскѣ и, „не встрѣчая съ своей стороны никакихъ препятствій къ учрежденію этихъ курсовъ, напротивъ того, находя ихъ вполнѣ отвѣчающими современнымъ потребностямъ ежегодно возрастающаго 70-ти тысячнаго населенія города", сейчасъ же возбудилъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія соотвѣтствующее ходатайство объ открытіи курсовъ. Въ отвѣтъ на это ходатайство, возбужденное въ началѣ декабря 1906 года, товарищъ министра народнаго просвѣщенія О. П. Герасимовъ, въ предложеніи отъ 4-го марта, увѣдомилъ попечителя округа, что „на основаніи высочайшаго повелѣнія 3-го декабря 1905 года, онъ разрѣшаетъ окончившей Московскіе высшіе курсы П. В. Сергѣевой открыть въ г. Томскѣ съ начала 1907—8 академическаго года частные высшіе историко-философскіе курсы для лицъ обоего пола, безъ присвоенія курсамъ какихъ либо правъ, но съ тѣмъ, чтобы правила

---

[1]) Учрежденіе этого общества не состоялось. Вотъ что, между прочимъ, отмѣтила газета „Сибирская Жизнь" въ № 151 за 1907 г. по поводу собранія учредителей этого общества. „Нельзя не остановиться на малолюдности этого собранія. Общее приглашеніе пожаловать на собраніе было напечатано въ нашей газетѣ. Сверхъ того, весьма многимъ лицамъ отправлены были именныя приглашенія. Откликнулось только 15 человѣкъ. А между тѣмъ обсуждался въ собраніи вопросъ весьма важный—объ упроченіи судьбы высшихъ курсовъ".

о курсахъ были утверждены попечителемъ учебнаго округа и чтобы къ преподаванію на курсахъ допускались лица, обладающія надлежащимъ учебнымъ цензомъ".

Открытіе историко-философскихъ курсовъ состоялось 5-го октября 1907 года, при чемъ со среднимъ образованіемъ (дѣйствительныхъ слушателей) на нихъ записалось всего лишь 82 человѣка и 43, какъ не получившіе средняго образованія, были зачислены вольнослушателями; при этомъ въ общемъ числѣ 125 слушателей было 95 женщинъ и 30 мужчинъ. Составъ слушателей и слушательницъ оказался самый разнообразный: тутъ были и лица, только что окончившія гимназіи, и учительницы, врачи и зубные врачи, студенты, священникъ и лица другихъ различныхъ профессій.

Курсы просуществовали весьма недолго. Въ концѣ 1908 года г. Сергѣева представила попечителю округа денежный отчетъ и, заявляя, что курсы дали ей 487 р. 49 к. убытка, просила завѣдываніе ими, за отъѣздомъ ея за границу, передать другому лицу. Въ маѣ же 1909 года курсы и вовсе прекратили свое существованіе.

Закрылись высшіе историко-философскіе курсы для лицъ обоего пола, но идея о необходимости учрежденія курсовъ продолжала жить и скоро вылилась въ болѣе правильную форму—созналасъ необходимость учрежденія въ Сибири высшихъ женскихъ курсовъ. Къ концу 1909 года былъ утвержденъ и уставъ „Общества для доставленія средствъ Сибирскимъ высшимъ женскимъ курсамъ въ г. Томскѣ", а въ первыхъ числахъ апрѣля 1910 г. комитетъ названнаго общества вошелъ уже съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть курсы въ г. Томскѣ. Попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа, представляя въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ означенное ходатайство въ министерство народнаго просвѣщенія опять, какъ и въ первый разъ, писалъ: „съ своей стороны считаю долгомъ присовокупить, что открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ г. Томскѣ я признаю дѣломъ въ высшей степени полезнымъ", при чемъ высказался за открытіе въ первую очередь физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ. Необходимость учрежденія перваго факультета, помимо всѣхъ прочихъ соображеній, попечитель усматривалъ и въ видахъ подготовленія женскихъ преподавательскихъ силъ для мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, а второго—въ видахъ подготовки женщинъ-врачей, такъ какъ въ нихъ чувствуется большой недостатокъ въ Сибири. Открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ г. Томскѣ испрашивалось съ начала 1910—11 учебнаго года.

Въ предложеніи отъ 8-го августа 1910 г. за № 21105 управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія товарищъ министра г. Ульяновъ, на основаніи того же повелѣнія 3-го декабря 1905 г., о которомъ мною упоминалось, разрѣшилъ обществу для доставленія средствъ Сибирскимъ высшимъ курсамъ открыть таковые въ Томскѣ на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

1. Сибирскіе высшіе женскіе курсы являются частнымъ учебнымъ заведеніемъ, не предоставляющимъ никакихъ правъ и преимуществъ ни учащимъ, ни учащимся.

2. Курсы состоятъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія подъ ближайшимъ надзоромъ попечителя Западно-Сибирскаго учебнаго округа.

3. Средства курсовъ, образуемыя изъ доходовъ съ принадлежащихъ курсамъ капиталовъ и имуществъ, изъ платы за слушаніе лекцій и изъ иныхъ поступленій, составляютъ собственность курсовъ и обращаются на покрытіе расходовъ по ихъ содержанію.

4. Преподавателями на курсахъ могутъ быть только лица, имѣющія право преподавать въ русскихъ правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а лица, состоящія при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, должны обладать такимъ же образовательнымъ цензомъ, какой требуется для занятія соотвѣтствующихъ должностей въ русскихъ правительственныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

5. Курсы открываются въ составѣ отдѣленій, обезпеченныхъ преподавательскимъ персоналомъ и надлежаще оборудованными учебно-вспомогательными учрежденіями.

6. Въ слушательницы курсовъ принимаются лица, окончившія курсъ женскихъ гимназій или одинаковыхъ съ ними по правамъ учебныхъ заведеній и удовлетворяющія требованіямъ, установленнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для поступленія на соотвѣтствующія высшія женскія учебныя заведенія.

7. Завѣдываніе курсами по учебной части предоставляется совѣту, состоящему изъ преподавателей курсовъ, а по административно хозяйственной части—хозяйственному комитету, состоящему изъ равнаго числа членовъ отъ совѣта курсовъ, считая въ томъ числѣ и директора курсовъ, и отъ комитета общества для доставленія средствъ курсамъ, считая въ томъ числѣ и предсѣдателя комитета.

8. На директорѣ курсовъ, избираемомъ совѣтомъ на 3 года и утверждаемомъ въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, лежитъ обязанность наблюдать за правильнымъ ходомъ учебнаго

дѣла на курсахъ и отвѣтственность за это передъ учебнымъ начальствомъ.

9. Всѣ прочія должностныя лица на курсахъ, а также преподаватели и лица, состоящія при учебно-вспомогательныхъ установленіяхъ, утверждаются въ своихъ должностяхъ попечителемъ округа.

10. Отчетъ о дѣятельности курсовъ ежегодно представляется министру народнаго просвѣщенія.

29-го октября 1910 г. состоялось открытіе курсовъ въ составѣ отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета, а съ 24-го ноября начато правильное чтеніе лекцій и практическихъ занятій по выработанному совѣтомъ расписанію. Въ 1912 г. открыто отдѣленіе физико-математическое. Первымъ директоромъ избранъ былъ проф. Томскаго технологическаго института А. В. Лаврскій.

„Курсы начали свое существованіе“ говоритъ проф. Сапожниковъ [1]), „въ бѣдномъ одѣяніи“. Что это за *одѣяніе*, подробно расписываетъ проф. Кащенко [2]). Обстановка курсовъ въ теченіе перваго академическаго года (1910—1911) была, по отзыву послѣдняго, самая жалкая. Курсы занимали одинъ этажъ частнаго наемнаго деревяннаго дома. Общій размѣръ и распланировка помѣщенія соотвѣтствовали потребностямъ семьи изъ средняго класса. Всѣхъ комнатъ было 7, при чемъ 4 изъ нихъ—очень маленькія. Такимъ образомъ, въ помѣщеніи, разсчитанномъ для жизни семьи, примѣрно, въ 6 человѣкъ, а съ прислугой, допустимъ, самое большее—до десяти, въ теченіе всего дня, нерѣдко и вечеромъ непрерывно находилось около 80 слушательницъ, да еще преподавательскій персоналъ и прислуга. Комната, соотвѣтствующая пріемной частной квартиры, служила аудиторіей. Въ двухъ небольшихъ комнатахъ помѣщались канцелярія и кабинетъ директора. Задняя комната, немного побольше, но съ плохимъ освѣщеніемъ, служила чайнымъ буфетомъ. Помѣщенія научныхъ кабинетовъ и лабораторій находились въ этой же квартирѣ. Физика и химія совмѣстно занимали комнату въ четыре окна; ботаника и зоологія, тоже совмѣстно, занимали помѣщеніе въ два окна. Седьмая небольшая комната, какъ проходная, была занята шкафами и громоздкими принадлежностями для лекцій. Кабинетъ минералогическій помѣщался въ служебномъ кабинетѣ директора курсовъ. Анатомія совсѣмъ не имѣла никакого помѣщенія,

---

[1]) „Городъ Томскъ“. Изд. Сибирскаго т-ва печатнаго дѣла. 1912 г.

[2]) „Сибирскіе высшіе женскіе курсы, ихъ положеніе, нужды и надежды“. Томскъ. 1912 г.

такъ что кости и другіе препараты постоянно путешествовали изъ одной комнаты въ другую, смотря по тому, гдѣ въ данный моментъ оказывался свободный уголъ. То же самое, впрочемъ, приходилось продѣлывать и со многими предметами, необходимыми для занятій. Практическія работы производились въ аудиторіи, въ которой для этой цѣли каждый разъ приходилось устраивать обширную перестановку мебели. Такое положеніе вещей зависѣло, конечно, отъ недостатка денежныхъ средствъ, которыя собирались грошами. Въ настоящее время помѣщеніе значительно расширено, все же оно тѣсно, холодно и мало приспособлено для цѣлей преподаванія. Въ виду этого постройка собственнаго зданія для курсовъ необходима теперь же. Томская городская дума отвела уже для этой цѣли участокъ земли, мѣрою въ 2.400 кв. саж., съ тѣмъ, чтобы зданіе возведено было въ теченіе 8 лѣтъ; директоръ же курсовъ возбудилъ, по постановленію совѣта отъ 18-го апрѣля 1914 г. за № 88, ходатайство объ отпускѣ на строительныя потребности изъ средствъ казны безпроцентной ссуды въ суммѣ 120.000 р., съ погашеніемъ ежегодными взносами по восьми тысячъ рублей въ теченіе 15 лѣтъ. Это ходатайство находится еще въ стадіи разсмотрѣнія министерствомъ.

Собственныхъ учебныхъ пособій въ первое время своего существованія курсы не имѣли. Въ представленіи на имя г. министра народнаго просвѣщенія отъ 29-го марта 1911 г. Лаврентьевъ ходатайствовалъ объ отпускѣ изъ казны на оборудованіе кабинетовъ и лабораторій 100.000 рублей въ теченіе 10 лѣтъ, по 10.000 рублей, но благопріятнаго разрѣшенія вопроса не дождался. Зато министерство удовлетворило другое его ходатайство—разрѣшило, въ предложеніи отъ 2-го сентября 1911 г. за № 27960, совѣту Томскаго университета уступить Сибирскимъ высшимъ женскимъ курсамъ свободные дубликаты изъ зоологическаго кабинета. Въ настоящее время лабораторіи курсовъ являются уже вполнѣ оборудованными и, надо сказать, оборудованными въ большинствѣ случаевъ удовлетворительно и даже хорошо.

При курсахъ имѣются фундаментальная библіотека и библіотека слушательницъ, физическая лабораторія, метеорологическій кабинетъ, лекціонный кабинетъ неорганической химіи, лабораторія качественнаго анализа, количественнаго, ботаническій кабинетъ, кабинетъ анатоміи человѣка, зоологическій кабинетъ, физіологическій, гистологическій, минералогическій, палеонтологическій и геологическій.

Въ фундаментальной библіотекѣ имѣется 1.060 названій книгъ въ 1.070 томахъ, стоимостью до 2.050 р. Книги частью были куплены, а частью пожертвованы. Наиболѣе крупныя пожертвованія сдѣланы проф. Б. П. Вейнбергомъ, проф. І. Я. Голаховымъ, Е. Л. Зубашевымъ, проф. Н. Н. Парфентьевымъ, Московскимъ сельско-хозяйственнымъ институтомъ и Томскимъ переселенческимъ управленіемъ. Въ библіотекѣ слушательницъ состоитъ 402 книги съ 256 названіями, стоимостью въ 873 р. 49 коп., въ томъ числѣ пожертвованныхъ на 98 р. 36 коп.

Имущество курсовъ оцѣнивается въ 38.536 р. 31 коп.

При открытіи курсовъ поступило всего 87 слушательницъ; затѣмъ количество ихъ постепенно стало увеличиваться и къ 1-му января 1914 года достигло 268. Стоимость содержанія въ первый годъ опредѣлилась въ 18.998 р., а затѣмъ къ 1-му января того же 1914 г. превысила 40.000 рублей (см. табл. на стр. 114).

Изъ этой таблицы видно, что количество учащихся на курсахъ ежегодно увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются и средства содержанія. Плата за слушаніе лекцій, давшая въ 1910 году 10.350 р., возвысилась въ 1913 г. до 32.150 р. Это даетъ надежду, что курсы въ недалекомъ будущемъ прочно укоренятся, имѣя возможность существовать на свои собственныя средства, внѣ зависимости отъ благотворительныхъ пожертвованій, которыя, какъ видно изъ этой же таблицы, идутъ къ упадку.

Попечитель учебнаго округа Лаврентьевъ находилъ трехъ высшихъ учебныхъ заведеній для Западно-Сибирскаго учебнаго округа недостаточнымъ и хлопоталъ еще объ открытіи въ Омскѣ или Томскѣ ветеринарнаго института, въ Омскѣ или Ново-Николаевскѣ—сельско-хозяйственнаго и въ Томскѣ—духовной академіи. Выше была уже ссылка на представленіе его отъ 24-го ноября 1910 г. за № 10339. Здѣсь онъ, настаивая на открытіи историко-филологическаго факультета при Томскомъ университетѣ, писалъ между прочимъ, что нужды Сибири весьма обширны и настоятельны, и удовлетвореніе многихъ изъ нихъ является самою безотлагательною потребностью... Такъ, въ виду все увеличивающагося изъ года въ годъ громаднаго наплыва переселенцевъ въ Западную Сибирь, безусловно необходимо, говорится въ представленіи, притти имъ на помощь устройствомъ сельско-хозяйственнаго института, дабы научить переселенцевъ правильному веденію хозяйства, не истощая почвы и не истребляя безжалостно лѣсовъ. Таковой институтъ могъ бы быть открытъ или въ

ГОДЫ.	УЧИВШИХСЯ.			ИСТОЧНИКИ СОДЕРЖАНІЯ.					
	На естественно-историческомъ отдѣленіи.	На физико-математическомъ отдѣленіи.	ИТОГО.	Пожертвованій и субсидій.	Проценты на капиталъ.	Пособіе отъ общества для доставленія средствъ курсамъ.	Плата за слушаніе лекцій.	Изъ другихъ источниковъ.	ИТОГО.
				Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
1910	87	—	87	5.615	33	3.000	10.350	—	18.998
1911	168	24	192	6.985	274	10.302	21.750	1.760	41.071
1912	221	36	257	4.618	158	11.000	29.625	—	45.401
1913	227	41	268	1.809	317	3.100	32.150	3.823	41.199
ВСЕГО . . .	—	—	—	19.027	782	27.402	93.875	5.583	146.669

Омскѣ, или въ Ново-Николаевскѣ, или, наконецъ, въ Томскѣ. Томскій технологическій институтъ очень усиленно ходатайствуетъ объ открытіи при немъ агрономическаго отдѣленія. Томское городское общественное управленіе тоже ходатайствуетъ объ открытіи въ Томскѣ высшаго сельско-хозяйственнаго института. Потребность въ сельско-хозяйственномъ институтѣ въ Томской губерніи очень велика, въ особенности, если взять во вниманіе хотя бы только одинъ уѣздъ губерніи—Барнаульскій съ его милліоннымъ населеніемъ и обладающимъ житницею Сибири—Кулундинскою степью, которая производитъ лучшую въ Россіи пшеницу. Не менѣе желателенъ для Томска и ветеринарный институтъ, въ виду большого развитія въ Западной Сибири и Степномъ краѣ скотоводческаго хозяйства, особенно у киргизовъ, занимающихъ двѣ обширнѣйшія области—Омскую и Семипалатинскую и вкрапленныхъ значительными массами въ Томскую и Тобольскую губерніи. Наиболѣе правъ на открытіе ветеринарнаго института имѣютъ города Омскъ и Томскъ; но здѣсь или тамъ—во всякомъ случаѣ онъ безусловно необходимъ.

Устройство духовной академіи интересовало Лаврентьева въ наивысшей степени. По его ходатайству, Томская городская дума единогласно постановила безвозмездно уступить для потребностей названнаго учебнаго заведенія участокъ земли, стоимостью въ 128.000 рублей. Окружнымъ архитекторомъ Западно-Сибирскаго учебнаго округа А. Д. Крячковымъ составлены проекты зданій, смѣты и планы будущей академіи. Зданіе спроектировано въ старинномъ русскомъ вкусѣ. Академическая церковь задумана въ стилѣ древнихъ церквей Владимиро-Суздальскаго края. По красотѣ и изяществу, зданія Томской духовной академіи должны составлять лучшее украшеніе города. Общая стоимость постройки исчислена въ 664.000 р., включая сюда и первоначальное обзаведеніе.

Одной изъ важнѣйшихъ задачъ г. Лаврентьева, подготовлявшихъ осуществленіе идеи Томской духовной академіи, было внѣдреніе въ общественное сознаніе важности и необходимости открытія въ Сибири высшаго разсадника богословской науки. Съ этой цѣлью помѣщенъ въ органахъ періодической печати цѣлый рядъ статей, освѣщающихъ вопросъ о Сибирской духовной академіи съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Затѣмъ приступлено было къ составленію подробной докладной записки, которая могла бы служить основаніемъ для всесторонняго обсужденія идеи Томской духовной академіи въ высшихъ церков-

ныхъ, правительственныхъ и законодательныхъ учрежденіяхъ. Въ основу этой записки положены отзывы сибирскихъ преосвященныхъ и статистическія данныя, рисующія вѣроисповѣдный составъ сибирскаго населенія, статьи и сообщенія компетентныхъ по этому вопросу лицъ, а равно и другіе матеріалы, спеціально собранные для этой цѣли. Напечатана она въ количествѣ восьмисотъ экземпляровъ, значительная часть которыхъ поступила въ распоряженіе органовъ церковной и общей печати и членовъ законодательныхъ учрежденій.

Докладная записка г. Лаврентьева распадается на двѣ равныя части: въ первой подробно мотивируются основанія, по которымъ открытіе Сибирской духовной академіи есть дѣло неизбѣжной и неотложной необходимости; во второй—очерчивается подробно организація будущей духовной академіи примѣнительно къ поставленнымъ ей основнымъ задачамъ, съ принятіемъ во вниманіе мѣстныхъ условій и особенностей.

Сибирская духовная академія предназначена быть высшимъ учебнымъ заведеніемъ для приготовленія пастырей церкви, миссіонеровъ по преимуществу, которые не только съ вѣрою и любовью и глубокимъ знаніемъ Слова Божія, но и во всеоружіи богословской науки могли бы быть наставниками и руководителями православной сибирской паствы. Сообразно этой цѣли, пастырская и миссіонерская сторона дѣла выдвинута въ проектѣ Сибирской духовной академіи на первый планъ.

Основнымъ отдѣленіемъ Томской академіи является по проекту церковно-пастырское. Это основное отдѣленіе предназначено давать преподавательскій контингентъ для сибирскихъ духовныхъ учебныхъ заведеній и законоучительскій для свѣтской средней школы.

Всѣ сибирскіе преосвященные со скорбью и болью отзываются о хроническомъ недостаткѣ преподавателей въ существующихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ крайне неохотно идутъ въ Сибирь на учебную службу и при первой же возможности стараются перейти въ Европейскую Россію. При этихъ условіяхъ ростъ духовно-учебнаго дѣла въ Сибири по печальной необходимости подвергается значительной задержкѣ. Сибирскія епархіи, и прежде испытывавшія нужду въ достаточно подготовленныхъ кандидатахъ священства, нынѣ, съ усиленіемъ переселенческаго движенія въ Сибирь и открытіемъ множества новыхъ приходовъ, оказались въ совершенно исключительномъ положеніи. Въ виду невозможности организовать подготовку пастырей здѣсь на

мѣстѣ за недостаткомъ въ Сибири достаточнаго числа лицъ, способныхъ къ руководительству будущими пастырями, пришлось подготовку пастырей для сибирскихъ переселенческихъ приходовъ сосредоточить въ Москвѣ.

Безъ духовной академіи, говоритъ записка, совершенно безполезно думать объ открытіи въ Сибири новыхъ духовныхъ семинарій. Семинаріи эти будутъ пустовать за недостаткомъ преподавательскаго персонала. Что же касается законоучителей свѣтской средней школы, то замѣчается и здѣсь вопіющій недостатокъ лицъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. Достаточно убѣдительны въ этомъ отношеніи слѣдующія цифры: изъ 136 среднихъ учебныхъ заведеній Сибири и Туркестана только въ 23-хъ имѣются законоучители съ высшимъ богословскимъ образованіемъ. На приходской службѣ священникъ съ академическимъ образованіемъ—рѣдкость въ Сибири. На всемъ пространствѣ Восточной Сибири такихъ приходскихъ священниковъ всего два.

Миссіонерская идея въ Томской духовной академіи имѣетъ большой кругъ для своего примѣненія и осуществленія. Миссіонерскому дѣлу предназначены служить три академическихъ отдѣленія: 1) расколо-сектантское, 2) противомусульманское и 3) противоламаитское.

Вопросы внѣшней и внутренней миссіи имѣютъ въ Сибири весьма важное значеніе.

Здѣсь издавна укрѣпились энергичныя старообрядческія и сектантскія организаціи. Переселенческая политика послѣднихъ лѣтъ влила въ составъ сибирскаго населенія значительные кадры лютеранъ, штундистовъ, баптистовъ, молоканъ и другихъ инославныхъ исповѣданій. Процентъ язычниковъ въ Сибири въ общей массѣ населенія значительно выше, чѣмъ въ Европейской Россіи. На востокѣ отъ Томска, въ предѣлахъ Иркутской губерніи и Забайкальской области живетъ населеніе, исповѣдующее ламаизмъ. Степное генералъ-губернаторство и Туркестанъ, непосредственно къ нему примыкающій, населены послѣдователями ислама. Наконецъ, сопредѣльныя съ Сибирью Монголія, Китай, Японія—все это страны, гдѣ для проповѣди православія открываются широкія перспективы.

Для осуществленія всѣхъ этихъ задачъ внѣшней и внутренней миссіи Томская духовная академія должна имѣть наиболѣе благопріятствующія условія.

Въ цѣляхъ возможно широкаго привлеченія слушателей въ будущую духовную академію предположено предоставить доступъ въ

нее всѣмъ, окончившимъ курсъ духовныхъ семинарій, при безусловной обязательности рекомендацій со стороны семинарскаго начальства. Преимущественное право на поступленіе въ Томскую духовную академію предположено дать лицамъ, имѣющимъ духовный санъ.

Общая стоимость содержанія Томской академіи исчислена въ суммѣ 150 тысячъ въ годъ.

Оклады профессорскому и преподавательскому персоналу назначены въ нѣсколько большемъ размѣрѣ, чѣмъ принятые въ то время.

Ежегодная стоимость содержанія академіи исчислена въ предположеніи, что будутъ функціонировать всѣ намѣченныя академическія отдѣленія. При меньшемъ числѣ отдѣленій, разумѣется, соотвѣтственно понизится и ежегодный расходъ на содержаніе академіи.

14-го марта 1914 г. въ государственной думѣ за подписью 82 членовъ внесено законодательное предположеніе объ учрежденіи въ г. Томскѣ духовной академіи.

Бюджетная комиссія думы признала съ своей стороны необходимымъ высказать пожеланіе, чтобы вѣдомствомъ были приняты всѣ мѣры къ скорѣйшему открытію Томской академіи.

Святѣйшій правительствующій синодъ нашелъ открытіе въ г. Томскѣ Сибирской духовной академіи весьма желательнымъ въ просвѣтительныхъ и миссіонерскихъ цѣляхъ и опредѣленіемъ отъ 18—20 марта сего года № 2561 опредѣлилъ поручить учебному комитету при святѣйшемъ синодѣ представить свои соображенія по вопросу объ учрежденіи въ Томскѣ духовной академіи, для внесенія, въ установленномъ порядкѣ, въ законодательныя учрежденія законопроекта объ ассигнованіи изъ суммъ государственнаго казначейства средствъ на устройство и содержаніе Сибирской духовной академіи, о чемъ оберъ-прокуроромъ св. синода и сдѣлано заявленіе въ бюджетной комиссіи государственной думы.

14-го апрѣля 1914 г. участокъ земли, уступленный Томскою городскою думой для постройки академическихъ зданій, Лаврентьевымъ былъ принятъ офиціально.

По всѣмъ дѣламъ духовной академіи хлопоталъ онъ лично, какъ въ Томскѣ, такъ и Петроградѣ, гдѣ усиленно добивался свиданія съ вліятельными членами государственной думы, съ редакторами періодическихъ изданій и лицами высокаго служебнаго положенія, которыя такъ или иначе могли имѣть вліяніе на благопріятное разрѣшеніе вопроса. Ему же лично были пожертвованы на устройство церкви при академіи за очень короткое время до 20.000 рублей.

Безжалостная смерть прекратила такую плодотворную дѣятельность въ самомъ ея разгарѣ.

Такимъ образомъ, къ 1-му января 1900 г. было учреждено и дѣйствовало въ Западной Сибири одно высшее учебное заведеніе— Томскій университетъ; затѣмъ были открыты Томскій технологическій институтъ и Сибирскіе высшіе женскіе курсы. Учащихся къ 1-му января 1900 г. насчитывалось 381 м. пола, а къ 1-му января 1914 г. стало 2.432, въ томъ числѣ 2.109 м. пола и 323 ж. пола,—увеличилось почти въ $6^1/_2$ разъ, или на 638,3%. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число окончившихъ курсъ съ 49 до 323, или на 638,7%. На содержаніе высшихъ учебныхъ заведеній отпускалось къ 1-му января 1910 г. 363.799 р. 5 к., а къ 1-му января — 1914 г.— 1.406.535 р.; разность получилась ни больше, ни меньше, какъ въ (1.406.535 р.—363.799 р.=) 1.042.736 р. И этотъ успѣхъ достигнутъ отчасти въ то время, когда министерство финансовъ гр. Витте суммы министерства народнаго просвѣщенія урѣзывало до крайней степени.

А. Алекторовъ.

ПАМЯТИ В. Ф. ЭРНА.

29-го апрѣля текущаго года въ Москвѣ скончался Владиміръ Францевичъ Эрнъ, молодой, увлекающійся, но и увлекательный философъ,—многообѣщавшій ученикъ кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина. Онъ лишь недавно защитилъ докторскую диссертацію и уже сошелъ въ могилу.

Несмотря на свою молодость, онъ оставилъ послѣ себя значительное литературное наслѣдство. Первая его книга „Борьба за Логосъ“ вышла въ 1911 г. въ Москвѣ. Этотъ сборникъ статей, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ, обнаружилъ въ авторѣ большую творческую фантазію, литературный талантъ и сильный темпераментъ. Авторъ находился подъ вліяніемъ Вл. Соловьева и Вяч. Иванова. „Историческая конкретность философіи Вл. Соловьева и величайшій интересъ его ко всѣмъ изгибамъ европейской мысли взятой во всемъ ея многообразіи—я смѣло говорю—совершенно безпримѣрны во всей исторіи философіи. Соловьевъ не историкъ; историки чистые, конечно, превосходятъ Соловьева точностью и детальностью своей исторической освѣдомленности. Соловьевъ геній философскаго творчества, создавшій обширнѣйшее и законченное философское міросозерцаніе. Кто же изъ философовъ запада, сколько нибудь равный ему по величинѣ, можетъ быть поставленъ съ нимъ рядомъ по насыщенности своей мысли всѣмъ прошлымъ философіи“? В. Эрнъ находитъ, что „историческая конкретность мысли Соловьева много сильнѣе, чѣмъ историческая конкретность мысли Гегеля“.— Это увлеченіе Вл. Соловьевымъ весьма понятно въ философѣ, который считалъ основнымъ вопросомъ всемірной исторіи вопросъ о богочеловѣчествѣ. „Люди вѣры весь свой интересъ вкладывали въ осуществленіе богочеловѣчества, въ творческое и реальное продолженіе Христова дѣла, пишетъ Эрнъ въ предисловіи къ переводу

книги Гарнака «О сущности Христіанства», и эти слова вполнѣ характеризуютъ основную черту его мышленія и творчества.

Вторая книга Эрна посвящена родоначальнику русской философіи—Гр. Сковородѣ; она вышла въ 1912-омъ году. Въ этомъ сочиненіи, прекрасно рисующемъ обликъ украинскаго философа, особенный интересъ представляетъ предисловіе, въ которомъ авторъ опредѣляетъ характеръ и значеніе русской философіи. Авторъ противополагаетъ раціонализмъ логизму. „Логосъ, говоритъ онъ, впервые осознанный великими греческими мыслителями, съ величайшей любовью былъ усыновленъ и натурализованъ христіанскимъ умозрѣніемъ, столь пышно расцвѣтшимъ на эллинизированномъ Востокѣ". Въ дальнѣйшемъ логосъ характеризуется Эрномъ тѣми же чертами, какими цѣльное знаніе въ противоположность отвлеченному мышленію охарактеризовано у Кирѣевскаго, Хомякова и Вл. Соловьева. „Внутренне унаслѣдовавъ логизмъ и нося его такъ сказать въ своей крови, Россія философски осознаетъ его подъ непрерывнымъ реактивомъ западно-европейскаго раціонализма".

Пламенный патріотизмъ, увлеченіе національными идеалами — черта особенно ярко выразившаяся въ книгѣ о Сковородѣ, а также и въ тѣхъ статьяхъ, которыя Вл. Эрнъ писалъ въ началѣ міровой войны, напримѣръ „Отъ Канта къ Круппу", „Сущность нѣмецкаго феноменализма" (въ сборникѣ „Мечъ и Крестъ"), „Время славянофильствуетъ". Вл. Эрнъ находитъ, что „въ отношеніи онтологическихъ культуръ и онтологическихъ силъ, дѣйствующихъ и проявляющихся въ современности, мечъ Германіи занялъ то самое «сѣкущее» и уничтожающее положеніе, какое еще раньше философія Канта заняла по отношеніи ко всей онтологіи человѣческаго познанія и сознанія"; поэтому война съ Германіей и побѣда надъ ней есть дѣло святое.

Главные труды Вл. Фр. Эрна—это двѣ его диссертаціи, посвященныя итальянской философіи XIX вѣка, а именно Розмини-Сербати и Джоберти. Его же перу принадлежитъ и статья объ итальянской философіи въ новомъ Энциклопедическомъ словарѣ Ефрона. Выборъ темъ, далекихъ отъ интересовъ русскаго читателя, объясняется тѣмъ, что въ воззрѣніяхъ итальянскихъ философовъ Вл. Эрнъ нашелъ много идей, которыя и ему были дороги. Оба мыслителя принадлежатъ къ „платоническому" типу, у обоихъ, какъ и у Вл. Эрна, центральная проблема онтологическая; однако, молодой ученый, какъ мнѣ кажется, слишкомъ увлекается философіей Джоберти

и недостаточно снисходителенъ въ оцѣнкѣ идеологіи Розмини. Самъ Вл. Эрнъ разсматривалъ свои занятія по итальянской философіи какъ подготовительную стадію къ задуманной имъ работѣ по Платону. Его мечта была получить каѳедру съ цѣлью приступить къ планомѣрнымъ занятіямъ по задуманному имъ труду. „Это дало бы мнѣ возможность“, писалъ Владиміръ Францовичъ 20-го сентября 1916 года, „спокойно работать надъ большимъ изслѣдованіемъ о Платонѣ, которому я придаю особое значеніе, какъ своему главнѣйшему труду“. Однако исполнить желаніе молодого философа было не легко, ибо слабое здоровье заставляло его искать каѳедры въ одномъ изъ южныхъ университетовъ, въ Кіевскомъ или Новороссійскомъ. Судьба рѣшила иначе. Одно время (въ 1913 г.) Вл. Эрнъ читалъ лекціи на Тифлисскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, послѣдній періодъ жизни онъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ протекали его студенческіе годы; онъ вспоминалъ съ большой благодарностью и теплотою своихъ профессоровъ руководителей, которымъ онъ былъ столь много обязанъ въ идейномъ отношеніи. Смерть Вл. Эрна— большая утрата для зарождающейся русской философіи. Въ настоящемъ нумерѣ мы печатаемъ его посмертную статью, корректуру коей ему не удалось прочесть.

Э. Радловъ.

КОМЕДІЯ АРИСТОФАНА „ѲЕСМОФОРІИ“ [1]).

Ст. 172. ἐθεράπευσα] „подвергъ себя такой діэтѣ“, „такъ себя выхолилъ“.—πῶς] κηδεστής хочетъ, безъ сомнѣнія, продолжать: πότερον, ὥστε κακὸν γενέσθαι ἢ ὥστε αἰσχρὸν ἢ ὥστε ψυχρόν. Еврипидъ понимаетъ это и потому употребляетъ глаголъ βαύζειν „лаять“ въ смыслѣ „браниться“.

Ст. 176. λέγε] это слово даютъ Агаѳону старинныя и новѣйшія изданія (Fritsche, Enger, Velsen, Blaydes). Невѣрно утверждаетъ Fritsche, будто такъ же распредѣляются имена собесѣдниковъ и въ cod. Rav. Тамъ, по обыкновенію, стоитъ не собственное имя, а только двоеточіе. Слѣдовательно, отъ нашего соображенія зависитъ дать λέγε тому или другому лицу, именно тому, къ кому обращены слова Еврипида: ἀλλ... ἔα μ' εἰπεῖν. А они обращены, конечно, не къ Агаѳону, который послѣ ст. 172 молчитъ, а къ „родственнику“, который своей болтовней мѣшаетъ Еврипиду заговорить съ Агаѳономъ. Итакъ, вмѣсто ΑΓΑ, нужно, по примѣру Kuster'a Brunck'a и др. [въ томъ числѣ и Leeuwen'a], поставить ΚΗΔ.

Ст. 177 сл. σοφοῦ ... λόγους] Еврипидъ цитируетъ самого себя. Въ его трагедіи Αἴολος (fr. 28 N²) читались стихи:

παῖδες, σοφοῦ πρὸς ἀνδρὸς ὅστις ἐν βραχεῖ
πολλοὺς καλῶς οἷός τε συντέμνειν λόγους.

οἷός τε] опущеніе связки неоднократно встрѣчается при этой формѣ сказуемаго, а особенно часто при формѣ средняго рода οἷόν τε [2]). Для цѣлой мысли логически точнымъ выраженіемъ было бы или

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1917, мартъ-апрѣль, отд. класс. филол.

[2]) *Kock* ad Eq. 343.

1) σοφοῦ (πρὸς) ἀνδρός ἐστι τὸ οἷον τ' εἶναι ἐν βραχεῖ καλῶς συντέμνειν πολλοὺς λόγους, **или** 2) σοφὸς ἀνήρ (ἐστι) ὅστις οἷός τ' ἐστὶ ἐν βραχεῖ καλῶς συντέμνειν πολλοὺς λόγους. Данная форма представляетъ контаминацію этихъ двухъ формъ. Такое контамипаціонное употребленіе относительныхъ предложеній очень часто встрѣчается какъ въ томъ случаѣ, когда сказуемымъ цѣлаго выраженія служитъ „родительный свойства“ (или родительный съ предлогомъ πρός), такъ и при другихъ формахъ сказуемаго. Ср. въ этой комедіи ст. 706 [1]).

Ст. 179. ξυμφορᾷ πεπληγμένος] Еврипидовское выраженіе [2]).

Ст. 185. ὡς δοκῶν εἶναι γυνή] „въ увѣренности, что имѣешь видъ женщины“, „что тебя принимаютъ за женщину“ [3]).

Ст. 186. (ἐὰν) ὑπεραποκρίνῃ μου] „если будешь отвѣчать, защищая меня“=„если будешь говорить въ мою защиту“. Ἀποκρίνεσθαι не разъ употребляется Аристофаномъ въ смыслѣ ἀποκρίνεσθαι πρὸς τὰ κατηγορημένα, т. е. въ смыслѣ ἀπολογεῖσθαι [4]).

Ст. 187. μόνος ... ἐμοῦ] Агаөонъ и Еврипидъ представляются поэтами одного направленія.

Ст. 191. ἐξυρημένος] на эту особенность наружности Агаөона намекаетъ, вѣроятно, и Aristoph. fr. 326 Kock.

Ст. 193. ἐποίησάς ποτε] нужно произносить тономъ вопроса: „не сочинилъ ли ты когда-то“?, какъ видно изъ Еврипидовскаго ἔγωγε ст. 195.

Ст. 194. χαίρεις ... δοκεῖς] этотъ стихъ въ Еврипидовской драмѣ Ἄλκηστις [5]) произноситъ Φέρης, отвѣчая на рѣчь своего сына Адмета, въ которой тотъ доказывалъ, что отецъ долженъ умереть, чтобы сохранить жизнь сыну.

Ст. 197. οἰκείως φέρε] „своими домашними“ „своими собственными средствами переноси“ = „на своей собственной спинѣ выноси“. Ср. [Plut.] Consol. ad Apoll. XXXII, p. 118 C [I, p. 289 Bernard.]: τὰ κοινὰ τοῦ βίου συμπτώματα κοινῶς φέρειν καὶ τὰ ἀνθρώπινα ἀνθρωπίνως [6]).

---

[1]) Собраніе матеріала, кромѣ Blaydes'а къ объясняемому мѣсту, даютъ *Poppo* ad Thuc. IV, 18, 4, и *Büchsenschütz* ad Xen. Hell. II, 3, 51.

[2]) Alc. 856: βαρείᾳ συμφορᾷ πεπληγμένος (Blaydes).

[3]) Само по себѣ δοκῶν εἶναι γυνή могло бы значить и „притворяясь женщиной“. См. *Blaydes* ad Lys. 179.

[4]) См. *Blaydes* ad Ach. 632.

[5]) Ст. 691.

[6]) Blaydes сопоставляетъ Menand. IV, 293: τὰ κοινὰ κοινῶς δεῖ φέρειν συμπτώματα.

Quamquam ex cod. Ravennatis scriptura οἰκείως eliciendum fortasse οἰκεῖον [1]).

Ст. 198 сл. Blaydes: „Ex Euripidis fortasse aliqua tragoedia sumpti. Loquitur hic Agatho more suo ἀντιθέτως". Но уже отсюда слѣдуетъ, конечно, заключить, что это стихи изъ трагедіи Агаѳона, а не Еврипида.—τεχνάσμασιν] ср. ст. 94.

Ст. 200. ὦ κατάπυγον] такъ Dindorf, Meineke, Blaydes, [Leeuwen], согласно съ аналогіей (εὔδαιμον, ἄγνωμον и т. п.); рукописи ὦ καταπύγον, Velsen ὦ καταπῦγον.

Ст. 202. δέδοικας ἐλθεῖν] ср. Thuc. I, 136, 1: δεδιέναι δὲ φασκόντων Κερκυραίων ἔχειν αὐτόν.

Ст. 204 сл. И строй этихъ двухъ стиховъ и ихъ слогъ указываютъ на заимствованіе изъ какой-нибудь трагедіи. — νυκτερήσια [2])] прилагательное νυκτερήσιος относится къ νύκτερος, какъ βροτήσιος къ βροτός, Ἰθακήσιος къ Ἰθακός. Ср. ἡμερήσιος [3]).—ἔργα νυκτερήσια κλέπτειν „тайкомъ пользоваться ночными услугами", т. е. услугами, которыя обыкновенно ночью оказываются.

Ст. 205. ὑφαρπάζειν τε θήλειαν Κύπριν] „изподтишка присвоивать себѣ женскую любовь", т. е. наслаждаться любовью женщинъ. Такое подозрѣніе для Агаѳона опаснѣе, чѣмъ для Еврипида, потому что Агаѳонъ молодъ.

Ст. 207. ἀτὰρ ... ἔχει] въ устахъ свойственника этотъ стихъ противорѣчитъ ст. 206. Полагаю, что онъ произносится Еврипидомъ. Рукописи, правда, не имѣютъ предъ нимъ обозначенія ΕΥΡ, но не имѣютъ такого обозначенія и передъ слѣдующимъ стихомъ.

Ст. 209. τρισκακοδαίμων] и у Аристофана болѣе послѣдовательна была бы орѳографія τρὶς κακοδαίμων. Ср. Plut. 850 сл.: οἴμοι κακοδαίμων, ὡς ἀπόλωλα δείλαιος, καὶ τρὶς κακοδαίμων καὶ τετράκις καὶ πεντάκις καὶ δωδεκάκις καὶ μυριάκις.

Ст. 210. μὴ σαυτὸν προδῷς] „не погуби себя" (своимъ отчаяніемъ) [4]).

---

[1]) Nihil facit ad nostrum locum οἰκείως Lys. 1118.

[2]) Такъ вслѣдъ за Dobree многіе издатели исправляютъ рукописное νυκτερείσια.

[3]) Blaydes защищаетъ νυκτερείσια какъ логическое образованіе, заключающее въ себѣ намекъ на ἐρείδειν въ томъ значеніи, какъ этотъ глаголъ употребленъ Eccl. 616. Но намекъ былъ бы очень не остеръ.

[4]) Ср. Plat. Crit. p. 45 C: σαυτὸν προδοῦναι, ἐξὸν σωθῆναι.

Ст. 212. ἐμοὶ . . . ὅτι βούλει χρῶ] „пользуйся мною для какой хочешь цѣли“ [1]).

Ст. 213. ἐπιδιδώς] ἐπιδιδόναι τι „давать что-нибудь добровольно“ (собств. въ придачу къ обязательному взносу); ἐπιδιδόναι ἑαυτόν τινι „предоставлять себя въ чье-нибудь распоряженіе“. Ср. ст. 217. 249.

Ст. 214. ἀπόδυτι... θοἰμάτιον] „сними съ себя свой гиматій“. Ср. ст. 730 сл.

Ст. 215. ταδί] „вотъ это“, т. е. бороду (τὰ γένεια). Ср. ст. 221.

Ст. 216. τὰ κάτω δ' ἀφεύειν] пріемъ столь же употребительный у древне-греческихъ кокетокъ [2]), какъ и выдергиванье волосъ (ἀποτίλλεσθαι, ср. ст. 590) на тѣхъ же частяхъ тѣла. Заставивъ мужчину подвергнуться такимъ операціямъ, Аристофанъ, какъ говорятъ [3]), воспользовался готовыми комическими мотивами. Такую сцену далъ уже Кратинъ въ одной изъ своихъ комедій [4]). Здѣсь, у Аристофана, этотъ мотивъ служитъ только непосредственной цѣли — возбужденію смѣха массы публики, но совсѣмъ ненуженъ для развитія дѣйствія комедіи: старикъ является въ собраніи женщинъ въ полномъ нарядѣ замужней аѳинянки, а не въ такомъ декольте, при которомъ могли бы обнаружиться τὰ κάτω.

Ст. 217. μή' πιδοῦναι 'μαυτὸν] далъ Velsen по поправкамъ Dawes'a и Scaliger'a, рукописи: μὴ διδόναι γ' αὐτόν.—ποτε] можетъ быть, τὸ πᾶν? Едва ли, на основаніи ст. 642, могло бы годиться τότε.

Ст. 218. ξυροφορεῖς ἑκάστοτε] „постоянно носишь съ собой бритву“, чтобы постоянно снимать волосы съ лица. См. ст. 191.

Ст. 224. εἰς τὸ τῶν σεμνῶν θεῶν] въ святилище Риній [5]), которыя у аттиковъ часто обозначались эпитетомъ αἱ Σεμναί. Это святилище, очевидно, было ἄσυλον—убѣжищемъ, доставлявшимъ прибѣжище тому, кто къ нему прибѣгалъ. У алтарей τῶν σεμνῶν θεῶν искали спасенія нѣкоторые изъ участниковъ Килонова заговора [6]). По нѣкоторымъ свидѣтельствамъ [7]), въ томъ же святилищѣ спасались иногда и рабы отъ жестокости своихъ господъ [8]).

---

[1]) Собраніе примѣровъ этой формулы, данное Blaydes'омъ, можетъ быть дополнено. См. напр. *Poppo* ad Thuc. II, 4, 7.

[2]) Ср. Eccles. 13.

[3]) Schol. ad h. l. Clem. Alex. Strom. VI, p. 628.

[4]) 'Ιδαῖοι, см. *Kock*, Com. fr. I, p. 32.

[5]) Schol.

[6]) Thuc. I, 126.

[7]) Schol. Eq. 1312.

[8]) Обыкновенно же прибѣжищемъ для рабовъ въ Аѳинахъ служилъ Θησεῖον.

Ст. 225. Δήμητρ' ἔτ'] поправка Porson'a. Рукописи: Δήμητρα γ'.— ἐνταυθί] поправка Elmsley; рукописи ἐνταυθοῖ. Та же поправка той же ошибки тѣмъ же критикомъ дана для словъ Бделиклеона Vesp. 1442: οὔ τοι μὰ τὴν Δήμητρ' ἔτ' ἐνταυθὶ μανεῖς.

Ст. 226. τεμνόμενος] „Apparet malum fuisse tonsorem Euripidem". Bergler.

Ст. 227. ἡμίκραιραν] ἡμίκραιρα—одна половина головы или лица; здѣсь—одна щека.

Ст. 228. ὀλίγον μέλει μοι] [1]) „мало я объ этомъ забочусь"= „мнѣ все равно".

Ст. 229. κακοδαίμων ἐγώ] съ этимъ восклицаніемъ старикъ снова садится, предоставляя Еврипиду брить другую щеку.

Ст. 230. ἀνάκοπτε] „нагнись назадъ", „закинь голову". „Caput attolle. Id ut faciamus, hodieque rogare nos solet tonsor, quo barbam radere facilius possit. Neque moveri debemus (ποῖ στρέφει;), sed quieti sedere" [2]).

Ст. 231. μῦ μῦ] пока Еврипидъ все такъ же неумѣло брѣетъ, старикъ со сжатыми губами сквозь носъ мычитъ отъ боли.—πάντα... καλῶς] т. е. обрита и другая щека.

Ст. 232. ψιλὸς οὖν [3]) στρατεύσομαι] игра словъ: старикъ сталъ ψιλός „голъ" въ томъ смыслѣ, что лишился усовъ и бороды (ст. 227); но ψιλός употреблялось также о воинахъ въ смыслѣ легковооруженныхъ. Служба въ разрядѣ легковооруженныхъ считалась гораздо менѣе почетной, чѣмъ въ разрядѣ гоплитовъ. Старикъ какъ будто жалѣетъ, что ему придется нести эту мало почетную службу.

Ст. 234. θεᾶσθαι σαυτόν] предложилъ Porson. Рукописи: θεάσασθαι σεαυτόν.—φέρε] „подавай" [4]).

Ст. 235. ὁρᾷς σεαυτόν] Еврипидъ держитъ предъ старикомъ зеркало, взятое у Агаѳона (ст. 140).—Κλεισθένη [5])] одинъ изъ аѳинянъ того времени, осмѣиваемыхъ [6]) за женственность наружности и нравовъ. О томъ, что онъ постоянно ходилъ безъ усовъ и бороды, см. ст. 583.

---

[1]) Ср. Lys. 895 сл.
[2]) Fritsche.
[3]) Οὖν поправка Velsen'a, рукописи: αὖ.
[4]) Иначе въ ст. 261.
[5]) Предложилъ Dindorf; рукописи: Κλεισθένην.
[6]) *Ribbeck* ad Ach. 118.

Ст. 236. χἀγκύψας] ἐγκύπτειν и ἐπικύπτειν (ст. 239) [1]) „нагибаться назадъ“. Старикъ долженъ повернуться спиной къ Еврипиду и наклониться, чтобы удобнѣе было палить волоса, покрывающіе τὴν ἕδραν старика.

Ст. 238. ἐνεγκάτω τις] Еврипидъ даетъ приказаніе слугамъ Агаѳона, или ранѣе вышедшимъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ на улицу, или, что̀ вѣроятнѣе, находящимся въ домѣ Агаѳона [2]).

Ст. 239. φυλάττου] предлагали φύλαττε (Velsen), φύλαττ' εὖ (Blaydes); измѣненія не потребовалось бы, если бы можно было предположить, что это повелѣніе обращено къ слугѣ, дѣйствующему по указаніямъ Еврипида. А, кажется, такое предположеніе возможно. Ср. ст. 247 (ἕτερος). Φυλάττομαί τι „остерегаюсь чего-нибудь“ употребляется и въ смыслѣ „остерегаюсь повредить что-нибудь прикосновеніемъ“.

Ст. 241. ὕδωρ ὕδωρ, ὦ γείτονες] „воды, воды [3]), сосѣди“. Таковъ, вѣроятно, былъ обычный крикъ во время пожара.

Ст. 242. πρὶν ἀντιλαβέσθαι πρωκτὸν τῆς φλογός] весьма вѣроятно предположеніе Кобета, что эти слова, не имѣющія правильнаго размѣра и противорѣчащія древне-греческому словоупотребленію [4]), произошли изъ произвольной приписки, прибавленной къ Аристофановскому тексту какимъ-нибудь переписчикомъ или читателемъ.

Ст. 243. τί θάρρω καταπεπυρπολημένος] „чего мнѣ быть бодрымъ“?, понятнѣе было бы: τί; θαρρῶ καταπεπυρπολημένος = „что? (=какъ?) мнѣ быть бодрымъ, когда я огнемъ опустошенъ“?

Ст. 244. πρᾶγμα] употреблено, повидимому, въ томъ смыслѣ, въ какомъ гораздо употребительнѣе множественное πράγματα „хлопоты“, „непріятности“ [5]).

Ст. 245. φῦ] Dindorf, сопоставляющій Lys. 294. 304 (φῦ φῦ. ἰοῦ

---

[1]) Для ἐπικύπτειν, кромѣ мѣстъ, приводимыхъ въ лексиконахъ, ср. Lucian. Jupp. trag. 33.

[2]) Неопредѣленное τις возможно было бы и въ томъ случаѣ, если бы Еврипидъ обращался къ своимъ собственнымъ слугамъ. О манерѣ греческихъ господъ давать приказанія дворнѣ, не называя опредѣленно по имени того или другого раба, см. Xen. Cyrop. V, 3, 49 съ прим. Hertlein'a. Ср. *Ribbeck* ad Ach. 766.

[3]) Ср. ὕδωρ <ὕδωρ> Xenarch. ap. Athen. VI, p. 225 d [II, 470 *Kock*].

[4]) Аналогіями легко было бы оправдать λαβέσθαι, или ἐπιλαβέσθαι τοῦ πρωκτοῦ τὴν φλόγα, но ничѣмъ нельзя оправдать сочетанія, даннаго въ текстѣ.

[5]) Рѣдкіе примѣры такого употребленія единственнаго числа указываютъ у Геродота и Ксенофонта.

τοῦ καπνοῦ). Рукописи (и Bekker, Anecd. p. 251, 4): φεῦ [1]).—ἰοὺ τῆς ἀσβόλου] „сколько сажи“!

Ст. 246. αἰθὸς γεγένημαι] „сдѣлался сожженнымъ“, „обгорѣлымъ“. — τράμιν] „срамная промежность“ или, по нѣкоторымъ объясненіямъ древнихъ, линія, проходящая по срединѣ промежности и простирающаяся на мошонку.

Ст. 247. ἕτερος] операцію производятъ двое слугъ, одинъ съ факеломъ или ночникомъ въ рукѣ, другой съ губкой.—σφογγιεῖ] Elmsley въ томъ предположеніи, что эта форма, а не рукописное σπογγιεῖ, принадлежала аттицизму. Ср. Kühner-Blass, Gr. Gramm. I, 154. II, 579.

Ст. 250. ἱμάτιον] употреблено, должно быть, въ болѣе общемъ значеніи „платье“, „одежда“, а не въ спеціальномъ „верхняя одежда“.

Ст. 255. σύζωσον ἀνύσας] Herwerden, Hermes, XXIV, 625 сл.: „Recte verbum medium requirens Bl. coniecit ἀνύσας τι σύζωσ᾽. Sed nihil vetat servato verborum ordine legi σύζωσ᾽ ἀνύσας τι. Αἶρε, qui est legitimus in comoedia hiatus, ut in ὅτι v. 275 et περὶ v. 377“.

Ст. 257. ἠδὶ μὲν οὖν] „quin haec potius sume“. Blaydes. Еврипидъ хочетъ надѣть на голову свойственника сѣтку и повязку, чтобы онъ возможно болѣе походилъ на женщину. Агаѳонъ предлагаетъ гораздо лучшее средство для той же цѣли—парикъ или накладку (περίθεσις) съ длинными волосами, а можетъ быть и съ прикрѣпленными къ ней сѣткой и повязкой [2]). — ἠδὶ] такъ же въ ст. 380 мѣстоименіе ὅδε употреблено о предметѣ, который лицо говорящее подаетъ лицу, къ которому обращается съ рѣчью.

Ст. 258. κεφαλὴ περίθετος [3])] „поддѣльная [голова]“, „накладка“.—νύκτωρ] по ночамъ Агаѳонъ носитъ парикъ съ длинными волосами, чтобы больше походить на женщину, ὅταν τὰ τῶν γυναικῶν πάσχῃ [4]).

Ст. 259—263. При томъ порядкѣ стиховъ, какой представляетъ рукописное преданіе и сохраняется издателями, Еврипиду дважды подъ рядъ приходится расхваливать головную накладку (или повязку?)

---

[1]) Ср. [Lucian.] Philopatr. 2: φῦ φῦ φῦ φῦ τῶν ὕθλων ἐκείνων, ἰοὺ ἰοὺ ἰοὺ ἰοὺ τῶν δεινῶν βουλευμάτων, αἶ αἶ αἶ αἶ τῶν κενῶν ἐλπίδων.

[2]) Ср. Lucian. Alexand. 3: κόμην τὴν μὲν ἰδίαν τὴν δὲ καὶ πρόσθετον ἐπικείμενος.

[3]) Таково чтеніе рукописи G [R κεφαλῆ] и Poll. II, 35. Безъ достаточныхъ основаній Meineke мѣняетъ это чтеніе на κεφαλῇ περίθετον ἦν, объясняя свою догадку такъ: „Mitram dicit, qua noctu caput involuebat“. Уже древніе толкователи сравнивали περίθετον πρόσωπον, а новые—πώγωνας περιθέτους.

[4]) Schol.

Агаѳона: разъ словами (ст. 259): νὴ τὸν Δί', ἀλλὰ κἀπιτηδεία πάνυ и разъ на вопросъ старика (ст. 260): ἆρ' ἁρμόσει μοι; словами νὴ Δί' ἀλλ' ἄριστ' ἔχει. Напротивъ, когда Еврипидъ спрашиваетъ у Агаѳона накидку (ἔγκυκλον), то ни старикъ ничѣмъ не выражаетъ опасенія, что она окажется ему коротка или узка, длинна или широка, ни Еврипидъ никакими похвалами этой части наряда не поощряетъ своего родственника облечься въ нее. Я думаю, первоначальный порядокъ ст. 259—263 былъ таковъ:

259. ΕΥΡ. νὴ τὸν Δί' ἀλλὰ κἀπιτηδεία πάνυ.
260. φέρ' ἔγκυκλόν τι. ΑΓΑ. λάμβαν' ἀπὸ τῆς κλινίδος.
261. ἆρ' ἁρμόσει μοι; ΕΥΡ. νὴ Δί' ἀλλ' ἄριστ' ἔχει.
262. ὑποδημάτων δεῖ. ΑΓΑ. τἀμὰ ταυτὶ λάμβανε.
263. ΚΗΔ. ἆρ' ἁρμόσει μοι; ΕΥΡ. χαλαρὰ γοῦν χαίρει[ς] φορῶν.

Нарушеніе порядка могло произойти вслѣдствіе того, что изъ трехъ рядомъ стоявшихъ стиховъ, первый и третій начинались одними и тѣми же словами: ἆρ' ἁρμόσει μοι [1]).—ἔ γ κ υ κ λ ό ν τ ι] поправка Reisig'a; рукописи: ἔγκυκλον (первой рукой ἐγκύκλιον) τουτὶ. Чтеніе τουτὶ, я полагаю, явилось потому, что нѣкогда въ схоліи къ этому мѣсту (какъ видно изъ Suid. (s. ἔγκυκλον) приводились ст. 113 сл. „Лисистраты“ со словами τοὔγκυκλον τουτί.—τ ῆ ς κ λ ι ν ί δ ο ς] схолію къ этимъ словамъ печатаютъ такъ: τῆς κλίνης. στρῶμα δίδωσιν αὐτῷ. βάθριον τι ἡ κλινὶς εὐστεταμένον. По моему, слѣдовало бы читать: τῆς κλίνης στρῶμα δίδωσιν αὐτῷ. βάθριόν τι ἡ κλινὶς ἐστρωμένον.

Ст. 263. χ α ί ρ ε ι ς] правдоподобна догадка Velsen'a: χαίρει. Схоліастъ [2]), повидимому, понималъ это предложеніе какъ такое, въ которомъ подлежащимъ должно считаться 'Αγάθων.

Ст. 264. δ έ ε ι] такъ въ R исправлено изъ δέῃ. Издатели предпочитаютъ δέει, подчиняясь недоразумѣнію нѣкоторыхъ грамматиковъ, которые приписывали аттикамъ образованіе второго лица единственнаго числа настоящаго и будущаго временъ средняго и страдательнаго залоговъ съ окончаніемъ ει, а не ῃ. Но Bamberg справедливо усмотрѣлъ именно въ этомъ мѣстѣ Аристофана, въ этой формѣ глагола δέομαι, одно изъ возраженій противъ этого мнѣнія, невѣроятнаго и по другимъ соображеніямъ. Вѣдь, если бы эта форма, въ самомъ дѣлѣ, оканчивалась на ει, то, по извѣстному правилу спряженія дву-

---

[1]) *Никитинъ, Журн. Мин. Нар. Просв.* 1886, февраль, отд. класс. филол. 58.

[2]) χαῦνα. διαβάλλει δὲ πόλιν τὸν 'Αγάθωνα ὡς χαῦνον. Глаголъ χαλᾶν употребленъ κακεμφάτως Lys. 419, къ чему ср. Blaydes.

сложныхъ глаголовъ на εω, ε+ει должны были бы слиться въ одинъ слогъ и явилась бы форма δεῖ. Когда въ самомъ дѣлѣ въ Аттикѣ конечное ηι замѣнилось звукомъ ει (а это совершилось лишь въ теченіе IV вѣка), то затѣмъ явилось и сліяніе: въ аттическихъ надписяхъ съ конца IV вѣка третье лицо единственнаго числа сослагательнаго наклоненія глаголовъ δεῖν и δεῖσθαι встрѣчается въ формахъ: δεῖ (= δέῃ) и δεῖται (=δέηται) [1]).

Ст. 266. ἀνὴρ μὲν ἡμῖν] издатели принимаютъ поправку Fritsche: ἀνὴρ. Но, быть можетъ, первоначальное чтеніе было: ἀνὴρ μὲν οὖν ἦν? Ср. ст. 424.

Ст. 271. πάσαις τέχναις] „всякими уловками", „всякими хитростями" [2]).—ἥν μοί τι προσπίπτῃ κακόν] Blaydes: „Usitatius fuisset. ἣν ἐγώ τινι περιπίπτω κακῷ. Cf. ad Ran. 469: ἣν κακοῖς που περιπέσῃ"

Ст. 272. ὄμνυμι... Διός] въ утраченной Еврипидовской трагедіи Μελανίππη ἡ σοφὴ встрѣчался стихъ: ὄμνυμι δ' ἱερὸν αἰθέρ', οἴκησιν Διός [fr. 487 N[2]].

Ст. 273. Издѣваясь надъ изысканностью Еврипидовой клятвы, надъ тѣмъ, что Еврипидъ клянется не самимъ Зевсомъ, а обиталищемъ Зевса, старикъ спрашиваетъ: „почему ты предпочитаешь клясться такъ, чѣмъ клясться квартирами Гиппократа" (или „сыновей Гиппократа") [3]).—ξυνοικίαν] „домъ, который сдается въ наймы нѣсколькимъ квартирантамъ". Въ тѣ времена, когда люди сколько-нибудь состоятельные жили въ собственныхъ домахъ, такія ξυνοικίαι были, вѣроятно, очень тѣсны и грязны. Повидимому, особенно этими качествами отличался домъ, принадлежавшій Гиппократу и его сыновьямъ, которыхъ комики нерѣдко осмѣивали какъ людей, всѣмъ извѣстныхъ по своей глупости.

Ст. 274. πάντας ἄρδην] „всѣми заразъ" [4]).

Ст. 275. μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι] „memineris mentem iurasse, linguam tuam non esse iureiurando a me obstrictam". Fritsche. Смыслъ стиховъ будетъ значительнѣе, если запятую поставить не послѣ, а предъ ταῦθ'. ταῦτα „это" противополагается тому, въ чемъ языкомъ, но не мыслью клялся Еврипидовскій Ипполитъ.

---

[1]) См. *А. А. Вертъ*, Атт. нарѣчіе, 134 сл.

[2]) „Longe aliam vim habet πάσῃ τέχνῃ, quavis ratione". Fritsche.

[3]) Рукописи: τὴν ὑποκράτους. Изъ схолій возстановлено Ἱπποκράτους; Enger τὴν измѣнилъ въ τῶν на томъ основаніи, что самого Гиппократа во времена комедіи „Ѳесмофоріи" не было въ живыхъ. См. *Kock* ad Nub. 1001.

[4]) Ср. *Uhlig* ad Dion. Thr. 81.

Ст. 276. οὐδ' ὤρκωσ' ἐγώ] нужно подразумѣвать дополненіе τὴν γλῶτταν [1]).

Ст. 276—277. Послѣ ст. 276 въ рукописи слѣдуютъ какъ особыя слова: — ὀλολύζουσί τε· ἱερὸν ὠθεῖται. Чтобы получить какой-нибудь смыслъ, ихъ приходится читать такъ [2]): ὀλολύζουσι· τὸ ἱερὸν ὠθεῖται. Это, повидимому, могло бы значить: слышатся (за сценой) молитвенные клики женщинъ; двигается декорація, изображающая храмъ. Ὀλολύζουσι буквально значитъ только „издаютъ извѣстные клики (ὀλολυγαί)“, но обыкновенно этотъ глаголъ употребляется о кликахъ женщинъ при священнодѣйствіяхъ. Здѣсь женщины, собравшіяся около храма, такими кликами привѣтствуютъ появленіе на храмѣ сигнала (ст. 277 сл.), возвѣщающаго начало собранія, назначеннаго въ святилищѣ Ѳесмофоръ. Декорація, изображающая храмъ съ поднятымъ на немъ сигналомъ, напр. съ флагомъ, двигается для того, чтобы заслонить собой декорацію, ранѣе стоявшую на сценѣ и изображавшую домъ Агаѳона. Слова: τὸ ἱερὸν ὠθεῖται о движеніи, о перемѣнѣ декораціи понялъ и древній схоліастъ, дающій по поводу цѣлой строки (ὀλολύζουσι... ὠθεῖται) такое примѣчаніе: παρεπιγραφή. ἐκκυκλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ Θεσμοφόριον „парепиграфа. Выкатывается наружу храмъ Ѳесмофоръ“. Терминъ παρεπιγραφή употребляется въ схоліяхъ на Аристофана въ двухъ значеніяхъ: онъ означаетъ или 1) *приписку къ тексту* пьесы, указывающую на нѣчто происходящее (или слышное) на сценѣ помимо рѣчей дѣйствующихъ лицъ, или 2) такія слова самого текста пьесы, которыя указываютъ на какое-нибудь происходящее на сценѣ дѣйствіе [3]). Здѣсь этотъ терминъ скорѣе всего можетъ быть понятъ въ первомъ смыслѣ и отнесенъ къ припискѣ ὀλολύζουσι... ὠθεῖται [4]). Читатель и толкователь не могъ бы извлечь содержанія этой парепиграфы изъ стиховъ Аристофана. Нужно думать, что онъ приписанъ не толкователями, а самимъ авторомъ, самимъ Аристофаномъ [5]). По мысли Аристофана уже послѣ ст. 276 декорація сцены должна была мѣняться.

---

[1]) Этой возможности, повидимому, не принялъ въ разсчетъ *В. К. Ернштедтъ*, Στέφανος, 163 [Opuscula, 165 сл.].

[2]) Какъ предложилъ Fritsche.

[3]) *В. К. Ернштедтъ*, Στέφανος, 160 [Opuscula, 162 сл.].

[4]) Съ большой натяжкой *В. К. Ернштедтъ*, l. l. полагаетъ его во второмъ смыслѣ, относя къ ст. 277 сл.

[5]) Совсѣмъ иначе относится къ словамъ ὀλολύζουσι и т. д. *В. К. Ернштедтъ*, 163 [Opuscula, 166].

Ст. 277. ἔκσπευδε] „спѣши вонъ“, „спѣши уйти изъ (этого) мѣста“, т. е. спѣши уйти прочь отъ дома Агаѳона. Старикъ долженъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы приблизиться къ храму. На мѣстѣ дома Агаѳона теперь стоитъ уже декорація, изображающая храмъ Ѳесмофоръ, но мѣсто, на которомъ стоятъ старикъ и Еврипидъ (ср. ἄπειμι ст. 279), все еще можетъ представляться мѣстомъ сосѣднимъ съ домомъ Агаѳона. Такое противорѣчіе не выходитъ за предѣлы той свободы, съ которой древніе комики относились къ сценической иллюзіи [1].—τὸ τῆς ἐκκλησίας σημεῖον] въ Аѳинахъ начало засѣданій вѣча, думы, суда возвѣщалось вывѣшиваніемъ какого-то сигнала (σημεῖον), вѣроятно, флага [2].

Ст. 278. Θεσμοφορείῳ] такъ Scaliger; рукописи: θεσμοφορίῳ. Meineke, Vindic. Aristoph. 150 сл.: „scribendum θεσμοφορείῳ, quam formam necessario postulat lex qua τῶν τεμενικῶν formatio regitur. Idem infra vs. 880 restitui. Ipsa autem Thesmophoriorum sollemnitas recte θεσμοφόρια dicitur“.

Ст. 279. ἐγὼ δ' ἄπειμι] Еврипидъ удаляется. Старикъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и, какъ долженъ воображать зритель, приближается къ храму Ѳесмофоръ. Женщины, клики которыхъ (ὀλολυγαί) только что были слышны, могутъ теперь слышать старика, но не могутъ видѣть, потому что находятся пока внутри храма. Старикъ, входя въ свою роль, пытается слѣдовать наставленію Еврипида (ст. 267 сл.)— говорить женскимъ голосомъ и говорить текстъ рѣчи. Сколько-нибудь состоятельная аѳинянка не выходила изъ дому безъ сопутствія служанокъ. Поэтому и старикъ говоритъ такъ, какъ будто бы его провожаетъ служанка: δεῦρο νυν... ἕπου „слѣдуй сюда“. Неумѣстно было бы [рукописное] νῦν „теперь“.—Θρᾶττα] ѳракіянка, т. е. рабыня ѳракійскаго происхожденія. Ѳракіянки особенно часто были рабынями въ Аттикѣ [3]. Но откуда здѣсь такъ внезапно явилась ѳракіянка у стараго родственника Еврипидова? „Трудно предположить, чтобы Еврипидъ съ Мнесилохомъ явились къ Агаѳону въ сопровожденіи совершенно ненужной имъ служанки, присутствіе которой во всемъ пер-

---

[1]) Поэтому нельзя считать неизбѣжными выводы, къ которымъ приходитъ *В. К. Ернштедтъ*, l. l. 155 сл. [Opuscula, 156 сл.]. Безплодны разсужденія *Alb. Müller*'a, *Berl. philol. Wochenschrift*, 1898, 1403—1405. Противорѣчіе, которое онъ находитъ между парепиграфой и ст. 277, не существуетъ: вѣдь не могъ же Аристофанъ вмѣсто τὸ... σημεῖον... φαίνεται сказать τὸ Θεσμοφόριον φαίνεται.

[2]) Vesp. 689. Andoc. de myster. 36. *Alb. Müller*, l. l. 1404 сл.

[3]) Ach. 273. Vesp. 828. Pac. 1138.

вомъ дѣйствіи нисколько не замѣтно: предложеніе Мнесилоха замѣнить Агаѳона, который отказывается отъ предназначавшейся ему роли, для Еврипида неожиданно, а Мнесилохъ въ началѣ пьесы не знаетъ даже, куда его ведутъ... Поэтъ, должно быть, призналъ... цѣлесообразнымъ обойтись безъ дѣйствительнаго присутствія ѳракіянки... Мнесилохъ съ надлежащимъ шаржемъ представляетъ аѳинскую мѣщанку, сознающую, что сегодня на ея улицѣ праздникъ. Обращенія къ служанкѣ составляютъ необходимую принадлежность ея суетливости и трескотни, но каррикатурность обращенія еще подчеркивается отсутствіемъ служанки" [1]).

Ст. 280. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ молча, старикъ, увидѣвъ дымъ факеловъ, вырывающійся изъ храма (или изъ-за храма?), останавливается и снова обращается къ мнимо присутствующей служанкѣ [2])—θέασαι] „посмотри". Такая форма анапестообразной замѣны іамба: ‿ ‿ — избѣгается. Поэтому Dindorf хотѣлъ читать θᾶσαι. Но это была бы дорическая форма. Вѣроятно, что здѣсь θέασαι нужно произносить съ синизесой (какъ прежде полагалъ Elmsley), т. е. звукъ ε произносить какъ полугласный [3]).

Ст. 281. Если принять поправку Рейске ἀνέρχεται вмѣсто рукописнаго чтенія ἀνέρχεθ' ὑπὸ, то порядокъ словъ, соотвѣтствующій ихъ синтактической зависимости, будетъ: ὅσον τὸ χρῆμα τῆς λιγνύος ἀνέρχεται καυμένων τῶν λαμπάδων=„какая масса дыма подымается отъ горящихъ факеловъ" [4]). Стараясь представляться женщиной, старикъ

---

[1]) *В. К. Ернштедтъ*, Στέφανος, 156 сл. [Opuscula, 158 сл.].

[2]) Другіе толкователи, напр. и *В. К. Ернштедтъ*, l. l. 157, думаютъ, что послѣ ст. 279 старикъ уходитъ, а при произнесеніи ст. 280 снова появляется предъ зрителями. Но куда и зачѣмъ ему было уходить?

[3]) Ср. Pac., 906 (начало стиха): θέασ' ὡς προθύμως ὁ πρύτανις παρεδέξατο. *G. Meyer*, Gr. Gr.[3] § 151.

[4]) При сохраненіи рукописнаго чтенія неизбѣжны будутъ такія толкованія: при ὅσον τὸ χρῆμα нужно подразумѣвать что-нибудь въ родѣ ἄλλον. Ср. Eccl. 394: τοσοῦτον χρῆμ' ἄλλου. Безъ родительнаго падежа опредѣленія χρῆμα является Pac. 1192: ὅσον τὸ χρῆμ' ἐπὶ δεῖπνον ἦλθ' ἐς τοὺς γάμους. Употребленіе глагола ἀνέρχεσθαι придется объяснять тѣмъ, что Θεσμοφόρειον находилось на возвышенности. *A. Mommsen*, Heortologie, 299 помѣщаетъ его на восточномъ склонѣ Акрополя [въ переработкѣ „Heortologie", вышедшей подъ заглавіемъ „Feste der Stadt Athen im Altertum", Lpzg. 1898, Mommsen замѣчаетъ: „Wo das Thesmophorion lag, wissen wir nicht]", *E. Curtius*, Die Stadtgeschichte von Athen, VII, 70, на Пниксѣ. Ср. Thesm. 585 и схол. Clem. Alex. Strom. IV, p. 224 (ср. Diog. L. VIII, 43): εἰς τὸ Θεσμοφόριον κάτεισιν (вмѣсто послѣдняго слова нужно, безъ сомнѣнія, читать ἄνεισιν). Предлогу ὑπὸ придется усвоять значеніе „въ сопутствіи" и сравнивать Eur. Hel. 639: ἂν ὑπὸ λαμ-

утрируетъ женскую говорливость и впечатлительность, склонность женщинъ говорить съ паѳосомъ изумленья и о томъ, что̀ совсѣмъ не изумительно.

Ст. 282 сл. Θεσμοφόρω] θεσμοφόρωι R. „Θεσμοφόρος dicta Ceres quod prima leges dedisse putaretur. Verg. Aen. IV, 758: legiferae Cereri". Blaydes. [1])—δέξασθε... οἴκαδε] истинный затаенный смыслъ этой молитвы: „дайте мнѣ, счастливо исполнивъ мое предпріятіе, цѣлымъ и невредимымъ выйти изъ опаснаго положенія" [2]).

Ст. 284. Старикъ, подходя къ жертвеннику, который стоитъ предъ святилищемъ, говоритъ, какъ будто обращаясь къ служанкѣ, несущей въ корзинѣ жертвенные хлѣбы.—κατάθου, κᾆτ' ἔξελε] рукописи: κάθελε κᾆτ ἔξελε. Meineke, Vindic. Arist.: „Quod ego olim conieceram τὴν κίστην κάταθου, coniecit nunc etiam Herwerdenus; κάθελε, quod ex proximo κᾆτ' ἔξελε natum est, sensu cassum est. Aptum vero reique accomodatum est verbum καταθέσθαι, de quo cf. Ach. 243: κατάθου τὸ κανοῦν, ὦ θύγατερ, ἵν' ἀπαρξώμεθα, ubi eandem plane rerum faciem habes".

Ст. 285. τὸ πόπανον] широкая, тонкая, круглая жертвенная лепешка [3]).—τοῖν θεοῖν [4])] въ аттическихъ надписяхъ въ двойствен-

---

πάδων κόροι λεύκιπποι... ὤλβισαν или Xen. R. Lac. V, 7: οὐδὲ γὰρ ὑπὸ φανοῦ τὸν ἔτι ἔμφρουρον ἔξεστι πορεύεσθαι. Конъектуру Рейске опровергалъ *Sobolewski*, De praep. usu Ar. 218 сл., но опровергаль такъ, что его опроверженіе можетъ считаться защитой.

[[1]) Далѣе въ рукописи П. В—ча длинная выписка изъ „Heortologie" A. Моммзена].

[2]) Старикъ не долженъ былъ и не могъ говорить яснѣе, особенно не могъ говорить такъ ясно, какъ хотѣлъ бы заставить его говорить von Velsen, потому что боится, какъ бы его словъ не услыхали женщины.

[3]) Рукописи: τὸ πόπανον ὅπως. Измѣрять такъ: ◡ ◡́ ◡ ◡—невозможно: за трибрахомъ не можетъ слѣдовать анапестъ (см. *Hermann*, El. d. Metr. 131). Но и измѣреніе ◡ ◡ ◡́ ◡ ◡—мало вѣроятно: пропелевсматикъ въ триметрѣ у греческихъ поэтовъ большая рѣдкость. *Christ*, Metrik[2], 328 насчитываетъ 9 примѣровъ, но, какъ показываетъ *Nauck*, Mél. Gr.-Rom. V, 303_3, всѣ они въ высшей степени сомнительны (иначе *Westphal-Rossbach*, Gr. Metr.[3] 229). Поэтому Porson предлагалъ или τὰ πόπαν' ὅπως или τὸ πόπανον ἵνα. Но „particula ὅπως cum subiunctivo non utuntur comici nisi addita particula ἄν" (Blaydes). Остается или принять другую догадку Porson'a (который показалъ, что ὅπως и ἵνα часто смѣшиваются) или догадку G. Hermann'a: τὸ πόπανον, ὡς. Τὰ πόπανα потому еще мало правдоподобно, что, какъ показываетъ Enger, обыкновенно каждый молящійся приносилъ въ жертву только одно πόπανον.

[4]) Такъ Meineke, Cobet, Velsen, [Leeuwen] исправляли рукописное ταῖν θεαῖν. Ср. ст. 295 чтеніе рукописи: ταῖν Θεσμοφόροιν.

номъ числѣ и для женскаго рода члена и мѣстоименій οὗτος и постоянно употребляются формы τώ τοῖν τούτοιν οἷν, а не τά ταῖν и т. п. [1]). Въ значеніи „богиня“ аттицизмъ классическаго времени употребляетъ ἡ θεός. Такъ и Аѳина называется ἡ θεός, Деметра и Персефона τὼ θεώ; существительное θεά употребляется только или тамъ, гдѣ богини противополагаются богамъ, напр. ὁ θεός и ἡ θεά (Плутонъ и Персефона), τοῖς δώδεκα θεοῖς καὶ ταῖς σεμναῖς θεαῖς [2]), или въ сочетаніи съ собственнымъ именемъ богини, напр. θεᾶς Μούσης [3]), Ἄρτεμις θεά. Часто θεά является у Гомера и трагиковъ, но и у нихъ преимущественно тамъ, гдѣ требуется болѣе обозначить женскую личность, чѣмъ божественное существо [4]).

Ст. 286. πολυτίμητε] прилагательное, употреблявшееся, главнымъ образомъ [5]), какъ молитвенный эпитетъ божествъ [6]).

Ст. 287. Φερρέφαττα [7])] богиня, дочь Деметры, называется въ аттическихъ надписяхъ или Κόρη или Φερρέφαττα [8]).

Ст. 288. θύειν] infinitivus издревле былъ обычной формой выраженій желанія въ молитвахъ [9]).—ἔχουσαν] scilicet πολλά [10]).

Ст. 289. τὸν θυγατρίου χοῖρον] χοῖρος et porcum significat et τὸ γυναικεῖον αἰδοῖον (ср. 538. 540).

Ст. 291. πρὸς θάληκον] только рукописное чтеніе. Слово θάληκος нигдѣ болѣе не встрѣчается. Dindorf: „Schol.: τὸν παιδαρίσκον. ἴσως δὲ παρὰ τὴν πόσθην αὐτὸ συνέθηκεν... haec qui scripsit non πρὸς θάληκον

---

[1]) *Kühner-Blass*, Gr. Gr. I, 605.

[2]) *Meisterhans*, Gr. d. att. Inschr.² 98, 4 [*Meisterhaus-Schwyzer*³, 125, 4].

[3]) Av. 1718 (въ триметрѣ).

[4]) *Krüger*, Gr. Gr. § 21, 1, 1.

[5]) О другомъ употребленіи см. *Meineke* въ изд. Менандра p. 43. Ср. *Lobeck*, Paral. 460.

[6]) См. напр. ст. 594. Ach. 759. fr. 319 (ex Thesmoph. alteris) *Kock*. Ran. 324. 337. 397.

[7]) Такъ Thiersch, Blaydes. Рукописи (ср. ихъ колебанія Ran. 671) и Velsen: Φερσέφαττα.

[8]) Эта послѣдняя форма и Plat. Cratyl. 404 CD. Φερσέφασσα Eur. Hel. 175. Формы Περσεφόνη и Φερσεφόνη принадлежатъ исключительно поэтической литературѣ.

[9]) Къ примѣрамъ, которые собралъ Blaydes къ этому мѣсту, можно еще много прибавить, хотя бы Hom. B 413. Arist. Vesp. 879. Ach. 247. 436. Ran. 387.

[10]) Сочетаніе πολλὰ πολλάκις можетъ употребляться такъ, что первое слово служитъ только усиленію значенія второго (Arist. Eccl. 1105: ἐάν τι πολλὰ πολλάκις πάθω), но можетъ употребляться такъ, что πολλά, сохраняя свое обычное значеніе, служитъ дополненіемъ глагола. Напр. Demosth. XX, 166: πολλὰ γὰρ ὑμεῖς... πολλάκις οὐκ ἐδιδάχθηθ’ ὡς οὐκ ἔστι δίκαια.

legit, sed vocabulum a πόσθη ductum. Quo indicio restitui ποσθαλίσκον, vocabulum eodem modo quo κωραλίσκος („мальчикъ") formatum, cui accomodatissima est interpretatio illa τὸν παιδαρίσκον. Similiter Photius: πόσθων (quo utitur Aristophanes Pac. 1300): κυρίως λέγεται παιδάριον· οὕτως γὰρ ὑποκοριζόμενοι ἔλεγον ἀπὸ τοῦ αἰδοίου· πόσθιον γὰρ τοῦτο καλοῦσι... Ceterum ποσθαλίσκον sine articulo positum, quia instar nominis proprii est" [1]).

Ст. 292. καθέζωμ' [2])] формы, въ которыхъ корень является въ видѣ εζ—, имѣютъ ингрессивное значеніе — „садиться", а формы, въ которыхъ корень является въ видѣ ιζ—, имѣютъ длительное значеніе [3]).

Ст. 293. ἐξακούω] ἐξακούειν употребляется въ первоначальномъ значеніи „слышать съ нѣкотораго разстоянія" [4]). — ἄπιθ'... ἐκποδών] „отойди къ сторонѣ" [5]) съ тѣмъ, разумѣется, чтобы ожидать свою госпожу и ее проводить, когда будетъ надо, домой.

Ст. 294. Рабамъ (т. е. въ данномъ случаѣ рабынямъ) не слѣдуетъ присутствовать при разсужденіяхъ ихъ хозяевъ о колодкахъ Еврипида и о его наказаніи. Проявляя такую осторожность, мнимая аѳинская гражданка мотивируетъ для остальныхъ женщинъ, которыя могутъ ее слышать, то, что сама является безъ служанки, безъ своей Θρᾶττα, которой, на самомъ дѣлѣ, вовсе не существовало [6]).

---

1) Есть уменьшительныя на — αλος: κόκκαλος, νεκύδαλος. *Kühner-Blass*, I³, § 330 Anm. 5 Но другихъ аналогій для образованія ποσθαλίσκος, кромѣ критскаго κωραλίσκος, нѣтъ. Blaydes имѣлъ право замѣтить: „analogiae repugnat vox ποσθαλίσκος: nullum enim nomen est πόσθαλος". Можетъ быть, ποσθαρίσκος? Ср. *Meineke*, Diatribe ad Callim. 293. Въ κωραλίσκος вслѣдствіе диссимиляціи могло λ явиться на мѣстѣ ρ. Отъ πόσθη могло быть образовано *ποσθάριον, какъ отъ ψυχή—ψυχάριον, ψῆττα—ψηττάριον, а отъ *ποσθάριον—ποσθαρίσκος, какъ отъ παιδάριον —παιδαρίσκος.

2) Такъ Bergk; рукописи: καθίζωμ'.

3) *Curtius*, Verbum, I², 317.

4) Ср. Xen. Cyr. IV, 3, 3: στὰς ὅπου αὐτοῦ ἔμελλον ἐξακούσεσθαι.

5) Ср. ст. 36. Eccl. 134.

6) Что рабыни присутствуютъ въ святилищѣ Θесмофоръ, показываютъ ст. 537 и 728, а особенно 609. Ссылки Blaydes'а на Исея de Phil. haered. p. 49, 3 ничего не значатъ. У Исея не утверждается, что рабыни не имѣли права входить въ Θесмофоріи: препятствіемъ представляется не то, что извѣстная женщина была δούλη, а то, что это была женщина ἅπαντα τὸν χρόνον αἰσχρῶς βιοῦσα. Но см., впрочемъ, *Lobeck*, Aglaoph. 19. Какъ бы то ни было, у Аристофана и рабыни оказываются въ святилищѣ; но этимъ не доказывается подлинность ст. 294; не доказывается и тѣмъ, будто „nihil cogitari eo potest ieiunius" (*Meineke*, Vindic. Arist. 151). Защищалъ подлинность ст. 294 *Bachmann*, *Berl. Philol. Wochenschr.* 1888, 617, но защищалъ такимъ соображеніемъ, которое въ виду ст. 609 оказывается очень сомнительнымъ.

Ст. 295—311. Напрасно Фельзенъ [1]) называетъ то дѣйствующее лицо, которое произноситъ ст. 295—310, жрицей (ἱέρεια), а не герольдшей, какъ это лицо называется въ текстѣ одной изъ рукописей (G : $^{ρυ}_{κη}$) и въ схоліяхъ (γυνὴ μιμουμένη κήρυκα) [2]). Здѣсь молитва совершается предъ открытіемъ собранія, которое само себя называетъ екклесіей. А извѣстно, что предъ открытіемъ засѣданій екклесіи молитвы произносилъ κῆρυξ [3]). Тому же лицу, которое произноситъ ст. 295—310, дается въ рукописи и ст. 311. Съ этимъ нужно, повидимому, согласиться. Фельзенъ вложилъ ст. 311 въ уста корифея, предводителя хора. Но такое пріуроченіе мало вѣроятно. Предводитель хора можетъ тутъ представлять только одну изъ простыхъ участницъ женскаго вѣча, онъ не имѣетъ никакой оффиціальной роли и не можетъ съ своимъ приглашеніемъ обращаться къ собранію. Точно также и хоръ, представляющій собою собраніе, не къ корифею долженъ обращаться, когда говоритъ (ст. 312) δεχόμεθα. Съ той частью комедіи, которая слагается изъ ст. 295—310, 311 и 312—314, находится въ очевидномъ соотвѣтствіи часть, слагающаяся изъ ст. 331—351 и 352—354: если бы въ составѣ первой части была партія корифея, то слѣдовало бы ожидать, что партія корифея явится и во второй части, именно между ст. 351 и 352, но тамъ ея не является. Поэтому нужно думать, что ст. 311 принадлежитъ рѣчи той женщины, которая въ данномъ случаѣ исполняетъ роль глашатая (κῆρυξ) [4]). [То же полагаетъ и Leeuwen, относящій ст. 311 къ партіи ἱερείας].— Прозаическое изложеніе является въ древней комедіи тамъ, гдѣ пародируются формулы богослуженія, судопроизводства, законодательства.

Ст. 295. ε ὐ φ η μ ί α' σ τ ω] Brunck, рукописи: εὐφημι' ἔστω. Самъ Аристофанъ писалъ, вѣроятно, сполна: εὐφημία ἔστω (для Ach. 171

---

[1]) Слѣдующій Beer'у.

[2]) Единственнымъ основаніемъ для Фельзена и Беера служитъ, кажется, то, что Av. 864 сл. подобная ектенія, несомнѣнно, влагается въ уста іерея. Но тамъ совершается πομπή, долженствующая освятить вновь выстроенный городъ.

[3]) Τὰς πατρίους εὐχάς Aeschin. Tim. § 23. Ср. Dem. Aristocr. § 97. de Cor. § 282. Din. Aristag. § 14. 16. И въ присутствіи жрецовъ τὰς πατρίους εὐχάς καταλέγει ἱεροκῆρυξ: Hermias (de Naucratitis) ap. Athen. IV, p. 149 E. Ср. еще schol. Pind. Pyth. V, 92, приведенную ниже въ ст. 310 сл.

[4]) Ср. *Wilamowitz-Möllendorff*, Aritoteles und Athen, II, 352. Подобнымъ образомъ Herond. mim. IV, 82. 85 произносится не женщинами, для которыхъ совершается молитва, а неокоромъ, который ее для нихъ совершаетъ.

рукописи комика даютъ: διοσημί' ἐστί, а Suid.: διοσημία ἐστί). Такъ какъ долгая гласная (кромѣ дифтонга αι въ глагольныхъ окончаніяхъ и иногда дифтонга οι) елидироваться не можетъ, то нужно допустить ἀφαίρεσις, т. е. такое произношеніе заразъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ, при которомъ преобладаетъ звукъ перваго гласнаго: εὐφημία' στω.—τοῖν Θεσμοφόροιν [1])] см. прим. къ ст. 285.

Ст. 297. Πλούτωνι [2])] супругу Персефоны.—Καλλιγενείᾳ] божество сродное Деметрѣ и вмѣстѣ съ нею почитавшееся, первоначально, вѣроятно, сама Деметра какъ мать прекраснаго дитяти (Κόρη) и какъ богиня, подающая прекрасный приплодъ и полямъ и людямъ. Τὰ Καλλιγένεια назывался послѣдній день праздника Ѳесмофорій.

Ст. 299. τῇ Κουροτρόφῳ] эпитетъ κουροτρόφος „дѣтопитательница" усвоялся различнымъ богинямъ. Въ Аттикѣ онъ соединялся и съ именемъ Δημήτηρ; но тамъ же ἡ Κουροτρόφος почиталась и какъ богиня отдѣльная отъ Деметры, но тожественная съ Землею (Γῇ) [3]).—Χάρισιν] въ Аттикѣ почитали двухъ „Харитъ"; судя по имени одной изъ нихъ (Αὐξώ) [4]), онѣ ставились въ отношеніе къ изобилію плодовъ земныхъ, какъ и Деметра. Въ Аттикѣ же, на праздникѣ Елевсиній, Хариты чествовались жертвою вмѣстѣ съ Гермесомъ [5]). Есть показаніе, что ихъ почитаніе соединялось въ Аѳинахъ и съ почитаніемъ Каллигенейи [6]).

Ст. 302. πόλει τῇ Ἀθηναίων] τῇ πόλει Meineke. At, ut omnino in hac supplicationis formulae perquam antiquae παρῳδίᾳ colorem orationis antiquae nemo non sentient, ita hic conferri possunt Thucydidea: ἐς γῆν τὴν Πλαταιῶν II, 71, 2, γῆν Πλαταιίδα II, 74, 3.

Ст. 305. ἡμῖν αὐταῖς (ср. ст. 310 ὑμῖν αὐταῖς] R; G въ обоихъ

---

[1]) Такъ Meineke; рукописи: ταῖν Θεσμοφόροιν. Догадку Velsen'а о томъ, что слова τῇ Δήμητρι καὶ τῇ Κόρῃ, слѣдующія за Θεσμοφόροιν, подложны, раздѣляетъ и *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Стили, 59, [а также Leeuwen].

[2]) Fritsche: „Schol. Rav. ὡς ἀνδρὶ τῆς Περσεφόνης. Is igitur legit aut legere sibi visus est, καὶ τῷ Πλούτωνι". Что Πλούτωνι слѣдуетъ принять въ текстъ, замѣтилъ Enger, принялъ Velsen, Ѳ. Ф. Зѣлинскій (Стили, l. l.) и др. О существенномъ различіи божествъ Πλοῦτος и Πλούτων см. *Fritsche* ad h. l.

[3]) Это отожествленіе и здѣсь выражено очевидной глоссемой: τῇ Γῇ. Ее узналъ Dobree, не имѣя еще въ своемъ текстѣ schol. Rav. Правдоподобна догадка Velsen'а (см. Schol.), что этой глоссемой вытѣснены изъ текста слова καὶ τῷ Διί.

[4]) Другая носила имя Ἡγεμόνη.

[5]) *Roscher*, Myth. Lex. I, 878, 19. 33 сл. 876, 31 сл.

[6]) ΧΑΡΙΤΩΝ ΚΑΙ ΚΑΛΛΙΓΕΝΙΑ (?) надписи въ *Sitzungsber. d Berl. Akad.* XXXV (1888), 873.

случахъ ἡμῖν. Но, вѣроятно, въ первомъ случаѣ, въ противоположность аѳинскому народу, разумѣются всѣ женщины вообще, въ число которыхъ включаетъ себя и говорящая, во второмъ—каждая отдѣльная женщина, въ противоположность ихъ общему дѣлу.—τὴν δρῶσαν καὶ ἀγορεύουσαν] [1]) „ту, которая въ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ сообразуется съ тѣмъ, что всего полезнѣе".

Ст. 310. εὔχεσθε... τἀγαθά] εὔχεσθαι τἀγαθά [2]) или καλά [3]), или πολλὰ κἀγαθά [4])—обычныя формулы греческой молитвы.

Ст. 311. ἰὴ παιών] мнѣніе тѣхъ, которые думали, что ἰὴ παιών нужно писать не трижды, а дважды (изъ мѣстъ, приведенныхъ у Fritsche, особенно важно Овидіевское) [5]), теперь, по колляціи Velsen'a, подтверждается и авторитетомъ Равеннской рукописи.

Ст. 312. сл. δεχόμεθα... λιτόμεθα] поправка О. Германа [6]); δεχόμεθα=„принимаемъ это благожеланіе (χαίρωμεν)" [7]).

Ст. 313. ἐπ' εὐχαῖς] „во время молитвы", думаетъ Sobolewski, De praep. usu Arist. 151. Но и это значеніе, если бы оно и было доказано, было бы здѣсь некстати: ἐπ' εὐχαῖς получитъ полный смыслъ, если въ ст. 314 читать χαρέντας ἐπιφανῆναι [8]).

Ст. 318. πόλιν]=τὴν ἀκρόπολιν [9]).

Ст. 319. περιμάχητον] аѳинянамъ нѣсколько разъ приходилось воевать за акрополь съ людьми, стремившимися къ тиранніи. Чтобы захватить власть надъ Аѳинами въ свои руки, нѣкогда Килонъ занялъ акрополь [10]). Позднѣе для той же цѣли занялъ акрополь Исагоръ и вмѣстѣ съ нимъ поддерживавшій его царь спартанскій Клео-

---

[1]) Рукописи: τὴν δρῶσαν τὴν ἀγορεύουσαν. Вмѣсто ненужнаго второго τὴν слѣдуетъ возстановить необходимое καί. Ср. [Demosth.] Aristog. II § 21: τοῦτον ὡς πράττοντα καὶ λέγοντα μὴ τὰ ἄριστα τῷ δήμῳ. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Стилц, 60_4: „конъектура Гельбига ὁρῶσαν (Fl. Ib. 83. 537) лишняя; ср. Lys. 1047: οὐ παρασκευαζόμεσθα... φλαῦρον εἰπεῖν οὐδὲ ἕν, ἀλλὰ πολὺ τοὔμπαλιν πάντ' ἀγαθὰ καὶ λέγειν καὶ δρᾶν".

[2]) Параллели собралъ *Blaydes* въ adn. crit. ad h. l.

[3]) Schol. Pind. Pyth. V, 92: ἤκουσαν κήρυκός τινος λέγοντος (въ Ѳивахъ)· εὐχόμεθα (εὐχώμεθα?) καλὰ τοῖς Αἰγείδαις.

[4]) Къ цитатамъ Blaydes'a прибавь Antiphan. Com. fr. III, p. 89 *Mein.* [=II, p. 77, fr. 163 *Kock*].

[5]) Не совсѣмъ походитъ изображеніе молитвы въ 4-мъ мимѣ Геронда.

[6]) Рукописи: δεχόμεσθα... λιτόμεσθα.

[7]) Иначе *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, l. l. 60.

[8]) Догадку предложилъ Halbertsma, защищаетъ Blaydes.

[9]) Ср. Lys. 245. 266 и др.

[10]) См. Eq. 445 и schol.

менъ. Въ комедіи „Лисистрата“, поставленной въ томъ же году, какъ „Ѳесмофоріи“, мужской хоръ съ гордостью вспоминаетъ [1]) о томъ, какъ аѳиняне настойчивой осадой заставили Клеомена съ позоромъ покинуть захваченный акрополь.

Ст. 321. До ст. 326 включительно сказуемымъ остается ἐλθὲ ст. 319. Поэтому точки послѣ δεῦρο въ этомъ послѣднемъ стихѣ и послѣ ἔρως въ ст. 321 должны быть устранены.

Ст. 324. οἰστροδόνητον] извѣстно, что слово οἶστρος (оводъ) въ переносномъ смыслѣ употребляется, между прочимъ, о неистовствѣ любовной страсти. Полагаютъ [2]), что это значеніе основа οἰστρο—и здѣсь имѣетъ, что поэтъ представляетъ себѣ такую картину: въ морской глубинѣ (μυχός) неистово, безпокойно носятся, колебля, волнуя ее, стаи рыбъ, гонимыхъ половымъ инстинктомъ, во время течки или метанья икры. Скорѣе всего поэтъ могъ думать о стаяхъ тунцовъ, въ это время огромными массами движущихся по морю въ томъ или другомъ направленіи.

Ст. 329. τελέως] ср. ст. 352 сл.

Ст. 327—329. χρυσέα... φόρμιγξ] золотая форминга принадлежитъ Аполлону. Какъ всѣ вообще боги должны возрадоваться (ст. 314) молитвамъ аѳинянокъ, такъ богъ, властитель золотой лиры (ст. 315), долженъ выразить свое благоволеніе, свою радость въ звукахъ своей лиры [3]).

Ст. 330. Въ рукописяхъ ст. 312—330 даются одному и тому же коллективному исполнителю—хору. Фельзенъ распредѣлилъ эту хоровую партію такъ: первые три стиха далъ одному изъ полухорій, а остальные цѣлому хору. Но женщина-глашатай словами εὔχεσθε καὶ ὑμῖν αὐταῖς (ст. 295. 309) обращалась, конечно, не къ половинѣ, а къ цѣлому собранію; на такое обращеніе и отвѣчать долженъ цѣлый хоръ, а не полухоріе. Другія возраженія противъ Фельзеновскаго распредѣленія будутъ указаны по поводу ст. 352—371 [4]).

Ст. 331—371. Предъ началомъ женскаго вѣча глашатай и хоръ произносятъ проклятія, въ которыхъ пародируются проклятія, какія

---

[1]) Ст. 273 и schol.

[2]) *Wilamowitz-Möllendorff*, Aristoteles und Athen, II, 354.

[3]) Такъ приблизительно *Wilamowitz-Möllendorff*, Aristoteles und Athen, II, 354.

[4]) Совершенно по своему устраиваетъ распредѣленіе и порядокъ партій ст. 295—371 *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Стили, 59 сл. [Къ ст. 312—330 въ рукописи П. В—ча дается схема метрическихъ размѣровъ].

въ дѣйствительности произносились глашатаемъ предъ открытіемъ засѣданій аѳинскаго вѣча и аѳинской государственной думы [1]).

Ст. 338. τυραννεῖν ἐπινοεῖ] есть показаніе, что такого рода пунктъ былъ и въ томъ проклятіи, которое произносилось на аѳинскомъ вѣчѣ [2]).

Ст. 343. ἐξαπατᾷ] ср. ст. 347. Въ проклятіи на вѣчѣ аѳинскомъ проклинался тотъ, кто обманываетъ думу, народъ или геліею [3]).

Ст. 345 сл. ἢ δῶρα... δέχεται] въ томъ проклятіи, которое произносилось предъ засѣданіемъ аѳинскаго вѣча, проклинались тѣ, которые, принимая дары, говорили о государственныхъ дѣлахъ противно своему убѣжденію [4]).

Ст. 349. κακῶς... κῴκίαν] подлинныя выраженія того проклятія, которое произносилось на вѣчѣ аѳинскомъ, были, повидимому: ἐξώλη εἶναι (или ἀπολέσθαι?) αὐτὸν καὶ γένος καὶ οἰκίαν [5]).

Ст. 351. πολλά... κἀγαθά] о постоянствѣ этого сочетанія въ греческихъ молитвахъ и клятвахъ см. Westermann ad Demosth. LIV, 41.

Ст. 352—371. Въ рукописяхъ всѣ эти стихи усвояются хору. Напрасно Фельзенъ далъ первые три стиха полухорію: 1) женщина-глашатай обращалась (ст. 350 сл. ὑμῖν... πάσαις) къ цѣлому собранію, и отвѣчать ей долженъ цѣлый хоръ; 2) ст. 355 сл. продолжаютъ грамматическую конструкцію, начатую въ ст. 352—354, слѣдовательно, должны быть произносимы тѣмъ же исполнителемъ, которымъ произносятся эти послѣднія. Группа ст. 352—354, по смыслу, соотвѣтствуетъ группѣ ст. 311—314; та и другая, служа отвѣтомъ на обращеніе женщины - глашатая, составляютъ начало хоровой пѣсни. Онѣ антистрофически соотвѣтствуютъ другъ другу и по размѣру,

---

[1]) Demosth. XIX, 70.

[2]) Demosth. XX, 107.

[3]) Demosth. XVIII, 282: τίς ὁ τὴν πόλιν ἐξαπατῶν; οὐχ ὁ μὴ λέγων ἃ φρονεῖ; τῷ δ' ὁ κῆρυξ καταρᾶται δικαίως; οὐ τῷ τοιούτῳ; XXIII, 97: εἴ τις ἐξαπατᾷ λέγων ἢ βουλὴν ἢ δῆμον ἢ τὴν ἡλιαίαν. Dinarch. κ. Δημοσθ. 47: κατάρατος δὲ καθ' ἑκάστην ἐκκλησίαν γενόμενος, ἐξεληλεγμένος <μὲν> δῶρα κατὰ τῆς πόλεως εἰληφώς, ἐξηπατηκὼς δὲ καὶ τὸν δῆμον καὶ τὴν βουλὴν παρὰ τὴν ἀράν, καὶ ἕτερα μὲν λέγων ἕτερα δὲ φρονῶν.

[4]) Dinarch. κατ' Ἀριστογ. 16: πῶς οὖν ἐκεῖναι (sc. οἱ πρῶτοι νομοθέται) περὶ τούτων ἐγίγνωσκον; πρῶτον μὲν καθ' ἑκάστην <ἐκκλησίαν> δημοσίᾳ κατὰ τῶν πονηρῶν ἀρὰς ποιούμενοι, εἴ τις δῶρα λαμβάνων μὴ ταὐτὰ λέγει καὶ γιγνώσκει περὶ τῶν πραγμάτων, ἐξώλη τοῦτον εἶναι.

[5]) См. Demosth. XIX, 71. Dinarch. in Aristog. 16 ἐξώλης ἀπολοίμην Demosth. LIV, 41.

должны соотвѣтствовать и по способу исполненія: если ст. 352—354 исполняются цѣлымъ хоромъ, то имъ же должны исполняться и ст. 311—314 [1]).

Ст. 352 сл. ξυνευχόμεσθα τέλεα... τέλεα] ξυνευχόμεσθα τέλεια... τέλεια желалъ читать Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Стили, 60.

Ст. 355. τὰ δ' ἄρισθ'... λεγούσαις] конъектуры къ этому мѣсту у Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Стили, 605.

Ст. 358 сл. παραβαίνουσι... νενομισμένους] и въ томъ проклятіи, которое произносилось на аѳинскомъ вѣчѣ, проклинались, какъ кажется, клятвопреступники [2]).

Ст. 365 сл. Въ рукописяхъ читается: ἢ μήδους ἐπάγουσι τῆς χώρας οὕνεκ ἐπὶ βλάβῃ, что̀ не имѣетъ смысла. Возможно, что слова τῆς χώρας явились какъ вставка. Объясненія къ словамъ ἐπὶ βλάβῃ и вытѣснили собою первоначальное чтеніе γῇ κερδῶν [3]), т. е. что два стиха читались такъ:

ἢ Μήδους ἐπάγουσι γῇ
κερδῶν εἵνεκ' ἐπὶ βλάβῃ.

Ст. 367. Рукописное чтеніе ἀσεβοῦσιν ἀδικοῦσιν τε τὴν πόλιν прозаично по формѣ и слишкомъ слабо по смыслу. Можетъ быть, это— дополненіе, явившееся послѣ того, какъ утраченъ, пропущенъ былъ стихъ, необходимый для заключенія предложенія, начатаго словами ὁπόσαι δ' (ст. 356). Какъ замѣчено другими [4]), въ заключеніи ожидалось бы проклятіе, равносильное обычному въ такихъ случаяхъ: ἐξώλεις εἶεν αὐτοὶ καὶ γένος τὸ κείνων и т. п. [Ср. Leeuwen: „Numeris haec carent neque decurrit sententia... requiri videntur quae pedestri sermone indicabo: κακῶς ἀπολέσθαι ἀσεβούσας καὶ τὴν πόλιν ἀδικούσας]“. [Къ ст. 352—371 въ рукописи П. В—ча дается метрическая схема].

Ст. 389. ἐπισμῇ] въ собственномъ смыслѣ „натирать какимъ-нибудь веществомъ“; здѣсь въ переносномъ смыслѣ „грязнить, позо-

---

[1]) Ср. *Wilamowitz-Möllendorff*, Aristoteles und Athen, II 352 сл.; тамъ же, 353, выставляется положеніе: антистрофическое соотвѣтствіе начальныхъ частей двухъ пѣсенъ (при отсутствіи соотвѣтствія другихъ частей) есть явленіе исходное для комедіи. Свои предположенія объ этой теоріи *Ѳ. Ф. Зѣлинскій* излагалъ въ „Синтагмахъ“, 148 и въ „Стиляхъ“, 60 сл.

[2]) Dinarch. κ. Δημοσθ. 46 сл.: ἁπάσαις ταῖς ἐν τῇ πόλει γιγνομέναις ἔνοχος καθέστηκεν, ἐπιωρκηκὼς μὲν τὰς σεμνὰς θεὰς ἐν 'Αρείῳ πάγῳ καὶ τοὺς ἄλλους θεοὺς οὓς ἐκεῖ διόμνυσθαι νόμιμόν ἐστι.

[3]) Такъ v. Velsen; иначе *Wilamowitz-Möllendorff*, Aristoteles und Athen, II, 355.

[4]) *Wilamowitz-Möllendorff*, l. l.

рить какое-нибудь лицо, приписывая ему что-либо дурное". Такъ какъ, по смыслу, ἐπισμῆν τι τῶν κακῶν=λέγειν или ποιεῖν κακά, то, вмѣсто ожидаемаго [1]) въ зависимости отъ глагола сложнаго съ ἐπι— дательнаго ἡμῖν мыслимъ, и винительный ἡμᾶς, [какъ читается и въ R].

Ст. 403. τῷ κατέαγεν] „для кого разбитъ?" „для кого", т. е. на память о комъ. Этотъ и слѣдующій стихъ представляютъ пародіи на стихи утраченной [2]) Еврипидовской трагедіи Σθενέβοια:

πεσὸν δέ νιν λέληθεν οὐδὲν ἐκ χερός,
ἀλλ' εὐθὺς αὐδᾷ τῷ Κορινθίῳ ξένῳ.

Сюжетъ трагедіи разсказываютъ приблизительно такъ: коринѳскій царевичъ Βελλεροφόντης, вынужденный бѣжать изъ Коринѳа, находитъ пріютъ у Пройта (Προίτης), царя Тиринѳскаго. Жена царя Σθενέβοια влюбляется въ пришельца; не встрѣтивъ у него отвѣта своей страсти, она обвиняетъ предъ мужемъ Беллерофонта въ покушеніи на ея цѣломудріе. Пройтъ посылаетъ Беллерофонта къ Ликійскому царю Іобату съ письмомъ, въ которомъ поручаетъ тому убить подателя письма. Іобатъ посылаетъ Беллерофонта на борьбу съ Химерой. Приведенные стихи изображаютъ душевное состояніе влюбленной Сѳенебои въ то время, когда Беллерофонтъ былъ отправленъ къ Іобату, какъ она думала, на вѣрную смерть. У грековъ былъ обычай посвящать умершимъ крупицы пищи, падавшія со стола на земь. Такъ и Сѳенебоя, не перестававшая любить Беллерофонта, думая о немъ, какъ объ умершемъ, его памяти посвящала все, что падало изъ ея рукъ. Въ нѣкоторыхъ свидѣтельствахъ [3]) предѣлы примѣненія этого обычая распространяются: онъ является выраженіемъ благожеланія и для живыхъ; тогда, напримѣръ, роняли нѣсколько капель вина, приговаривая τῷ δεῖνα τοῦτ' ἔστω.

Ст. 413. δέσποινα... γυνή] стихъ изъ трагедіи Еврипида Φοῖνιξ [4]).

Ст. 414—417. Чтобы обосновать эту шутку Аристофана надъ пошлымъ, по его мнѣнію, реализмомъ Еврипидовой трагедіи, толкователи (Fritsche) указывали на Еврипидову „Данаю". Это указаніе было бы очень важно, если бы, подобно Фриче, можно было вѣрить, что византіецъ, сложившій „Данаю" codicis Palatini № 287 (fr. 1132 N²), читалъ подлинную „Данаю" Еврипида: такъ въ ст. 58 этой византійской „Данаи" читается:

---

[1]) И возстановляемаго здѣсь Brunck'омъ и Blaydes'омъ.
[2]) Fr. 664 N².
[3]) Матеріалъ собранъ у Blaydes'a.
[4]) Fr. 804, 3 N².

πατὴρ δέ μιν κλήσας
ἐν παρθενῶσι σφραγῖσι δέμας φυλάσσει.

Но это предположеніе, по моему, невозможно въ виду той, чуждой Еврипидовской техникѣ, бѣдности персонала этой трагедіи, какая оказывается изъ приложеннаго въ кодексѣ списка дѣйствующихъ лицъ: Ἑρμῆς. Δανάη. τροφός. Ἀκρίσιος. ἄγγελος. χορός. Ἀθηνᾶ. Остается ссылаться на отрывокъ (fr. 320 N²) подлинной Еврипидовской „Данаи“:

οὐκ ἔστιν οὔτε τεῖχος οὔτε χρήματα
οὔτ' ἄλλο δυσφύλακτον οὐδὲν ὡς γυνή.

Но въ этомъ фрагментѣ нѣтъ ни слова о *печатяхъ*, которыя Фриче кажутся всего важнѣе. Что въ „Данаѣ“ были собаки, тотъ же толкователь заключаетъ съ нѣкоторымъ правомъ изъ Hor. Carm. III, 16 init.:

Inclusam Danaen turris ahenea
Robustaeque fores et vigilum canum
Tristes excubiae munierant satis
Nocturnis ab adulteris,
Si non и т. д.

Берглеръ относитъ насмѣшку Аристофана къ „Андромахѣ“, и я не вижу, почему такъ вооружается противъ этого мнѣнія Фриче. Хронологически оно совершенно возможно, такъ какъ Андромаха, по мнѣнію древнихъ толкователей, написана была въ началѣ Пелопоннесской войны. А въ этой трагедіи, именно къ мужьямъ обращены стихи Герміоны (950 сл.):

πρὸς τάδ' εὖ φυλάσσετε
κλῄθροισι καὶ μοχλοῖσι δωμάτων πύλας·
ὑγιὲς γὰρ οὐδὲν αἱ θύραθεν εἴσοδοι
δρῶσιν γυναικῶν, ἀλλὰ πολλὰ καὶ κακά,

которые своимъ страннымъ паѳосомъ могли вызвать насмѣшку комика. Что касается „печатей“, то Bakhuyzen (De parodia in comoediis Aristophanis, Traiecti ad Rh. 1877) удачно сопоставилъ [1]) фрагментъ, съ большой степенью вѣроятности, приписываемый Meineke Еврипиду (fr. 1063 N²):

ὅστις δὲ μοχλοῖς καὶ διὰ σφραγισμάτων
σῴζει δάμαρτα, δρᾶν τι δὴ δοκῶν σοφὸν
μάταιός ἐστι καὶ φρονῶν οὐδὲν φρονεῖ.

---

[1]) Это сдѣлалъ уже, впрочемъ, Enger.

Здѣсь, конечно, даются наставленія совершенно противоположныя тѣмъ, какія, по словамъ Аристофана, онъ давалъ аѳинскимъ мужьямъ. Но для комика это не важно: онъ осмѣиваетъ Еврипидовскую трагедію за то, что она вообще спускается до разсужденій о такихъ мелочахъ жизни.

Ст. 416 сл. Μολοττικούς... κύνας] если въ „Данаѣ“ и не было рѣчи о собакахъ, то Аристофанъ могъ воспользоваться здѣсь „Ипполитомъ“, гдѣ опять казался смѣшнымъ преувеличенный паѳосъ, съ которымъ говорится о необходимости держать женщинъ въ строгомъ одиночествѣ (ст. 645 сл.):

χρῆν δ' εἰς γυναῖκα πρόσπολον μὲν οὐ περᾶν,
ἄφθογγα δ' αὐταῖς συγκατοικίζειν δάκη
θηρῶν, ἵν' εἶχον μήτε προσφωνεῖν τινα
μήτ' ἐξ ἐκείνων φθέγμα δέξασθαι πάλιν.

Ст. 419. ταμιεύεσθαι] ταμιεύειν значитъ быть казначеемъ (ταμίας) или экономкой (ταμία), завѣдывать полученіемъ, храненіемъ и выдачей денегъ или припасовъ. Средній залогъ глагола у Аристофана болѣе не встрѣчается, а у другихъ писателей употребляется иногда въ смыслѣ „выдавать что-нибудь изъ запаса“. — προαιρούσαις] προαιρεῖν значитъ „брать изъ кладовой“, по объясненію схоліаста ἐκ τοῦ ταμείου λαβεῖν, слѣдовательно сочетаніе προαιρούσαις λαβεῖν представляетъ невозможную тавтологію, а сверхъ того непонятно и безсоюзное сопоставленіе двухъ неопредѣленныхъ ταμιεύεσθαι — λαβεῖν. Издатели обыкновенно принимаютъ конъектуру Скалигера ταμιεῦσαι καὶ προαιρούσαις λαθεῖν. Понятно, что λαβεῖν могло попасть въ текстъ изъ схолія. Но вмѣсто ταμιεῦσαι καὶ можно предполагать и ταμιευούσαις. [Leeuwen, слѣдуя конъектурѣ Dobree, читаетъ: ταμιευούσαις, προαιρούσας].

Ст. 420. ἄλφιτον] „ячменная мука“. Единственное число иногда употребляется у Гомера, но обыкновенно уже у него и постоянно въ позднѣйшее время множественное. Поэтому здѣсь Meineke вмѣсто рукописнаго ἄλφιτον, ἔλαιον читаетъ: ἔλαιον, ἄλφιτ'. [То же и Leeuwen].

Ст. 421 сл. κληδία... κρυπτά] „ключи секретные“, т. е. такіе, которыхъ устройство непонятно для постороннихъ, которыми отпирать поэтому не всякій можетъ. Такъ теперь объясняютъ соотвѣтствующее выраженіе Hom. Il. XIV, 170: κληῖδι κρυπτῇ, τὴν δ' οὐ θεὸς ἄλλος ἀνῷγεν. Имѣетъ нѣкоторое съ этимъ сходство употребленіе слова

κρυπτός въ такихъ сочетаніяхъ, какъ Soph. Phil. 1112: ἀλλά μοι ἄσκοπα κρυπτά τ' ἔπη δολερᾶς ὑπέδυ φρενός.

Ст. 423. Λακωνίκ' ἄττα] судя по этому мѣсту, во время представленія „Ѳесмофорій“ новинкой были въ Аѳинахъ „лаконскіе ключи“. Обыкновенный греческій ключъ имѣлъ очень простое устройство, представляя палку, изогнутую въ видѣ буквы Г, съ прикрѣпленною къ верхнему короткому концу рукоятью: вогнувъ длинный конецъ этой палки въ отверстіе двери, отодвигали дверной засовъ. Лаконскіе ключи и соотвѣтствовавшіе имъ замки были гораздо сложнѣе: въ замкѣ было нѣсколько язычковъ (βάλανοι), опускавшихся при закрываніи въ соотвѣтствовавшія имъ углубленія дверного засова; для отпиранія ключъ съ такимъ же числомъ бороздокъ (γόμφιοι) всовывался въ полость засова и приподнималъ язычки [1]).

Ст. 426. φκότριψ] Blaydes считаетъ еще нужнымъ приводить объясненіе Bergler'a: „hoc loco active, *pernicies domuum*, ὁ ἐπιτρίβων τοὺς οἴκους“. Но если бы такое значеніе когда-нибудь и соединялось съ этимъ словомъ, то въ этомъ мѣстѣ оно было бы неумѣстно. Еврипидъ, научившій аѳинянъ такъ хорошо оберегать хозяйственные припасы, могъ быть названъ *гибелью для женщинъ*, но никакъ не гибелью для дома, для хозяйства. Напротивъ, такая, неприличная поэту, заботливость о мелочахъ обыденной жизни, могла навлечь на него названіе „рабъ“. Но едва ли можно согласиться съ Fritsche и Enger'омъ, что Еврипидъ называется рабомъ οἰκότριψ, потому что „neminem melius, quam vernam, quomodo res domesticae administrari debeant, cognitum habere“. Раздраженная женщина просто даетъ самое позорное прозвище, какое только можетъ найти: какъ у римлянъ verna, такъ у грековъ οἰκότριψ [2]) считался самымъ худшимъ сортомъ рабовъ. Хотя въ анекдотахъ о знаменитостяхъ трудно отличить черты дѣйствительности отъ выдумокъ, однако, въ виду этого отзыва Аристофана, можетъ быть, слѣдуетъ придавать нѣкоторое значеніе слѣдующему анекдоту (Exc. ex cod. ms Florentino Parallelorum sacrorum Io. Damasceni II, 30, 10 [Stob. Floril. IV, p. 240 Meineke]):

---

[1]) *Diels*, Parmenides Lehrgedicht, Berlin 1897, 141. По объясненію современниковъ Аристофана, такіе хитрые ключи были придуманы лаконцами изъ недовѣрія къ вороватымъ ихъ рабамъ—илотамъ. См. Critias у *Blass*, Die attische Beredsamkeit, I^{I}, 262_3 [I^2, 269_4 = *Diels*, Fragmente der Vorsokratiker[3], (Berlin 1912), II, p. 324, 37].

[2]) Ср. [Demosth.] XIII, 24: νῦν δ' ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, φθόρους ἀνθρώπους οἰκοτρίβων οἰκότριβας... ποιεῖσθε πολίτας.

Εὐριπίδης ὁ ποιητής, ἐπεὶ ὀψωνοῦντος αὐτοῦ ἐπελάβετό τις λέγων ὅτι Σοφοκλῆς τοῦτο διὰ δούλου ποιεῖ „τοιγαροῦν", ἔφη, „Σοφοκλῆς ἐσθίει ὄψον ὁποῖον τῷ οἰκέτῃ αὐτοῦ ἀρέσκει, ἐγὼ δ' ὁποῖον ἂν ἐμοί".

Ст. 431. τοῦτ' ἐγὼ φανερῶς λέγω] Цѣль догадки Velsen'a, принятой имъ въ текстъ: ταῦτ' ἔχω φανερῶς λέγειν, для меня непонятна.

Ст. 432. τὰ δ' ἄλλα] т. е., я думаю, болѣе точныя опредѣленія тѣхъ страшныхъ средствъ мести, которыя должны быть употреблены противъ Еврипида.

Ст. 438. πυκνῶς... ἀνεῦρεν] vix πυκνῶς apte cum ἀνεῦρεν iungi potest (quod et ipsum, cum διεζητημένους sequatur, tautologiae crimen non fugeret), aptissime iungi potest cum ἀνεῖρεν. Cf. Ach. 1006: τοὺς στεφάνους ἀνείρετε.

Ст. 439. πᾶν τ' ἐβάστασεν] ср. Polyb. VIII, 18, p. 583, 12 Bekk.: ἅτε Κρὴς ὑπάρχων καὶ φύσει ποικίλος, πᾶν ἐβάσταζε πρᾶγμα καὶ πᾶσαν ἐπίνοιαν ἐψηλάφα.

Ст. 440. μετ' αὐτὴν] neque παρ' αὐτῆς neque παρ' αὐτήν legi posse cum Bachmanno consentit Sobolewski, De praep. usu Arist. 227. Sed nescio an defendi possit ex locis talibus qualis est Pind. Pyth. IX, 50: πὰρ σοφὸν ἀντιφερίξαι „состязаться, мѣряться съ мудрецомъ".

Ст. 441. Ξενοκλέης] ср. ст. 169, О. 91 (415 г.) одержалъ побѣду надъ „троянской" тетралогіей Еврипида: Οἰδίποδι καὶ Λυκάονι καὶ Βάκχαις καὶ Ἀθάμαντι σατυρικῷ.

Ст. 442. ἄντικρυς] собственно „прямо", иногда „очевидно". Но ср. Eccl. 339: ταὐτὰ τοίνυν ἄντικρυς ἐμοὶ πέπονθας — „совершенно". — μηδὲν] ср. Xen. Symp. 4, 5: οἱ μάντεις λέγονται μὴ προορᾶν τὸ ἐπιόν.

Ст. 443. παρῆλθον] такое же техническое выраженіе народнаго собранія, какъ ἀνέστην. Demosth. IV, 1: πρῶτος ἀναστάς.

Ст. 446. ἐν Κύπρῳ] можно думать, что въ эти времена довольно много аѳинянъ служило въ войскѣ Евагора Кипрскаго [1]).

Ст. 452. οὐδ' εἰς ἥμισυ] „и въ половину". См. Sobolewski, De praep. usu Arist. 61.

Ст. 462. οἷα κἀστωμύλατο] „судя по тому, что̀ она наговорила". Krüger, I, 51, 13, 7: „οἷος und ὅσος substantivirt oder mit einem zugefügten Substantiv schliessen sich auch Sätzen, an die eine Thatsache enthalten wenn dieselben die Idee der Ueberlieferung (ein λογιζόμενος) entschliessen... Ἀπέκτaον τὴν ἐμαυτοῦ τύχην οἴοι ἀνδρὸς ἑταίρου ἐστερημένος εἴην". Уже не одно λογιζόμενος, а цѣлую фразу ὡς δοκεῖν δεῖ τῷ

---

[1]) *Bergk*, Griech. Literat. III, 558 $_{275}$.

λογιζομένῳ приходится дополнять здѣсь и въ тѣхъ примѣрахъ изъ Гомера, которые указываетъ Krüger, II, 51, 11, 5, αἵματος εἰς ἀγαθοῖο, φίλον τέκος, οἷ' ἀγορεύεις (Hom. δ 611) и т. п.

Ст. 465. περιφανῶς] можетъ значить не только *manifeste*, *aperte*, но и *insigniter*, *praeclare*, *splendide*. Plat. Men., p. 91 D: ὃς οὕτω περιφανῶς κατὰ ἔργα εἰργάζετο. Plut. V. Sertor. 21: πὰρ' ἡλικίαν ὑποστὰς καὶ περιφανῶς ἀγωνιζόμενος. Thesaur. Paris. [1]).

Ст. 467. τοιαῦτ' ἀκούσας κακά] слова эти не могутъ быть поняты иначе, чѣмъ соотвѣтствующее выраженіе ст. 388, и, не имѣя никакого отношенія къ ближайшей рѣчи („второй" женщины, ст. 443—458), относятся къ тому, что̀ сказано въ рѣчи „первой" женщины въ ст. 389—394. Это одинъ изъ признаковъ того, что, по первоначальному намѣренію автора, рѣчь „Мнесилоха" (ст. 466 сл.) должна была примыкать [2]) непосредственно къ ст. 442 [3]).

Ст. 487. καταχέασα τοῦ στροφέως] очевидно, изъ тѣхъ дверей, которыя со двора, гдѣ былъ κοπρών, вели на улицу.

Ст. 489. παρὰ τὸν 'Αγυιᾶ] „у Агійя". См. Sobolewski, De praep. usu Arist., 194.

Ст. 493. ὅλην] omittendum censet Sobolewski, De praep. usu Arist., 219 [4]).

Ст. 500. οἷόν γ' ὑπ' αὐγὰς ἐστιν] конъектура Bachmann'а [вмѣсто рукописнаго ὑπ' αὐγὰς οἷόν ἐστιν]; о ней см. Sobolewski, De praep. usu Arist., 220.

[Къ ст. 502 сл. см. замѣтку П. В—ча въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1886, февраль, отд. класс. филол. 59] [5]).

Ст. 505. τὸ δ' εἰσέφερε... τὸ παιδίον] ср. Herwerden, Hermes, XXIV, 626: structura, ni fallor, magis Homerica quam Attica aut certe Aristophanea. Quare praetulerim: τῇ δ' εἰσέφερε, scil. τῇ γυναικί". An potius ΤΟΤΕΔΕ, т. е. τότε δ'?

Ст. 510. χὠ μὲν γεγηθὼς ἔτρεχεν] Herwerden, Hermes, XXIV, 626, предлагаетъ ἀπέτρεχ'.

---

[1]) [Третій примѣръ изъ Plut. Mor. p. 162 [I, p. 398 *Bernard.*], приводимый П. В., приходится исключить, такъ какъ въ указ. м. Плутарха читается не περιφανῶς, а ἐπιφανῶς].

[2]) И, можетъ быть, при театральномъ исполненіи примыкала.

[3]) Ср. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Стихи, 139 сл.

[4]) [Къ словамъ ὅταν μάλισθ' въ рукописи П. В—ча длинная выписка изъ комментарія Fritsche].

[5]) [Къ περίετρεχ' ст. 504 въ рукописи П. В—ча длинная выписка изъ статьи *Herwerden*'а, *Hermes*, XXIV, 626].

Ст. 528—530. ὑπὸ λίθῳ... ἀθρεῖν] мысль о необходимости въ жизни постоянной осмотрительности, осторожности, даже подозрительности выражалась у грековъ пословицей, которой общій смыслъ былъ таковъ: „подъ каждымъ камнемъ нужно подозрѣвать скорпіона“, а подробности формы въ различныхъ цитатахъ являются различными. Пословица цитуется то, напримѣръ, такъ: ὑπὸ παντὶ λίθῳ σκορπίος [1]), то такъ [2]): ὑπὸ παντὶ λίθῳ σκορπίον, ὦ ἑταῖρε, φυλάσσεο. Здѣсь, примѣняя пословицу къ данному обстоятельству, комикъ преднамѣренно извращаетъ пословицу, неожиданно подставляя на мѣсто ожидаемаго слова σκορπίος слово ῥήτωρ. Такія преднамѣренныя извращенія пословицъ принадлежали къ числу орудій комической шутки, начиная уже, по крайней мѣрѣ, съ Кратина старшаго.

Ст. 531—573]. Ямбическіе каталектическіе тетраметры. Обыкновенно въ древней аттической комедіи этотъ размѣръ служитъ формой *агона* или *синтагмы*—ожесточеннаго пренія, спора между зачинщиками двухъ противоположныхъ мнѣній. Здѣсь партія, написанная этимъ размѣромъ, имѣетъ, до нѣкоторой степени, характеръ спорависпута и можетъ быть также названа агономъ [3]). Но этотъ агонъ отличается отъ преобладающаго типа комическихъ агоновъ тѣмъ, что значительная часть его написана обычнымъ размѣромъ діалога—триметрами; споръ, состязаніе между двумя противниками (1-й женщиной и „Мнесилохомъ“) началось уже ранѣе, ст. 383; оттого этому стиху предшествовали два ямбическихъ тетраметра хора, какъ обыкновенно они предшествуютъ агону.

Ст. 536. εἰ μὲν οὖν τίσις τις ἐστ' ἐν ἡμῖν]. Поправка Фельзена. Нѣкоторые [4]) защищаютъ рукописное чтеніе; εἰ μὲν οὖν τις ἐστὶν εἰ δὲ μὴ ἡμεῖς, объясняя смыслъ его такимъ приблизительно перифразомъ: εἰ μὲν οὖν τις ἔστιν τιμωρεῖσθαι αὐτὴν βουλομένη, εὖ ἔχει· εἰ δὲ μὴ и т. д.

Ст. 538. Ἀπατουρίων] праздникъ фратрій у аттиковъ и іонянъ. Въ Аттикѣ онъ совершался въ томъ же 4-мъ мѣсяцѣ [5]) аттическаго года, въ Піанепсіонѣ, какъ и Ѳесмофоріи. Онъ сопровождался много-

---

[1]) Zenob. VI, 20. Въ аттическомъ схоліи (Athen. XV, p. 695 D=23 B, за этими словами слѣдуютъ еще: ὦ ἑταῖρ', ὑποδύεται. φράζεο μή σε βάλῃ.

[2]) Въ схоліи, приписываемомъ Праксиллѣ. А въ Софокловомъ фрагментѣ 34 N²: ἐν παντὶ γάρ τοι σκορπίος φρουρεῖ λίθῳ.

[3]) См. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*, Синтагмы, 69. 155. 171. Стили, 99, 150.

[4]) См. *Sobolewski*, Syntax. Aristoph. 98 [Cp. Leeuwen ad h. l.].

[5]) Въ какіе дни мѣсяца, неизвѣстно.

численными жертвами и жертвенными пирами. Первый его день назывался δορπία или δορπεία (ужинъ): вечеромъ этого дня члены фратріи собирались для общаго пированья. Второй день носилъ названіе ἀνάρρυσις (приблизительно = „закланіе"): въ этотъ день закалались жертвы Зевсу, богу фратрій (Διὶ Φρατρίῳ), и Аѳинѣ. Третій день Κουρεῶτις: въ этотъ день заносились въ списки фратрій имена признанныхъ законными дѣтей членовъ фратріи. За каждаго ребенка отецъ долженъ былъ представить жертвенное животное; и каждый изъ φράτερες получалъ часть жертвеннаго мяса, которую могъ унести къ себѣ домой [1]).

Ст. 554. ἤδεις] hic et Nub. 329 in ᾔδεσθ' mutandum, ut ἐξῄδης Soph. Trach. 988 in ἐξῄδησθ' censet Nauck, Mél. gr. rom. III, 270 [2]).

Ст. 616. κάρδαμα] „крессъ", „настурцій", „рѣжуха"—одно изъ дико растущихъ [3]) растеній, употреблявшихся въ пищу греками и персами. Ему приписывалась способность задерживать въ человѣческомъ организмѣ выдѣленіе влаги (мочи, слюней, соплей).

Ст. 617. καρδαμίζεις] собств. „твердитъ κάρδαμα κάρδαμα".

Ст. 624. συσκηνήτρια] сожительница, подруга по шатру. Женщины располагались въ оградѣ храма богинь Ѳесмофоръ въ палаткахъ (ст. 658), потому что тамъ же, а не дома, и ночевали (ночь съ того дня, который назывался ἄνοδος, на тотъ, который назывался νηστεία, и, вѣроятно, съ этого второго дня на тотъ, который назывался καλλιγένεια).

Ст. 627. (βασανιῶ ταύτην) ἐκ τῶν ἱερῶν] ср. Sobolewski, De praep. usu Arist. 87.

Ст. 633. σκάφιον] сосудъ, или стулъ [4]) съ сосудомъ для естественныхъ надобностей женщинъ. — ἀμίς] сосудъ, употреблявшійся мужчиной для выпусканія мочи. На греческихъ попойкахъ ἀμίδες были всегда по близости пирующихъ и, по требованію того или другого изъ нихъ, тотчасъ подавались имъ стоящей около нихъ прислугой [5]), „Мнесилоху" требованіе пирующихъ „δὸς ἀμίδα" представляется при-

---

[1]) Demosth. XLIII, 83: τὴν μερίδα τῶν κρεῶν ᾤχετο λαβών.

[2]) [Къ ст. 558 въ рукописи П. В—ча выписка изъ *Sobolewski*, De praep. usu Arist. 82 и замѣтка: „*Herwerden*, *Hermes*. XXIV 624, legendum putat: οὐδ' αὖ κρέ' ἐξ 'Απατουρίων". Къ ст. 616 въ рукописи П. В—ча выписка изъ указ. статьи Herwerden'а, 626 сл.].

[3]) Schol. Nub. 234: εἶδος λαχάνου ἀγρίου.

[4]) См. Poll. X, 45.

[5]) *Daremberg-Saglio*, Dict. d. ant. s. v. ἀμίς.

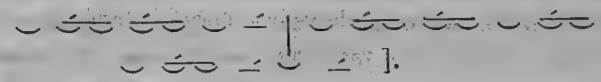
надлежностью обычнаго порядка попоекъ; напротивъ, требованіе „δὸς σκάφιον" представляется отступленіемъ отъ порядка, отступленіемъ, которое требуетъ мотивировки: οὐ γὰρ ἦν ἀμίς.

Ст. 651. εἰσεκύλισα] „вкатывать". Здѣсь εἰς οἶ'... πράγματα приблизительно значитъ „въ какія хлопоты я влопался".

Ст. 693. Ср. Sobolewski, De praep. usu Arist. 164.

Ст. 716. ξὺν ἀδίκοις ἔργοις] см. Sobolewski, De praep. usu Arist. 34 [1]).

[**Ст. 724 — 725** въ рукописяхъ читаются: ἐπὶ κακὸν ἑτερότροπον ἐπέχει τις τύχη. Изъ многочисленныхъ поправокъ (онѣ перечислены въ изданіи Blaydes'а) къ несомнѣнно испорченному чтенію рукописей отмѣтимъ: ἐφ' ἑτερότροπον ἄτην σ' ἐπέχει τύχη—Velsen, ἐπὶ κακὸν ἑτερότροπος σ' ἐπέχει τύχη — Blaydes, ἐπὶ κακὸν ἑτερότροπος ἐπέχει τύχη — Leeuwen, ἐπὶ κακὸν ἑτερότροπον ἐπέχει τύχη—Hall-Geldart. Г. Ф. Церетели, слѣдуя въ своемъ переводѣ чтенію Leeuwen'а, конструируетъ всю фразу такъ: τύχη ἑτερότροπος (=превратная судьба) τάχα ἐπέχει (=скоро надвинется) μεταβαλοῦσ' ἐπὶ κακόν (=повернувшейся тебѣ во вредъ). Размѣръ стиховъ—дохміи въ распущенной формѣ:

Ст. 736. Κἀκ παντὸς... πιεῖν] ἐκ παντός „omni modo". Sobolewski, De praep. usu Arist. 87 [2]).

Ст. 760. Μίκκα] testimoniis a Blaydesio in adn. crit. collectis adde Eustath. ad Il. p. 217, 24: Αἴλιος δὲ Διονύσιος φησὶν ὅτι ζμικρὸν καὶ μικρὸν οἱ Ἀττικοί, μικκὸν δὲ Ἴωνες.

Ст. 812. εἰς πόλιν] de articulo vocis πόλιν non addito v. Sobolewski, De praep. usu Arist. 5.

Ст. 833. ταξίαρχον] таксіархи—„полковники", командиры десяти полковъ (τάξεις или φυλαί), на которые, соотвѣтственно дѣленію народа на десять филъ, дѣлилась тяжелая аѳинская пѣхота.

Ст. 834. Στηνίοισι] Στήνια—первый день праздника Ѳесмофорій, понимался въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ этотъ день аѳинянки шли въ мѣстечко Галимунтъ, что на мысѣ Коліадѣ (близь Фалера).— Σκίροις] Σκίρα (или Σκιροφόρια)—праздникъ, совершавшійся 12 числа мѣсяца Скирофоріона въ честь Аѳины: составной частью празднества было торжественное шествіе, отправлявшееся отъ акрополя въ мѣст-

---

[1]) [Къ ст. 718 въ рукописи П. В—ча выписка изъ ук. ст. Herwerden'а, 627].

[2]) [Къ ст. 750 въ рукописи П. В—ча выписка изъ ук. ст. Herwerden'а, 627].

ность Σχίρον, находившуюся на священной дорогѣ изъ Аѳинъ въ Елевсинъ.

Ст. 838. σκάφιον] „чашка“ или „урыльникъ“ (см. ст. 633); здѣсь названіе такой стрижки волосъ, когда волосы остригались очень коротко, и только сзади или сбоку оставался чубъ. Такъ стриглись особенно бѣдные люди и рабы.

Ст. 846. ἰλλὸς... προσδοκῶν] кто слыхалъ когда-нибудь, спрашиваетъ Küster, что глаза могутъ сдѣлаться косыми отъ долгаго ожиданія? Но, возражаетъ Brunck, кто ожидаетъ появленія чего-нибудь или кого-нибудь, смотритъ въ ту сторону, откуда долженъ появиться ожидаемый предметъ или ожидаемое лицо; такъ-де и у Plaut. Men. V, 3, 6 читается: Lumbi sedendo, oculi exspectando dolent. Въ этихъ словахъ мы имѣемъ намекъ на то, какой жестикуляціей „Мнесилохъ“ сопровождалъ предшествовавшую пѣснь хора. — ὁ δ' οὐδέπω] т. е. φαίνεται или ἥκει.

Ст. 848. τὸν Παλαμήδην [1])] „своего Паламеда“. Ср. ст. 770: πόρον ἐκ τοῦ Παλαμήδους.—αἰσχύνεται] при αἰσχύνεσθαι въ винительномъ ставится не только лицо, предъ которымъ чувствуютъ стыдъ, но и качество, за которое стыдятся. Ср. Soph. O. R. 1079: τὴν δυσγένειαν τὴν ἐμὴν αἰσχύνεται.

Ст. 850. τὴν καινὴν Ἑλένην] schol. ὑπόγυον δεδιδαγμένην. „Паламедъ“ былъ поставленъ въ 415 г., „Елена“ (какъ видно изъ schol. ad v. 1012 coll. schol. Ran. 53) въ 412 г. Здѣсь „Елена“ особенно годилась потому, что, какъ здѣсь Еврипидъ посредствомъ хитрости долженъ исхитить своего родственника изъ рукъ стерегущихъ его, такъ въ Еврипидовой трагедіи Менелай посредствомъ хитрости спасаетъ свою супругу изъ рукъ египетскаго властителя.

Ст. 852. τί αὖ] „опять“; женщина можетъ имѣть въ виду или хитрость „Мнесилоха“, когда онъ похитилъ мѣхъ съ виномъ, или и его переодѣванье. Какъ видно изъ ст. 898, мы имѣли бы полное право предъ этимъ стихомъ поставить имя Κρίτυλλα вмѣсто неопредѣленнаго ΓΥ. Γ [2]). — κυκανᾷς] „мѣшаетъ, смѣшиваетъ“; ср. κορκανᾶν ст. 429. Κυρκανᾷς и здѣсь даютъ рукописи, а κυκανᾷς есть до-

[1]) Elmsley и Blaydes предлагаютъ Παλαμήδη, что эпиграфическими доводами обосновываетъ и *Wecklein*, Cur. epigr. [ad gramm. graecam et poetas scenicos pertinentes, Lipsiae, 1869], 24.

[2]) На это обратилъ вниманіе *Henr. Kruse* въ своихъ Quaestiones Aristophaneae (1874), ср. *v. Bamberg* въ *Bursian's Jahresber.* II, 463. Но уже давно (въ 1838 г.) обозначеніе Kritylla ввелъ въ свой переводъ Droysen.

гадка Küster'а. Другихъ мѣстъ, гдѣ бы встрѣчалась форма κυκανᾶν, я не знаю; а далѣе рукописи Аристофана даютъ ἤτι, рукопись Свиды частью καὶ, частью ἤ. Поэтому, я думаю, слѣдуетъ читать: τί αὖ σὺ κυρκανᾷς; τί κοικύλλεις ἔχων. Эту догадку Bentley и Reiske принялъ въ текстъ Blaydes [а также и Leeuwen].—Κοικύλλεις] значеніе было уже сомнительно для древнихъ толкователей. Schol. τὸ κοικύλλειν, φασίν, ἐπὶ τοῦ περιβλέπεσθαι δύναται καὶ ἐνθάδε [1]), βέλτιον δὲ ἐπὶ τοῦ κακοτεχνεῖν („обманно дѣйствовать"). То же сокращенно повторяетъ Suid. и Phot., а Hesych. даетъ и этимологію: κοικύλλειν· περιβλέπειν· κοῖλα (рукопись κῦλα) γὰρ τὰ ἐπάνω τῶν ὀφθαλμῶν, но онъ же припутываетъ еще новыя значенія: οἱ δὲ τὸ περιστρέφεσθαι καὶ διατρίβειν περιβλεπόμενον. ἄλλοι φθονεῖν. Ту же этимологію, вслѣдъ за Guyet'омъ и Fritsche, принимаетъ и Blaydes [а также и Leeuwen]: отъ κύλα-де произошло бы κύλλειν и затѣмъ съ удвоеніемъ κοικύλλειν, какъ μύλη, μύλλειν, μοιμύλλειν. Но 1) эта аналогія (предложенная Schneider'омъ въ его лексиконѣ) выбрана неудачно: μοιμύλλειν сходится съ μύλλειν не въ значеніи „молоть", а въ смыслѣ „сжимать губы", бормотать съ зажатыми зубами, такъ что, по всей вѣроятности, μοιμύλλειν и μύλλειν въ этомъ значеніи никакой связи съ μύλη не имѣютъ, а суть звукоподражанія; 2) κύλα, вопреки Гесихію, кажется, значило только ὑπώπια (cilium въ противоположность къ supercilium), углубленіе подъ глазами. А я не понимаю, какую роль можетъ играть эта часть лица при дѣйствіи τοῦ περιβλέπειν. Поэтому уже не можетъ помочь намъ и комическое прозвище, привлекаемое сюда, по примѣру другихъ, Фриче: Aelian. [V. H.] XIII, 15: φασὶ παχύτατον γενέσθαι τὴν διάνοιαν οἱ τῆς κωμῳδίας ποιηταὶ Πολύδωρόν τινα καὶ ἄλλον Κοικυλίωνα ὄνομα, ὅσπερ τὰ κύματα ἠρίθμει ὑπὸ τῆς ἄγαν ἀνοίας. Фриче разсуждаетъ: Nimirum Polydorus, ut fluctus numerare posset, circumspicere debuit, ab eoque ipso cognomen traxisse Κοικυλίων videtur. По моему, ужъ онъ скорѣе могъ бы быть названъ Κοικυλίων иронически въ смыслѣ „хитрецъ". Въ виду изложеннаго нельзя считать слишкомъ смѣлой догадку ποικίλλεις, которую напрасно Blaydes приписываетъ себѣ, а не Bergler'у.—ἔχων] „постоянно", „упорно". Ср. ст. 473.

Ст. 853. πικρὰν... τάχ'] „мы тебѣ покажемъ скоро такую Елену, что не возрадуешься". Blaydes. Ср. Av. 1468: πικρὰν τάχ' ὄψει στρεφο-

---

[1]) φασὶν ἐπὶ τοῦ περιβλέπειν τίθεσθαι ἔνθα καὶ ἔνθα — догадка Blaydes'а, совершенно невѣроятная и отчасти ненужная: περιβλέπεσθαι въ позднемъ языкѣ (уже у Поливія) употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ περιβλέπειν, напр., περιβλέπεσθαι τὸν ποιμένα.

δικοπανουργίαν. 1045: πικροὺς ἐγώ σοι τήμερον δείξω νόμους. fr. 491: πικρότατον οἶνον τήμερον πίει τάχα. Eur. Cycl. 589: οἴμοι, πικρότατον οἶνον ὄψομαι τάχα.—τάχα] въ соединеніи съ такими будущими, какъ εἴσομαι, δηλώσω (здѣсь ὄψει), и у аттиковъ часто имѣетъ значеніе „скоро".

Ст. 855 сл. Начало трагедіи „Елена". Публика узнавала пародію, безъ сомнѣнія, и потому, что комическое лицо, произнося стихъ изъ трагедіи, произносило его особенно зычнымъ голосомъ и высокопарнымъ тономъ, передразнивая трагическихъ актеровъ.—Καλλιπάρθενοι] струи, у береговъ которыхъ живутъ прекрасныя дѣвы, изъ которыхъ черпаютъ прекрасныя дѣвы. Но кто прославлялъ красоту дѣвъ Египта? G. H. Schäfer [въ изданіи комедій Аристофана, Lips. 1812] объясняетъ καλλιπάρθενοι такъ: καλαὶ καὶ καθαραί (напр. Aesch. Pers. 619). Фриче сопоставляетъ такія сложныя, которыхъ вторая часть является совсѣмъ поблѣднѣвшею въ употребленіи трагиковъ, напр. Δίπτυχοι—Διόσκοροι, τρίζυγοι θεαί. Не дѣлаетъ ли при этихъ словахъ κηδεστής непристойнаго указанія на извѣстную часть тѣла Критиллы? и не этимъ ли вызвано ея восклицаніе: πανοῦργος εἶ?

Ст. 856. δίας ψακάδος] „божьяго росистаго (мягкаго) дождя".

Ст. 857 у Еврипида читается такъ: λευκῆς τακείσης χιόνος ὑγραίνει γύας.—μελανοσυρμαίων] schol.: μέλανα καὶ συρμαϊζόμενον. ἡ δὲ συρμαία κρίθινόν ἐστι πότημα [1]). Это было врачебное средство, употреблявшееся въ качествѣ слабительнаго. Геродотъ (II, 77) показываетъ, что египтяне часто (три дня подъ-рядъ въ каждомъ мѣсяцѣ) пользовались этимъ лекарствомъ. Туда же относится Рас. 1253:

πώλει βαδίζων αὐτὰ τοῖς Αἰγυπτίοις·
ἔστιν γὰρ ἐπιτήδεια συρμαίαν μετρεῖν.

По Enger'у, λευκῆς нужно соединять съ Αἰγύπτου (ст. 856); но какой это давало бы смыслъ? Λευκῆς совершенно понятно въ Еврипидовомъ оригиналѣ, но къ чему оно можетъ быть отнесено въ Аристофановой пародіи [2])? По моему, такъ какъ λεών не можетъ быть при-

[1]) Фриче вѣрно, кажется, угадываетъ, что схоліастъ неправильно смѣшиваетъ съ συρμαία ячневое пиво (ζῦθος или βρότον). По объясненіямъ толкователей Геродота (*Stein* ad II, 88), συρμαία (Hrdt. συρμαίη) было масло, приготовлявшееся изъ сѣмянъ (?) одной породы рѣдьки или рѣдиски, которая также называлась συρμαίη.

[2]) *Blaydes* (in Addendis, 271) разсуждаетъ: почва Египта была черноземна, отсюда онъ назывался μελάμβωτος (Steph. Byz., Suid. al.). Комикъ въ насмѣшку отнесъ эпитетъ λευκῆς — праздный, если онъ соединяется съ χιόνος (ибо кто видѣлъ когда-нибудь снѣгъ не бѣлый?) къ Египту, какъ будто бы такова была и мысль Еврипида. Итакъ, онъ осмѣиваетъ трагика за привычку скучивать нелѣпые эпи-

ложеніемъ къ πέδον, ни вмѣстѣ съ послѣднимъ составлять дополненіе къ νοτίζει, то слѣдуетъ предполагать порчу текста, происшедшую отъ того, что въ Аристофановскую пародію вошли некстати отдѣльныя части Еврипидовскаго текста, приблизительно такъ: ὃς ἀντὶ δίας ψακάδος Αἰγύπτου [πέδον | λευκῆς] νοτίζει μελανοσυρμαῖον λεών. Притомъ Еврипидовскій текстъ, внесенный сюда, самъ уже былъ испорченъ: и тамъ πέδον, по всей вѣроятности, слѣдуетъ измѣнить, съ Hartung'омъ и Nauck'омъ, въ πέδου [1]). Но въ cod. R первой рукой написано μελανοσυρμαῖον; вторая рука, столь много дающая вѣрныхъ чтеній, измѣнила это чтеніе въ μέλανο συρμαῖον. Едва ли я ошибаюсь, видя въ этомъ измѣненіи слѣдъ такого чтенія, въ которомъ вмѣсто μελανο было μελανα. Если принять это, то, можетъ быть, удастся найти и отношеніе для λευκῆς. А именно, мнѣ кажется, весь стихъ слѣдуетъ читать такъ: λευκῇ νοτίζει μέλανα συρμαίᾳ λεών.

Ст. 858. τὴν Ἑκάτην τὴν φωσφόρον] реминисценція изъ „Елены" Еврипида, ср. ст. 569: ὦ φωσφόρ' Ἑκάτη, πέμπε φάσματ' εὐμενῆ. Тамъ это восклицаніе произноситъ Менелай, увидѣвъ настоящую Елену и слыша ея увѣренія, что это она и есть. Здѣсь Критилла должна думать, что старикъ, увидѣвшій въ Ѳесмофоріи Νείλου καλλιπάρθενοι ῥοαί, видитъ такія же φάσματα. Вѣрили, что Геката ἐπιπέμπει φάσματα τὰ καλούμενα Ἑκαταῖα. Schol. Apoll. Rh. III, 861.

Ст. 859 сл. Ср. Eur. Hel. 16 сл.:

ἡμῖν δὲ γῆ μὲν πατρὶς οὐκ ἀνώνυμος
Σπάρτη, πατὴρ δὲ Τυνδάρεως.

ὦλεθρε] со словомъ ὄλεθρος „шваль" соединяется, кажется, представленіе о низкомъ происхожденіи, низкомъ положеніи въ обществѣ и т. п. Такъ у Demosth. IX, 31: ὄλεθρος Μακεδών. XXIII, 202: οὐδ' ἐλευθέρους, ἀλλ' ὀλέθρους.

Ст. 861. Φρυνώνδας μὲν οὖν] „вотъ Фринондъ, такъ это такъ". Отсюда напрасно было бы, какъ дѣлали греческіе толкователи [2]), за-

---

теты. Но осмѣивать Еврипида за соединеніе λευκῆς χιόνος было бы верхомъ тупоумія. „Бѣлый снѣгъ" — одинъ изъ такихъ привычныхъ эпитетовъ, какъ „синее море", „черная земля". Сочетаніе λευκῆς χιόνος имѣется еще, напр., Soph. Ant. 114.

[1]) Enger думаетъ, что комикъ осмѣиваетъ Еврипида, между прочимъ, и за необычный оборотъ πέδον ὑγραίνει γύας; но, не говоря о томъ, что такой оборотъ, если для кого необыченъ, то прежде всего для Еврипида, Аристофанъ уменьшилъ бы, а не увеличилъ, какъ того требуетъ пародія, нелѣпость такого оборота, измѣнивъ γύας въ λεών.

[2]) Schol.: ἐπὶ πονηρίᾳ διαβαλλόμενοι. τινὲς δὲ καὶ πατέρα αὐτῷ φασὶν ἀληθῶς εἶναι τοῦτον.

ключать, что имя отца Еврипидова родственника, въ самомъ дѣлѣ, было Φρυνώνδας [1]). Это было вошедшее въ поговорку имя для обозначенія дурныхъ людей, негодяевъ, мошенниковъ и т. п. Ср. fr. 26a Kock: ὦ μιαρὲ καὶ Φρυνώνδα καὶ πόνηρε σύ. Plat. Prot. p. 327 D: ἀγαπήσαις ἄν, εἰ ἐντύχοις Εὐρυβάτῳ καὶ Φρυνώνδᾳ, καὶ ἀνολοφύραι' ἄν ποθῶν τὴν τῶν ἐνθάδε ἀνθρώπων πονηρίαν. Aesch. in Ctes. 137: ἀλλ', οἶμαι, οὔτε Φρυνώνδας οὔτε Εὐρύβατος οὔτ' ἄλλος οὐδεὶς πώποτε τῶν πάλαι πονηρῶν τοιοῦτος μάγος· καὶ γόης ἐγένετο. По всей вѣроятности, это не былъ даже человѣкъ, существовавшій во времена Аристофана, а личность сказочная, подобно Керкопамъ и Еврибату [2]). Можетъ быть, сказка была віотійскаго происхожденія. Blaydes указываетъ на сродство имени Φρυνώνδας съ віотійскимъ Ἐπαμεινώνδας, Χορώνδας, Παγώνδας, Κρεώνδας, Αἰσχρώνδας [3]).

Ст. 862 взятъ изъ Eur. Hel. 22.

Ст. 863. γυναικίσεως] слово, можетъ быть, ad hoc образованное комикомъ. Впрочемъ ср. γυναικίζειν ст. 268. Schol. τῆς γυναικείας μιμήσεως.

Ст. 864 сл. взятъ буквально изъ Eur. Hel. 52, только тамъ читается Σκαμανδρίοις, какъ, вѣроятно, нужно читать и здѣсь (Fritsche, [Leeuwen]).

Ст. 866 ср. Eur. Hel. 49 сл.:

κἀγὼ μὲν ἐνθάδ' εἴμ', ὁ δ' ἄθλιος πόσις
στράτευμ' ἀθροίσας τὰς ἐμὰς ἀναρπαγὰς
θηρᾷ...

Ст. 868 у Eur. Hel. 56: τί δῆτ' ἔτι ζῶ.

Ст. 870. ὦ μή... Ζεῦ] схоліастъ къ этому мѣсту приводитъ отрывокъ изъ Софоклова „Пелея" [fr. 453 N[2]].

μὴ ψεῦσον, ὦ Ζεῦ, μή μ' ἕλῃς ἄνευ δορός.

Ст. 871. τίς... κράτος] этотъ стихъ въ Еврипидовой „Еленѣ" произноситъ Тевкръ (ст. 68).

---

[1]) Посредствомъ μὲν οὖν вводится поправка къ предыдущему положенію; но, кажется, эта поправка всегда заключаетъ въ себѣ преувеличеніе: одной крайности противополагается другая, ср. ст. 206.

[2]) Ср. Lucian. Alex. 4: αὐτίκα μάλα τῶν ἐπὶ κακίᾳ διαβοήτων ἀβρότατος ἐπετελέσθη ὑπὲρ τοὺς Κέρκωπας, ὑπὲρ τὸν Εὐρύβατον ἢ Φρυνώνδαν. Apul. Apol. p. 235 [LXXXI, p. 99 van der Vliet]: quis Palamedes, quis Sisyphus, quis denique Eurybates aut Phrygondas talem excogitasset?

[3]) См. *Ahrens*, Dialect. Aeol. 214.

Ст. 874. Πρωτέως... μέλαθρα] ср. Eur. Hel. 460 (слова старой служанки):

Πρωτεὺς τάδ' οἰκεῖ δώματ', Αἴγυπτος δὲ γῆ.

Ст. 878 ср. Eur. Hel. 461 (слова Менелая):

Αἴγυπτος; ὢ δύστηνος, οἷ πέπλευκ' ἄρα.

Ст. 886. σῆμ' ἐφ' ᾧ] не „на которомъ", а „у котораго", „при которомъ" [1]).

Ст. 898. εἰ μή... γε] употребляется въ томъ же смыслѣ, какъ πλήν [2]) послѣ οὐδείς. Являясь у Аристофана послѣ отрицательной клятвы (μὰ τὼ θεώ, μὰ τοὺς θεούς, μὰ τὸν Ἀπόλλω), это сочетаніе можетъ быть понимаемо такъ, какъ будто бы въ клятвѣ заключалось понятіе οὐδείς (οὐδεμία) или οὐδέν. Здѣсь, слѣдовательно, буквальный переводъ былъ бы: „клянусь обѣими богинями, я никто иная (или „ничто иное" = nihil nisi), какъ Критилла" и т. д. — Γαργηττόθεν] Γαργηττός—домъ Аигеидской (Αἰγηΐς) филы.

Ст. 906—909 взяты безъ измѣненія изъ Еврипидовой „Елены" (ст. 558. 561—563), изъ сцены встрѣчи Менелая съ Еленой. — αὐτός... σὲ κἄμ' ἔχει λόγος] „одно и то же слово (=необходимость, желаніе сказать одно и то же слово) властвуетъ тобой и мной", т. е. „одинъ и тотъ же вопросъ и ты и я должны задать другъ другу".

Ст. 910. Еврипидовская Елена говоритъ (ст. 564):

ἐγὼ δὲ Μενελάῳ γέ σ'· οὐδ' ἔχω τί φῶ.

Аристофановская рукопись даетъ: ἐγὼ δὲ Μενέλαον ὅσα γ' ἐκ τῶν ἀφύων. Вмѣсто совершенно необъяснимаго ἀφύων [3]) схоліи [4]) даютъ ἰφύων и объясняютъ, что, употребляя слово ἴφυον, т. е. названіе какой-то дико растущей овощи, комикъ намекаетъ опять (ср. ст. 387 и 456) на ремесло матери Еврипида. Опираясь на это свидѣтельство, Аристофановскій стихъ читаютъ [5]) обыкновенно такъ: ἐγὼ δὲ Μενελάῳ σ', ὅσα γ' ἐκ τῶν ἰφύων, объясняя послѣднее предложеніе

---

[1]) *Sobolewski*, De praep. usu Arist. 150.

[2]) Напр. Lys. III, [33]: ἄλλον ἄνθρωπον παρακαλέσαι μηδένα, εἰ μὴ τοῦτό γε τὸ παιδίον. Blaydes.

[3]) Отъ ἀφύη gen. plur., по свидѣтельству грамматиковъ, былъ бы ἀφύων (не ἀφυῶν), но α тамъ краткое.

[4]) И изъ схолій Свида. ἰφύη, гдѣ стихъ приводится въ такомъ видѣ: ἐγὼ δὲ Μενέλαον ὅσον ἐκ τῶν ἰφύων.

[5]) Впервые Pierson.

какъ равносильное съ ὅσα γε ἐκ τῶν ἰφύων ἐστι τεκμαίρεσθαι [1]) и предполагая, что Еврипидъ является въ вѣнкѣ изъ названной овощи.

Ст. 919. ἐπὶ Σπάρτην ἄγειν] см. Sobolewski, De praep. usu Arist. 139.

Ст. 1001. ἐνταῦτα]=ἐνταῦθα. —οἰμῶξι]=οἰμώξῃ.—αἰτρίαν]=αἰθρίαν.

Ст. 1002. ἰκετεύσι]=ἰκετεύσῃς.

Ст. 1003. δρᾶσ']=δρᾶσο или δρᾶσι вмѣсто δράσω.

Ст. 1005. βούλις]=βούλεις вмѣсто βούλῃ.

Ст. 1007. πέρ']=φέρε.—ἐγω' 'ξινίγκι]=ἐγὼ ἐξενέγκω.—πορμός]=φορμός вмѣсто φορμόν. А φορμός здѣсь „(плетеная) подстилка", „матъ для лежанія". Въ ст. 813 то же слово употреблено, чтобы обозначить помѣщеніе (корзина?) для сыпучихъ тѣлъ или мѣру ихъ.

Ст 1011 сл. Вмѣстѣ съ „Еленой" Еврипидомъ поставлена была трагедія 'Ανδρομέδα, сюжетъ которой былъ приблизительно таковъ. Царь Нефеловъ или Эѳіоповъ Кефей, чтобы спасти свою страну отъ невидимаго и страшнаго морского чудовища, вынужденъ пожертвовать своей дочерью—прекрасной Андромедой. На пустынномъ морскомъ берегу она прикована къ скалѣ: здѣсь она должна сдѣлаться добычей морского чудища. Обращаясь къ подругамъ, она оплакиваетъ горькую свою участь. Ея плачъ прерывается откликами горной нимфы—Эхо. Надъ страной пролетаетъ въ своей крылатой обуви юный герой Персей. Онъ влюбляется въ узницу, вступаетъ въ борьбу съ чудовищемъ, убиваетъ его и освобождаетъ Андромеду. Въ порывѣ благодарности она заявляетъ, что готова слѣдовать за своимъ освободителемъ, куда бы онъ ни приказалъ, готова быть ему хоть женой хоть рабой. Несмотря на противодѣйствіе Кефея, любовь торжествуетъ, Персей уводитъ съ собой Андромеду [2]).

Ст. 1049. πάθος ἀμέγαρτον ἐπὶ κακῶν παρουσίᾳ] „calamitatem quam nemo invidet propter malorum praesentiam". Sobolewski, De praep. usu Arist. 152.

Ст. 1055. αἰόλαν νέκυσιν ἐπὶ πορείαν] „celere ad mortuos iter" explicat Sobolewski, De praep. usu Asist. 148 de dativo conferri

---

[1]) Сжатость выраженія достаточно оправдывается Демосѳеновской [XXXIX, 27] аналогіей: νεώτερον ὄντα ἐμοῦ... ὃ ἐξ ὄφεως. Поэтому нѣтъ нужды еще далѣе отступать отъ преданія: ἐγὼ δὲ Μενελάῳ γε σ' ἐκ τῶν ἰφύων.

[2]) [Къ ст. 1019 въ рукописи П. В—ча выписка изъ *Wilamowitz-Mollendorff* ad Eur. Hippol. 78 (p. 191]. Къ ст. 1045 выписка изъ *Sobolewski,* De praep. usu Arist. 44].

iubens Hom. Il. (V, 327. XI, 274. XXII, 392): νηυσὶν ἔπι γλαφυρῇσιν ἐλαυνέμεν (vel νεώμεθα), Aesch. Sept. 714: μὴ' λθῃς ὁδοὺς σὺ τάσδ' ἐφ' ἑβδόμαις πύλαις.

Ст. 1226. κατὰ τοὺς κόρακας] cp. Sobolewski, De praep. usu Arist. 124, qui conferri iubet Bachmanno Philol. V Suppl p. 254.

† **П. Никитинъ.**

Содержаніе

НОВОЙ СЕРІИ ЧАСТИ LXIX

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

(май—іюнь 1917 года).

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВРЕМЕННАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Стран.

ОТДѢЛ НАУК.

Критика и библіографія.

ОТДѢЛ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

Отзывы о книгахъ:

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

